V 129

М. Гершензонъ

Декабристъ Кривцовъ

и его братья

Москва
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1914

Изданія М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.
Москва, Тверской бульваръ, 6.

ФИЛОСОФІЯ и ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Аристотель. Политика. 3 р.
Беджготъ, В. Государственный строй Англіи. 1 р. 60 к.
Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституцій. 1 р.
Вундтъ, В. О наивномъ и критическомъ реализмѣ. 2 р.
Еллинекъ, Г. Права меньшинства. 20 к.
Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. 1 р.
Зиммель, Г. Религія. 40 к.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Велецкій, С. Земская статистика. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 3 тома 7 р.
Дроздовъ, В. Около земли. Очерки по землеустройству. 40 к.
Нитти, Ф. Основныя начала финансовой науки. 3 р.
Струве, П. Крѣпостное хозяйство. 2 р.
Чупровъ, А. А. Очерки по теоріи статистики. 2 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Рѣчи и статьи. 3 тома. 7 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. 1 р. 20 к.
Чупровъ, А. И. Мелкій кредитъ и кооперація. 1 р.
Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2 р.
Чупровъ, А. И. Курсъ политической экономіи. 1 р. 20 к.
Чупровъ, А. И. Исторія политической экономіи. 80 к.
Прокоповичъ, С. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. 2 р
Прокоповичъ, С. Кооперативное движеніе въ Россіи. 2 р. 60 к.
Тотоміанцъ, В. Кооперація въ русской деревнѣ. 2 р. 60 к.
Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ. 50 к.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ и ПЕДАГОГИКИ.

Бине, А. и Симонъ, Т. Ненормальныя дѣти. 1 р.
Бреаль, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. 75 к.
Гильдебрандъ, Р. О преподаваніи роднаго языка въ школѣ и о національномъ воспитаніи и образованіи. 1 р.
Гиршъ, М. Народные университеты. 20 к.
Демени, Ж., Филиппъ, І., Расинъ, П. Курсъ теоріи и практики физическаго воспитанія. 1 р. 75 к.
Компере, Г. Умственное и нравственное развитіе ребенка. 2 р.
Паульсенъ, Ф. Образованіе. 15 к.
Ришаръ, Г. Экспериментальная педагогика. 1 р. 40 к.
Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.
Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.
Форель, А. Гигіена духа и нервовъ. 1 р. 50 к.

5 N v 390

ПРЕДИСЛОВІЕ

Хорошо на часъ-другой уйти душою въ прошлое, и отдохнуть, и освѣжиться тамъ въ созерцаніи иной жизни, въ забвеніи себя и оглушающей сумятицы дня; а если окунуться глубже—большія теченія исторіи неизбѣжно выносятъ мысль изъ прошлаго назадъ въ настоящее, но окрѣпшею и просвѣтленною.

Таковъ и замыселъ этой книги: углубиться въ одной точкѣ прошлаго—до основныхъ теченій исторіи, разсказать судьбы одной семьи такъ, чтобы сквозь нихъ стало видимо движеніе общественно-психологическихъ силъ. Я выбралъ для такого изображенія эпизодъ изъ исторіи того времени и того круга, гдѣ совершался коренной переломъ въ исторіи русскаго общества, и эпизодъ, какъ мнѣ казалось, достаточно типическій. Мнѣ было увлекательно вглядываться въ эту повседневную жизнь, слѣдить за снованіемъ ея маленькихъ челноковъ, какъ-будто случайно переплетавшихъ нити по всѣмъ направленіямъ, и однако выводившихъ прекрасный сложный узоръ, вовсе не случайный; въ надеждѣ пріобщить и другихъ къ участію, какое возбуждали во мнѣ самомъ тѣ дѣла и люди, написана эта хроника стародавнихъ лѣтъ.

Она написана на основаніи бумагъ семейнаго архива Кривцовыхъ, переданнаго мнѣ Е. Н. Орловой, неизданныхъ дневниковъ Н. И. Кривцова и писемъ его и его жены къ

315904 Пр 94
им. Горького Библиотека М. Г. У.
47:22256

Чичеринымъ, предоставленныхъ мнѣ А. А. Чичериной, на основаніи официальныхъ документовъ, какіе нашлись въ архивахъ: Государственномъ, Комитета Министровъ, Министерства Внутреннихъ дѣлъ и Министерства Иностранныхъ дѣлъ (московское отдѣленіе), и всѣхъ печатныхъ свѣдѣній, относящихся къ предмету этой книги. Какъ Е. Н. Орловой и А. А. Чичериной, такъ я обязанъ глубокой благодарностью особенно Второму Отдѣленію И. Академіи Наукъ, предстательство котораго открыло мнѣ доступъ въ наши трудно-доступные казенные архивы, С. К. Богоявленскому, Н. А. Гольденвейзеръ, С. Н. Маслову, Б. Л. Модзалевскому и В. И. Семевскому, которые своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ облегчили мой трудъ.

Москва.
29 января 1914 г.

ДЕКАБРИСТЪ КРИВЦОВЪ

И ЕГО БРАТЬЯ.

I.

... Но что еще предвижу?
Намъ зарево Москвы освѣтитъ путь къ Парижу.
Н. Остолоповъ.

Се образъ изваянъ премудраго героя.
Ломоносовъ.

Николай Кривцовъ, двадцати одного года, офицеръ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, раненный подъ Бородиномъ въ лѣвую руку пулею на вылетъ и взятый въ плѣнъ, былъ привезенъ французами въ Москву, и празднымъ зрителемъ, какъ военноплѣнный, прожилъ здѣсь все время, пока Наполеонъ владѣлъ Москвою. Онъ еще до войны, въ Петербургѣ, былъ знакомъ съ Коленкуромъ, тогда французскимъ посломъ при русскомъ дворѣ, и бывалъ на его вечерахъ; тутъ, въ горящей Москвѣ, они встрѣтились, Коленкуръ доложилъ о немъ Наполеону, и по требованію послѣдняго представилъ ему Кривцова. Въ тѣ дни Наполеонъ искалъ разговора съ образованными русскими людьми; оставленіе Москвы русской арміей и потомъ сожженіе ея поставили его въ тупикъ: онъ не понималъ этой пассивной неподатливости своихъ враговъ и тщетно силился разгадать тревожившую его загадку. Кривцовъ оказался столь же вѣжливо-непроницаемымъ, какъ и другіе, и Наполеонъ отпустилъ его послѣ короткаго разговора. Дальнѣйшая судьба Кривцова

зависѣла отъ того, оставятъ ли его французы въ Москвѣ или уведутъ съ собою. Его выручилъ случай. Дня за два до выступленія французовъ, въ пріемной «префекта Москвы» Лессепса онъ встрѣтилъ знакомую ему по Петербургу жену итальянскаго гравера Вендрамини, которая жила съ мужемъ въ Москвѣ и теперь была крайне встревожена слухами о предстоящей послѣ ухода французовъ расправѣ простонародья съ иностранцами. Кривцовъ успокоилъ ее, обѣщавъ исходатайствовать ей съ мужемъ квартиру въ Воспитательномъ домѣ и защищать ихъ, если останется въ Москвѣ. Послѣ этого г-жа Вендрамини, по совѣту одного французскаго полковника, отправилась къ герцогу Тревизскому, чтобы освѣдомиться, будетъ ли Кривцовъ оставленъ. Маршалъ спросилъ ее, хорошо ли она знаетъ Кривцова, добръ ли онъ и человѣколюбивъ, и когда она отвѣтила утвердительно, онъ, немного подумавъ, объявилъ ей, что Кривцовъ останется. Дѣло въ томъ, что французскій штабъ тревожился за участь своихъ многочисленныхъ раненыхъ и больныхъ, остававшихся въ Москвѣ, и такъ какъ одинъ изъ главныхъ лазаретовъ находился какъ-разъ въ Воспитательномъ домѣ, гдѣ жилъ, лечась отъ раны, и Кривцовъ, то благоразуміе совѣтовало оставить его для возможнаго заступничества за раненыхъ. Въ запискѣ, данной Лессепсомъ г-жѣ Вендрамини, было сказано: «Прощайте, любезный Кривцовъ, поручаю вамъ въ особенности семейство Вендрамини, а также и всѣхъ бѣдныхъ французовъ, которыхъ вы будете въ состояніи спасти».

Кривцовъ, съ разрѣшенія начальника Воспитательнаго дома, генерала Тутолмина, дѣйствительно очень хорошо устроилъ Вендрамини. Въ страшную ночь послѣ выступленія французской арміи, когда заложенныя ею мины взрывали арсеналъ и Кремлевскія башни, онъ нѣсколько разъ приходилъ къ нимъ и успокаивалъ ихъ, несмотря на боль, которую

причиняла ему рана въ рукѣ. На другой день случилось то, что предвидѣли французскіе начальники. Два больныхъ изъ французскаго лазарета прогуливались по набережной Москвы-рѣки противъ Воспитательнаго дома. Только-что вступившіе въ Москву казаки напали на нихъ, взяли въ пики и сбросили, еще живыхъ, въ рѣку. Увидѣвъ это, товарищи убитыхъ изъ Воспитательнаго дома сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по казакамъ; тогда казаки ворвались въ Воспитательный домъ, и нѣсколько сотъ больныхъ французовъ, наполнявшихъ лазаретъ, несомнѣнно были бы перебиты, если бы не подоспѣлъ Кривцовъ. Онъ, не безъ труда, убѣдилъ французовъ признать себя его плѣнными (они уже вооружались, чтобы дать отпоръ казакамъ), затѣмъ бросился навстрѣчу казакамъ и объявилъ ихъ офицеру, что всѣ здѣсь находящіеся французы — военноплѣнные, за которыхъ онъ, Кривцовъ, отвѣчаетъ. Раздраженные выстрѣлами казаки повидимому не желали уступить, но въ концѣ-концовъ Кривцову удалось ихъ выпроводить.

Этотъ небольшой подвигъ сослужилъ Кривцову впослѣдствіи хорошую службу. Французскія газеты протрубили о великодушномъ поступкѣ благороднаго русскаго офицера, потомъ исторія эта вошла и въ многочисленные французскіе мемуары о походѣ Наполеона въ Россію, разумѣется изукрашенная и драматизированная: le généreux M. Krivtsov, съ рукой на перевязи, въ дверяхъ загораживаетъ дорогу казакамъ, которые врываются по лѣстницѣ en poussant des hurlements sanguinaires; ихъ угрозы его не устрашаютъ, онъ торжественно приказываетъ имъ удалиться, и его слова, prononcées avec l'enthousiasme et la fermeté d'une sublime inspiration, оказываютъ желаемое дѣйствіе. Какъ бы то ни было, этотъ эпизодъ или эти разсказы сдѣлали имя Кривцова извѣстнымъ. Когда вскорѣ послѣ реставраціи Бурбоновъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ, Людовикъ XVIII принялъ его,

благодарилъ, и пожаловалъ ему орденъ Почетнаго легіона (который, впрочемъ, дошелъ до Кривцова только десять лѣтъ спустя). Говорятъ, что и Александръ I лично благодарилъ его за спасеніе французовъ [1].

Кривцовъ былъ сынъ зажиточнаго орловскаго помѣщика; онъ родился въ 1791 году въ родовомъ имѣніи отца Тимофеевскомъ, Болховского уѣзда, первоначальное образованіе получилъ дома и все дѣтство провелъ въ деревнѣ. Учили его слегка, а баловали сильно: онъ былъ въ малолѣтствѣ слабаго здоровья; позднѣе онъ окрѣпъ, сталъ рослымъ и сильнымъ, и даже славился способностью переносить всякую стужу, чѣмъ въ Петербургѣ заслужилъ расположеніе вел. кн. Константина Павловича. Въ Петербургъ для опредѣленія на службу его привезъ въ 1807 г. родственникъ его отца С. Н. Тургеневъ, отецъ Ивана Сергѣевича, писателя. Кривцовъ вступилъ юнкеромъ въ Егерскій гвардейскій полкъ. Ставъ на рельсы, онъ покатился ровно и быстро: мелькнули въ короткихъ промежуткахъ первые верстовые столбы военной карьеры — портупей-юнкеръ, прапорщикъ, подпоручикъ, и французское нашествіе застало его уже поручикомъ [2]. Аккуратность, испол-

---

[1] О И. И. Кривцовѣ въ занятой французами Москвѣ см. скромныя и добросовѣстныя записки Вендрамини — „Еженедѣльное прибавленіе“ къ „Рус. Инвалиду“ за 1864 г. №№ 30 и 31 (перев. съ франц.); „La Russie pendant les guerres de l'Empire“, souvenirs historiques de M. Armand Domergue, Paris, 1835, t. II, pp. 132—133; Gadaruel, Relation du séjour des Français à Moscou, etc., Bruxelles, 1871 (цитировано въ: A. Surugue, Mil huit cent douze. Les Français à Moscou, Moscou 1910, pp. 56—57); Рус. Арх. 1864, ст. 1078—79 (здѣсь сказано, что при вторженіи толпы въ Воспитательный домъ Кривцовъ одѣлъ мундиръ и объявилъ себя московскимъ генералъ-губернаторомъ). Сравн. „Воспоминанія“ А. М. Фадѣева, Одесса, 1897, стр. 162—163. — Рескриптъ Карла X отъ 24 іюля 1826 г. о пожалованіи Кривцову ордена Почет. лег. à dater du 18 Avril 1816, находится въ Моск. Архивѣ Иностр. Д., Администр. дѣла, III, 6, 1827, 6.

[2] Формулярный списокъ И. И. Кривцова въ „Рус. Стар.“ 1888, дек., стр. 729, и цитируемыя ниже воспоминанія о немъ Сабурова, Чичерина, статья Гаевскаго въ „Вѣстн. Евр.“ 1887 г.

нительность, правильныя привычки были въ его натурѣ. Въ эти годы онъ кажется копіей молодого Чаадаева: та же врожденная трезвость и корректность, то же до ригоризма скромное и строгое поведеніе, тотъ же гордый и независимый характеръ, пока еще смягчаемый молодостью, но уже внушающій уваженіе, наконецъ то же влеченіе къ аристократическому обществу. Повидимому, это были типичныя черты эпохи. Неудивительно, что Кривцовъ былъ на хорошемъ счету, былъ извѣстенъ великимъ князьямъ и даже государю. Я. И. Сабуровъ разсказываетъ, что однажды государь, гуляя по набережной, увидѣлъ Кривцова, входящаго въ домъ французскаго посла въ тонкомъ мундирѣ на распашку и щегольской жилеткѣ, что́ было тяжкимъ нарушеніемъ формы. Кривцовъ самъ поспѣшилъ заявить полковому командиру о своемъ проступкѣ и былъ посаженъ на гауптвахту. На слѣдующій день великій князь Константинъ Павловичъ потребовалъ его къ себѣ и спросилъ: гдѣ онъ былъ вчера, когда встрѣтилъ государя? Кривцовъ отвѣчалъ, что у Коленкура. «Хорошо, сказалъ великій князь, братъ велѣлъ тебя похвалить; посѣщай хорошее общество» [1].

Кривцовъ участвовалъ въ сраженіи подъ Смоленскомъ, подъ Бородиномъ одинъ уцѣлѣлъ изъ всѣхъ офицеровъ своей роты, но, раненный въ руку, какъ сказано, былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ французами въ Москву, гдѣ мы и встрѣтили его въ первый разъ. Послѣ освобожденія Москвы онъ вмѣстѣ съ другими больными былъ отправленъ для излеченія въ Петербургъ; здѣсь-то государь, обходя госпиталь, вѣроятно и благодарилъ его за спасеніе французскихъ плѣнныхъ и пожаловалъ ему на леченіе 5000 рублей. Это было первое изъ многочисленныхъ денежныхъ

[1] Я. И. Сабуровъ „И. И. Кривцовъ“, „Рус. Стар.“ 1888, декабрь, стр. 720—721.

«пособій», которыя онъ сперва удачно получалъ, а послѣ научился искусно выпрашивать. Вылечивъ руку, онъ вернулся въ армію, въ маѣ (1813 года) участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ, въ іюлѣ получилъ штабсъ-капитана, а 18-го августа, при Кульмѣ, французское ядро оторвало ему лѣвую ногу выше колѣна. Это произошло, говорятъ, на глазахъ государей, участвовавшихъ въ битвѣ, и они осыпали его наградами. При операціи сдѣлался антоновъ огонь, который вырѣзывали, и обнажили кость, отъ чего онъ впослѣдствіи очень страдалъ. Еще разсказываютъ, что въ Прагѣ, гдѣ онъ лежалъ первое время, за нимъ ходила какая-то знатная дама — сестра милосердія, которая познакомила его со многими нѣмецкими и англійскими аристократическими семействами. Крѣпкій организмъ выдержалъ увѣчье; позднѣе, въ Лондонѣ, Кривцову сдѣлали искусственную ногу, съ которой онъ могъ не только ходить, но даже танцовать. Военная карьера конечно была ему закрыта.

Онъ остался за границей надолго — до половины 1817 г. Въ эти три года онъ объѣхалъ бо́льшую часть Европы: Австрію, Швейцарію, Францію, Германію, побывалъ въ Англіи, по нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Вѣнѣ и Женевѣ, полтора года въ Парижѣ. Онъ путешествовалъ такъ, какъ вообще путешествовали тогда просвѣщенные русскіе туристы, — не на спѣхъ, не лихорадочно, а съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой, всюду заводя знакомства съ выдающимися людьми, слушая лекціи, изучая устройство школъ, судовъ, тюремъ, богадѣленъ, и все занося въ дневникъ съ мыслью о Россіи. Такъ до него путешествовалъ по Европѣ Карамзинъ, и лѣтъ десять послѣ него, въ 1820-хъ годахъ, А. И. Тургеневъ.

Этотъ заграничный дневникъ Кривцова сохранился. Онъ писанъ по французски и очень великъ: четыре тѣсно-ис-

писанныхъ записныхъ книги составили бы въ печати большой томъ. Б. Н. Чичеринъ, которому онъ принадлежалъ, собирался издать его цѣликомъ, и даже написалъ предисловіе къ нему — ту статью о Кривцовѣ, которая въ 1890 году была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ»; но изданіе почему-то не состоялось. Этотъ дневникъ теперь передо мною. Было бы безцѣльно излагать его въ подробности, разсказывать о мѣстахъ, посѣщенныхъ Кривцовымъ, о достопримѣчательностяхъ, имъ видѣнныхъ, о людяхъ, съ которыми онъ вступалъ въ общеніе; это дало бы намъ лишь мертвый инвентарь путешествія. Но изъ-за строкъ дневника глядитъ на насъ лицо писавшаго, а если пристально всмотрѣться въ него, и на мигъ забыться въ созерцаніи, оно оживетъ само и освѣтитъ предъ нами ту общую жизнь, которой оно было причастно. Кривцовъ — не «типъ», да отдѣльное лицо и не можетъ быть типомъ; но у него одно изъ тѣхъ характерныхъ лицъ, которыя драгоцѣнны для историка. Нелегко сквозь индивидуальное выраженіе разглядѣть черты эпохи, еще труднѣе въ разборѣ временныхъ чувствъ и мыслей открыть далекія перспективы исторіи, но если это хоть въ малой мѣрѣ удается, задача стоила усилій. Такому анализу подлежитъ въ сущности каждое человѣческое лицо, потому что на каждомъ, для умѣющаго читать, начертаны письмена времени и прошлаго; но есть въ людской толпѣ лица особенно выразительныя — и таковъ, какъ кажется, Кривцовъ. Онъ не слишкомъ отдѣленъ отъ насъ по времени; быть можетъ, удастся сквозь его личныя особенности и сквозь наносные отпечатки эпохи разглядѣть и нѣчто болѣе важное для насъ: его родство съ нами, тѣ общія черты мышленія и чувства, которыя, зародившись незадолго до него и еще элементарныя въ немъ, унаслѣдованы и нами, но уже въ формѣ очень сложной и потому труднѣе различимой. Это

сплошь и рядомъ бываетъ въ исторіи; и надо дорожить такими начальными, примитивными формами, потому что въ нихъ часто можно подмѣтить нити основы, которыя за позднѣйшимъ пестрымъ узоромъ или едва замѣтны, или даже вовсе становятся не видны.

Далекій, отжившій вѣкъ, давно улегшіяся волненія, нѣкогда громкія имена, звучащія теперь глухо и призрачно!

6 ноября 1814 года, въ воскресенье, Бенжаменъ Констанъ даетъ обѣдъ въ честь Кривцова; дѣло происходитъ въ Женевѣ. Приглашены: Сисмонди, знаменитый естествоиспытатель Пиктэ,—президентъ женевской академіи, и не менѣе извѣстный переводчикъ Бентама, Дюмонъ. Кривцовъ видимо польщенъ, но сохраняетъ полное самообладаніе. Вечеромъ онъ заноситъ въ свой дневникъ характеристики обѣдавшихъ: у Сисмонди тривіальныя и неизящныя манеры, хороши въ его лицѣ только глаза; у него больше геніальности, чѣмъ здраваго смысла, воображеніе властвуетъ надъ нимъ, и вообще его сочиненія лучше его бесѣдъ; Дюмонъ только-что вернулся изъ Англіи и увлеченъ ею даже чрезмѣрно; подъ рѣзкой внѣшностью въ немъ таится неизсякаемый запасъ любезности, познаній и остроумія; Констанъ — маленькій, чернявый, подвижный человѣкъ, чрезвычайно пріятный въ обхожденіи; его жена—холодная натура, вѣроятно выигрывающая при болѣе близкомъ знакомствѣ.

3 марта 1815 г., въ Парижѣ, онъ вечеромъ, вѣроятно снабженный рекомендательнымъ письмомъ, дѣлаетъ первый визитъ къ г-жѣ Сталь. Ея жилище похоже на ярмарку; никто не сидитъ на мѣстѣ, нѣтъ никакого средоточія,—всѣ ходятъ, выходятъ, возвращаются и опять выходятъ, безъ конца, наполняя домъ такимъ безпокойствомъ, которое донельзя утомительно. Нѣсколько дней спустя онъ посѣщаетъ

г-жу Жанлисъ. Прославленная романистка даритъ ему экземпляръ своего послѣдняго произведенія, говоритъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ и о Наполеонѣ, и попутно высказываетъ истину, которая кажется ему необыкновенно прекрасной и глубокой: только сердцемъ можно стяжать любовь людей, — научиться этому нельзя. — Вотъ, за обѣдомъ у него самого, идетъ оживленная бесѣда между публицистомъ Контомъ, Жюльеномъ и другими знаменитостями, любезно принявшими его приглашеніе. Онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что разговоръ не умолкалъ ни на минуту; обсуждались вопросы политическіе, моральные, религіозные, и лучше всѣхъ говорилъ Контъ. Онъ опредѣлилъ цивилизацію, какъ развитіе человѣческихъ способностей; Жюльенъ поправилъ его: цивилизація, сказалъ онъ, есть усовершенствованіе природы человѣка и улучшеніе его положенія на землѣ. Контъ и запросто заходитъ къ нему посидѣть, и просидѣлъ однажды цѣлыхъ три часа. Захаживаютъ къ нему и Жюльенъ, и Сэ. Въ воскресенье 2 апрѣля 1815 года онъ видитъ Наполеона на торжественномъ богослуженіи (это было во время Ста Дней). Онъ не сводитъ глазъ съ императора: видъ этого человѣка, говоритъ онъ, возвышаетъ душу и внушаетъ высокія мысли; на его лицѣ печать генія. Наполеонъ казался разсѣяннымъ, перелистывалъ молитвенникъ, сморкался, смотрѣлъ направо и налѣво. — Видѣлъ онъ и Гёте: проѣздомъ чрезъ Веймаръ онъ посѣтилъ нѣмецкаго поэта, но былъ имъ принятъ холодно. Кривцовъ не отнесъ эту холодность на свой счетъ: другого пріема, пишетъ онъ, и нельзя было ждать отъ царедворца-ученаго, — т.-е. тѣмъ хуже для Гёте.

Вотъ одинъ изъ обычныхъ дней Кривцова въ Парижѣ — 5 ноября 1815 года. Онъ только полгода въ Парижѣ, но у него уже обширный кругъ знакомства въ высшемъ свѣтѣ и среди людей науки и пера. Утромъ онъ сдѣлалъ визитъ m-r Пиктэ, брату женевскаго ученаго, женевскому полномочному

министру въ Парижѣ, днемъ побывалъ у жены англійскаго посла, г-жи Крауфордъ, вечеръ распредѣлилъ между двумя салонами: княгини Водемонъ и m-r Делессера, одного изъ первыхъ банкировъ Парижа, сахарозаводчика и члена палаты депутатовъ, инициатора сберегательныхъ кассъ, прозваннаго за свою филантропическую дѣятельность Père des ouvriers, и собственника знаменитой ботанической коллекціи, описанной Де-Кандолемъ. Въ салонѣ княгини Водемонъ онъ бываетъ особенно часто; здѣсь собирается цвѣтъ парижскаго общества: герцогъ Шуазель, Бенж. Констанъ, князь Камиллъ де Роганъ и другіе. Въ этотъ вечеръ Кривцову везло: у Делессера онъ встрѣтилъ Александра Гумбольдта, у кн. Водемонъ впервые увидѣлъ Талейрана: отталкивающее лицо, противный гнусавый голосъ, но его реплики тонки, остроумны и пріятны. Поздно вернувшись домой, онъ еще пробѣгаетъ предисловіе Б. Констана къ 4-му изданію его трактата о невозможности установленія конституціоннаго строя; эту книгу онъ утромъ получилъ отъ самого автора, что́ льститъ его самолюбію; потомъ онъ записываетъ въ дневникъ событія дня и съ полнымъ удовлетвореніемъ ложится спать, чтобы завтра съ утра начать то же.

Такъ свободно движется среди избраннаго парижскаго общества, вначалѣ на костыляхъ, потомъ, съѣздивъ не надолго въ Лондонъ, на пробковой ногѣ, этотъ 24-лѣтній отставной русскій офицеръ, не знатный, не богатый, ничѣмъ не прославленный. Конечно, онъ уменъ и образованъ; онъ чрезвычайно легко, почти не замѣчая того, усвоилъ себѣ въ короткій срокъ весь внѣшній лоскъ и блескъ европейской образованности, ея послѣдніе интересы, ея способы мышленія, и спокойныя, увѣренныя, любезныя манеры лучшаго французскаго круга. Какъ это случилось — другой вопросъ. Кажется чудомъ эта быстрая ассимиляція небогатаго дворянскаго юноши изъ Болховской глуши куль-

турѣ столь утонченной и отличной; но здѣсь была далекая подготовка Петровскихъ, Елисаветинскихъ, Екатерининскихъ временъ. Какъ холстъ грунтуется для принятія красокъ, такъ извѣстная часть дворянской молодежи ко времени заграничныхъ походовъ 1812—1815 годовъ была психически загрунтована для принятія западныхъ идей и манеръ, и пол-пути по этой дорогѣ Кривцовъ прошелъ еще въ Петербургѣ. Онъ чувствуетъ себя въ Женевѣ и Парижѣ вполнѣ «своимъ», не сознаетъ въ себѣ ни малѣйшей отчужденности отъ мѣстной атмосферы; только поэтому онъ и можетъ быть такъ увѣренъ и спокоенъ. Этимъ спокойствіемъ онъ необычайно импонируетъ европейцамъ; онъ подходитъ къ нимъ какъ равный, не заискивая и не смущаясь, въ немъ нѣтъ и тѣни неувѣренности или провинціальной жадности, — напротивъ, онъ въ совершенствѣ владѣетъ той солидной любезностью, которая принимаетъ лестныя знакомства и вниманіе, какъ должное, какъ разумѣющееся само собою. Притомъ солидность была у него въ крови; онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые, по французской пословицѣ, даютъ себя за-дорого. Иной человѣкъ и сильнаго духа, но малъ ростомъ, подвиженъ и говоритъ скоро, — его берутъ дешево, по крайней мѣрѣ при первомъ знакомствѣ, и любая ничтожность при второй встрѣчѣ амикошонски треплетъ его по плечу: Кривцовъ былъ крупенъ, представителенъ, навѣрное и говорилъ съ вѣсомъ, и такъ какъ онъ къ тому же былъ по-европейски comme-il-faut, и уменъ, и въ курсѣ европейскихъ интересовъ, то лучшіе салоны Парижа гостепріимно раскрылись предъ нимъ, и Грегуаръ, и Сэ, и старикъ Лагарпъ охотно заглядываютъ въ его холостую квартиру. Мы увидимъ дальше, что онъ былъ солиденъ не только во-внѣ, но и самъ съ собою; онъ сознавалъ и сознательно культивировалъ въ себѣ солидность, какъ ограду противъ внѣшней и

внутренней распущенности. Онъ вообще очень любилъ порядокъ.

У него есть запасъ положительныхъ идей или сознанныхъ чувствованій, который онъ держитъ въ чистотѣ и порядкѣ, точно аккуратно-распланированный садъ съ клумбами и песочкомъ посыпанными дорожками. Имѣть такой запасъ идей онъ считаетъ долгомъ и первымъ достоинствомъ всякаго человѣка, уважающаго себя, и онъ весьма доволенъ, что у него есть такой запасъ. Красота этого сада и идеальный порядокъ, въ которомъ онъ содержится, немало значатъ во впечатлѣніи, которое Кривцовъ производитъ на людей. Всякаго достойнаго собесѣдника онъ проведетъ немного по своему саду,—нигдѣ не оступишься, все ласкаетъ глазъ, строго и пышно красуются три главныхъ цвѣтника—religion, vertu и patriotisme,—и тотъ естественно очарованъ. Они не спрашивали, почему въ этомъ русскомъ саду—все только европейскіе цвѣты, и нѣтъ ни одного русскаго; напротивъ, знакомыя формы и краски имъ нравились: оно и легче для воспріятія, да притомъ они были убѣждены, что европейскіе цвѣты—самые лучшіе и самые красивые, послѣднее слово культуры. Почвы безъ сѣмянъ не бываетъ, и въ Кривцовѣ было много русскихъ сѣмянъ; но русскій чертополохъ и буйныя травы едва только пробивались между западныхъ цвѣтовъ, и онъ тщательно обрывалъ ростки или не водилъ европейцевъ въ тѣ части сада, а Грегуаръ, Лагарпъ и Сэ не присматривались слишкомъ внимательно, а довольствовались пріятнымъ созерцаніемъ общей картины.

Войдемъ и мы. Мы встрѣтимъ здѣсь, разумѣется, всѣ тѣ цвѣты, которые тогда—въ 1814—16 гг.—наиболѣе культивировались въ Европѣ; потому что каждая эпоха имѣетъ свои любимые цвѣты, и по гербарію ея любимыхъ цвѣтовъ можно датировать эпоху.

Вотъ первая большая клумба—simplicité des moeurs. Ее Кривцовъ взрастилъ въ себѣ еще до начала дневника, до Женевы и Парижа; на первыхъ страницахъ дневника она въ полномъ цвѣту. Извѣстно имя садовника, который за полвѣка предъ тѣмъ первый вывелъ этотъ цвѣтокъ на удивленіе міра; его вывелъ въ роскошной махровой формѣ Жанъ-Жакъ Руссо изъ простого полевого цвѣтка, который отъ вѣка произрастаетъ въ каждой незасоренной душѣ. Да: Кривцовъ обожаетъ простоту нравовъ, патріархальный бытъ, наивныя, непосредственныя чувства, словомъ—близость къ природѣ.

La belle Lise—перевозчица на Бріенцскомъ озерѣ. Она молода, хороша собой и по общему свидѣтельству добродѣтельна. Перевозя Кривцова изъ Бріенца въ Унтерзей, она разсказала ему свою біографію. Она изъ бѣдной семьи; проживъ годъ въ Бернѣ для обученія мастерству, она добродѣтельно вернулась домой, чтобы своимъ трудомъ кормить своихъ старыхъ родителей. Князь Любомирскій употребилъ всѣ усилія, чтобы добиться ея расположенія и увезти ее съ собою въ Вѣну, но она поблагодарила его за доброе чувство и не захотѣла покинуть отца и мать и родную страну.—Кривцовъ тронутъ и уменъ; рѣдко онъ такъ жалѣлъ о скудости своихъ средствъ, какъ въ этотъ разъ. Прощаясь съ Лизой, онъ отъ души пожелалъ ей счастья, а въ дневникѣ, записавъ эту встрѣчу, онъ прибавляетъ такія строки: «Безвѣстное происхожденіе, или по крайней мѣрѣ простыя и чистыя потребности, хижина на берегу одного изъ этихъ прелестныхъ озеръ, и Лиза, были одну минуту предметомъ моихъ желаній. Но увы!..»

Онъ приближается къ Кларану, скромной деревушкѣ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ; волнуемый нѣжнымъ и сладостнымъ чувствомъ, онъ вошелъ въ знаменитую рощу, гдѣ страстный Сенъ-Прё въ тѣни деревъ сорвалъ первый по-

цѣлуй съ устъ прелестной Юліи. Кто изъ насъ хоть разъ въ жизни не испыталъ сердечной привязанности, вліяющей на всю судьбу человѣка? Кто не пылалъ болѣе или менѣе огнемъ, который Руссо такъ краснорѣчиво изобразилъ въ своей Новой Элоизѣ? и потому можно ли оставаться равнодушнымъ при видѣ этихъ мѣстъ, прославленныхъ пламеннымъ перомъ знаменитаго писателя и пожирающими страстями этихъ двухъ любовниковъ, столь чувствительныхъ, столь добрыхъ и интересныхъ? Увы! отъ рощи осталось немного деревьевъ; крестьяне, цѣня барышъ выше романическихъ красотъ природы, воздѣлываютъ теперь виноградъ на томъ мѣстѣ, гдѣ самый страстный изъ любовниковъ вкусилъ наивысшее блаженство.

Но умиленіе надъ Юліей — только дань сентиментальному элементу природы, сфера интимныхъ, личныхъ чувствъ, гдѣ предписывалась безусловная свобода. Въ цѣломъ идеалъ «естественной» жизни былъ несравненно шире, онъ обнималъ всѣ формы людскихъ отношеній — семью, общество, государственный строй, даже религію,— и опредѣлялся онъ признаками какъ-разъ *противоположными* свободѣ: ясностью и устойчивостью всѣхъ людскихъ отношеній, простотой и незыблемостью закона. При той отвлеченности, съ какою мыслился тогда патріархальный идеалъ, люди не замѣчали этого противорѣчія,—не замѣчалъ его и Кривцовъ; они вовсе не спрашивали себя, какъ могутъ умѣщаться буйная свобода и сложность чувства въ крѣпкомъ укладѣ патріархальнаго быта. Тутъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшалъ произволъ собственнаго чувства; если страсть была красива, героична, она оправдывалась безусловно, хотя въ принципѣ ея нельзя было оправдать, ибо что сталось бы съ простотою нравовъ, если дать волю личнымъ страстямъ? Патріархальность быта, какъ ее представляли себѣ тѣ люди, аккуратно-распланированная, налаженная какъ

механизмъ, имѣла для нихъ невыразимое обаяніе: она глубоко удовлетворяла ихъ раціоналистическое мышленіе прямотою и правильностью своихъ линій; а та узаконяемая беззаконность героическихъ страстей была только небольшимъ коррективомъ къ ихъ геометрическому міросозерцанію, потому что втайнѣ предполагалось, что подобные случаи беззаконія вообще сравнительно рѣдки.

Кривцовъ еще больше, чѣмъ средній человѣкъ его времени, былъ подвластенъ этому идеалу геометричности. Все своевольное, сложное, хаотическое причиняло ему умственную боль и заранѣе осуждалось имъ, какъ ненормальность и уродство; напротивъ, видя правильное и закономѣрное, онъ испытывалъ полное удовлетвореніе, такъ что существенный смыслъ явленія игралъ въ его оцѣнкѣ только второстепенную роль: его симпатіи и антипатіи опредѣлялись преимущественно тѣмъ, къ какой категоріи, хаоса или космоса, относились представшія ему явленія. Этой разсудочной склонностью къ порядку и питалась въ Кривцовѣ его мечтательная любовь къ «естественному» состоянію человѣка; вѣрнѣе, самый образъ естественнаго состоянія создавался у него, какъ и у его современниковъ, по отвлеченному плану простоты и ясности, какъ схема идеальнаго порядка. И такъ какъ житейскаго опыта было мало, а интересъ и способность къ наблюденію конкретныхъ мелочей были слабо развиты, то при первомъ взглядѣ подходящія части дѣйствительности легко принимались за осуществленный идеалъ и свободно истолковывались въ его смыслѣ.

Такъ, Тироль показался Кривцову подлинной Аркадіей. Онъ не устаетъ умиляться. Съ какой любовью говорятъ тирольцы о своемъ государѣ, какъ трогательно они рады тому, что смогли наконецъ вернуться подъ власть своего государя, столько выстрадавъ за него! Какъ отрадно ви-

дѣтьу важеніе, которое здѣшнія дѣти оказываютъ старикамъ! Стоитъ старику сказать слово, ребенокъ тотчасъ возвращается на путь долга (rentre dans le devoir, говоритъ Кривцовъ): «счастлива страна, гдѣ такъ почитаютъ старость!» Избы въ тирольскихъ деревняхъ большею частью раскрашены снаружи; это лишній разъ доказываетъ добродушіе и гостепріимство жителей: очевидно, они желаютъ этимъ внѣшнимъ украшеніемъ доставить хоть минутное удовольствіе прохожему, когда не могутъ принять его какъ гостя. Въ самой малой тирольской деревушкѣ есть церковь; что̀ можетъ быть болѣе трогательно, болѣе утѣшительно для людей, какъ собираться въ святомъ мѣстѣ, чтобы совокупно возносить къ великому Раздавателю благъ свою радость и свое горе? а христіанское благочестіе нигдѣ не являетъ столь умилительнаго зрѣлища, какъ въ сельской церкви.—На третій день своего путешествія по Тиролю Кривцовъ былъ окончательно побѣжденъ. «Прибывъ въ Ланденъ, — пишетъ онъ, — я нашелъ хорошее помѣщеніе, хорошій ужинъ и славныя лица. Милые тирольцы! Еще нигдѣ я не встрѣтилъ такого простодушія, чистосердечія и гостепріимства, нигдѣ не нашелъ людей столь образованныхъ, столь близкихъ къ природѣ; они храбры, преданы, веселы, проворны, словомъ всѣ добродѣтели соединились въ нихъ. Чего только не сдѣлали они изъ любви къ своему государю, какія жертвы вынесли, чтобы освободить его отъ чужеземной власти! Счастливый и достойный счастія народъ! вкушай теперь плоды твоей великой преданности и твоего героизма! Да оградятъ тебя твои горы и твоя бѣдность отъ враговъ и разврата; довольствуясь тѣмъ, что у тебя есть, ты долго будешь счастливъ, и каждый чувствительный человѣкъ, проѣзжая чрезъ твою прекрасную страну, благословитъ твою долю и прольетъ слезу радости при видѣ народа, состоящаго изъ братьевъ!»

Но очарованіе длилось недолго. Легко было, мчась на почтовыхъ чрезъ Тироль, поддаться столь желанному самообману; въѣхавъ затѣмъ въ Швейцарію, Кривцовъ еще на первыхъ порахъ былъ полонъ умиленія и восторга, особенно въ Швицѣ, гдѣ предъ нимъ витали тѣни Вильгельма Телля и его доблестныхъ сподвижниковъ. Но поколесивъ по разнымъ кантонамъ, поживъ въ Бернѣ, онъ съ грустью сталъ замѣчать, что обаятельный миражъ Аркадіи разсѣевается. Чрезъ три недѣли послѣ той тирольской записи, въ сентябрѣ 1814 года, онъ предается печальнымъ размышленіямъ. Онъ спрашиваетъ себя, почему такая грусть сжимаетъ его сердце? почему ни ясность неба, ни величіе ледяныхъ твердынь, ни красота озеръ, ни разнообразіе видовъ не могутъ ея разсѣять? Обманула ли Швейцарія его ожиданія? Нѣтъ, онъ видѣлъ природу въ ея ослѣпительной красотѣ, онъ всюду нашелъ благоденствіе,—и тѣмъ не менѣе онъ печаленъ. «Если я не встрѣтилъ абсолютнаго блаженства въ этихъ уединенныхъ долинахъ, если видѣлъ людей, достойныхъ лучшей доли, если не нашелъ той невинности, которою чаруетъ насъ золотой вѣкъ, то вѣдь я заранѣе зналъ, что все это—химеры; и все-таки, можетъ быть именно въ этомъ—одна изъ причинъ моей меланхоліи, потому что, хотя и сознавая всю фантастичность этихъ сладкихъ иллюзій, я безсознательно надѣялся увидѣть ихъ воплощенными въ этихъ удаленныхъ мѣстахъ, въ этихъ бѣдныхъ убѣжищахъ альпійскихъ поселянъ, и дѣйствительность, обманувъ мои мечтательныя надежды, повергла меня въ мрачное раздумье. Эти мѣста, казалось бы созданныя для счастья, эти люди, казалось бы предназначенные благоденствовать, не пользуются всѣми дарами, которые расточаетъ имъ природа; такъ же, какъ въ городахъ, корысть—ихъ главный двигатель, и она не только не насыщаетъ ихъ желаній, но еще увеличиваетъ ихъ потребности

и тѣмъ—ихъ страданія. Вмѣсто того, чтобы наслаждаться благами, которыя природа разсыпала вокругъ нихъ, они жаждутъ искусственныхъ благъ, не только не дающихъ, но губящихъ счастье: честолюбіе, корыстолюбіе и страсти проникли и въ этотъ край».

Но и меланхолія была не серьезна. Эти мечты и разочарованія о патріархальномъ бытѣ рождались въ головѣ и, погостивъ, исчезали какъ дымъ, не оставляя сердечныхъ ранъ; съ подлиннымъ чувствомъ онѣ имѣли такъ же мало общаго, какъ и съ внѣшней дѣйствительностью. Кривцовъ, разумѣется, и трехъ дней не могъ бы прожить въ идиллической хижинѣ среди сыновъ природы,—и очень скоро онъ освоивается въ Парижѣ, какъ рыба, пущенная въ прудъ. Годъ спустя, на вопросъ г-жи Лагарпъ, отчего такъ любятъ Парижъ, у него есть готовый отвѣтъ: что ни говорите, Парижъ—очагъ просвѣщенія и цивилизаціи, центръ ума человѣческаго; здѣсь, какъ нигдѣ, умѣютъ цѣнить прелести общежитія и т. д. Платонически Кривцовъ и впослѣдствіи будетъ ставить непосредственность выше условностей свѣта; и въ Парижѣ, и позднѣе въ Петербургѣ онъ не разъ ополчается противъ скуки, разсчетливости, жеманства и холода, царящихъ въ свѣтскомъ обществѣ, изрѣдка онъ любитъ даже на часъ-другой погрузиться въ скромный бытъ, украшенный присутствіемъ миловидной женственности, и тогда онъ не упускаетъ случая констатировать себѣ самому наличность въ себѣ вкуса къ естественному, потому что это—ничто иное, какъ вкусъ къ добродѣтели, vertu, а чувствовать въ себѣ любовь къ добродѣтели ему очень пріятно. Но жизнь свою онъ располагаетъ внѣ всякой связи съ простотой, внимательно соображаетъ шансы житейскаго успѣха, живетъ и хочетъ жить въ свѣтскомъ обществѣ, даже, по возможности, въ высшемъ.

Къ числу добродѣтелей, которыя онъ вмѣнялъ въ долгъ

всякому уважающему себя человѣку, относилась и религіозность,—тоже категорія, спаянная изъ чувствительности и идеи порядка.

Религія—это глубоко и поэтично; погружаясь мыслью и воображеніемъ въ тайны Провидѣнія, чувствуешь себя столь возвышеннымъ, столь серьезно мыслящимъ! Кривцовъ очень любитъ въ подходящихъ случаяхъ останавливаться предъ своей религіозностью, обозрѣть ее съ самодовольствомъ и ощутить въ себѣ сознаніе, что онъ обладаетъ ею. Проѣздомъ въ Зальцбургѣ онъ сдѣлалъ визитъ баварскому наслѣдному принцу и былъ приглашенъ къ обѣду; послѣ обѣда, откланявшись, онъ отправился посмотрѣть кладбище, гдѣ похороненъ Парацельсъ. Видъ кладбища, гдѣ стерты всѣ различія между великими и малыми, богатыми и бѣдными, натурально повергъ его въ глубокомысленное раздумье. Дворецъ и кладбище! Тамъ—обманчивый блескъ земного величія, здѣсь, у подножья креста, предъ ликомъ Спасителя, сколь ничтожными кажутся эти тлѣнныя блага, которыхъ мы добиваемся на землѣ часто цѣною вѣчной жизни! Застигнутый однажды ночной грозою въ горахъ, подъ ревъ вѣтра, сверканіе молній и громъ, онъ идетъ безмолвно, вознося свои мысли къ Верховному существу и славословя его непреложныя судьбы (en adorant ses destinés immuables; этихъ словъ почти нельзя и перевести).

Притомъ, религія утѣшительна и успокоительна. Богъ—это высшій, послѣдній авторитетъ, вѣнчающій всю іерархію порядка; безъ него міръ, т.-е. порядокъ, оставался бы незавершеннымъ, а подобное сознаніе было нестерпимо для Кривцова. Безсмертіе души, говоритъ онъ, какъ бы ни отрицали это философы,—не химера. Есть иная, вѣчная жизнь,—земная жизнь—только подготовительная ступень, только чистилище для вступленія въ ту. Не можетъ быть, чтобы Богъ создалъ насъ для того, чтобы короткій мигъ прозя-

бать здѣсь, суетиться по-пустому и затѣмъ исчезнуть, не исполнивъ никакой предустановленной задачи; нѣтъ, безъ сомнѣнія,—и разумъ данъ намъ затѣмъ, чтобы, руководясь имъ, мы на землѣ сдѣлались достойными блаженства, уготованнаго намъ въ той, истинной жизни. Кривцовъ былъ конечно далекъ отъ мысли приноровлять свою жизнь къ этимъ принципамъ; они оставались совершенно отвлеченными,—формальная дань эстетикѣ порядка.

Онъ не прожилъ въ Парижѣ еще и года, какъ отъ этой воздушной религіи не осталось и слѣда. Вначалѣ, почувствовавъ убыль своей вѣры, онъ встревожился; онъ обвинялъ руководителей общественнаго мнѣнія во Франціи: это они подрываютъ вѣру въ людяхъ, и если не будутъ приняты мѣры предосторожности, зло можетъ сдѣлаться всеобщимъ. Онъ старался укрѣпить свою колеблющуюся вѣру въ бесѣдахъ съ религіозными людьми, и утѣшалъ себя: надѣюсь, что какъ только уѣду изъ Парижа, вся моя прежняя вѣра вернется ко мнѣ,—«публично, прибавляетъ онъ, я во всякомъ случаѣ буду исповѣдовать ее, ибо всякій человѣкъ обязанъ исповѣдовать какую-нибудь религію, какъ всякій обязанъ подчиняться гражданскимъ законамъ». Онъ даже принимаетъ мѣры предосторожности противъ самого себя: букинистъ прислалъ ему собраніе сочиненій Гольбаха; вспомнивъ недавно слышанную проповѣдь о вредѣ нечестивыхъ книгъ, онъ отсылаетъ назадъ Гольбаха, и этотъ поступокъ чрезвычайно успокоиваетъ его: онъ снова чувствуетъ себя укрѣпленнымъ и возноситъ въ своемъ дневникѣ краснорѣчивыя хвалы Богу, въ чьемъ лонѣ единственно человѣкъ можетъ найти ненарушимый покой. А мѣсяцъ спустя онъ уже такъ основательно покончилъ со своей religion, что съ легкимъ сердцемъ продѣлываетъ слѣдующее кощунство. Онъ высмотрѣлъ себѣ новую квартиру, у трехъ сестеръ, изъ которыхъ одна, Генріета, хорошенькая и живетъ от-

дѣльно отъ мужа; задумавъ интрижку съ нею, онъ составляетъ планъ атаки: «Былъ у этихъ дамъ, моихъ будущихъ хозяекъ,—пишетъ онъ. — Генріета очень мила. Хочу пріударить за нею. Онѣ, видимо, очень набожны; тѣмъ лучше: сдѣлаю видъ, что я невѣрующій, и постепенно разыграю комедію обращенія въ вѣру; это будетъ имъ льстить, а я съ Божьей помощью воспользуюсь этимъ для покоренія Генріеты, увѣривъ ее, что эта перемѣна произведена во мнѣ ею. Притомъ, такъ какъ очень вѣроятно, что вѣра никогда не вернется въ мое сердце, то мнѣ не мѣшаетъ поупражняться въ разыгриваніи религіозной комедіи на предметъ будущей моей жизни съ моими добрыми христіанами» (т.-е. въ Россіи).

Та же исторія повторяется съ Кривцовымъ и въ области политическихъ идей. Вплоть до Парижа онъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ. Любовь къ государю — это такъ идиллично, такъ непосредственно! И притомъ это — порядокъ. Революція внушаетъ ему непреодолимое отвращеніе, потому что она—нарушеніе порядка и забвеніе долга, она подрываетъ нравственность. Онъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить революціонеровъ, hommes ennemis de tout ordre et de tout devoir. Еще въ Женевѣ, въ концѣ 1814 года, радикализмъ Сисмонди глубоко претитъ ему; «мы слишкомъ разно смотримъ на вещи, пишетъ онъ, и это не удивительно: онъ республиканецъ, я—подданный».— Но и консерватизмъ его—только разсудочный; стоитъ ему встрѣтить гдѣ-нибудь эстетически-увлекательное явленіе, или, какъ теперь говорится, «героическій жестъ», *противоположнаго* свойства, т.-е. изъ категоріи свободы,— онъ восхищенъ; при этомъ, разумѣется, объ анализѣ понятій нѣтъ и рѣчи: національный смыслъ слова «свобода» онъ смѣшиваетъ съ политическимъ, и т. д. Такъ случилось съ Кривцовымъ при въѣздѣ въ кантонъ Швицъ. Шилле-

ровскіе Телль, Мельхталь, Штауфахеръ воскресли въ его воображеніи, и изъ подъ его пера полился вдохновенный гимнъ «свободѣ». «Я вступилъ въ тотъ кантонъ, гдѣ было положено основаніе швейцарской свободѣ. Священная почва! привѣтствую тебя! Рожденный и воспитанный подъ деспотической властью, я могу только удивляться тебѣ и возсылать пожеланія о твоемъ благоденствіи. Смутно-блаженное чувство наполняетъ мою душу религіознымъ почтеніемъ къ твоимъ учрежденіямъ и твоимъ доблестнымъ обитателямъ. Здѣсь, больше чѣмъ гдѣ-либо, я чувствую благородство человѣка. Я горжусь принадлежностью къ семьѣ твоихъ сыновъ. Да, среди столь величественной природы человѣкъ долженъ быть такимъ же, и не можетъ быть рабомъ; да, у подошвы этихъ первозданныхъ исполиновъ, на берегу этихъ очаровательныхъ озеръ, въ тѣни этихъ вѣковѣчныхъ дубравъ онъ можетъ питать только великія идеи, только возвышенное чувство своего божественнаго назначенія», и т. д., — двѣ убористыхъ страницы во славу паладиновъ свободы и ихъ свободной страны. Противорѣчія въ своихъ оцѣнкахъ онъ не чувствуетъ: нѣсколько дней назадъ онъ умилялся патріархальной вѣрностью тирольцевъ австрійскому дому, теперь восторгается борьбою швейцарцевъ противъ того же австрійскаго дома, — это ничего: въ обоихъ случаяхъ былъ героизмъ, «близость къ природѣ», тамъ — подъ знакомъ порядка, здѣсь, правда, съ полнымъ нарушеніемъ порядка, но столь же красивый, какъ и въ томъ случаѣ.—Но въ своемъ сознаніи, повторяю, онъ былъ объ эту пору убѣжденнымъ консерваторомъ,—граціозныя увлеченія не въ счетъ.

И вотъ, 16 марта 1815 года, проживъ въ Парижѣ еще только шесть недѣль, онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Могу сказать съ увѣренностью, что до сихъ поръ либеральныя идеи нисколько не привлекали меня. Однако я

начинаю находить нѣкоторую прелесть въ гражданской свободѣ. Очень пріятно знать свои права и границы, имѣть опредѣленный путь поведенія, знать, что ты можешь, и чѣмъ ты повиненъ родинѣ, ближнимъ и себѣ самому». Порядокъ, бо́льшая дисциплина личная и общественная—вотъ чѣмъ либеральныя учрежденія побѣдили Кривцова; передъ этимъ сильнѣйшимъ соблазномъ померкло сентиментальное очарованіе воображаемаго патріархальнаго строя. Разъ вступивъ на этотъ путь, онъ быстро пошелъ впередъ; два мѣсяца спустя онъ — уже убѣжденный конституціоналистъ и въ принципѣ даже оправдываетъ революцію. И какъ быстро онъ вошелъ въ новую роль, какъ прекрасно въ короткій срокъ усвоилъ себѣ радикальную фразеологію! Можно подумать, что онъ вѣкъ исповѣдовалъ эти мысли—такъ непринужденно и вмѣстѣ увѣренно онѣ выглядятъ въ его изложеніи. «Стремленіе къ либеральному и представительному строю слишкомъ сильно въ умахъ, чтобы оно могло остаться безуспѣшнымъ,—пишетъ онъ 2-го іюня.—Время деспотизма прошло; можетъ быть, кое-гдѣ онъ еще будетъ пугать людей своею тѣнью, но это не можетъ продлиться; всѣ народы слишкомъ прониклись сознаніемъ своихъ правъ, и слѣдующее поколѣніе уже не увидитъ тирановъ. Мы, можетъ быть, послѣднія жертвы ихъ произвола. Дай Богъ, чтобы это было такъ». На слѣдующій день онъ возвращается къ этому предмету. Утромъ онъ разговорился съ горничной Виржини, и по этому поводу находится въ умиленіи. Виржини, конечно, наивна и добродѣтельна; она разсказала ему о своей любви къ своему кузену, о своихъ планахъ на будущее, о своихъ надеждахъ на семейное счастье, какого образецъ — ея родители. Онъ тронутъ, но гнѣвъ и скорбь сжимаютъ его сердце. «Счастливая простота! Гдѣ тотъ несчастный, кто не ощутилъ бы твою прелесть и не предпочелъ бы тебя пустымъ химерамъ зем-

ного величія! И такихъ-то людей ставятъ ни во что, на нихъ однихъ взваливаютъ всѣ тяготы государственности О, Боже, доколѣ будешь ты терпѣть, чтобы жалкіе тираны, которымъ ты ввѣрилъ судьбу людей, такъ слѣпо заблуждались насчетъ своей собственной участи и не признавали твоей отеческой воли, кто создалъ всѣхъ равными и независимыми! Доколѣ нелѣпыя установленія людей не уступятъ мѣсто такимъ, которыя предписываются разумомъ и пользой!» А двѣ недѣли спустя ему удалось побывать въ палатѣ депутатовъ, и подъ впечатлѣніемъ этого импозантнаго зрѣлища его либерализмъ дошелъ до точки кипѣнія. Онъ категорически заявляетъ, что заплатить за такое учрежденіе революціей — не слишкомъ дорогая цѣна. Онъ убѣжденъ, что не пройдетъ ста лѣтъ, и значительная часть Европы будетъ управляться конституціонными правительствами, и этого движенія не остановятъ никакія усилія тирановъ,—напротивъ, чѣмъ болѣе они будутъ противиться, тѣмъ сильнѣе будутъ потрясенія. Онъ былъ глубоко взволнованъ, когда на каѳедру взошелъ молодой депутатъ и внесъ законопроектъ объ отмѣнѣ конфискацій во всѣхъ случаяхъ, кромѣ контрабанды; декоративный эффектъ этой сцены дошелъ ему до сердца; «счастливъ,—пишетъ онъ,—человѣкъ, который можетъ такъ законно и прямо содѣйствовать благосостоянію своей страны, усовершенствуя ея законы». Можетъ быть, онъ въ воображеніи видѣлъ уже самого себя на трибунѣ русскаго законодательнаго собранія законодательствующимъ на благо родной страны: сладкая, опьяняющая мечта!

А рядомъ съ мечтами и умствованіемъ шло накопленіе реальныхъ жизненныхъ впечатлѣній. Кривцовъ жилъ въ Парижѣ въ бурные дни и былъ здѣсь зрителемъ важныхъ событій. Чрезъ мѣсяцъ послѣ его пріѣзда Парижъ былъ ошеломленъ извѣстіемъ о высадкѣ Наполеона, бѣжавшаго

съ о. Эльбы, во французской бухтѣ Жуанъ. Кривцовъ, ежевечерно посѣщая салоны великосвѣтскихъ дамъ, могъ близко наблюдать быстрыя смѣны въ настроеніяхъ парижскаго общества за весь этотъ бурный періодъ отъ вступленія Наполеона въ Тюильри до его вторичнаго отреченія послѣ Ватерлоо, могъ подробно знать все происходившее и даже лично зналъ нѣкоторыхъ видныхъ участниковъ дѣла, наконецъ былъ безпрестанно вовлекаемъ въ споры французовъ о жгучихъ событіяхъ дня. Тутъ онъ воочію видѣлъ плоды революціи и рожденіе свободы, одну изъ тѣхъ мучительныхъ и безобразныхъ судорогъ, безъ какихъ никогда не совершается обновленіе государственнаго строя. Но онъ не узналъ своего отвлеченнаго образа въ этихъ конкретныхъ фактахъ. Одно дѣло было мечтать о свободныхъ учрежденіяхъ и революціи: тутъ все было логически-послѣдовательно, и, значитъ, необходимо, а главное—тутъ ничто не пугало, потому что дѣло рисовалось мечтѣ только въ самыхъ общихъ чертахъ, которыя всегда величественны; другое дѣло—дѣйствительность. Дѣйствительность была спутанна, хаотична, а съ безпорядочностью Кривцовъ меньше всего могъ примириться. Поведеніе французовъ во время Ста Дней возбуждаетъ въ немъ крайнее отвращеніе; этотъ расколъ въ обществѣ, взаимная ненависть партій, и съ другой стороны—безучастіе массъ,—ему и на мысль не приходило, что это—явленія обычныя и исторически-неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ. Онъ видѣлъ въ нихъ только результатъ революціи, окончательную деморализацію французскаго общества: революція сдѣлала французовъ эгоистами и честолюбцами, революція пріучила ихъ равнодушно встрѣчать самыя сильныя потрясенія, они развращены революціей до мозга костей. Чѣмъ болѣе онъ присматривается къ французамъ, тѣмъ болѣе онъ ужасается отсутствію въ нихъ всякихъ нравственныхъ устоевъ, всякой послѣдовательно-

сти; это народъ sans principes, sans mœurs et religion, у нихъ нѣтъ даже истиннаго патріотизма, и потому ихъ надо смести съ лица земли, чтобы они не заразили своимъ гніеніемъ прочіе народы. Чрезъ 10 дней послѣ вступленія Наполеона въ Тюильри, онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Если союзники хотятъ вмѣшаться во французскія дѣла, они не должны терять ни минуты, и ихъ арміи должны быть уже на французской территоріи. Умы потрясены, но не объединены, не надо давать имъ срока опомниться, надо нанести рѣшительный ударъ, пока армія еще разстроена. Надо, какъ и прошлый разъ, изолировать лицо (т.-е. Наполеона) отъ націи, но теперь уже не слѣдуетъ щадить этой подлой націи: надо истребить ее, если возможно, чтобы о ней больше не было и помина. Не Бурбоновъ надо вернуть имъ, но еще больше пришпорить ихъ къ свободѣ: это вовлечетъ ихъ въ своеволіе, въ анархію, и слѣдовательно приведетъ къ гибели». 2 апрѣля, глядя на Наполеона во время богослуженія въ Chapelle Impériale, онъ думалъ о томъ, что союзникамъ, можетъ быть, слѣдовало бы сохранить Наполеона на французскомъ престолѣ, потому что только онъ способенъ своей желѣзной рукой смирить разнузданную революціями Францію; по-истинѣ, прибавляетъ онъ, Наполеонъ—посланный небомъ мститель за королевскую власть. А отвлеченно онъ въ это самое время восхваляетъ политическую свободу, какъ лучшую гарантію личной и общественной дисциплины!

Позднѣе, когда острое возбужденіе улеглось въ немъ, онъ сталъ снисходительнѣе судить о французахъ и не такъ мрачно смотрѣлъ на будущее Франціи. Особенно подкупила его въ ея пользу палата депутатовъ; онъ допускалъ теперь, что слѣдующее поколѣніе французовъ сумѣетъ разумно использовать свои свободныя учрежденія. Но впечатлѣнія этихъ дней оставили въ немъ горькій осадокъ.

«Я родился,—пишетъ онъ 6-го іюня,—среди варварскаго народа, видѣлъ бо̀льшую часть цивилизованныхъ, и прихожу къ заключенію, что они всюду одинаковы. Кто захотѣлъ бы трактовать людей, какъ существа разумныя, уравновѣшенныя и послѣдовательныя, т.-е. какими они должны бы быть, тотъ жестоко ошибся бы; какая-то смѣсь непослѣдовательности и легкомыслія мѣшаетъ имъ двигаться прямо».—Съ какимъ сочувствіемъ подписался бы подъ этими строками Николай I! Онъ тоже всю жизнь негодовалъ на то, что люди и народы не ходятъ всегда по прямой линіи, что въ человѣческой душѣ мало порядка; вся его политика направлялась утопическимъ замысломъ насадить порядокъ въ душахъ. Позднѣе Кривцовъ и будетъ маленькимъ Николаемъ на губернаторствѣ. То была общая черта ихъ поколѣнія.

Эти конкретныя французскія впечатлѣнія своеобразно отразились на его мышленіи. Еще въ самомъ началѣ своего увлеченія либеральными идеями онъ полагалъ необходимымъ условіемъ свободы извѣстную подготовку народовъ, безъ чего свобода, говорилъ онъ, неизбѣжно вырождается въ своеволіе, худшее рабства. Эту подготовку онъ опредѣлялъ разно: то какъ извѣстный уровень образованности, les lumières, то какъ vertu; разумѣлъ же онъ всегда одно и то-же, именно привычку къ выдержкѣ, къ дисциплинѣ. И сначала онъ думалъ, какъ и естественно было для вчерашняго консерватора, что выучка должна предшествовать свободѣ. Французскія событія должны были, казалось-бы, укрѣпить его въ этомъ мнѣніи: нужно ли было еще другое доказательство опасности свободы для незрѣлаго народа! Да онъ и самъ такъ думалъ *о французахъ*. Но факты и умозрѣніе у него мало вліяли другъ на друга; умозрѣніе развивалось своимъ путемъ, совершенно свободно, и либерализмъ Кривцова расцвѣлъ полнымъ цвѣтомъ

какъ-разъ въ періодъ Ста Дней, такъ что тѣмъ-же самымъ гусинымъ перомъ, которымъ онъ вчера безпощадно казнилъ въ своемъ дневникѣ разнузданность французовъ, какъ результатъ революціи, онъ на слѣдующей страницѣ отвлеченно воспѣвалъ свободу, какъ необходимое благо для всѣхъ народовъ. Факты не смѣшивались съ умозрѣніемъ, какъ масло съ водой, но героическій эффектъ—другое дѣло: подъ вліяніемъ такого эффекта умозрѣніе легко дѣлало скачокъ въ направленіи, даже прямо противоположномъ смыслу наблюденныхъ фактовъ. Такое дѣйствіе произвелъ на Кривцова, какъ я уже упоминалъ, видъ палаты депутатовъ. Очарованный этимъ зрѣлищемъ, сразу рѣшивъ, что парламентъ есть истинный палладіумъ гражданской и личной свободы, онъ безъ труда примирился съ неизбѣжностью потрясеній, происходящихъ отъ неподготовленности народа къ свободѣ; теперь онъ уже не считалъ нужнымъ ждать зрѣлости, а относилъ подготовку по ту сторону реформы: представительныя учрежденія должны быть введены во всякомъ случаѣ, а затѣмъ, послѣ неизбѣжныхъ, болѣе или менѣе рѣзкихъ злоупотребленій свободою, установится правильное и разумное пользованіе ею. Какъ и почему водворится это равновѣсіе, и водворится-ли непремѣнно, объ этомъ онъ сейчасъ не спрашиваетъ себя, потому что и весь этотъ скачокъ мысли былъ не логическаго, а эмоціональнаго происхожденія: страстно захотѣлось парламентовъ. Только много времени спустя и совсѣмъ по другому поводу—въ связи со своими наблюденіями надъ европейскими школьниками—онъ набрелъ на недостававшее среднее звено: просвѣщеніе искореняетъ рабство, и, наоборотъ, свобода споспѣшествуетъ просвѣщенію. Поэтому, говоритъ онъ, попытки насадить одно безъ другого заранѣе обречены на неудачу; они только нераздѣльно могутъ существовать въ соціальной средѣ; свободѣ надо учиться,

какъ всякому искусству,—онъ разумѣетъ: учиться на дѣлѣ и въ связи съ просвѣщеніемъ.

Къ концу своего пребыванія въ Парижѣ онъ составилъ себѣ ясный политическій идеалъ, разумѣется, совершенно фантастическій, самое смѣшное сочетаніе разнородныхъ, можно сказать—противоположныхъ государственныхъ началъ, какое кому-либо приходило на умъ. Республики онъ не одобряетъ; республика, по его мнѣнію, это постоянная революція, въ томъ смыслѣ, что она не ставитъ никакихъ преградъ личному честолюбію. Единственно-разумная форма правленія, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, говоритъ онъ,—конституціонная монархія. И прежде всего внѣшній декорумъ власти долженъ быть демократизированъ. Опасно давать государю цивильный листъ въ 25 милліоновъ, достаточно пары милліоновъ: какая надобность такъ возвышать монарха? Пора прекратить вѣчную комедію первенства двора передъ гражданскимъ обществомъ.

Но этотъ конституціонный монархъ, по мысли Кривцова,—не только формальный носитель верховной власти: онъ мудрый патріархъ, отецъ своего народа, подобіе Марка-Аврелія. Подъ его благодѣтельнымъ попеченіемъ процвѣтаетъ простота нравовъ. Земледѣліе и земледѣльческій классъ всего ближе его сердцу, онъ заботится объ умноженіи не городовъ, а селъ, онъ учреждаетъ не академіи, въ которыхъ преподавалось бы фривольное знаніе, разслабляющее людей, чему примѣромъ служитъ Европа, а покровительствуетъ распространенію тѣхъ знаній, которыя имѣютъ предметомъ права человѣка и принципы его благоденствія; онъ старается культивировать провинціи, а не завоевывать, опустошая, новыя; онъ стоитъ на стражѣ законности и заставляетъ всѣхъ гражданъ безъ различія повиноваться только законамъ; онъ награждаетъ почетомъ

не слѣпое повиновеніе рабовъ, а гражданскія добродѣтели, санкціонируемыя разумомъ. И такъ какъ законы будутъ изъявленіемъ общей воли, то простая справедливость требуетъ повиновенія имъ: ни для кого не можетъ быть унизительнымъ подчиняться рѣшеніямъ цѣлаго, коего каждый — часть, тогда какъ законамъ, проистекающимъ изъ единоличнаго произвола, могутъ подчиняться только трусы, и такіе законы развращаютъ и унижаютъ человѣчество.

О такомъ *патріархально-конституціонномъ* строѣ мечтаетъ Кривцовъ и для Россіи. Онъ убѣжденъ, что Россія содержитъ въ себѣ могучіе зародыши благоденствія и величія: какая же страна сравнится съ нею, если на ея престолѣ полвѣка просидитъ подобный Маркъ-Аврелій? Мало того, въ этомъ, думаетъ онъ, провиденціальное назначеніе Россіи. «Болѣе, чѣмъ кто-нибудь, русскій долженъ быть космополитомъ въ эту минуту, когда ему нечего бояться извнѣ, и когда онъ всевластенъ надъ Европой. Онъ по праву гражданинъ вселенной, и если глава этой державы не трудится на благо міра, онъ — самый преступный изъ людей».

Кривцовъ, разумѣется, патріотъ. Послѣ «добродѣтели» патріотизмъ — его любимая категорія, главный предметъ его пафоса и умозрѣнія, но преимущественно пафоса. Рѣшаетъ ли онъ *не* ѣхать чрезъ С.-Готаръ, это ему предлогъ для патетической страницы въ честь русской храбрости, прославившей С.-Готаръ: «Итакъ, я не увижу васъ, знаменитые свидѣтели безсмертной славы моихъ дорогихъ соотечественниковъ и твоей, великій Суворовъ! я не увижу этихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, этихъ пропастей, на днѣ которыхъ»... и такъ далѣе, на протяженіи цѣлой страницы безъ передышки, въ самомъ высокомъ реторическомъ стилѣ. Встрѣтилъ-ли онъ въ бернскомъ госпиталѣ двухъ раненыхъ русскихъ солдатъ, счастливыхъ поговорить съ

нимъ по-русски,—не ждите, что онъ забудетъ воспѣть по этому случаю сладость и неискоренимость любви къ отечеству. Самъ онъ, разумѣется, принадлежитъ отечеству до послѣдней капли крови; служить благу родины — вотъ единственная цѣль его помышленій, трудовъ и самой жизни.

Въ строгомъ согласіи со своими отвлеченными морально-политическими взглядами онъ рѣшаетъ посвятить себя дѣлу народнаго образованія. Это соотвѣтствуетъ его личнымъ склонностямъ, и это настоятельно нужно для блага Россіи; онъ не знаетъ иного честолюбія, и нѣтъ большаго удовлетворенія, какъ распространять среди своихъ соотечественниковъ просвѣщеніе, les lumières, которое есть единственный родникъ счастія въ хижинахъ бѣдняковъ, dans les chaumières des pauvres.

Надо замѣтить, что Кривцовъ былъ издавна убѣжденнымъ противникомъ крѣпостного права. Еще въ 1814 году, заговоривъ о неграхъ, онъ писалъ въ дневникѣ: «Къ несчастію, рожденный и воспитанный въ странѣ рабства, я слишкомъ хорошо знаю, каково оно, и могу только страдать отъ сознанія, что никогда не увижу расторгнутыми эти позорныя цѣпи, которыми связана цѣлая половина міра. Даже сильнѣйшій изъ монарховъ не властенъ ихъ разбить, такъ какъ нѣтъ никакой возможности предупредить злоупотребленія, имѣющія возникнуть отсюда, пока народъ, утративъ первобытную нравственность естественнаго человѣка, еще не вступилъ на уровень цивилизованнаго человѣка, улучшеннаго дѣйствіемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ». Это писано, когда Кривцовъ былъ еще консерваторомъ; позднѣе, въ Парижѣ, увлекшись либеральными идеями, онъ и въ этомъ вопросѣ отказался отъ постепенности и призналъ отмѣну крѣпостного права въ Россіи неотложной и безусловной необходимостью. Мы видѣли, какъ онъ разсуждалъ: свобода и просвѣщеніе взаимно

обусловливаютъ другъ друга. Такъ строго-послѣдовательно онъ въ своемъ мышленіи дошелъ до рѣшенія посвятить себя дѣлу народнаго просвѣщенія.

Впрочемъ, нѣкоторую роль сыгралъ здѣсь и случай. Въ Парижѣ какъ-разъ въ это время начали интересоваться Ланкастеровой системой взаимнаго обученія; въ 1815 году вышелъ французскій переводъ книги Ланкастера, а незадолго передъ тѣмъ въ Парижѣ основалъ первую такую школу молодой профессоръ Эмѣ Мартэнъ, «теофилантропъ» по природнымъ склонностямъ и направленію ума, авторъ знаменитыхъ Lettres à Sophie, ученикъ и другъ Бернардена Сенъ-Пьера, женившійся на его вдовѣ и усыновившій его дочь Виргинію. Кривцовъ сталъ посѣщать школу Мартэна и сблизился съ нимъ лично. Мартэнъ ввелъ его въ Société d'éducation, сначала какъ гостя, но скоро (18 октября 1815 года) Кривцовъ былъ единогласно избранъ членомъ этого общества по предложенію предсѣдателя, Монтегри, упомянувшаго въ своей рѣчи между прочимъ и о московскомъ подвигѣ Кривцова. Это избраніе сильно польстило Кривцову, и онъ еще ревностнѣе предался изученію Ланкастеровой методы. Планъ его былъ — основать въ Россіи «Нормальную школу Ланкастеровой методы» для бѣдныхъ. Онъ серьезно обдумывалъ этотъ планъ. Послѣ осмотра одной музыкальной школы онъ пишетъ, что у него возникла мысль изучить теорію музыки, съ тѣмъ, чтобы ввести элементарный курсъ музыки въ число предметовъ, которые будутъ преподаваться въ «Нормальной школѣ», ибо музыка-де смягчаетъ нравы. Онъ посѣщалъ курсы Мартэна и засѣданія Société d'éducation вплоть до своего отъѣзда изъ Парижа.

Онъ часто думаетъ о своей будущности—и какъ возвышенны эти его мысли, какъ торжественъ его слогъ въ этихъ случаяхъ! Онъ чувствуетъ себя высокимъ, полнымъ

гражданской доблести, онъ тронутъ и вдохновленъ зрѣлищемъ своего идеализма. Такъ! онъ отрѣшился отъ всего земного. Суетныя блага, за которыми гонится толпа, приманки людского тщеславія—не для него; богатство, почести, власть, даже личное счастіе — что въ нихъ?—онъ равнодушенъ къ нимъ, онъ ихъ не ищетъ. Единая страсть владѣетъ имъ, однимъ стремленіемъ пламенѣетъ его духъ — посвятить свою жизнь благу родины. И онъ исполнитъ свой долгъ до конца, долгъ человѣка и гражданина: сильный чистотою своихъ стремленій, онъ подниметъ крестъ и пойдетъ, если надо, на Голгоѳу. Онъ хорошо знаетъ, чѣмъ грозитъ ему его просвѣтительный починъ въ Россіи, особенно въ виду смѣлости его нынѣшнихъ политическихъ убѣжденій, — но онъ готовъ на все. Будутъ обвиненія, ненависть, насмѣшки, интриги, но онъ выше этого. А если ему пригрозятъ ссылкой — «о! всякая угроза насиліемъ придастъ мнѣ только больше страсти для жалобъ и обвиненій. Если меня бросятъ въ тюрьму,—ну что-жъ! надѣюсь, мнѣ не откажутъ въ книгахъ и бумагѣ, — безъ разсѣяній мнѣ будетъ только удобнѣе учиться, а если откажутъ, я буду совершенствовать свое мышленіе и прежде всего пріучусь свободно говорить. И все это будетъ сопровождаться громкимъ ропотомъ общества, — узникомъ будутъ интересоваться, и это доставитъ мнѣ славу. А если въ концѣ-концовъ меня осудятъ на смерть,—это будетъ безчеловѣчно, но развѣ не имѣла каждая истина своихъ мучениковъ? Лучше же сложить за нее голову на плахѣ, нежели пасть на полѣ битвы, часто безъ всякой пользы для человѣчества. А я такъ часто видѣлъ предъ собою смерть, что не боюсь ея. Съ чистой и безупречной совѣстью, съ любовью къ добродѣтели — мнѣ будетъ легко умереть, а убѣжденіе, что моя смерть ускоритъ торжество истины, — это убѣжденіе, наполнивъ радостью

мою жизнь, сдѣлаетъ меня счастливымъ и въ минуту казни».

Правда, онъ не всегда такъ мрачно смотрѣлъ на будущее. Иногда ему мерещилась другая картина, но въ своемъ родѣ не менѣе героическая. Такъ, послѣ осмотра одной парижской школы, онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Какія радости готовлю я себѣ въ Россіи, создавая самъ подобныя учрежденія! Вотъ гдѣ ждетъ меня счастье. Быть можетъ чрезъ 25 лѣтъ тамъ не будетъ хижины, гдѣ бы бѣдные не благословляли моего имени. Если это—честолюбіе, я готовъ признаться въ немъ».

И онъ дальше развивалъ свою мысль. Мірскія блага его не манятъ; тихая жизнь въ общеніи съ природой, книги, небольшой кругъ друзей, любимая женщина—вотъ его вкусъ. Но онъ не въ правѣ сейчасъ взять себѣ это счастіе: суровый, но святой долгъ гонитъ его въ шумный свѣтъ, служить благу отчизны. Только тогда, когда, истощивъ всѣ усилія, онъ убѣдится, что его старанія напрасны, что Россія еще не созрѣла для его просвѣтительной дѣятельности, — онъ съ спокойной совѣстью уйдетъ въ безвѣстность, поселится гдѣ-нибудь въ Швейцаріи, устроитъ себѣ идиллическій бытъ, въ родѣ того, какой онъ видѣлъ въ домѣ Лагарпа (у него ужъ была на примѣтѣ и подруга на этотъ случай), и такъ безоблачно проведетъ остатокъ своихъ дней.

Но чистый какъ голубица, безстрашный какъ левъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ дѣйствовать мудро и осмотрительно. Уже въ Парижѣ онъ съ безпокойствомъ ловитъ себя на излишней рѣзкости языка: я иду слишкомъ далеко въ выраженіи моей ненависти къ тиранiи, а всякая крайность опасна.—Впрочемъ, онъ разсудительно успокоиваетъ себя французской пословицей: qui dit trop ne dit rien; мои слова такъ рѣзки, что ихъ никто не приметъ въ серьезъ. Но на будущее, для Россіи, онъ даетъ себѣ слово быть

крайне осторожнымъ въ проявленіи своихъ либеральныхъ воззрѣній. Онъ нѣсколько разъ по различнымъ поводамъ возвращается къ этому предмету. Въ концѣ-концовъ онъ останавливается на слѣдующемъ рѣшеніи. Мы уже видѣли, какъ, ставъ невѣрующимъ, онъ рѣшилъ въ Россіи симулировать набожность. Такой же системы онъ намѣренъ держаться и въ вопросахъ политики. «Самое лучшее—это по возвращеніи выказывать отвращеніе къ либеральнымъ идеямъ и представляться вначалѣ только глубоко-вѣрующимъ, и лишь время отъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ и съ величайшей ловкостью бросать нѣсколько зеренъ либерализма (quelques brins de liberalité). Притомъ—не сходиться со всякимъ встрѣчнымъ. Заслуживъ нѣкоторое довѣріе, я тѣмъ открою себѣ дорогу, а вполнѣ искреннимъ надо быть только съ тѣми, кого я найду достойными».

Онъ долженъ быть остороженъ, потому что онъ нуженъ родинѣ, онъ несетъ въ себѣ полную чашу благъ для нея. Онъ безотчетно проникнутъ чувствомъ своей значительности, оттого и воображеніе рисуетъ ему его будущее въ такихъ высоко-поэтическихъ формахъ: либо мученичество за идею, либо слава благодѣтеля отчизны, либо идиллія,—всѣ иныя участи, обычныя среди людей, ниже его. Онъ мыслитъ себя, какъ существо высоко стоящее надъ толпою, и—не для себя, избави Боже! но въ интересахъ своей миссіи—считаетъ долгомъ лелѣять и усовершенствовать себя. Въ іюлѣ 1815 года, когда послѣ сраженія при Ватерлоо союзныя войска снова вступили въ Парижъ, онъ представился здѣсь императору Александру. «На прошедшей неделе,—пишетъ онъ матери (я сохраняю его орѳографію; по-французски онъ писалъ не многимъ грамотнѣе),—я имелъ у него аудіенцію въ кабинете, и онъ более получаса со мною разговаривалъ на едине... Онъ предла-

гаетъ мнѣ занять место въ гражданской службе по собственному моему соизволенію; но я отблагодарилъ Е. В. уверивъ что после всехъ оказанныхъ имъ мне милостей и особливо по любви моей къ отечеству, я долгомъ священнейшимъ поставлю себе, служить имъ до последней капли крови; но что теперь я прошу его меня уволить, потому что незначущее место можетъ быть легко занято съ равномернымъ успехомъ многими другими также какъ и мною; а занять важное место я самъ чувствую себя еще не въ состояніи, и потому прошу позволенія отсрочить на несколько времяни, дабы пріобрести нужныя сведенія въ моемъ отечестве»[1]. Этотъ разговоръ происходилъ еще до того, какъ Кривцовъ увлекся Ланкастеровыми школами. Но и потомъ, уже рѣшивъ заняться просвѣщеніемъ Россіи, онъ отнюдь не думалъ ограничиться заведеніемъ школъ, а потому претендовалъ еще на дальнѣйшую подготовку. Я упоминалъ уже, что въ Парижѣ онъ сблизился съ Лагарпомъ и видимо внушилъ ему большое уваженіе своими твердыми нравственными правилами, просвѣщенными взглядами и пр. Въ январѣ 1816 года Лагарпъ, разумѣется посвященный Кривцовымъ въ его Ланкастеровскіе замыслы, предложилъ ему составить записку по этому предмету, съ тѣмъ, что онъ, Лагарпъ, передастъ ее царю. Рѣчь шла о наиболѣе раціональныхъ способахъ къ введенію Ланкастеровой системы въ Россіи; Кривцовъ считалъ удобнымъ прежде всего устроить Нормальную школу взаимнаго обученія, поставить ее въ связь съ духовными семинаріями и чрезъ то заинтересовать въ ней духовенство, а также наиболѣе просвѣщенную часть помѣстнаго дворянства. Предложеніе Лагарпа натурально окрылило его. «Какое безпредѣльное поприще открывается предо мною! какая обширная картина

[1] Щукинскій сборникъ, III, стр. 276.

развертывается предъ моимъ взоромъ! какая масса новыхъ идей, замысловъ, надеждъ! и можетъ быть страданій и несчастій!» И вотъ онъ нѣжится привольными мечтаніями. Пять дней спустя онъ пишетъ въ дневникѣ: «Ничто нейдетъ мнѣ на умъ, ничѣмъ не могу заняться,— думаю весь вечеръ о моемъ будущемъ. Я вернусь въ Россію къ концу лѣта. До зимы я проживу съ родными, потомъ—въ Москву; а весною, если меня позовутъ, пріѣду въ Петербургъ и тамъ займусь школами. Года или 18 мѣсяцевъ будетъ достаточно, чтобы пустить ихъ въ ходъ. Въ это же время я буду собирать другія свѣдѣнія, касающіяся Россіи. Потомъ, обезпечивъ себѣ 10.000 руб., я хотѣлъ бы провести годъ въ Германіи, полтора въ Англіи, лѣто въ Швейцаріи, годъ или полтора въ Италіи, затѣмъ чрезъ Испанію вернуться въ Парижъ и провести здѣсь зиму. Послѣ этого, въ возрастѣ 32—33 лѣтъ, отечество сможетъ быть довольно такимъ слугою, какимъ я буду тогда». — Планъ, нельзя не признаться, нѣсколько подозрительный; если это — подготовка къ патріотической дѣятельности, то, во всякомъ случаѣ, подготовка весьма комфортабельная, странно не идущая къ подвижнику суроваго долга, будущему страстотерпцу. Нѣсколько раньше Кривцовъ скромно опредѣлялъ свой желательный годовой доходъ въ будущемъ изрядной суммой 25.000 франковъ: бо́льшимъ, писалъ онъ, онъ не считаетъ себя вправѣ располагать, ибо все, что сверхъ этого, было бы потерей для бѣдныхъ.

Теперь, изложивъ умозрѣніе Кривцова, я долженъ предостеречь читателя: не вѣрьте ничему, ни одной его мысли, ни одному обѣщанію, ни одному рѣшенію. Это все — «идеологія», блестящія и пустыя порожденія ума, влюбленнаго и въ процессъ своего творчества, и въ его продукты— оцѣнки, формулы, принципы. Кривцовъ несомнѣнно былъ

искренно убѣжденъ, что именно этого хочетъ и именно такъ сдѣлаетъ, какъ указуетъ стрѣлка его ума; но онъ ничего этого не сдѣлаетъ, потому что въ дѣйствительности онъ вовсе этого не хочетъ: стрѣлка двигалась сама по себѣ, повинуясь закону логической послѣдовательности, а не волѣ. Онъ сдѣлаетъ почти во всемъ какъ-разъ обратное тому, на что онъ теперь сознательно обрекъ себя, и сдѣлаетъ это такъ естественно, безъ малѣйшей внутренней борьбы, какъ если бы онъ никогда иначе и не думалъ. Никакихъ школъ онъ не будетъ учреждать въ Россіи, никакого креста, разумѣется, на себя не возложитъ, не будетъ бѣжать ни свѣта, ни его презрѣнныхъ благъ, а съ перваго же дня будетъ дѣлать карьеру, какая дастся, будетъ усердно добиваться и отличій, и прежде всего денегъ, и всяческихъ удобствъ, съ тѣмъ только отличіемъ отъ заурядныхъ карьеристовъ, что высокое сознаніе своего достоинства сообщитъ его аппетитамъ героическіе размѣры: гдѣ другой сталъ бы просить, какъ милости, онъ будетъ требовать, какъ должнаго, и гдѣ другой попросилъ бы малаго, онъ потребуетъ сразу солидный кушъ.

Даже нѣтъ надобности заглядывать впередъ: въ предѣлахъ самого дневника эта двойственность его мышленія и натуры обнаруживается какъ нельзя болѣе ярко. Онъ съ презрѣніемъ говоритъ о дворахъ и царедворцахъ, не прощаетъ даже Гёте его принадлежности къ скромному веймарскому двору, но самъ отнюдь не прочь войти хоть въ минутное общеніе съ князьями земли, притомъ безъ всякой особенной нужды. Проѣздомъ чрезъ Зальцбургъ онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать визитъ баварскому наслѣдному принцу и остается у него обѣдать. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Парижъ онъ представляется королю, герцогинѣ Ангулемской, графу д'Артуа и другимъ членамъ королевской фамиліи (король благодарилъ его за спасеніе

французскихъ плѣнныхъ въ Москвѣ), а по вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ представляется Александру и ведетъ себя при этомъ такъ искусно, что царь уплачиваетъ за него, по представленному имъ реестру своихъ долговъ, 25.000 рублей. Эта подачка, да милостивое согласіе Александра отсрочить на нѣкоторое время его возвращеніе въ службу, повергаютъ его въ умиленіе; ненависть къ «тиранамъ» забыта: «Вотъ мое положеніе съ государемъ, можно ли не любить его? Можно ли не посвятить ему до послѣдней капли крови всю жизнь свою?» Онъ жадно слушаетъ увѣренія Лагарпа о либеральныхъ наклонностяхъ Александра: «тѣмъ лучше: я твердо рѣшилъ только при этомъ условіи служить ему»; въ другой разъ онъ заявляетъ, что при Александрѣ ему, повидимому, нечего бояться за свой либерализмъ, если же на престолъ вступитъ Константинъ, — «я 24-хъ часовъ не останусь при немъ въ Россіи». Не вѣрьте ему: онъ усердно будетъ служить и при вовсе не либеральномъ режимѣ Александра въ 20-хъ годахъ, а позже и при Николаѣ, и еще отсюда же, изъ Парижа, онъ собирается на обратномъ пути въ Россію заѣхать въ Варшаву навѣстить вел. кн. Константина. Далѣе: онъ ненавидитъ протекцію. 17 октября 1815 г. онъ пишетъ въ дневникѣ: «Былъ у Лагарпа. То, чего я опасался съ его стороны, вчера случилось. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ рекомендовать меня государю, какъ человѣка, который можетъ быть ему полезенъ. Не говоря уже о томъ, что я не желаю ничьей протекціи, — я буду безутѣшенъ, если онъ хоть въ малой мѣрѣ заподозритъ безкорыстіе услужливости, которую я ему оказывалъ. Я сказалъ ему, что я ищу и цѣню, какъ необходимое условіе моего счастья, только уваженіе честныхъ людей, а вовсе не милости дворовъ». Но когда три мѣсяца спустя Лагарпъ предложилъ ему составить для царя записку о Ланкастеровыхъ школахъ,

онъ совсѣмъ не отказался отъ этого посредничества, а, напротивъ, возликовалъ: «Какое поприще открывается передо мною» и т. д. Та же исторія повторилась и съ гр. Каподистріей. Онъ счелъ нужнымъ сдѣлать послѣднему визитъ; двѣ недѣли спустя онъ пишетъ: «Г. Каподистрія уѣхалъ, не давъ мнѣ обѣщанной аудіенціи. Тѣмъ хуже, но не для меня. Я очень забочусь о своемъ счастіи, и полагаю его прежде всего въ отсутствіи потребностей; ясно, какъ мало я нуждаюсь въ какомъ-либо министрѣ Его Величества». А по пріѣздѣ въ Россію, опираясь именно на это мимолетное знакомство, онъ начнетъ осаждать Каподистрія просьбами и домогательствами чисто-личнаго свойства и чрезъ него прекрасно устроитъ свои дѣла. «Ему ничего не нужно», — но такъ какъ онъ не любитъ отказывать себѣ, то ему всегда нужны деньги; онъ получаетъ деньги отъ матери, выпрашиваетъ у царя, и ему все-таки не хватаетъ; тогда онъ занимаетъ у знакомыхъ — и какъ занимаетъ! Спрашивалъ у одного, у другого, наконецъ ему даютъ совѣтъ обратиться къ Воронцову; онъ отправляется къ Воронцову, тотъ встрѣчаетъ его объятіями, но насчетъ денегъ разсыпается въ извиненіяхъ; онъ обращается къ другимъ, — одинъ русскій офицеръ даетъ ему 1800 р., но этого мало, онъ отправляется къ банкиру Лафитту, и т. д.; и все это онъ совершаетъ съ важностью, вполнѣ сохраняя чувство своего достоинства. Или въ другой разъ: узналъ онъ, что компанія русскихъ офицеровъ осадила богатаго соотечественника, знакомаго и ему, — всѣ брали взаймы; Кривцовъ, разсказавъ объ этомъ въ дневникѣ, замѣчаетъ: «Всѣ берутъ, почему-бы и мнѣ не взять?» И взялъ, конечно. А на другой или третій день онъ отправляется благодарить благодѣтеля и, заставъ у него еще нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ съ тою же цѣлью, какъ онъ, выражаетъ про себя благородное негодованіе: такія-де вещи

должны бы дѣлаться между порядочными людьми не иначе, какъ письменно!

Такъ странно онъ былъ расколотъ надвое. Въ немъ мысль работала самочинно и вырабатывала или воспринимала извнѣ стройные принципы безъ малѣйшаго сознанія о жизни, безъ малѣйшаго чувства своей отвѣтственности предъ жизнью. Онъ грѣшитъ совершенно наивно, потому что принципы для него — только предметъ созерцанія или пріятная и почетная собственность: садъ съ цвѣтниками, какъ я сказалъ; въ домѣ идетъ своя жизнь, часто неприглядная, а въ саду пріятно погулять и показать его другимъ. Но что всего удивительнѣе въ немъ, это полная безболѣзненность его раздвоенія. Его болѣзнью, правда, въ гораздо менѣе острой формѣ, страдала и страдаетъ донынѣ вся русская интеллигенція, но именно страдала, то-есть болѣла душевно и мучилась этимъ внѣжизненнымъ цвѣтеніемъ своей мысли. Онъ же, рекрутъ одного изъ первыхъ призывовъ, ничуть не страдаетъ, напротивъ, чувствуетъ себя великолѣпно. Еще на первыхъ порахъ въ Женевѣ и Парижѣ, вслѣдствіе потрясенія, вызваннаго въ немъ ампутаціей ноги (какъ онъ самъ пишетъ), бывали у него припадки нервной раздражительности, безпричинной тревоги, унынія. Но къ концу 1815-го года онъ вполнѣ окрѣпъ тѣлесно и духовно, чему вѣроятно много содѣйствовала вывезенная имъ въ сентябрѣ этого года изъ Лондона превосходная пробковая нога. Съ тѣхъ поръ онъ все время чувствуетъ себя безотчетно-счастливымъ. «Я ношу въ своемъ сердцѣ неизсякаемый источникъ счастья и наслажденія, я наслаждаюсь всѣмъ, каждый день доставляетъ мнѣ новыя радости независимо отъ событій и обстоятельствъ: то новая истина, то новое познаніе, то удачная фраза, то открытіе, полезное для человѣчества. Я похожъ на дикаря, радующагося при видѣ всякой вещи, раньше ему незнакомой.

Какъ влюбленный, открывъ глаза, жадно схватываетъ первую свою мысль, напоминающую ему о предметѣ его обожанія, такъ я, просыпаясь, знаю о чемъ думать, и день для меня всегда слишкомъ коротокъ». Онъ часто говоритъ объ этомъ. Онъ и вообще думаетъ, что человѣку не много нужно, чтобы быть довольнымъ своей участью, — надо только имѣть каплю здраваго смысла. Онъ часто говоритъ также о томъ, что ему все удается; девизомъ для своего герба онъ избираетъ: Semper felix. Каковъ онъ есть, онъ совершенно доволенъ собою. М-г Монтегри показалъ ему рукопись Франклина — разсужденіе о ступеняхъ моральнаго совершенствованія и о способахъ его достиженія. Оно было писано Франклиномъ въ возрастѣ 24 лѣтъ. Кривцову въ это время было столько же, и онъ пишетъ въ дневникѣ: «Онъ составилъ эти правила въ 24 года, — я ихъ исполнилъ. Онъ любилъ философію, я обожаю ее; онъ былъ счастливъ, я ношу въ сердцѣ неизсякаемый источникъ счастья; наконецъ, я хочу отрѣшиться отъ всѣхъ потребностей и дать полный просторъ только одному желанію — желанію быть полезнымъ людямъ!» Даже потеря ноги не мрачила его счастья; онъ писалъ по этому поводу: туристъ пораженъ видомъ Рейнскаго водопада, мимо котораго туземецъ проходитъ равнодушно; такъ все въ жизни — дѣло привычки, но отъ тонкости нашихъ органовъ зависитъ, какое количество наслажденія мы извлекаемъ изъ каждой вещи.

Въ своемъ дневникѣ Кривцовъ послѣдовательно излагаетъ ходъ двухъ любовныхъ увлеченій, пережитыхъ имъ за границей. Любовь къ женщинѣ — сильный реактивъ для мужчины. Кривцовъ весь раскрывается въ этомъ разсказѣ. Что онъ чувствовалъ и дѣлалъ, и какъ онъ повѣствуетъ о своихъ чувствахъ и поступкахъ, — эти два ряда фактовъ прекрасно дополняютъ другъ друга.

Первая исторія разыгралась въ Женевѣ въ декабрѣ 1814 года. Его сердце было еще не совсѣмъ свободно: онъ недавно любилъ какую-то княгиню или княжну Каролину, вѣроятно въ Вѣнѣ, откуда онъ ѣхалъ теперь; рана была еще свѣжа, когда въ Женевѣ онъ встрѣтилъ въ обществѣ дѣвушку изъ хорошаго дома по имени Amélie. Она явилась какъ-разъ во-время. Онъ совершенно не могъ жить безъ любви; за двѣ недѣли передъ тѣмъ, какъ воспылать къ ней, онъ началъ-было увлекаться одной хорошенькой дамой, которую однако принужденъ былъ оставить, убѣдившись въ ея кокетливости и равнодушіи къ нему. Въ Амаліи онъ нашелъ именно то, чего искалъ: томную женственность, даръ безпредѣльной преданности, а главное—огромную склонность къ задушевнымъ изліяніямъ, долгимъ взглядамъ, нѣжнымъ рукопожатіямъ, въ чемъ, кажется, и состояло для него главное очарованіе любви. Она была не очень красива, но, по его словамъ, безконечно привлекательна естественностью и граціей всего существа. Влюбиться въ Амалію было для него дѣломъ нѣсколькихъ дней, что́ онъ и не замедлилъ констатировать: «Долженъ признаться, что я серьезно влюбленъ въ нее, и довѣріе, которое она мнѣ оказываетъ, еще болѣе воспламеняетъ меня». О женитьбѣ онъ разумѣется не думалъ: до того-ли было ему, безъ ноги, безъ средствъ, безъ опредѣленнаго занятія! Увы, счастье не для него! «Это — иллюзія, разсѣивающаяся, какъ утренній туманъ. Мнѣ не вкусить блаженства на этой землѣ. Это горячее сердце, эта огненная душа, этотъ пылкій умъ угасли навсегда — и до срока! Въ 23 года я долженъ, вѣроятно, отъ всего отказаться и жить только воспоминаніями. Это ужасно» (позднѣе, какъ мы знаемъ, онъ вмѣнилъ себѣ это самоотреченіе въ гражданскій долгъ). Тѣмъ не менѣе онъ усердно развиваетъ свой романъ. Столько пріятныхъ чувствъ! Любовь «напол-

няетъ, опьяняетъ, пожираетъ, уничтожаетъ и одновременно воскрешаетъ» его; какое наслажденіе испытывать и дѣлить эту жизнь, источники которой, онъ думалъ, уже изсякли въ его сердцѣ! А сама Амалія — какъ нѣжна, какъ скромна и робка! Какъ пылко отдается она влеченію сердца вопреки всѣмъ страхамъ, обуревающимъ ее! Она начала писать его портретъ, это окончательно сблизило ихъ; она обѣщала ему вѣчную дружбу, а онъ клянется въ своемъ дневникѣ не пощадить жизни для ея счастья: большаго онъ не ищетъ. Съѣздивъ на два дня въ Лозанну, онъ едва могъ дождаться свиданія; зато какъ же онъ былъ вознагражденъ! Она не ждала его, когда онъ пришелъ. Онъ взялъ ее за руку, она пожала его руку и приложила ее къ своему сердцу: «Слышите, какъ оно бьется?» Въ глубокомъ волненіи онъ прижалъ ея руку къ своимъ губамъ, — говорить онъ не могъ; наконецъ, оправившись, — «Значитъ, вы мой другъ?» сказалъ онъ, сжимая ее въ объятіяхъ; «да», — отвѣчала она тихимъ, но взволнованнымъ голосомъ.

Шесть недѣль тянулась эта исторія, не двигаясь впередъ: все тѣ же сладкія романтическія бесѣды наединѣ, съ поцѣлуями и объятіями, тѣ же условленныя вечернія встрѣчи въ обществѣ съ тайнымъ обмѣномъ влюбленныхъ взглядовъ, — и наконецъ онъ уѣхалъ въ Парижъ, условившись съ нею о перепискѣ. Въ Парижѣ онъ еще долго вздыхалъ по ней и увѣрялъ себя, что онъ обожаетъ ее, что эта рана въ его сердцѣ никогда не заживетъ, что онъ несчастенъ навѣки; онъ писалъ ей и зналъ о ней изъ писемъ общихъ женевскихъ знакомыхъ, а въ маѣ 1815 года она прислала ему его портретъ и еще одну картину, висѣвшую въ ея комнатѣ, вѣроятно нравившуюся ему, и подъ картиною было написано ея рукою: «Я буду слѣдовать за тобою всюду и лучше погибну, нежели разстанусь съ тобою». Онъ заперся тогда одинъ въ своей комнатѣ, и долго, со

слезами на глазахъ, писалъ въ своемъ дневникѣ: «О, моя Амалія, о, мой единственный другъ! Малекъ былъ достойнѣе счастія, чѣмъ я, и въ самомъ дѣлѣ былъ счастливъ; онъ умеръ въ объятіяхъ своей возлюбленной. А я жалко растрачу свою жизнь вдали отъ тебя, вдали отъ тебя я закрою глаза, вдали отъ тебя перестанетъ биться это сердце, полное твоей добродѣтели и твоего очарованія, и холодныя души, безчувственныя сердца сложатъ въ гробъ мои холодные останки, не оросивъ ни единой слезою мой прахъ, а ты, прекрасный другъ, ты еще долго не будешь знать, что тотъ, кто любилъ тебя болѣе всего на свѣтѣ, уже не существуетъ!» По его образу жизни въ это самое время, по его интересамъ, совсѣмъ не видно, чтобы онъ страдалъ или вообще былъ углубленъ въ себя; напротивъ, онъ жилъ энергично и разнообразно, многое узнавалъ, каждый вечеръ проводилъ въ княжескихъ салонахъ, внимательно слѣдилъ за политическими событіями. Да и вообще сомнительно, любилъ-ли онъ когда-нибудь Амалію. Онъ любилъ сентиментальныя чувства, ту полноту, которую даетъ хотя бы надуманная влюбленность, любилъ интимныя бесѣды съ женщиной, словомъ, любилъ *свои* переживанія въ любви; это былъ тоже коррективъ къ разсудочности.

Еще цѣлый годъ онъ помнилъ Амалію. Подъ 7 декабря 1815 года въ его дневникѣ записаны такія характерныя строки: «Что до меня, то я люблю, я обожаю Амалію. Я беру первую попавшуюся женщину, когда нужда того требуетъ, а на женщинъ вообще смотрю просто какъ на людей». Амалія неизмѣнно фигурируетъ въ его мечтахъ о швейцарской идилліи, которую онъ собирается устроить себѣ въ случаѣ неудачи своихъ патріотическихъ замысловъ: Амалія, вмѣстѣ съ природой, книгами и кружкомъ друзей, украситъ его тихій закатъ.

Онъ еще продолжалъ мысленно клясться въ вѣчной любви Амаліи, когда подвернулся ему другой случай, иного рода. Въ Парижѣ у знакомыхъ онъ встрѣтилъ хорошенькую и очень привлекательную молодую женщину, Генріету Рабюссонъ. Узнавъ, что она сдаетъ комнату, онъ рѣшилъ поселиться у нея, въ разсчетѣ безъ труда добиться ея расположенія; это была интрижка самаго незамысловатаго свойства. Генріета была пятый годъ замужемъ. Въ маленькомъ городкѣ Ганна́, департ. Алье, до сихъ поръ есть улица Рабюссонъ, а въ кабинетѣ мѣстнаго мэра еще и теперь виситъ портретъ генерала барона Жана Рабюссонъ. Этотъ Жанъ Рабюссонъ и былъ мужъ Генріеты. Восемнадцати лѣтъ, въ разгаръ войнъ революціи, сынъ мясника изъ Ганна́ пошелъ въ военную службу и быстро выдвинулся необыкновенной храбростью, ловкостью и умомъ; сначала въ Рейнской арміи подъ начальствомъ Пишегрю, потомъ въ знаменитой «консульской гвардіи» онъ продѣлалъ всѣ походы революціи и Наполеона, былъ десятки разъ раненъ, почти искрошенъ при Эйлау (17 ранъ), дрался въ 1808 году въ Испаніи, въ 1809 въ Германіи, въ 1812 въ Россіи, въ 1813 въ Саксоніи, и до послѣдняго часа вѣрою и правдой служилъ обожаемому императору, послѣ реставраціи ушелъ въ отставку, а во время Ста Дней снова сталъ подъ знамя Наполеона. Однако, когда Кривцовъ познакомился съ его семействомъ, Рабюссонъ уже служилъ Бурбонамъ: въ октябрѣ 1815 года онъ былъ назначенъ подполковникомъ второго конно-гренадерскаго полка королевской гвардіи. Онъ былъ женатъ съ 1811 года; одна изъ сестеръ Генріеты была за знаменитымъ живописцемъ Орасомъ Вернэ. Рабюссону по долгу службы приходилось жить постоянно въ Версали, а Генріета съ мальчикомъ, лѣтъ трехъ, жила въ Парижѣ у двухъ незамужнихъ или вдовыхъ сестеръ. Генріета была, повидимому, значительно моложе мужа (Рабюссонъ родился въ 1774 году).

Въ серединѣ января (1816 г.) Кривцовъ переѣхалъ въ квартиру Генріеты и ея сестеръ. Я уже упоминалъ, какой планъ обходнаго движенія онъ составилъ себѣ: сестры набожны, онъ разыграетъ комедію постепеннаго обращенія на путь вѣры, — это расположитъ ихъ въ его пользу, онъ же увѣритъ Генріету, что ей обязанъ своимъ обращеніемъ, и тогда она, конечно, не устоитъ. Немедленно по переѣздѣ на новую квартиру онъ приступилъ къ дѣлу: просидѣлъ у хозяекъ цѣлый вечеръ, читая имъ по ихъ предложенію какую-то скучнѣйшую книгу «о человѣческомъ сердцѣ». Ночью, за дневникомъ, его взяло раздумье. Чортъ знаетъ, какъ глупо! Мнѣ нужно заниматься, а я зря трачу время: присутствіе тѣхъ двухъ сестеръ раздражаетъ меня и усиливаетъ возбужденіе; къ тому же сегодня я, кажется, далъ промахъ: взялъ слишкомъ сентиментальный тонъ,—этакъ я стану смѣшонъ. Онъ даетъ себѣ слово — чрезъ двѣ недѣли бросить затѣю, если къ тому времени не успѣетъ вполнѣ. Пришла ему на мысль и Амалія, но онъ успокоиваетъ ея тѣнь: «О, Амалія, я люблю другую, но это любовь преходящая, человѣческая, ты же по прежнему занимаешь первое мѣсто въ моемъ сердцѣ» — и снова клятвы о томъ, что, отслуживъ родинѣ, онъ принесетъ свою свободу къ ея ногамъ.

Назидательныя чтенія продолжались, — онъ предложилъ Генріетѣ объяснять ей сочиненія аббата Готье, въ надеждѣ, что это сблизитъ ихъ. Генріета съ каждымъ днемъ нравится ему больше; она кротка, женственна, проста. Онъ проводитъ у хозяекъ почти всѣ вечера; онѣ польщены тѣмъ, что онъ предпочитаетъ ихъ скромное общество великосвѣтскимъ салонамъ, и Генріета однажды выразила ему эту мысль. Онъ считаетъ комплиментъ заслуженнымъ только на половину, такъ какъ вѣдь имъ руководитъ корысть; впрочемъ, говоритъ онъ себѣ, безспорно самый выборъ дѣ-

лаетъ мнѣ честь: онъ свидѣтельствуетъ о добромъ сердцѣ. Да и она вполнѣ заслуживаетъ любви, такъ что, если я и не достигну цѣли, все-таки я буду въ выигрышѣ, ибо пріобрѣту дружбу прелестной женщины, которую тогда смогу еще больше уважать. Каждый разъ, уходя отъ нихъ, онъ чувствуетъ себя болѣе чистымъ; онъ ощущаетъ среди нихъ ароматъ добродѣтели, le parfum de la vertu, и это тоже немалый выигрышъ: «Я силюсь быть лучше, чтобы понравиться имъ, и постепенно привыкаю къ этому. Такъ человѣкъ становится добродѣтельнымъ, вращаясь среди людей, внушающихъ любовь къ добродѣтели».

Однако дѣло подвигалось туго—они все время видѣлись при свидѣтеляхъ, и онъ больше успѣвалъ въ добродѣтели, чѣмъ въ любви. Однажды вышла политическая размолвка: сестры были рьяныя легитимистки, а онъ далъ волю своему либеральному пафосу; но въ тотъ же вечеръ онъ былъ утѣшенъ знаменательныхъ восклицаніемъ Генріеты; въ пылу спора она сказала: «теперь я понимаю, что изъ-за политическихъ взглядовъ можно даже развестись съ мужемъ». Этотъ многообѣщающій намекъ распалилъ его; два дня спустя онъ уже пишетъ: «вотъ оно опять, это проклятое чувство, которое столько разъ возмущало мой покой; да, я люблю!» Отнынѣ онъ уже все время говоритъ о *любви*, не стѣсняясь призрака Амаліи. Онъ становится нетерпѣливъ, особенно послѣ того, какъ она на денекъ съѣздила къ мужу,—добивается свиданія наединѣ, ищетъ объясненія. Чрезъ три недѣли послѣ начала онъ уже не владѣетъ собою; добродѣтель забыта, грѣшная страсть его мучитъ, и снова, какъ годъ назадъ съ Амаліей, онъ упивается полнотою и силою своихъ чувствъ, о чемъ не безъ самодовольства распространяется въ своемъ дневникѣ. Онъ преслѣдуетъ Генріету, настигаетъ ее у знакомыхъ и, пользуясь темнотою, беретъ ее за руку, она жметъ его руку

и говоритъ ему о своей симпатіи къ нему; въ присутствіи сестеръ онъ мимоходомъ бросаетъ намеки, понятные только ей одной, ищетъ ея взглядовъ, такъ что она со страхомъ переводитъ глаза на сестеръ — не замѣтили ли онѣ. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, не спавши наканунѣ всю ночь, онъ рѣшается идти напроломъ. Онъ сошелъ въ садъ, бывшій при домѣ; его цѣль была—привлечь ее къ окну, и его ожиданіе оправдалось; съ первыхъ же словъ она сообщаетъ ему, что откладываетъ свою поѣздку въ Версаль (она опять собиралась навѣстить мужа). Это извѣстіе сильно ободрило его; онъ хочетъ проникнуть въ ея комнату, она запрещаетъ ему, онъ настаиваетъ, и наконецъ, при содѣйствіи маленькаго Альфреда, добивается своего, входитъ къ ней, изъясняется въ любви, и—о, счастье! убѣждается, что и она его любитъ. Правда, вначалѣ она была испугана, отняла у него свою руку, но онъ увлекъ ее своей пылкостью, и подъ конецъ уже онъ цѣловалъ ея руки, она жала его руку. Бѣдная женщина, повидимому, серьезно страдала; она увлеклась, и боялась своего чувства, и въ то же время жалѣла Кривцова. Она умоляла его подумать, какъ опасна можетъ быть для нихъ эта страсть; даже и ему стало жаль ея: онъ пишетъ въ дневникѣ, что рѣшилъ не употребить во зло ея довѣрчивости: «я хочу быть всѣмъ обязанъ только жару ея собственной страсти». Этакій гурманъ!

А на слѣдующій день, тутъ какъ тутъ—мужъ пріѣхалъ изъ Версали, съ самаго утра. Въ сердцѣ Кривцова адъ, его чувства напряжены, какъ тетива; днемъ у него урокъ греческаго языка—онъ почти не слушаетъ, на лекціи Андріё по психологіи онъ не можетъ принудить себя ко вниманію. Наконецъ мужъ уѣхалъ, стало легче. Теперь дѣло быстро пошло къ развязкѣ; но въ ту самую минуту, когда оставался только шагъ до побѣды, Кривцовъ вдругъ, какъ

Подколесинъ, стремглавъ кинулся—только не въ окно, а въ пучину добродѣтели. Онъ попросилъ свиданья, она не только согласилась, но даже приблизила срокъ; онъ провелъ съ нею наединѣ два часа, и тутъ-то, послѣ свиданья, озарила его эта мысль. «Какъ искренно она говорила со мною! И я обману ея довѣріе? Боже, мои глаза открываются, мое сердце опять стало доступно добродѣтели, оно слышитъ ея голосъ. Мнѣ смутить покой, нарушить счастье этого небеснаго созданія? мнѣ внести разстройство въ эту семью, принявшую меня такъ гостепріимно? Нѣтъ, нѣтъ! Страсть моя велика, но что же и есть добродѣтель, какъ не жертва долгу? Она предлагала мнѣ свою дружбу, завѣряла меня въ уваженіи мужа, она умоляла меня не губить ее. И я употреблю во зло ея довѣрчивость? О, небо! это твой голосъ! Да, я добродѣтеленъ, сладость такого поступка вознаграждаетъ меня... Я знаю всю цѣну моей жертвы, но меня поддерживаетъ добродѣтель, ея дыханіе меня живитъ—я достоинъ дружбы Генріеты!»

Нѣтъ никакого сомнѣнія (это видно будетъ и изъ дальнѣйшаго), что Кривцовъ не любилъ Генріеты, а былъ только возбужденъ страстью къ ней. Его добродѣтельное рѣшеніе было вызвано прежде всего страхомъ: онъ увидѣлъ, что молодая женщина не на шутку влюблена, и это его обезпокоило; да и мужъ былъ слишкомъ на-лицо: свяжешься, потомъ не выпутаешься, — или, какъ говорилъ Подколесинъ: «однакожъ, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно». Но характерно, чѣмъ онъ себя обуздывалъ: добродѣтелью; сознавать себя добродѣтельнымъ было для него такъ сладко!

Разумѣется, плотина не выдержала и трехъ дней. Три дня послѣ рѣшенія онъ былъ грустенъ, ничего не могъ дѣлать, не находилъ себѣ мѣста, и каждый вечеръ проводилъ у сестеръ. Онъ не устоялъ, чтобы не похвастать: улучивъ

минуту, онъ сказалъ Генріетѣ, что пріобрѣлъ новое право на дружбу всѣхъ честныхъ людей,—но не сказалъ, чѣмъ. Потомъ онъ самъ нашелъ, что это было плоско. Чрезъ два дня онъ опять имѣлъ съ нею двухчасовое свиданіе, и добродѣтель поколебалась; онъ размышляетъ о томъ, какъ хороша была бы жизнь, если бы можно было любить безпрепятственно. Генріета, повидимому, уже готова была сдаться. «Какъ она предается, прелестная! какая довѣрчивость! какъ я торжествую надъ всѣми сомнѣніями въ душѣ моей маленькой святоши!» Были и объятія, и она напомнила ему Амалію, когда спросила: не дурно ли это? Спустя нѣсколько дней ей пришлось поѣхать къ мужу на нѣкоторое время. Кривцовъ крѣпился-крѣпился, и въ одно прекрасное утро явился въ Версаль. Мужъ скоро ушелъ, они остались одни; она была испугана и взволнована; произошелъ рѣшительный разговоръ: она говорила о томъ, какъ она несчастна, полюбивъ его, но что она не можетъ измѣнять своему долгу и потому рѣшила подавить въ себѣ страсть. Онъ спросилъ, чего она требуетъ отъ него, она въ отвѣтъ: чтобы мы больше не видались; тогда онъ, «увѣренный въ результатѣ», какъ онъ пишетъ въ дневникѣ, «притворился» (это тоже его слово) омертвѣлымъ отъ горя, закрылъ лицо руками, проговорилъ прерывающимся голосомъ: Vous serez obéie, Madame, и когда она взяла его руку и прижала къ своему сердцу—оно сильно билось,—онъ отнялъ свою руку. Потрясенная его видомъ и раздирающимъ молчаніемъ, она со слезами принялась успокоивать его, отказалась отъ своего требованія и просила только, чтобы онъ ее пощадилъ,—а онъ продолжалъ сосредоточенно молчать, «изображая страданіе». Потомъ онъ осматривалъ городъ, потомъ обѣдали, мужъ занималъ ихъ разсказами о своихъ походахъ и ранахъ; потомъ она на минутку спровадила мужа, и они обнялись, а вечеромъ полилъ пролив-

ной дождь, мужъ приглашалъ его ночевать у нихъ, но она не хотѣла этого, и онъ уѣхалъ.

Дальше пошло все такъ же. Два дня спустя онъ опять пріѣхалъ въ Версаль, отвелъ подозрѣнія мужа какой-то выдумкой, и пробылъ три часа. Потомъ Генріета вернулась въ Парижъ, онъ бросилъ въ почтовый ящикъ письмо къ ней, и радовался: «Какъ удобна такая домашняя почта! это прелесть». Она отвѣчала ему холодно, тоже письмомъ; за это онъ рѣшилъ наказать ее: сказался больнымъ, легъ, ничего не ѣлъ кромѣ бульона: «у меня планъ на три дня»—онѣ будутъ думать, что онъ очень боленъ, и она узнаетъ объ этомъ. Она въ самомъ дѣлѣ узнала и была печальна, особенно когда онъ при встрѣчѣ обошелся съ нею холодно; онъ опять написалъ ей письмо, очень холодное—«мнѣ жаль ее огорчать, но надо ее проучить,—это будетъ на пользу»; и точно, она отвѣчала ему съ нѣжностью, извиняясь и приглашая зайти къ ней. Роли давно перемѣнились; теперь она горѣла, ревновала его къ памяти Амаліи и Каролины, упрекала его, что онъ такъ веселъ, жаловалась, что онъ мало ее любитъ, и вмѣстѣ запрещала себя любить. А онъ, видя ея страсть, становился все холоднѣе и находилъ, что она не вытѣснила изъ его сердца Амалію. Свиданій онъ теперь имѣлъ сколько угодно, вообще дѣло дошло до того, что для окончательнаго успѣха ему недоставало только случая, котораго конечно не долго пришлось бы ждать. А онъ и хотѣлъ, и трусилъ; то онъ цинично заявляетъ, что не хочетъ толкнуть ее къ послѣднему шагу ложными увѣреніями, потому что желаетъ «ощущать, насколько возможно, прелесть добродѣтели даже въ самомъ порокѣ», то опять, послѣ того какъ она на колѣняхъ умоляла его о пощадѣ, сурово рѣшаетъ отказаться отъ нея, и тогда опять — «о, добродѣтель, сколь сладостно пожинать твои плоды», и прочее. Такъ тянулись недѣли; онъ пишетъ уже откро-

венно: «Теперь я безъ сомнѣнія могъ бы добиться всего, но стоитъ ли? за минутное удовольствіе пришлось бы, можетъ быть, заплатить безчисленными непріятностями». Онъ тяготится ею, хотѣлъ бы уже быть внѣ Парижа; «это мнѣ надоѣло». Генріета, тѣмъ временемъ переѣхавшая отъ сестеръ на другую квартиру съ мужемъ, бѣдняжка, слегла отъ огорченія. Онъ навѣщаетъ ее, убѣждаетъ быть благоразумной и даетъ обѣщанія, «о которыхъ самъ знаетъ, что не можетъ ихъ исполнить»: у него уже все приготовлено къ отъѣзду. Она узнаётъ объ его отъѣздѣ, и не отъ него, только за 4—5 дней, и пишетъ ему письмо. Наконецъ онъ приходитъ къ ней прощаться, находитъ ее все еще въ постели; она сдерживаетъ себя при мужѣ, Кривцовъ съ разрѣшенія мужа обнимаетъ ее—ея щеки влажны, и мужъ, провожая его, говоритъ ему, что она плакала. Зачѣмъ онъ мучилъ бѣдную женщину? зачѣмъ разрушилъ ея покой, можетъ быть надолго, можетъ быть навсегда? Нечего говорить, что онъ не огорченъ разлукой съ нею, напротивъ—радъ, что развязался; но хоть бы одно слово сожалѣнія о *ея* горѣ и *ея* судьбѣ! Она останется для него только воспоминаніемъ о пріятномъ эпизодѣ *его* жизни, о женщинѣ, «которая утѣшила меня въ потерѣ Амаліи и бросила нѣсколько цвѣтковъ на мой жизненный путь».

Такъ странно сочетались въ Кривцовѣ разсудочность и чувствительность, не проникая одна другую, а чередуясь изо дня въ день или механически слипаясь въ одномъ моментѣ, какъ слои картона. Секретъ въ томъ, что обѣ были наносныя—и разсудочность, и чувствительность: пышные оранжерейные цвѣты со слабыми корнями.

А подъ холеными цвѣтами была русская почва, было то, что мы отчасти уже видѣли и чего еще больше уви-

димъ: былъ врожденный большой эгоизмъ и барство, требующее себѣ широкаго размаха, былъ сильный, властный, крутой нравъ съ замашками самодура и взрывами дикаго бѣшенства.

Но культура ума все-таки не прошла безслѣдно для Кривцова. По возвращеніи въ Россію онъ сразу и по праву займетъ здѣсь видное мѣсто въ передовомъ ряду образованнаго общества. Пусть идеи, убѣжденія, усвоенныя имъ на Западѣ, будутъ тотчасъ выброшены за бортъ, но западная выучка развила и обогатила знаніями его природный большой умъ, дала ему широкій и просвѣщенный кругозоръ; она прочно привила ему умственный интересъ и вкусы культурнаго человѣка, такъ что онъ уже до конца своей жизни не станетъ равнодушенъ къ книгѣ, къ мысли, къ искусству, и никогда не погрязнетъ въ пошломъ и неряшливомъ бытѣ тогдашняго русскаго дворянства; наконецъ, и это было, можетъ быть, самымъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую жизнь, культура укрѣпила въ немъ его, тоже, кажется, врожденное чувство своей личности. Онъ говоритъ однажды, что его любимое время для прогулокъ—сумерки, потому что никогда такъ ясно не ощущаешь своего «я». Это очень важная черта, общая ему, впрочемъ, со всѣми развитыми людьми его поколѣнія: онъ любитъ жить внутри себя и чувствуетъ себя внутренно богатымъ. Оттого онъ такъ любитъ и свою умозрительную работу, и свои эмоціи, и оттого онъ такъ ребячески хвастаетъ своими умственными принципами: они дѣйствительно непосредственно радуютъ его. Отсюда же и его высокое чувство своего достоинства и своей общественной цѣнности, выражавшееся, между прочимъ, въ его неумѣренной притязательности. Какъ ни лакомъ онъ позднѣе до власти, почестей, денегъ, — онъ способенъ унижаться ради нихъ только до извѣстнаго предѣла; онъ вымогаетъ милости съ

гордо поднятою головою, а когда замѣтитъ, что его достоинству грозитъ серьезный уронъ, онъ найдетъ въ себѣ силу порвать унизительныя цѣпи и зажить независимо. Все это мы увидимъ дальше.

А теперь еще два слова о Генріетѣ. По волѣ случая, въ то самое время, когда въ Москвѣ я писалъ эти страницы о ея романѣ съ Кривцовымъ, гдѣ-то во Франціи подполковникъ Дюваль работалъ надъ біографіей ея мужа. Эта біографія вышла въ 1911 году; въ ней говорится и о Генріетѣ. Въ февралѣ 1912 года, случайно просматривая свѣжую книжку «La Nouvelle Revue», я съ удивленіемъ встрѣтилъ здѣсь имя: Henriette Rabusson, née Pujol: это былъ пересказъ той біографіи ея мужа. Отсюда и заимствованы приведенныя выше свѣдѣнія о Рабюссонѣ. Здѣсь же сообщается, что Рабюссонъ дожилъ до 1848 года, что ихъ сынъ былъ военнымъ, что небезъизвѣстный современный французскій писатель Анри Рабюссонъ, чьи романы изъ года въ годъ печатаются въ «Revue des Deux-Mondes»,— внукъ Генріеты, и что ея правнукъ, лейтенантъ въ 25-мъ драгунскомъ полку, только-что женился на внучкѣ Корвизара, лейбъ-медика великаго Наполеона[1].

[1] Книга Дюваля озаглавлена: Les levées départementales dans l'Allier. 2 vol., éd. Plon-Nourrit, Paris, 1911—1912; статья въ „La Nouvelle Revue", № 100, 15 Février 1912,—Gilbert Stenger, Un bourbonnais célèbre. Le général baron Jean Rabusson.

II.

Петербургъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ городовъ европейскихъ, что онъ на всѣ похожъ.

Герценъ.

Кривцовъ выѣхалъ изъ Парижа 1/13 іюня 1816 г. и ѣхалъ не спѣша, съ остановками въ Веймарѣ, Франкфуртѣ и т. д. Съ русской границы онъ направился не къ матери, а въ Москву: тамъ съ 14 по 31 августа находился государь и при немъ гр. Каподистрія; Кривцову для его дальнѣйшихъ плановъ необходимо было «показаться», напомнить о себѣ. Осень и начало зимы онъ провелъ у матери въ Тимофеевскомъ. Въ февралѣ 1817 г. онъ уже въ Москвѣ: 1 марта Кристинъ пишетъ, что часто видится съ нимъ здѣсь[1]. Въ срединѣ или въ концѣ этого мѣсяца Кривцовъ явился въ Петербургъ. Онъ сразу былъ принятъ, какъ свой человѣкъ, въ лучшемъ обществѣ обѣихъ столицъ, и, разумѣется, вошелъ въ него увѣренно, съ полнымъ сознаніемъ своего права. Молодой герой Отечественной войны, въ аристократическихъ и ученыхъ кругахъ Запада отшлифовавшій свою врожденную свѣтскость до совершенства и усвоившій всю блестящую образованность Запада,—притомъ человѣкъ яснаго и широкаго ума, пріятнаго

[1] Ferd. Christin et la Princesse Tourkestanow, Moscou, 1883, стр. 503, 558.

нрава, серьезный и внушительный,—онъ естественно сталъ желаннымъ и почетнымъ гостемъ въ петербургскихъ гостиныхъ. Какъ видно изъ записей въ его дневникѣ, ближайшій кругъ его знакомства въ Петербургѣ составляли: Н. М. Карамзинъ, А. И. Тургеневъ, Михаилъ и Алексѣй Ѳедоровичи Орловы, С. С. Уваровъ, Жуковскій, кн. Юсуповъ, гр. Сологубъ, С. Л. Пушкинъ. Вращался онъ, безъ сомнѣнія, и среди высшей знати и чиновной бюрократіи, гдѣ у него было много связей по прежней службѣ и по заграничнымъ встрѣчамъ, былъ ласково принятъ государемъ и допущенъ въ кругъ лицъ, близкихъ къ царской семьѣ. 10 апрѣля онъ былъ пожалованъ въ камергеры, и въ тотъ же день, по увольненіи отъ военной службы за ранами, причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ званіи совѣтника[1]; а мѣсяцъ спустя ему пожаловано единовременно 1,500 рублей и жалованья по 1,500 рублей въ годъ[2].

Кривцовъ пріѣхалъ въ Россію не просто либераломъ, какъ столь многіе его сверстники и товарищи по заграничнымъ походамъ: онъ вернулся отъявленнымъ республиканцемъ, почти революціонеромъ. Кристинъ, познакомившійся съ нимъ въ Москвѣ, пришелъ въ ужасъ отъ его политическаго вольнодумства; ужъ на что либераленъ Фицтумъ,—онъ рьяный монархистъ въ сравненіи съ Кривцовымъ. «Я, пишетъ Кристинъ, предсказываю ему, что разумъ или опытъ сметутъ долой эти принципы, или что въ противномъ случаѣ мы увидимъ новыя революціи, и онъ склоняется къ послѣднему предположенію; повидимому, онъ убѣжденъ, что безъ подобныхъ катастрофъ міръ не можетъ быть обновленъ. Я смѣюсь надъ нимъ, указываю ему на

---

[1] Моск. Арх. Иностр. Д., Адм. д., IV, 1. 1817, 33.

[2] Цитируемое ниже „дѣло“ № 84, 1832—36 гг., изъ Архива Мин. Внутр. Дѣлъ, л. 44.

Францію, столь чудесно обновленную, столь счастливую, главное—столь достойную зависти, а онъ отвѣчаетъ на это, что у насъ, надо надѣяться, дѣло будетъ сдѣлано лучше, нежели во Франціи»[1]. Эти крайнія убѣжденія нисколько не помѣшали Кривцову подружиться съ Кристиномъ, который называетъ его «mon cher jacobin» и находитъ очень симпатичнымъ. Да и можно ли было принимать серьезно это умозрительное и добродушное якобинство, когда самъ Кристинъ, сообщая Туркестановой о своихъ политическихъ спорахъ съ Кривцовымъ, прибавляетъ: «Все это говорится, конечно, полушутя». Якобинецъ ѣхалъ въ Петербургъ, чтобы при помощи своихъ связей въ высшихъ сферахъ и на основаніи личнаго расположенія къ нему царя добиться дипломатическаго поста (мечты о просвѣтительной дѣятельности были, конечно, забыты). Онъ открыто говорилъ еще въ Москвѣ, что не желаетъ состоять при какомъ-нибудь дворѣ: *une cour l'incommode*; онъ хочетъ состоять при одномъ изъ республиканскихъ правительствъ—швейцарскомъ или сѣверо-американскомъ; кромѣ того, онъ не желаетъ быть подъ началомъ старшаго, такъ какъ всякая зависимость его стѣсняетъ[2]. Но и эти требованія, какъ мы увидимъ, были не болѣе серьезны, нежели его республиканскія убѣжденія. Въ Петербургѣ Кривцовъ легко отдался теченію свѣтской и придворной жизни, и когда въ концѣ апрѣля княжнѣ Туркестановой пришлось обѣдать вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ-то знакомомъ домѣ, она нашла его, видимо, совершенно comme-il-faut; со своими очками и съ особенной манерой носить фракъ онъ даже показался ей похожимъ на Кристина. Она удивлялась мастерству, съ какимъ была сдѣлана его искусственная нога, и еще болѣе—его жизнерадостной философіи,

[1] Ferd. Christin, etc., стр. 504.
[2] Тамъ-же, стр. 554.

позволявшей ему смотрѣть на потерю ноги, какъ на счастливѣйшее въ мірѣ событіе[1].

Кромѣ устройства собственной судьбы, у Кривцова была въ Петербургѣ еще другая цѣль. Его отецъ умеръ въ 1813 году, мать, Вѣра Ивановна, рожденная Карпова, жила въ Тимофеевскомъ. Изъ восьми человѣкъ дѣтей старшая дочь, Варвара, была уже замужемъ, три дѣвушки — Анна, Елизавета и Софья — и второй послѣ Николая Ивановича сынъ Владиміръ, жили при матери, и Владиміръ велъ хозяйство въ имѣніи; наконецъ двое малолѣтнихъ мальчиковъ воспитывались въ Москвѣ, въ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ. Объ этихъ-то двухъ младшихъ братьяхъ Николай Ивановичъ взялъ заботу на себя. Воспитаніе, которое они получали въ университетскомъ пансіонѣ, видимо не удовлетворяло его. Случилось такъ, что какъ-разъ въ это время, т.-е. весною 1817 года, въ петербургскихъ высшихъ сферахъ рѣшался вопросъ о посылкѣ нѣсколькихъ мальчиковъ въ институтъ знаменитаго швейцарскаго педагога Фелленберга въ Гофвилѣ близъ Берна. Кривцовъ зналъ этотъ институтъ: онъ посѣтилъ Гофвиль проѣздомъ чрезъ Швейцарію въ 1814 году и вынесъ оттуда наилучшія впечатлѣнія. Сюда-то онъ задумалъ пристроить на казенный счетъ своихъ братьевъ.

Педагогическій институтъ Фелленберга, основанный въ 1806 году, уже въ началѣ десятыхъ годовъ пользовался громкой извѣстностью въ Европѣ. Даже въ скудной тогда русской печати уже появились свѣдѣнія о немъ: въ 1813 году въ «Вѣстникѣ Европы» была напечатана статья В. Измайлова о «сельскомъ заведеніи въ Гофвилѣ» — переводъ или выдержки изъ статьи въ одномъ изъ французскихъ журналовъ[2]). Александръ узналъ о Фелленбергѣ, безъ

[1] Тамъ-же, стр. 558.

[2] В. И(змайловъ), „Сельское заведеніе въ Гофвилѣ", изъ Espr. des Journ., „*Вѣстн. Евр.*" 1813, часть LXVII, стр. 131—147.

сомнѣнія, отъ Лагарпа въ 1814 году. Извѣстно, что Лагарпъ познакомилъ его съ системой Песталоцци, посылалъ его сочиненія и совѣтовалъ отдавать къ нему въ выучку русскихъ молодыхъ людей, готовящихся къ педагогической дѣятельности; въ этомъ же 1814 году Александръ видѣлся съ Песталоцци, бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько часовъ, обѣщалъ прислать ему учениковъ и его самого приглашалъ въ Россію [1]. Вѣроятно Лагарпъ былъ первымъ посредникомъ въ сношеніяхъ Александра и съ Фелленбергомъ. Въ 1814 году русскимъ уполномоченнымъ при швейцарскомъ правительствѣ былъ графъ Каподистрія. Александръ поручилъ ему составить докладъ объ институтѣ Фелленберга. Получивъ докладъ въ октябрѣ, императоръ 4—16 ноября, изъ Вѣны, гдѣ за двѣ недѣли передъ тѣмъ открылись засѣданія «Вѣнскаго» конгресса, послалъ Фелленбергу рескриптъ; въ Вѣнѣ находились тогда и Каподистрія, вызванный Александромъ для обсужденія швейцарскихъ дѣлъ, и Лагарпъ, делегированный на конгрессъ тремя швейцарскими кантонами. Рескриптъ гласилъ такъ:

«Господину Фелленбергу.

«Полезные роду человѣческому труды, коими вы столь давно и съ такимъ успѣхомъ занимаетесь, важныя оныхъ послѣдствія, и тѣ, коихъ человѣчество впредь еще ожидать можетъ, должны были обратить на себя Мое вниманіе, и дали вамъ право на Мое уваженіе. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ваша система хлѣбопашества и воспитанія соединяетъ въ себѣ двойную пользу, приводя въ то же время къ совершенству земледѣліе и земледѣльца. Желая изъявить вамъ участіе, Мною пріемлемое въ успѣхѣ и распространеніи трудовъ столь отличныхъ, жалую

[1] М. И. Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи“, Спб. 1889, т. II, стр. 133—134.

васъ Кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра четвертой степени, коего знаки при семъ препровождаются. Мнѣ пріятно увѣрить васъ въ Моемъ къ вамъ уваженіи. Александръ»[1].

Въ письмѣ, которымъ Каподистрія сопроводилъ императорскій рескриптъ, онъ объяснялъ смыслъ отличія, жалуемаго Фелленбергу государемъ; публичнымъ изъявленіемъ своего уваженія къ вашимъ дарованіямъ и достоинствамъ, писалъ онъ, «Всемилостивѣйшій Государь мой желалъ обратить на Васъ и на знаменитый подвигъ Вашъ особенное вниманіе Вашего отечества и Европы. Столь лестное одобреніе просвѣщеннаго Монарха будетъ конечно однимъ изъ сильнѣйшихъ способовъ къ распространенію въ другихъ земляхъ открытій Вашихъ и установленія, которое очевидно ведетъ земледѣльцевъ къ изобилію и счастію путемъ трудолюбія и добродѣтели»[2].

Интересъ къ Фелленбергу, обнаруженный Александромъ въ 1814 году, вовсе не былъ платоническимъ, и не случайно этотъ интересъ возникъ какъ-разъ въ данное время, наканунѣ образованія Священнаго Союза. Вѣнскій конгрессъ 1814 года долженъ почитаться тѣмъ моментомъ, когда начало формироваться личное и политическое міровоззрѣніе Александра, опредѣлившее всю его дальнѣйшую дѣятельность. Двѣ идеи родились въ немъ подъ вліяніемъ грандіозныхъ событій и къ этому времени уже достаточно окрѣпли: одна — идея религіозная, твердая увѣренность, что міръ управляется Божественнымъ Промысломъ и что

[1] „*Донесеніе* Его Императорскому Величеству, представленное Статсъ-Секретаремъ графомъ Каподистрія о заведеніяхъ Г. Фелленберга въ Гофвилѣ, въ Октябрѣ 1814 года. Переводъ съ Французскаго. Санктпетербургъ, 1817“, ненум. стр. 3—4. Подлинникъ рескрипта былъ написанъ, конечно, по-французски.

[2] Тамъ-же, стр. 2.

подчиненіе этому Промыслу должно быть первымъ закономъ человѣческой дѣятельности; другая, нераздѣльно связанная съ нею, — идея религіозно-политическая, именно увѣренность, что только религія можетъ удержать народы отъ безразсудныхъ революціонныхъ увлеченій, какими наполнены были послѣднія десятилѣтія европейской исторіи, и обезпечить имъ мирное и правильное развитіе. При такихъ убѣжденіяхъ вопросы воспитанія естественно должны были получить въ глазахъ Александра особенную важность; не удивительно, что попытка Фелленберга организовать народное просвѣщеніе на началахъ религіи и земледѣльческаго труда возбудила его вниманіе. Безъ сомнѣнія, онъ уже тогда имѣлъ свои планы насчетъ Фелленберга. Но прошло еще больше двухъ лѣтъ, прежде чѣмъ онъ вообще нашелъ досугъ заняться народнымъ образованіемъ. Продолжительный конгрессъ, основаніе Священнаго Союза, возвращеніе Наполеона съ о. Эльбы и пр. надолго отвлекли его отъ этого дѣла.

Но это дѣло было, можно сказать, первымъ, которымъ занялся Александръ, какъ-только получилъ возможность вернуться къ нормальной дѣятельности внутри имперіи. Сперанскій вѣрно и во-время выразилъ мысль, одушевлявшую царя, когда писалъ ему въ январѣ 1816 года: «Всѣ благомыслящіе люди давно признали составъ такъ называемаго у насъ народнаго просвѣщенія весьма недостаточнымъ. При внутреннемъ свѣтѣ, озаряющемъ душу Государя, Его Величество нынѣ яснѣе еще, чѣмъ прежде, узритъ сіи недостатки. Если правила общественнаго порядка должны быть почерпаемы изъ ученія Христова, то кольми паче правила воспитанія». Съ началомъ 1816 года и открывается рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ преобразованію народнаго воспитанія въ религіозномъ духѣ. Въ этомъ году разрѣшено было приступить къ переводу Св. Писанія

на русскій языкъ, въ августѣ кн. А. Н. Голицынъ назначенъ исправляющимъ должность министра народнаго просвѣщенія, въ октябрѣ слѣдующаго года это министерство соединено съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ, и въ актѣ, сопровождавшемъ манифестъ о сліяніи обоихъ министерствъ, установлена новая организація объединеннаго духовно-просвѣтительнаго вѣдомства[1]. И тутъ-то, въ разгаръ педагогическихъ реформъ, Александръ вспомнилъ о соотвѣтственныхъ западно-европейскихъ попыткахъ, съ которыми познакомился въ тѣ тревожные годы: въ 1816 году по высочайшему повелѣнію были командированы въ Лондонъ четыре студента Главнаго педагогическаго института для изученія Ланкастеръ-Беллевой системы взаимнаго обученія[2], а годъ спустя рѣшено было послать въ институтъ Фелленберга нѣсколько русскихъ юношей изъ аристократическихъ семействъ.

Эта послѣдняя мѣра разсматривалась, впрочемъ, только какъ временная, потому что въ правительственныхъ кругахъ — безъ сомнѣнія, по почину Каподистрія — обсуждался планъ основанія въ Гофвилѣ особаго русскаго педагогическаго института подъ ближайшимъ руководствомъ Фелленберга; туда и должны были перейти посылаемые теперь стипендіаты, какъ только русскій институтъ и предположенная при немъ православная церковь будутъ устроены. Планъ самъ по себѣ не представлялъ затрудненій, но важно было найти подходящаго человѣка изъ русскихъ, который могъ бы стать во главѣ института. И тутъ какъ-разъ подвернулся Н. И. Кривцовъ: ничего лучшаго нельзя было и придумать. Гр. Каподистрія былъ въ Москвѣ,

[1] С. В. Рождественскій *„Историч. обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просв. 1802—1902“*, Спб. 1902, стр. 109—115.

[2] Тамъ-же, стр. 145, и Пыпинъ, *„Обществ. движеніе въ Россіи при Ал. I“*, изд. 4-ое, стр. 336.

когда Кривцовъ остановился здѣсь проѣздомъ изъ-за границы въ Тимофеевское. Они видѣлись, и Каподистрія изложилъ ему свой планъ; трудность, говорилъ онъ, заключается въ томъ, что самъ онъ не можетъ заняться этимъ дѣломъ (онъ въ это время уже только номинально числился русскимъ посломъ въ Швейцаріи), а его помощникъ тамъ, баронъ Крюднеръ,—не такой человѣкъ, чтобы могъ организовать и затѣмъ вести институтъ; итакъ, не согласится ли онъ, Кривцовъ, занять этотъ постъ?—Кривцовъ тотчасъ не далъ опредѣленнаго отвѣта, обѣщавъ сообщить свое рѣшеніе изъ деревни.

Объ этомъ московскомъ разговорѣ мы и узнаемъ изъ письма, которое Кривцовъ послалъ Каподистріи 13 декабря 1816 г. изъ Тимофеевскаго[1]. Онъ пишетъ, что горячо привѣтствуетъ мысль графа объ основаніи русскаго института въ Гофвилѣ и что чрезвычайно польщенъ сдѣланнымъ ему предложеніемъ; содѣйствовать столь важному дѣлу и работать вмѣстѣ съ человѣкомъ, предъ которымъ онъ преклоняется (т.-е. съ Феллепбергомъ), составило бы счастье его жизни. Но, тщательно взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ остается при томъ мнѣніи, которое уже имѣлъ честь изложить графу въ Москвѣ: онъ полагаетъ, что функціи завѣдующаго русскимъ институтомъ необходимо должны быть связаны съ функціями русскаго резидента въ Швейцаріи, такъ какъ авторитетъ и содѣйствіе послѣдняго существенно важны въ особенности на первыхъ порахъ для успѣшности дѣла. Если бы графъ имѣлъ возможность оставаться на своемъ посту въ Швейцаріи, онъ былъ бы счастливъ стать подъ его начальство и помогать ему въ устройствѣ института; но баронъ Крюднеръ, по словамъ самого графа, не обладаетъ тѣми качествами, которыя не-

[1] Московскій Архивъ Мин. Иностр. Д., Администр. дѣла, II, 21, 1817, 2 (подлинникъ по-франц.).

обходимы для этого дѣла. Поэтому онъ, Кривцовъ, можетъ принять предложеніе графа только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы его одновременно назначили, по крайней мѣрѣ, дипломатическимъ агентомъ при швейцарскомъ сеймѣ, съ сохраненіемъ военнаго чина и съ назначеніемъ жалованья, соотвѣтствующаго тому посту, который онъ имѣетъ занять. Если графъ найдетъ возможнымъ принять его условіе, онъ проситъ его представить дѣло на усмотрѣніе государя.

Это было смѣло до наглости, и между тѣмъ письмо дышало такой самоувѣренностью, такимъ сознаніемъ своего достоинства и права! Его можно было купить, но только за дорогую цѣну. Въ концѣ письма онъ еще напоминалъ графу его обѣщаніе похлопотать предъ государемъ о помѣщеніи его двухъ братьевъ въ институтъ Фелленберга на казенный счетъ.

Каподистрія отвѣчалъ ему 9 февраля 1817 г. очень вѣжливо, но сухо[1]: барону Крюднеру уже поручено подыскать помѣщеніе подъ русскую часовню и договориться съ г. Феллепбергомъ объ условіяхъ содержанія какъ причта, такъ и самихъ пансіонеровъ; поэтому было бы трудно осуществить проектъ, предлагаемый имъ, Кривцовымъ, не нанося обиды барону. Что же касается братьевъ, онъ выражалъ полную готовность поддержать его просьбу, и увѣренность, что она будетъ уважена государемъ.

О назначеніи Кривцова въ Швейцарію повидимому больше не было разговоровъ. 27 марта Кривцовъ въ Петербургѣ вручилъ графу Каподистріи для доклада государю прошеніе о помѣщеніи его двухъ братьевъ на счетъ государя въ институтъ Фелленберга[2]; а 26 мая послѣдовалъ

---

[1] Подлинникъ (по-франц.)—въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библ. (Бумаги П. Н. Батюшкова).

[2] Московскій Архивъ М. И. Д., Министр. дѣла, II, 21, 1817, 2 (подлинникъ по-франц.).

высочайшій указъ на имя министра финансовъ Гурьева: для воспитанія въ Гофвильскомъ Институтѣ малолѣтнихъ Кривцовыхъ производить имъ со дня ихъ отъѣзда изъ Россіи до возвращенія по окончаніи наукъ ежегодно по 500 рублей каждому, считая рубль въ 50 штиверовъ голландскихъ, изъ общихъ государственныхъ доходовъ, каковую сумму выдавать ихъ брату, вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ коллежскому совѣтнику Кривцову, т.-е. Николаю Ивановичу; на путевыя же издержки доставить ему по 700 руб. ассигнаціями для каждаго, изъ тѣхъ же доходовъ [1].

И вотъ, 27 мая 1817 года, въ 5 часовъ дня, два мальчика съ крѣпостнымъ слугою выѣхали въ возкѣ изъ помѣщичьей усадьбы села Тимофеевскаго, Болховского уѣзда, въ далекій Петербургъ. Это были Сергѣй и Павелъ Кривцовы — будущій декабристъ, и будущій попечитель надъ русскими художниками въ Римѣ временъ Гоголя. Сергѣю было 15 лѣтъ, Павлу 12. Послѣдніе полтора года они учились въ Москвѣ; теперь, послѣ побывки дома, они надолго разставались съ матерью и сестрами. Ихъ вызвалъ въ Петербургъ старшій и важный братъ, воля котораго, разумѣется, была для матери закономъ.

Мальчики прибыли въ Петербургъ 9 іюня, въ тотъ самый день, когда окончилась лицейская жизнь Пушкина, и когда онъ на выпускномъ актѣ публично читалъ свое «Безвѣріе». Четыре дня спустя старшій, Сергѣй, писалъ матери: «*Милостивая Государыня Матушка Вѣра Ивановна. Извините меня, что я первое письмо такъ мало писалъ потому что я еще не успѣлъ образумѣтся отъ дороги хотя я и не очень усталъ но меня такъ закачало что не только руки даже и голова и въ головѣ всѣ трѣслось*».

---

[1] Тамъ-же, копія.

Онъ пишетъ, что къ мѣсту назначенія ихъ отправятъ недѣли черезъ три, а можетъ быть и позднѣе, потому что священникъ, который поѣдетъ съ ними, еще не женатъ и ждетъ Мясоѣда, чтобы жениться. «Насчетъ нашего ученья я теперь вамъ скажу, что тамъ государь еще хочетъ заводить, но теперь тамъ партикулярный пансіонъ г. Фелленберга» (онъ пишетъ: Филамберга, но здѣсь и въ дальнѣйшемъ я болѣе не буду соблюдать орѳографію подлинниковъ) — «и государь даетъ намъ на проѣздъ по 700 рублей и каждому 500 для нашего содержанія и заплатить г. Фелленбергу».

Въ Петербургѣ мальчики поселились въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ старшій братъ Николай, но въ другой квартирѣ,—вѣроятно это были разные этажи гостиницы; обѣдали также отдѣльно, и Сергѣй, завѣдовавшій кассою, жалуется, что обѣдъ обходится имъ на двоихъ восемь рублей, да бутылка пива 25 коп., такъ что меньше десяти рублей въ день имъ никакъ нельзя тратить; изъ-за дороговизны они даже отказались отъ ужина и купили себѣ чайникъ и чашки, чтобы пить вечерній чай дома. Они кое-какъ развлекаются, осматривая достопримѣчательности Петербурга. Старшему брату, очевидно, не до нихъ: онъ самъ недавно въ Петербургѣ, для него еще новы и увлекательны впечатлѣнія двора и свѣта. Мальчики ходятъ одни въ театръ; младшій пишетъ, что былъ вчера въ Казанскомъ соборѣ и видѣлъ славныя колонны и множество знаменъ всѣхъ націй и серебряную рѣшетку, — «а нынче, я думаю, пойдемъ въ кунскамеръ. Извините, милая маменька, что такъ мало пишу, право не знаю, что писать. У милостивой государыни бабушки цалую ручки».

Смотрятъ они въѣздъ прусской принцессы Шарлотты и видятъ государынь, выходившихъ на балконъ къ народу, и тутъ же, на балконѣ, позади государынь, въ толпѣ

придворныхъ,—своего брата Николая: онъ тутъ въ первый разъ носилъ свой шитый золотомъ камергерскій мундиръ и первый разъ исполнялъ свою должность. Нашлись у нихъ въ Петербургѣ и знакомые—бывшіе товарищи по московскому пансіону, Родзянко, Мансуровъ и др. А насчетъ отъѣзда все еще не было опредѣленныхъ свѣдѣній: «братъ Николай Ивановичъ самъ того не знаетъ». Сергѣй самъ соображаетъ: надо еще попу и всему причту жениться, потомъ будетъ постриженіе, потомъ будутъ ихъ учить служенію, — очевидно, раньше половины іюля не выбраться. Должно быть по совѣту старшаго брата, чтобы мальчики не слишкомъ много шатались безъ дѣла, они начали ходить въ недавно открытую Публичную библіотеку, три раза въ недѣлю, а четвертый—въ отдѣленіе рукописей; «и ужъ я былъ тамъ разъ,—пишетъ младшій, Павелъ,—и читалъ переведенную съ французскаго трагедію Эсѳирь Катенинымъ и списалъ всего Пѣвца Жуковскаго, а завтра пойду опять въ нее и буду разсматривать всѣ рукописи и всѣ залы, гдѣ содержатся книги, и къ послѣзавтрему подписался на книгу Письма русскаго офицера» (Ѳедора Глинки). Но прошелъ и іюль, а день отъѣзда все еще не былъ назначенъ. 13 августа Николай писалъ матери, что каждый день ждетъ отправки братьевъ и не можетъ дождаться: все уже готово, но отсутствіе гр. Каподистрія тормозитъ всѣ дѣла. Наконецъ 4 сентября Сергѣй извѣщаетъ, что выѣзжаютъ сегодня: послѣдняя задержка вышла изъ-за того, что попъ только вчера женилъ своего брата, будущаго дьякона при немъ-же.

Ѣхали большой компаніей: будущіе ученики Фелленберга и причтъ, везли ризницу для будущей церкви, брали по 30 лошадей. Ѣхали медленно, останавливаясь въ каждомъ городѣ, и до границы—Радзивиллова—добрались только черезъ пять недѣль, 13 октября. Оттуда направились на

Прагу, и въ Гофвиль прибыли, повидимому, уже въ первыхъ числахъ декабря. 14—16 декабря Сергѣй писалъ матери: «Вотъ уже недѣля, что я опредѣлился сюда... Опредѣлился я сюда 6 декабря нашего стиля. Г. Фелленбергъ принялъ меня чрезвычайно ласково, такъ же какъ и всѣ учителя, дали намъ съ братомъ одну комнату, преимущественно предъ всѣми, которые живутъ по 10 и болѣе. Теперь я учусь только по-нѣмецки, потому что здѣсь всѣ науки преподаются на нѣмецкомъ языкѣ; еще началъ я съ однимъ французомъ геометрію. Столъ здѣсь довольно умѣренный, но сытный и вкусный; пьемъ мы старое красное вино. Съ дѣтьми обращаются очень ласково, не такъ, какъ въ Пансіонѣ, а большіе имѣютъ довольно воли. Здѣсь очень много учителей, и въ классѣ не болѣе 5 или 6 человѣкъ... Будьте увѣрены, что здѣсь мнѣ ничего недостаетъ; всѣ любятъ, всѣ пеняютъ, для чего къ нему не придешь, другой—для чего не ходишь работать. За столомъ же меня г. Фелленбергъ возлѣ себя посадилъ и особливыя кушанья, т. е. тѣ, которыя подаются учителямъ, также и особливая бутылка вина, хотя и очень много есть большихъ учениковъ. Часто играемъ въ снѣжки и другія игры. Платье здѣсь дѣлаютъ изъ довольно тонкаго сукна».

III.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Еще ищетъ груздочекъ бѣляночки;
Не груздочекъ то скачетъ,—дворянскій сынъ,
Не бѣляночки ищетъ,—боярыни.

Нар. пѣсня.

Николай Ивановичъ оставался еще въ Петербургѣ, ожидая назначенія. 22 мая 1817 года онъ торжественно возобновилъ свой дневникъ, прерванный на пути изъ Франціи въ Россію: «Послѣ 10-мѣсячнаго молчанія берусь за перо, чтобы продолжать протоколъ моей жизни. Я вступаю въ рѣшительную эпоху. Мнѣ $26^1/_2$ лѣтъ, я на хорошей дорогѣ, и въ первый разъ въ моемъ сердцѣ повидимому зарождается устойчивое чувство».—Дѣло въ томъ, что онъ затѣялъ два предпріятія, которыя должны были сразу и прочно устроить его судьбу: онъ ждалъ назначенія на дипломатическій постъ, и искалъ руки Екатерины Ѳедоровны Вадковской.

Недавнія увлеченія и обѣты, всѣ эти мечты объ отреченіи отъ земныхъ благъ, о служеніи родинѣ, о Ланкастеровыхъ школахъ, не то чтобы увяли,—они какъ бы механически выпали изъ его ума, вмѣстѣ съ любовью къ Генріетѣ, ненавистью къ царямъ, отвращеніемъ къ протекціи и пр. Онъ хотѣлъ устроиться, и устроиться хорошо,—другихъ цѣлей у него не было; и этой цѣли онъ доби-

вается энергично, разумѣется чрезъ протекцію, потому что другихъ средствъ не было.

Можно удивляться ослѣпленію, въ какомъ онъ строилъ свои разсчеты, и можно было заранѣе предсказать, что его постигнетъ фіаско. Въ своемъ величественномъ самомнѣніи онъ не могъ и не желалъ учитывать шансы успѣха: что̀ ему, по его внутреннему чувству, подобаетъ, того онъ и требуетъ безъ отговорокъ, какъ должнаго. Мы видѣли, какой тонъ онъ взялъ съ перваго же шага—въ переговорахъ съ гр. Каподистріей о назначеніи въ Гофвиль. Лаконическій отказъ Каподистрія нисколько не образумилъ его; онъ вѣроятно опять подумалъ: «тѣмъ хуже для нихъ». Теперь, въ Петербургѣ, предъявивъ требованіе, онъ даже не допускаетъ мысли, что ему могутъ отказать. Онъ пожелалъ занять постъ при русскомъ посольствѣ въ Америкѣ. 23 мая, за обѣдомъ у гр. Литты, онъ узнаетъ, что посломъ туда назначенъ баронъ Тюиль; вечеромъ, занеся это извѣстіе въ дневникъ, онъ увѣренно прибавляетъ: «Завтра я вѣроятно узнаю и о моемъ назначеніи». На другой день онъ отправляется къ гр. Каподистріи узнать о своемъ назначеніи,—и узнаетъ нѣчто такое, что приводитъ его въ удивленіе: онъ не ждалъ встрѣтить препятствія. «Я рѣшилъ написать ему сегодня же, съ тѣмъ, чтобы уполномочить его передать государю мою формальную просьбу»; онъ не сомнѣвается, что какъ только государь узнаетъ о его желаніи, дѣло тотчасъ устроится. На слѣдующій день онъ дѣлаетъ визитъ ново-назначенному послу, барону Тюилю, излагаетъ ему свои «планы» и проситъ его согласія,—баронъ принимаетъ его вѣжливо, но на его предложенія отвѣчаетъ «съ голландскою флегмой»; а два дня спустя Каподистрія сообщаетъ ему, что государь предпочитаетъ назначить его въ Англію. Кривцовъ принимаетъ эту неудачу съ резиньяціей. «Итакъ, я долженъ отложить мои

планы до болѣе благопріятнаго времени. Правда, я желалъ сразу слишкомъ многаго. Заботливость его величества трогаетъ меня и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ; постоянныя проявленія его доброты ко мнѣ обезпечиваютъ ему мою признательность навсегда. Мнѣ нельзя колебаться ни минуты: служить ему есть единственное, что я могу сдѣлать въ эту минуту. Я покорюсь; но какъ дорого будетъ мнѣ стоить эта жертва, которую я приношу ему! Настанетъ, можетъ быть, болѣе счастливое время, когда мои желанія будутъ услышаны, но сколько событій совершится до тѣхъ поръ!» Итакъ, онъ огорченъ, но да замретъ въ его сердцѣ всякій ропотъ противъ государя! его лойальность непоколебима.

Онъ также забылъ свое отвращеніе къ дворцамъ и охотно является во дворцѣ, даже по собственному почину. Рѣшивъ навѣстить царскую семью въ Павловскѣ, онъ пренебрегъ обычнымъ порядкомъ и, не спрашивая позволенія, просто поѣхалъ туда и велѣлъ доложить о себѣ. Это было грубымъ нарушеніемъ этикета, «но счастіе,—пишетъ онъ въ дневникѣ,— сопутствуетъ мнѣ всюду, какъ бы почитая во мнѣ прямоту моихъ намѣреній»:—императрица, удивленная въ первую минуту, искусно повернула дѣло, приписавъ его визитъ правамъ давнишняго знакомства, такъ какъ онъ когда-то служилъ въ полку, который стоялъ гарнизономъ въ ея лѣтней резиденціи. Послѣ другого такого же ненужнаго визита въ Царское Село онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Сергѣй Строгановъ, вернувшись изъ Царскаго Села, подшучивалъ надъ моей субботней поѣздкой туда. Не понимаю, что тутъ дурного! Императоръ такъ добръ ко мнѣ, — вполнѣ естественно, что я желаю его видѣть».

Въ эти мѣсяцы дворъ былъ поглощенъ важнымъ событіемъ: бракосочетаніемъ вел. кн. Николая Павловича. 20-го

іюня 1817 г. совершился въѣздъ невѣсты въ Петербургъ (это была дочь прусскаго короля Шарлотта, нареченная въ крещеніи Александрой Ѳедоровной; ее сопровождалъ ея братъ Вильгельмъ, будущій германскій императоръ); 24-го состоялось ея миропомазаніе, 25-го обрученіе и 1 іюля бракосочетаніе. Кривцовъ, въ качествѣ камергера, участвовалъ во всѣхъ этихъ церемоніяхъ, а по вечерамъ, за дневникомъ, давалъ волю своему просвѣщенному свободомыслію. «Комедія, которую разыграли при дворѣ, была въ достаточной степени скучна», писалъ онъ 20-го. «У дѣвицы нѣмецкая наружность, но весьма непрезентабельная. — Курбеты, болѣе или менѣе групыя улыбки, безсмысленныя фразы — вотъ что такое дворъ; прибавьте къ этому, что всѣ держатъ себя подло, низко и смѣшно, и картина будетъ закончена». Два дня спустя онъ представлялся принцу Вильгельму, безъ всякой другой надобности, кромѣ желанія presenter ses hommages. 24-го во время церемоніи миропомазанія графъ Сенъ-При въ разговорѣ съ нимъ замѣтилъ, что принцесса переживаетъ теперь страшную минуту: отреченіе отъ своей родины, тронъ въ перспективѣ... — Кривцовъ перебилъ его: «И все-таки, все-таки тронъ! Пусть бы мнѣ предложили тронъ цѣною обрѣзанія, я не колебался бы ни минуты». «Такъ я сказалъ,— пишетъ онъ въ дневникѣ,—но я вовсе этого не думалъ; блескъ трона меня не ослѣпляетъ, мой богъ—свобода!» И опять на другой день онъ служитъ при дворѣ, съ 11 утра до ночи на ногахъ, одноногій, и въ полной формѣ: утромъ обрученіе, потомъ парадный обѣдъ, вечеромъ балъ. Въ этотъ день онъ состоялъ при вел. кн. Константинѣ; послѣдній былъ съ нимъ вѣжливъ, но холоденъ, а онъ ждалъ большаго, потому что, говоритъ онъ, «государь меня избаловалъ». Онъ съ улыбкой вспомнилъ въ этотъ день предсказаніе своей няни-старухи, которая не разъ говорила

ему въ дѣтствѣ, что онъ будетъ при дворѣ. Въ день бракосочетанія, 1-го іюля, онъ также съ утра на своемъ посту. Въ этотъ день вел. кн. Константинъ ни разу не заговорилъ съ нимъ—«но я слышалъ,—говоритъ онъ,—его разговоры съ другими, и понялъ, что ему нечего было мнѣ сказать». Зато государь оказалъ ему необыкновенную любезность. Послѣ вѣнчанія Александръ вдругъ вошелъ въ залу, гдѣ были въ сборѣ всѣ придворные чины, и, направившись прямо къ Кривцову, сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ по поводу утомительности всей этой церемоніи для него, Кривцова. Кривцовъ отвѣчалъ, что онъ старается оправдать назначеніе его величества и постарается всюду, какъ до сихъ поръ, съ полнымъ усердіемъ исполнять свои обязанности. Государь пожалъ ему руку и удалился, «изумивъ всѣхъ своимъ появленіемъ, которое повидимому имѣло единственной цѣлью—сказать мнѣ эти слова». Кривцовъ былъ крайне польщенъ; и тутъ-же онъ опять насмѣхается надъ жалкой толпою придворныхъ, надъ обманутыми ожиданіями и завистью однихъ, надъ бездарностью и тупостью всѣхъ вообще, и пр.

А вдали отъ дворца, въ интимной бесѣдѣ, онъ по-прежнему не прочь повольнодумствовать, однако не слишкомъ громко, потому что и у стѣнъ есть уши. Напримѣръ,—«сегодня за обѣдомъ (у г-жи Соловой) я немного поякобинствовалъ со Скарятинымъ, потомъ немного посмѣялся съ дамами»; а вотъ М. О. Орловъ неосторожен: «вечеромъ мы собрались у него—Вяземскій, Жуковскій, Тургеневъ и я,—и онъ развивалъ ту мысль, что только слабость характера можетъ помѣшать человѣку усвоить либеральныя идеи; крайне опасное заявленіе, будь тутъ горячія головы!»

Онъ посѣщаетъ только лучшее общество; въ его дневникѣ то и дѣло мелькаютъ записи: обѣдалъ у гр. Литта,

у гр. Лаваль, у гр. Стройновскаго, у гр. Завадовскаго, у Апухтиныхъ, у Соловыхъ, провелъ вечеръ у Строгановыхъ, у кн. Вяземской, у Скарятиныхъ, у Ланскихъ, у Орловыхъ (А. и М. Ѳ.). Днемъ онъ дѣлаетъ визиты. Разъ упомянуто, что навѣстилъ Вендрамини—тѣхъ самыхъ, которые были обязаны ему спасеніемъ въ горящей Москвѣ; разъ — только разъ — побывалъ на годичномъ засѣданіи Библейскаго общества, гдѣ было много духовныхъ лицъ — «зрѣлище необычное въ Россіи», — и гдѣ А. И. Тургеневъ читалъ хорошій докладъ, который, впрочемъ, «вѣроятно кто-нибудь помогъ ему составить»; Тургеневъ представилъ его предсѣдателю — кн. А. Н. Голицыну (тогда уже министру народнаго просвѣщенія), который припомнилъ, что зналъ его раньше: они встрѣчались когда-то у Нарышкиныхъ. Парижскіе пріятели Кривцова—аббатъ Грегуаръ, Жанъ-Батистъ Сэ и другіе — вѣроятно удивились бы, читая эти его записи о его придворныхъ и свѣтскихъ успѣхахъ въ Петербургѣ; а пожалуй, что и нѣтъ.

Но при всемъ вниманіи, съ какимъ Кривцовъ налаживалъ свои дворцовыя и свѣтскія отношенія,—не они, и даже не хлопоты о мѣстѣ, столь важныя для него, главнымъ образомъ занимали въ это время его вниманіе. Онъ опять любилъ — по меньшей мѣрѣ уже въ четвертый разъ — и опять, по его словамъ, «всѣми силами своей души».

Дѣло началось, какъ онъ самъ разсказываетъ въ дневникѣ, слѣдующимъ образомъ. Лѣтъ 8 или 10 назадъ, когда Е. Ѳ. Вадковская была еще ребенкомъ, онъ видѣлъ ея портретъ, и она ему понравилась; ея дядя и тетка разсказывали ему о ней, и онъ съ интересомъ слушалъ ихъ разсказы; у него уже тогда зародилась мысль о женитьбѣ на ней, главнымъ образомъ съ цѣлью породниться съ ними, т.-е. съ Чернышевыми. Теперь, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ началъ съ жадностью собирать свѣдѣнія о ней,

но когда онъ въ первый разъ увидѣлъ ее, въ ней оказалось мало сходства съ тѣмъ портретомъ, и наружность ея такъ разочаровала его, что онъ не на шутку разстроился. Приходилось оставить мысль о женитьбѣ на ней, и ему было жаль этого. Онъ уже обратилъ было взоры — очевидно, съ тою же цѣлью — на другую, на нѣкую А. Б., но дальнѣйшія встрѣчи съ Вадковской отняли у него свободу выбора; онъ не успѣлъ опомниться, какъ сдѣлался ея рабомъ.

Итакъ, повторилась уже знакомая намъ исторія его влюбленій: онъ началъ, какъ и съ Генріетой, разсудочно, и тотчасъ вспыхнулъ; стоило ему только съ какою-бы то ни было цѣлью близко подойти къ молодой женщинѣ, его быстро охватывала страсть, бурная, мучительная, нетерпѣливая до умопомраченія. Дѣйствительно, чрезъ 6 или 7 недѣль по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ пылалъ уже яркимъ пламенемъ. Вначалѣ онъ еще взвѣшиваетъ шансы этого союза, но проходитъ недѣля, и онъ уже ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ только о свиданіяхъ съ нею, объ ея отношеніи къ нему и пр. Въ его чувствѣ есть что-то бѣшеное и дикое, онъ почти не владѣетъ собою; какъ тогда, въ любви къ Генріетѣ, онъ признается: mon imagination est montée. Таковы большею частью были чувственныя любови Пушкина.

Вадковская была не стараго рода, но знатнаго происхожденія. Ея отецъ, знаменитый красавецъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій, товарищъ дѣтства и потомъ любимецъ Павла, шефъ Павловскаго полка, умеръ въ званіи сенатора еще въ 1806 году; мать, Екатерина Ивановна, была дочерью сподвижника Екатерины II, фельдмаршала графа И. Г. Чернышева, и дѣвушкой, въ качествѣ фрейлины императрицы, сопровождала ее во время знаменитаго путешествія въ Крымъ. Кромѣ двухъ дочерей, у Екатерины

Ивановны были еще четыре сына, всѣ въ военной службѣ, въ томъ числѣ будущій декабристъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Вадковскіе тоже, какъ и Кривцовы, были орловскіе помѣщики, хотя и другого, Елецкаго, уѣзда; притомъ они состояли въ близкомъ родствѣ съ сосѣдями и давнишними друзьями Кривцовыхъ, Плещеевыми, такъ какъ сестра Екатерины Ивановны, Анна, была замужемъ за А. А. Плещеевымъ (другомъ Жуковскаго). Теперь Екатерина Ивановна жила съ двумя дочерьми — старшею, Екатериной Ѳедоровной, вѣроятно 19-20 лѣтъ, и Софьей, 17-ти. Какъ-разъ въ это лѣто, когда Кривцовъ влюбился въ Екатерину, за Софьей ухаживалъ полковникъ Семеновскаго полка П. М. Безобразовъ, вскорѣ и женившійся на ней. Позднѣе внукъ Екатерины Ивановны (сынъ этой самой Софьи) характеризовалъ свою бабушку, Екатерину Ивановну, такими чертами: она была женщина необыкновенно умная и энергичная, и, какъ дочь и жена военныхъ людей, терпѣть не могла «статскихъ рябчиковъ»; такъ она называла людей, носящихъ партикулярное платье[1]. А Кривцовъ на свою бѣду былъ штатскій.

По тогдашнимъ законамъ приличія Кривцовъ не могъ и думать о томъ, чтобы когда-нибудь видѣться съ Екатериной Ѳедоровной наединѣ; домъ былъ свѣтскій и строгаго тона. Въ двадцатыхъ числахъ мая Вадковскіе переѣхали на дачу—въ Строгановскій садъ за Выборгской заставой. На дачѣ было больше удобствъ для сближенія, да и этикетъ слабѣе. Но Кривцовъ жилъ въ городѣ, а мосты на Невѣ тогда разводились рано, притомъ не въ опредѣленное время: когда въ полночь, когда и раньше. За лѣто онъ досыта вкусилъ эту муку Обломова; то онъ прерываетъ свиданіе, чтобы еще застать мостъ, то, пріѣхавъ въ 12,

[1] Ѳ. П. Тимирязевъ, „Страницы прошлаго“, Русскій Арх. 1884 г., кн. 2, стр. 303—304.

находитъ мостъ уже разведеннымъ, и принужденъ до зари, до половины 5-го часа, дрогнуть подъ открытымъ небомъ, пока наведутъ мостъ. Искренніе вопли вырываются изъ его сердца: что̀ сто́итъ разъ навсегда установить часъ разводки, или ежедневно вывѣшивать объявленіе о часѣ, или разводить поперемѣнно одинъ изъ двухъ мостовъ! никакой заботы объ удобствахъ публики, а департаментъ полиціи стоитъ бѣшеныхъ денегъ!

Дѣвушка была очень сдержана. Еще на первыхъ порахъ она оказывала ему нѣкоторое вниманіе—по крайней мѣрѣ такъ ему казалось; онъ какъ-то замѣтилъ, что ей слѣдовало бы иначе причесываться, и нѣсколько дней спустя засталъ ее причесанной такъ, какъ онъ совѣтовалъ; онъ просился на службу въ Америку, и она однажды заговорила о томъ, что хотѣла бы путешествовать и особенно—видѣть Америку. Онъ жадно собираетъ эти крохи. Она называетъ ему, какъ свои любимые романсы,—«Il est parti...» и «Conçois tu...» а когда его самого просятъ написать какіе-нибудь стихи для музыки, онъ спрашиваетъ ее, какую тему она желаетъ, или, по крайней мѣрѣ, предпочитаетъ ли она дружбу, или любовь; она отвѣчаетъ, что знаетъ только первую, и тогда онъ пишетъ «Toi qui d'amour j'aimerai...» Но онъ съ грустью видитъ, что дѣло не двигается впередъ; напротивъ, она даже какъ-будто стала холоднѣе. На прогулкѣ она дала ему нести свою шляпу, но разговора никакого не вышло, хотя они нѣсколько разъ шли рядомъ; потомъ, передъ ужиномъ, онъ засталъ ее одну на балконѣ—и она тотчасъ ушла оттуда. А онъ все больше разгорается, считаетъ часы до свиданія, живетъ только въ тѣ дни, когда видѣлъ или надѣется увидѣть ее. Она кажется ему совершенствомъ, именно такая жена нужна ему. У нея нѣтъ ни богатства, ни ослѣпительной красоты, ни выдающихся дарованій, но все въ ней очаровательно: лицо,

улыбка, звукъ голоса, даже движенія, подчасъ неловкія; она такъ естественна и покладлива.

Вотъ, въ переводѣ, его записи за нѣсколько дней.

Воскресенье, 3 іюня.—Не то, чтобы я былъ недоволенъ моимъ днемъ, но и радоваться мнѣ особенно нечему. Утромъ я гулялъ въ Строгановскомъ саду, потомъ сдѣлалъ визитъ г-жѣ Апухтиной; въ 3 часа пришелъ къ ней. Я сѣлъ рядомъ съ нею, мое сердце сильно билось, и мы мирно бесѣдовали. Въ ней нѣтъ ничего, что бы мнѣ не нравилось; я былъ бы въ отчаяніи, если бы она хоть на іоту была иною. Но ея сдержанность меня истинно сокрушаетъ. Вначалѣ она иногда давала мнѣ поводы быть довольнымъ, но послѣдніе 2—3 дня ни одна отрада не утишаетъ бури въ моемъ сердцѣ.

За обѣдомъ Софья (сестра Е. Ѳ.) была испугана ударомъ грома; она сказала мнѣ: «вотъ такъ всегда: ей нужно взять мою руку, тогда она успокаивается.» — О, да! чего можно бояться близъ тебя? получи я твою руку, прижми я ее къ моему сердцу,—я пойду навстрѣчу любой опасности и не буду бояться ничего на свѣтѣ.—Я былъ тронутъ тѣмъ, какъ она сказала мнѣ эти слова. О, какъ проникаетъ мнѣ въ сердце всякое ея слово!

Въ $6^1/_2$ г-жа Вадковская ушла прилечь, и я счелъ долгомъ удалиться. Я пошелъ къ г-жѣ Соловой, былъ задумчивъ и разсѣянъ; говорили о воспитаніи, я сказалъ, что отдаю преимущество общественному воспитанію, мнѣ возражали глупости, я замолчалъ и ушелъ. Не смѣя вернуться къ ней, я пошелъ къ Тургеневымъ, гдѣ засталъ Жуковскаго. Разговоръ былъ интересенъ, какъ всегда, но я уже не тотъ!

Понедѣльникъ, 4 іюня. — Бѣдная голова! бѣдное сердце!... Нѣтъ силъ продолжать. Куда же дѣваются и разумъ, и способность мыслить? увы! они — слишкомъ слабыя плотины противъ страстей.

Первая мысль, предстающая моему уму въ минуту пробужденія, это—надежда ее видѣть; вечеромъ я возвращаюсь грустный и недовольный; такова моя жизнь послѣдніе 3 или 4 дня! Я чувствую себя глупымъ, неловкимъ, смѣшнымъ... Дорого обойдется мнѣ это! Но постараюсь собрать остатокъ своихъ силъ.

Завтра я опять увижу ее. Сегодня вечеромъ она повидимому сердилась за письмо; я хочу показать, что не обидѣлся, но пробуду только минуту, и затѣмъ можетъ быть дней 5—6 совсѣмъ не буду приходить. Господи, если бы я могъ уѣхать!

Вторникъ, 5 іюня.—Всю ночь и все утро—какая буря въ моей душѣ! Мое сердце было разбито, меня терзала невыразимая тоска, я ничего не могъ дѣлать, всѣ мои мысли были поглощены самыми мрачными предположеніями. Еще одинъ такой день, и я слягу. Голова у меня горѣла, пульсъ былъ ускоренъ, словомъ—я страдалъ мучительно, и все это — результатъ вчерашняго вечера: когда сердце полно любви, оно полно и страховъ.

Сегодня вечеромъ я опять пошелъ туда и пробылъ какъ обыкновенно; и Богъ знаетъ, не пойду ли и завтра. Мы гуляли. Былъ Александръ Нарышкинъ. Я убѣжденъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени начнутъ говорить о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ. Послѣ ужина мы долго говорили о Плещеевѣ. Она дала мнѣ два-три опредѣленныхъ приказанія. Если бы только я могъ быть увѣренъ, что это не насмѣшка; иначе мнѣ было бы очень непріятно. Если она хочетъ испытать меня, пусть бы она выбрала для этого случай поважнѣе. Софья прелестна своей добротою.

Обѣдалъ у Завадовскаго, который самъ пришелъ меня звать. Мы много говорили съ его старшимъ братомъ о чувствахъ, политикѣ и морали. Онъ образованъ, но въ мышленіи слабъ.

Среда, 6 іюня.—Я серьезно думаю, что вчера утромъ у меня былъ кризисъ душевнаго недомоганія, которое я испытывалъ послѣдніе дни. Съ тѣхъ поръ я чувствую себя несравненно лучше. Вчерашній вечеръ былъ очень пріятенъ, пышѣшній также, наконецъ я гораздо спокойнѣе. Между тѣмъ счастье еще далеко отъ меня. Ей опять пришла охота испробовать свой деспотизмъ надо мною: прощаясь, она подарила меня взглядомъ, полнымъ ласки, можетъ быть въ награду за мое послушаніе. О, мой другъ, развѣ ты не знаешь: «Повиноваться тому, кого любишь, отраднѣе, чѣмъ повелѣвать».

Софья была сегодня не такъ весела, какъ вчера. Я замѣчаю, что въ присутствіи этихъ господъ[1] она всегда скучнѣе. Можетъ быть, это—тщеславіе, думать, что со мною она лучше настроена, но дѣйствительно, когда ихъ нѣтъ, она держитъ себя непринужденнѣе... Вообще, когда мы одни, онѣ всѣ гораздо больше болтаютъ и смѣются.

Мнѣ очень хотѣлось бы знать исторію романса «Ручей два древа раздѣляетъ». Онъ уже давно интересуетъ меня, по разнымъ причинамъ[2].

Четвергъ, 7 іюня.—Утро я провелъ въ бездѣльи, какъ и всѣ эти дни: работа на умъ нейдетъ, какъ говоритъ пословица. Обѣдалъ на дачѣ у Козодавлева, который по-прежнему необыкновенно любезенъ со мною. Вечеромъ былъ у Тургеневыхъ. Сѣверинъ[3] сказалъ мнѣ, что по

---

[1] Братья Вадковской и кузенъ.

[2] Старинный романсъ, о которомъ говоритъ Кривцовъ, начинался, кажется, такъ:

Ручей два древа раздѣляетъ,
Но вѣтви ихъ сплетясь растутъ,
Судьба два сердца разлучаетъ,
Но мысли ихъ вдвоемъ живутъ...

[3] Д. П. Сѣверинъ, членъ „Арзамаса“ („Рѣзвый Котъ“), служилъ въ канцеляріи Министерства Иностр. Дѣлъ.

моему дѣлу еще ничего нѣтъ; тѣмъ лучше, очень радъ; подожду возвращенія графа. А вѣдь еще мѣсяцъ назадъ я былъ бы въ отчаяніи отъ этой проволочки. Какъ противорѣчивы желанія человѣка! Я долженъ увидѣть графа передъ его отъѣздомъ; что-то онъ мнѣ скажетъ? А пока — потерянный день: я не видѣлъ ее; но конечно я думалъ о ней и даже имѣлъ удовольствіе говорить о ней съ г-жей Козодавлевой; да и отсрочка моего назначенія, не ради нея ли я доволенъ этимъ замедленіемъ? Да, я люблю ее всей силою моей души, я поклоняюсь ей, какъ моему единственному божеству. Всѣ мои желанія, словомъ — все мое существо принадлежитъ ей навѣки!

Пятница, 8 іюня.—Былъ у нея дважды: утромъ въ 2 часа подъ предлогомъ доставки книгъ матери и визита на Каменный островъ, и вечеромъ по обыкновенію. Много гуляли. Она была любезна, особенно утромъ. Мы говорили по-русски, вѣрнѣе—я говорилъ съ ней по-русски. Мнѣ было немного совѣстно придти вечеромъ вторично, какъ и передъ тѣмъ было совѣстно придти утромъ. Когда я вдали отъ нея, я умираю отъ желанія идти къ ней, когда подхожу къ дому, у меня сильно бьется сердце, когда я у нея, мнѣ не хочется уходить, а изъ-за проклятыхъ мостовъ приходится уходить раньше 12-ти,—это ужасно!

Сегодня вечеромъ г-жа Вадковская болѣе чѣмъ когда-нибудь подала мнѣ надежду, сказавъ мнѣ, что она хотѣла бы имѣть поводъ побывать за границей. Я думаю, что со стороны матери не встрѣчу затрудненій, но дочь?... Ахъ, она все еще холодна какъ ледъ!

Прощаясь, я сказалъ, что завтра не приду. Если смогу, не пойду и въ воскресенье.

Графъ Каподистрія завтра уѣзжаетъ, и ничего не далъ мнѣ знать. Въ другое время это бы меня разстроило, а теперь — хоть бы они всѣ уѣхали на край свѣта, мнѣ все равно».

Онъ дѣйствительно не пошелъ ни въ субботу, ни въ воскресенье; въ субботу пріѣхали его братья, Сергѣй и Павелъ, съ крѣпостнымъ человѣкомъ Фокой; они привезли ему письмо отъ его друга Плещеева, сосѣда по Тимофеевскому, который былъ также друженъ съ семьею Вадковскихъ. Въ понедѣльникъ Кривцовъ повезъ это письмо къ Вадковскимъ. Этого вечера онъ особенно ждалъ, потому что по понедѣльникамъ братья и кузенъ отсутствовали.

Понедѣльникъ, 11 іюня. — Хотя былъ понедѣльникъ, но вечеръ оказался менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ я могъ желать. Она можетъ привести въ отчаяніе своей леденящей холодностью. Не приложу ума, чѣмъ это кончится; но если дѣло будетъ такъ продолжаться, очевидно, что я уѣду ни съ чѣмъ. Я былъ до извѣстной степени обласканъ только въ первые моменты кампаніи,— и до какого состоянія я тогда дошелъ! Но это продолжалось не долго: есть какъ бы черта, за которую невозможно перейти. Мучительное положеніе!

Вторникъ, 12 іюня.—Эти два вечера были восхитительны, особенно нынѣшній; зато теперь надо ждать 5 долгихъ дней, пока повторится такой вечеръ. А въ этотъ промежутокъ, такъ сказать, теряешь ее изъ виду, «раззнакомливаешься». Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы гвардія уже ушла въ Москву! но до этого еще 6 недѣль.—Она была милѣе, чѣмъ когда-либо; легкія замѣчанія, упреки, намеки на то, что я увлеченъ Варварой (Нарышкиной), Еленой (Строгановой) и пр... Это меня восхищаетъ. Мы хохотали до упаду, г-жа Вадковская просто выбилась изъ силъ... Я гораздо свободнѣе съ Софьей, потому что мое чувство къ ней не такъ исключительно; съ нею я робокъ, но иногда очень счастливъ.

Обѣдалъ у г-жи Соловой, гдѣ нѣтъ возможности оживить разговоръ. Подъ конецъ я рѣшился подшутить надъ

ихъ религіозными взглядами; это немного разбудило ихъ, но затѣмъ всѣми опять овладѣла обычная летаргія.

Я сдѣлалъ также визитъ г-ну Убри, у котораго засталъ Петерсона и др., и двухъ молодыхъ людей изъ Лицея, только-что зачисленныхъ въ нашъ департаментъ: Горчакова и Корсакова. Я съ любопытствомъ разглядывалъ ихъ. Они были такъ довольны, — они вступаютъ въ свѣтъ! Какая безпредѣльная будущность, какая перспектива, какія надежды и какъ мало страховъ у нихъ въ эти минуты! Это счастливѣйшій моментъ ихъ жизни. Пусть они досыта насладятся имъ.

Вчера и сегодня я оставался у нея дольше обыкновеннаго. Я рѣшилъ переправиться въ лодкѣ, если мостъ будетъ разведенъ; но на этотъ разъ судьба мнѣ благопріятствовала, какъ бы не желая умалять счастье, которымъ я наслаждаюсь въ понедѣльникъ и вторникъ.

Среда, 13 іюня. — Я становлюсь все болѣе нелюдимымъ вдали отъ нея. Обѣдалъ сегодня у гр. Лаваль; тамъ были всѣ Гурьевы, Нессельроде, два или три иностранныхъ посланника и пр. За столомъ я сидѣлъ рядомъ съ Дм. Ланскимъ, которому нельзя отказать въ умѣ. Обѣдъ былъ прекрасный, бесѣда довольно оживленная, а я былъ безчувственъ ко всему этому, во-первыхъ потому, что не надѣялся ее видѣть, во-вторыхъ потому, что не видѣлъ ее сегодня. День былъ для меня потерянъ, или, по крайней мѣрѣ, очень неполонъ. Вечеромъ у Тургеневыхъ, съ Жуковскимъ, я былъ не лучше. Какъ все измѣнилось для меня въ мірѣ! — Завтра я можетъ быть увижу ее, но въ такомъ многолюдномъ обществѣ! Ахъ, я живу только въ понедѣльникъ и вторникъ! Всѣ остальные дни я хотѣлъ бы быть мертвъ; я живу только подлѣ нея, вдали отъ нея я хотѣлъ бы быть мертвъ. Я могъ бы сегодня многое написать, но мое сердце печально, мой духъ стѣсненъ... Ахъ,

если бы ты знала всю силу моей любви! Но развѣ ты можешь ея не знать?.. Боже мой, можетъ ли твое сердце оставаться холоднымъ, когда мое пожираетъ неистовая страсть?...

Четвергъ, 14 іюня.—Нѣтъ, сегодня въ мое сердце проникъ лучъ надежды! Но какъ слабо это утѣшеніе, сколько страховъ и тревогъ терзаетъ меня! Ничто не даетъ мнѣ увѣренности. И удивительно-ли при моемъ теперешнемъ состояніи, если я принимаю иллюзіи за дѣйствительность? Въ чемъ проходитъ мой день? Рядъ безсмысленныхъ, медленно влачащихся часовъ, пока я вдали отъ нея,—таковы всѣ мои дни вотъ уже мѣсяцъ. Наступаетъ вечеръ, и начинается моя жизнь,—да, жизнь; наслажденіе, радость, блаженство, или, напротивъ, досада, грусть, горе попеременно терзаютъ меня, смотря по обстоятельствамъ. Сегодня мнѣ показалось, что я видѣлъ нѣчто большее, но могу ли я при подобныхъ условіяхъ довѣрять своимъ впечатлѣніямъ? Одинъ разъ она сама заговорила со мною по-русски; по моей просьбѣ она своими пальцами взяла у меня цѣпь; она произнесла вполголоса нѣсколько словъ, которыя я истолковалъ на свой ладъ. Въ общемъ я былъ доволенъ вечеромъ, несмотря на присутствіе семьи и пр.

Пятница, 15 іюня.—До 4 час. я былъ дома. Я возобновилъ уроки англійскаго языка съ г. Поллакомъ. Обѣдалъ у Козловскаго, былъ грустенъ; по возвращеніи нашелъ у себя письмо отъ Плещеева. По этому поводу былъ у Тургенева, чтобы поговорить объ его отставкѣ и пр. Въ $9^1/_4$ ч. пріѣхалъ къ ней. Она все такъ же холодна и сдержана; я сидѣлъ возлѣ нея, мать на минуту вышла,—она тотчасъ встала и сѣла за фортепіано. Послѣ ужина г-жа Скоробова гадала намъ по картамъ, братья въ это время пускали ракеты; она поспѣшно ушла на балконъ смотрѣть фейерверкъ; я остался съ г-жей В., но призна-

юсь, ея отсутствіе причинило мнѣ боль, во-первыхъ потому, что оно лишило меня удовольствія видѣть ее, во-вторыхъ потому, что это до нѣкоторой степени доказываетъ ея равнодушіе ко мнѣ. Все-же я доволенъ уже тѣмъ, что видѣлъ ее. Что дѣлать! разъ я влюбленъ, нечего думать о томъ, смѣшонъ я или нѣтъ: заварилъ кашу, такъ надо расхлебывать. По картамъ мнѣ вышли на завтра разныя приключенія. Завтра я ѣду въ Царское Село; увидимъ... Предсказаніе г-жи Скоробовой или вѣрнѣе внушеніе сердца заставили меня все время думать о трефовой дамѣ. На возвратномъ пути я нашелъ мостъ уже разведеннымъ, бросился въ лодку и въ $1^1/_2$ ч. пѣшкомъ вернулся домой, не встрѣтивъ никого.

Воскресенье, 17 іюня, утромъ. — Вчера былъ въ Царскомъ Селѣ, обѣдалъ у Карамзиныхъ и провелъ тамъ вечеръ. Я былъ тамъ изрядно глупъ; послѣднее время я не въ состояніи двѣ минуты слѣдить за какимъ бы то ни было разсужденіемъ. Гуляя по саду, я встрѣтилъ только княгиню Фольмаръ съ многочисленной свитой. Потомъ зашелъ на минуту къ гр. Ожаровскому, гдѣ засталъ А. Щербатова и В. Апраксина. Еще сдѣлалъ визитъ графинѣ Комаровской, осыпающей меня любезностями. Она предлагаетъ мнѣ партію съ 100.000 р. годового дохода; это уже третье подобное предложеніе, которое я отвергаю. Если бы только я былъ вознагражденъ за это рукою Е., у которой нѣтъ, можетъ быть, и десятой части этого!

Я не видѣлъ ее весь вчерашній день. Къ нравственнымъ страданіямъ присоединились физическія: все время у меня болитъ нога. — Я вернулся домой въ 2 ч.

Вечеромъ. — Весь день сильно болѣла нога, а за обѣдомъ у нея многолюдство мѣшало моему наслажденію. Я предполагалъ, кажется, что ея короткость съ братьями и др. причиною того, что при нихъ я не испытываю та-

кого очарованія въ ея обществѣ. Но это невѣрно; сегодня я убѣдился, что при постороннихъ она еще болѣе сдержана. Я хорошо понимаю, что не могу ревновать ее къ нимъ; притомъ, я ихъ всѣхъ очень люблю; настоящая причина — конечно въ этой сдержанности. Сегодня она была холодна какъ ледъ. Послѣ обѣда она поѣхала верхомъ кататься. Мать была внѣ себя. Я уѣхалъ, не дождавшись ея; хотѣлось бы знать, благополучно ли она вернулась. — Завтра онѣ ѣдутъ въ Знаменское, я навѣщу мать. Я сдѣлалъ неловкость, показавъ, что не рѣшаюсь навѣстить ее (т.-е. мать) завтра одну. Е. успокоила меня, пожуривъ немного съ нѣкоторой рѣзкостью, ей свойственной. Въ 7 ч. я вернулся домой и больше не выходилъ. У меня все еще сильныя боли. Фока два часа разсказывалъ мнѣ о домашнихъ дѣлахъ; они не очень утѣшительны.»

Дальше продолжалось такъ-же. Петербургскій дневникъ Кривцова обнимаетъ всего 40 дней (съ 22 мая по 2 іюля 1817 г.); подъ конецъ этого небольшого срока его сердечныя дѣла находились въ такомъ же положеніи, какъ и вначалѣ. Вадковская была сдержана и замкнута и не обнаруживала ни малѣйшихъ признаковъ влюбленности. Кривцовъ продолжалъ бывать ежедневно, млѣлъ и мучился, но въ общемъ былъ радъ своему чувству. «Быть можетъ со временемъ мои желанія увѣнчаются успѣхомъ, но и теперь мое положеніе не лишено пріятности»: этими словами кончается его дневникъ.

Между тѣмъ обѣщанное ему назначеніе въ Англію все не выходило. Сначала отсутствовалъ графъ Каподистрія, потомъ, въ августѣ, надолго уѣхалъ изъ Петербурга государь. Его назначеніе состоялось только 1 января 1818 года [1].

---

[1] Моск. Архивъ Мин. Иностр. Д., Администр. дѣла, IV, 4, 1818, 3.

Мѣсто ему вышло скромное: его назначили не самостоятельнымъ агентомъ, а всего только сверхштатнымъ чиновникомъ при посольствѣ съ жалованьемъ въ 2000 руб. Онъ покорился необходимости, но не упустилъ выпросить на путевыя издержки и на покрытіе долговъ, сдѣланныхъ въ ожиданіи мѣста, годовой окладъ жалованья[1]. Въ мартѣ онъ выѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту своей новой службы[2]. Русскимъ посломъ въ Лондонѣ былъ тогда Ливенъ, котораго онъ зналъ по своей англійской поѣздкѣ 1815 года: тогда, проѣздомъ чрезъ Брайтонъ, онъ счелъ своимъ долгомъ явиться къ нему и былъ имъ любезно принятъ. Сослуживцемъ Кривцова по Лондонскому посольству былъ Д. Н. Блудовъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы своей Петербургской жизни Кривцовъ сблизился съ Пушкинымъ, только-что, какъ уже сказано, окончившимъ Лицей. Подъ 28 іюня Кривцовъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что наканунѣ провелъ вечеръ у Тургеневыхъ, гдѣ видѣлъ молодого Пушкина «tempi d'ésprit et promettant encore plus qu'il ne fait tenir en ce moment»[3]. Въ этой характеристикѣ отразилось, вѣроятно, не только непосредственное впечатлѣніе, которое производила на очевидцевъ кипучая жизненность Пушкина, но и оцѣнка, уже установившаяся о геніальномъ юношѣ въ кружкѣ его старшихъ друзей — пріятелей Кривцова: Карамзиныхъ, Тургенева, Жуковскаго. Несмотря на большую разность возраста, образованности и жизненнаго опыта, только-что кончившій курсъ воспитанникъ Лицея и камергеръ-дипло-

---

[1] Тамъ-же, письмо Кривцова къ Нессельроде, управлявшему тогда Министерствомъ Иностр. Д.

[2] Въ Щукинскомъ сборникѣ, III, стр. 277 и д., напечатано письмо Кривцова къ его матери съ дороги, изъ Риги, отъ 17 марта 1818 г. Въ Дерптѣ, очевидно по рекомендательному письму Жуковскаго, онъ посѣтилъ Мойеровъ и Ек. Ло. Протасову.

[3] Эти строки дневника цитировалъ В. П. Гаевскій въ своей статьѣ „Пушкинъ и Кривцовъ“, *В. Евр.* 1887, декабрь.

матъ сошлись коротко, на ты. Въ теченіе осени и зимы они часто встрѣчались въ знакомыхъ домахъ. 24-го декабря Карамзинъ писалъ П. А. Вяземскому: «Добрый Тургеневъ бываетъ у насъ часто, раза 3—4 въ недѣлю... Второй нашъ собесѣдникъ есть Кривцовъ, добрый ésprit fort, а третій—поэтъ Пушкинъ»[1]. Какъ видно по позднѣйшимъ намекамъ, Кривцовъ «развращалъ» своего молодого друга, особенно своимъ безвѣріемъ, вѣрнѣе — поверхностнымъ матеріализмомъ. На это указываютъ и два стихотворенія, посвященныя ему Пушкинымъ въ эту зиму. Первое датировано декабремъ 1817 года и озаглавлено именемъ греческаго философа-атеиста: «Къ Анаксагору»:

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ, и т. д.

Второе, подъ заглавіемъ «Другу отъ друга», помѣчено 2 марта 1818 года: это — напутствіе отъѣзжающему Кривцову; Пушкинъ, тогда больной, подарилъ ему въ дорогу изящное карманное изданіе La Pucelle Вольтера[2], и въ приложенномъ посланіи писалъ:

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебѣ даритъ
На скучный путь и на разлуку
Святую библію Харитъ?
Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ
Въ архивѣ шалости младой.
По ней молись своей Венерѣ
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреецъ мой!
Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ! и пр.

Кривцовъ и изъ Англіи поддерживалъ сношенія со своими петербургскими друзьями, въ томъ числѣ съ Пушки-

[1] „Старина и Новизна“ I, стр. 43.
[2] Л. Н. Майковъ, „Матеріалы для академ. изд. соч. А. С. Пушкина“, Спб. 1902, стр. 1.

нымъ. Въ августѣ 1818 года А. И. Тургеневъ писалъ Вяземскому: «Кривцовъ не перестаетъ развращать Пушкина и изъ Лондона и прислалъ ему безбожные стихи изъ благочестивой Англіи»[1]. И Пушкинъ, какъ видно, съ удовольствіемъ вспоминалъ о немъ. До насъ дошелъ черновикъ письма Пушкина къ Кривцову отъ іюля или августа 1819 г., гдѣ Пушкинъ, извиняясь за долгое молчаніе, называлъ себя — «лѣнивецъ, котораго ты вѣрно помнишь (и любишь), который о тебѣ каждый день груститъ»[2].

Вадковская повидимому до конца осталась неприступною. Но чрезъ два года она сдѣлается женою Кривцова.

---

1 Остаф. архивъ, I, стр. 117.
2 Переписка А. С. Пушкина, п. ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 10.

IV.

И все, что способно образовать изъ человѣка твердаго мужа, тутъ было употреблено въ дѣйствіе.

Гоголь объ учителѣ Тентетникова.

Первое благопріятное впечатлѣніе, произведенное Гофвилемъ на Сергѣя Кривцова, не было ошибочнымъ. Институтъ Фелленберга представлялъ собою почти идеальную школу, достойную памяти на всѣ времена. Идеальна она была не по замыслу — напротивъ, ея замыселъ былъ ложенъ, — и не по организаціи, обусловленной этимъ невѣрнымъ замысломъ, а по духу, которымъ сумѣли одушевить свое дѣло Фелленбергъ и его замѣчательные помощники.

Двадцати-трехъ лѣтъ Фелленбергъ попалъ въ Парижъ — въ самый разгаръ революціи, тотчасъ послѣ смерти Робеспьера. Ужасы террора, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, произвели на него потрясающее впечатлѣніе. Когда, послѣ трехлѣтняго путешествія по Франціи и Германіи, онъ вернулся на родину, онъ представлялъ собою законченный типъ космополита-филантропа во вкусѣ того времени. Это былъ прекрасный типъ: «другъ человѣчества», «гражданинъ вселенной», говорили тогда. Фелленбергъ былъ къ тому-же очень уменъ, серьезно образованъ и энергиченъ. Онъ оказался однимъ изъ немногихъ людей, сумѣвшихъ въ то

время сдѣлать самостоятельный выводъ изъ урока, который дала человѣчеству французская революція. Внимательное, глубоко-сочувственное наблюденіе привело его къ мысли, что корень общественнаго зла — не въ учрежденіяхъ, а въ нравственномъ состояніи общества, — въ пагубномъ вліяніи деспотизма на нравы, въ эгоизмѣ богатыхъ и невѣжествѣ бѣдныхъ. Отсюда онъ совершенно послѣдовательно вывелъ, что ключъ къ лучшему будущему лежитъ въ воспитаніи, такъ какъ только чрезъ воспитаніе можетъ быть достигнуто нравственное обновленіе общества. Этому дѣлу онъ рѣшилъ посвятить свою жизнь. Онъ остался республиканцемъ, но отказался отъ мысли о матеріальномъ уравненіи людей. Цѣль его была не та, чтобы слить высшій и низшій классы; нѣтъ: онъ хотѣлъ взять ихъ порознь и воспитывать такъ, чтобы сдѣлать изъ простолюдиновъ — культурныхъ работниковъ, изъ аристократовъ — мудрыхъ, просвѣщенныхъ законодателей и гуманныхъ руководителей культуры; онъ хотѣлъ богатыхъ сдѣлать друзьями бѣдныхъ, а бѣдныхъ — достойными этой дружбы.

Этотъ ложный замыселъ былъ съ строгой послѣдовательностью проведенъ въ организаціи института, основаннаго Фелленбергомъ. Институтъ состоялъ изъ двухъ основныхъ учебныхъ заведеній: школы для бѣдныхъ, и пансіона для богатыхъ. И тамъ, и здѣсь главной цѣлью обученія было воспитаніе, т.-е. всѣ усилія направлялись къ тому, чтобы усвоеніе опредѣленныхъ знаній и навыковъ содѣйствовало умственному и нравственному сформированію личности. Для достиженія этой воспитательной цѣли Фелленбергъ придумалъ въ высшей степени оригинальный способъ: бѣдныхъ онъ рѣшилъ формировать путемъ соотвѣтственнаго выбора предмета обученія, богатыхъ — путемъ соотвѣтственной постановки методовъ обученія предметамъ, искони преподаваемымъ въ школахъ. Именно, въ школѣ для

бѣдныхъ все обученіе должно было сосредоточиваться вокругъ земледѣльческаго труда, какъ ядра, въ пансіонѣ для богатыхъ всѣ традиціонные предметы (впрочемъ, съ сильнымъ преобладаніемъ естественныхъ наукъ) должны были преподаваться не догматически и словесно, а такъ, чтобы способствовать выработкѣ наблюдательности, самостоятельнаго мышленія и выдержки. Обѣ эти школы функціонировали раздѣльно и учащіеся той и другой не встрѣчались. Но они могли сближаться по окончаніи курса — въ «Институтѣ теоретическаго и практическаго земледѣлія», куда переходили окончившіе съ успѣхомъ школу для бѣдныхъ, и куда могли также вступать богатые по окончаніи пансіона. Земледѣлію Фелленбергъ придавалъ исключительное значеніе, не только какъ главному занятію народныхъ массъ, но и какъ наилучшему воспитательному средству, и земледѣліе онъ положилъ въ основаніе своей педагогической системы. Кромѣ перечисленныхъ трехъ школъ, его институтъ включалъ въ себя: образцовую ферму, опытную ферму, мастерскую для постройки земледѣльческихъ орудій, мастерскую для усовершенствованія механическихъ способовъ земледѣлія, и ремесленную школу, гдѣ всѣ воспитанники школы для бѣдныхъ, а также желающіе изъ благороднаго пансіона обучались слесарному, столярному, плотничьему, кузнечному, сапожному, токарному и другимъ ремесламъ.

Я не буду разсказывать, какъ велось дѣло въ школѣ для бѣдныхъ, подъ руководствомъ геніальнаго педагога — Верли. Болѣе совершенной сельской школы вѣроятно никогда не существовало; эта босоногая Vehrli-Schule могла бы служить идеальнымъ образцомъ, если бы можно было разсчитывать, что когда-нибудь найдутся въ нужномъ количествѣ люди, такъ подвижнически преданные дѣлу и такъ необыкновенно одаренные умомъ, добротою и педа-

гогическимъ талантомъ, какъ Верли. Но я долженъ подробнѣе разсказать о пансіонѣ для богатыхъ, куда вступили наши Кривцовы.

Пансіонъ помѣщался въ особомъ зданіи, по сосѣдству съ домомъ Фелленберга. Хозяйствомъ завѣдовала экономка; въ пансіонѣ неотлучно жилъ молодой профессоръ, надзиравшій за пансіонерами день и ночь, участвовавшій и во всѣхъ ихъ играхъ, какъ ровесникъ. Во времена Кривцовыхъ, мальчиковъ — отъ 8 до 16 лѣтъ — было около сорока, учителей отъ 25 до 30; на каждый классъ приходилось не больше 10—15 учениковъ. Обученіе было поставлено преимущественно по системѣ Песталоцци. Обучали языкамъ греческому, латинскому, французскому и нѣмецкому (послѣдній былъ, разумѣется, и обиходнымъ языкомъ и языкомъ преподаванія), далѣе исторіи, и особенно основательно — физикѣ, химіи, механикѣ и математикѣ до высшихъ ея частей включительно. Очень большое вниманіе обращалось на искусства и физическія упражненія; мальчиковъ обучали рисованію съ гипса и съ натуры, пѣнію и инструментальной музыкѣ, гимнастикѣ, фехтованію, стрѣльбѣ, верховой ѣздѣ, для чего существовалъ манежъ съ достаточнымъ количествомъ лошадей. Обѣдали воспитанники въ домѣ Фелленберга, ужинали у себя, но въ его присутствіи; два его сына были въ числѣ учениковъ. Всѣ внѣшнія средства поощренія и обузданія были изгнаны изъ педагогической практики: все было основано на нравственномъ вліяніи профессоровъ и самоуваженіи воспитанниковъ.

Внутренняя организація пансіона представляла нѣчто единственное въ своемъ родѣ по своеобразности и смѣлости замысла.

Въ одно время съ Кривцовыми учились въ Фелленберговомъ пансіонѣ для богатыхъ два сына знаменитаго Ро-

берта Оуэна, Робертъ Дейль Оуэнъ и его младшій братъ; они вступили въ пансіонъ осенью 1818 года, шестнадцати и пятнадцати лѣтъ. Много лѣтъ спустя Р. Д. Оуэнъ написалъ свои мемуары (Threading my way, London, 1874), и въ нихъ подробно, съ самой нѣжной любовью, съ трогательной благодарностью, разсказалъ о своей пансіонской жизни и о внутреннемъ бытѣ пансіона. Я постараюсь вкратцѣ передать существенную часть его разсказа.

Воспитанники пансіона составляли Verein, общину, самоуправлявшуюся на основаніи «конституціи», которая была выработана лѣтъ за пять или шесть до вступленія Оуэновъ выборной комиссіей изъ среды учащихся, принята общимъ собраніемъ и утверждена Фелленбергомъ. Эта конституція подлежала измѣненіямъ, при чемъ Фелленбергъ имѣлъ право veto. Она охватывала все управленіе и всю дисциплину пансіона; ни Фелленбергъ, ни учащій персоналъ не издавали никакихъ правилъ или распоряженій и вообще не осуществляли никакой авторитарной власти за предѣлами своихъ классовъ. Какъ внутренній распорядокъ жизни, должностныя обязанности выборныхъ, отвѣтственность за проступки и пр., такъ и домашній бытъ, напримѣръ часъ отхода ко сну, запрещеніе курить, запрещеніе уходить изъ института послѣ извѣстнаго часа и т. п., и нравственныя обязанности въ отношеніи порядка и приличнаго поведенія,—регулировались конституціей. Нарушеніе этихъ строгихъ, но добровольно принятыхъ законовъ являлось проступкомъ противъ Verein'а. Безъ сомнѣнія, Фелленбергъ непримѣтно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ пансіонѣ, но онъ никогда не вмѣшивался открыто и властно въ самоуправленіе школьной общины. Какъ уже сказано, ни поощреній, ни внѣшнихъ наказаній со стороны учащаго персонала не существовало. Соревнованіе никогда не подстрекалось искусственно; не было ни наградъ, ни обычныхъ школьныхъ отличій, вродѣ званія

перваго ученика, ни публичныхъ экзаменовъ, ни торжественныхъ актовъ. Наградою или наказаніемъ служили только — ласка или мягкій выговоръ старшихъ, и въ особенности судъ общаго мнѣнія товарищей. Въ этомъ отношеніи важную роль играли ежегодные выборы должностныхъ лицъ Verein'a. Результаты выборовъ являлись какъ бы моральнымъ термометромъ, на которомъ наглядно изображалась скáла общественной оцѣнки; здѣсь недвусмысленно устанавливалось, кто повысился и кто понизился во мнѣніи товарищей, потому что никто не сомнѣвался, что общественное мнѣніе дѣйствуетъ съ безусловной справедливостью. Община дѣлилась на шесть округовъ, Kreise, и каждый округъ выбиралъ изъ своей среды «окружного начальника», Kreisrath: это была важнѣйшая изъ должностей, такъ какъ Kreisrath'амъ была подвѣдомственна вся общественная жизнь общины и все поведеніе каждаго члена округа. Kreis собирался еженедѣльно, лѣтомъ обыкновенно въ ближайшемъ лѣсу. Начальники округовъ составляли нѣчто вродѣ верховнаго совѣта; у нихъ бывали свои собранія, на которыхъ они, между прочимъ, постановляли о преданіи суду правонарушителей. Судебный трибуналъ, состоявшій изъ трехъ судей, разумѣется также выборныхъ, засѣдалъ въ главномъ залѣ института со всѣми необходимыми формальностями. Его рѣшенія были окончательными. Онъ имѣлъ право налагать слѣдующія наказанія: выговоръ, штрафъ, поступавшій въ кассу для бѣдныхъ (на помощь недостаточнымъ крестьянамъ окрестныхъ деревень), лишеніе избирательнаго голоса, лишеніе права быть избраннымъ въ общественную должность, наконецъ смѣщеніе съ должности. Послѣдняя кара при Оуэнѣ, за три года, ни разу не была примѣнена; да и вообще, говоритъ онъ, судъ функціонировалъ рѣдко, и за все время при немъ — ни разу по сколько-нибудь серьезному дѣлу.

Эта свободная конституція воспитывала въ ученикахъ духъ общественности и свободы. Они чувствовали себя не подвластными, а гражданами своего института; каждый охотно подчинялся закону, который являлся волею цѣлаго, и считалъ себя въ правѣ не подчиняться ничему другому. Такъ дѣтямъ изъ аристократическихъ фамилій прививался республиканскій духъ и пробуждалась въ нихъ ревность къ общему благу.

Нѣтъ сомнѣнія, это былъ смѣлый и рискованный опытъ. Дѣло въ томъ, что составъ учащихся былъ крайне разнороденъ. Къ 1817—18 годамъ институтъ Фелленберга пріобрѣлъ уже европейскую славу,— ученики стекались отовсюду. Здѣсь были юноши изъ десяти или болѣе странъ — швейцарцы, нѣмцы, французы, голландцы, итальянцы, греки, англичане, русскіе, — всевозможныхъ общественныхъ положеній, начиная отъ принцевъ, множество графовъ и князей, но и дѣти болѣе скромныхъ семействъ, — одни изнѣженные въ роскоши, другіе, присланные потому, что родители не могли съ ними справиться дома, и все это — уже мальчики на возрастѣ, частью долго просидѣвшіе въ школѣ и научившіеся тамъ смотрѣть на учителей, какъ на своихъ естественныхъ враговъ, привыкшіе къ наказаніямъ и наградамъ. И все же, по единогласному свидѣтельству современниковъ, опытъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. Фелленбергъ строго придерживался оригинальнаго правила—не принимать въ пансіонъ новаго ученика, пока ученикъ, вступившій послѣднимъ, не слился съ общей массой, не освоился съ бытомъ и законами общины такъ, чтобы можно было болѣе не опасаться его вліянія на товарищей. Среди мальчиковъ царило полное равенство. Оуэнъ разсказываетъ, что онъ долго не зналъ, кто изъ его товарищей — князь или графъ; онъ зналъ ихъ больше по кличкамъ. Надо замѣтить, что обученіе въ пансіонѣ обхо-

дилось дорого; расходъ каждаго мальчика простирался до двухъ и болѣе тысячъ рублей въ годъ на нынѣшнія деньги. Мы видѣли, что двоимъ Кривцовымъ имп. Александръ положилъ по 5.000 франковъ въ годъ.

Огромнымъ преимуществомъ Гофвильскаго пансіона было его географическое положеніе — на лонѣ природы, среди Швейцарскихъ горъ, и, разумѣется, близость къ природѣ была широко использована въ педагогическихъ цѣляхъ. Всѣ, или, можетъ быть, только желающіе изъ учениковъ, имѣли свои небольшіе огороды; а главное, много времени отдавалось свободнымъ прогулкамъ. По воскресеньямъ, послѣ богослуженія утромъ и, очевидно, ранняго обѣда, мальчики по два, по три, съ толстыми палками въ рукахъ, отправлялись въ далекія экскурсіи вглубь страны, лазили по горамъ и пр. Старшіе обыкновенно разъ въ недѣлю предпринимали верхомъ далекія прогулки вмѣстѣ съ самимъ Фелленбергомъ, и Оуэнъ вспоминаетъ дружескія наставленія, какія ему случалось получать отъ Фелленберга во время этихъ веселыхъ поѣздокъ, какъ напримѣръ,—по возможности скупо употреблять превосходную степень въ разговорѣ и въ письмѣ. Но наиболѣе свѣтлымъ воспоминаніемъ Оуэна изъ временъ его пансіонской жизни остались лѣтнія вакаціонныя путешествія. Ежегодно, около 1-го августа, тѣ ученики старшихъ классовъ, которые по дальности разстоянія не могли уѣзжать на каникулы домой,—а такихъ было большинство,—отправлялись въ далекое путешествіе, длившееся 6 недѣль. Обыкновенно набиралось 30-35 мальчиковъ; ихъ сопровождалъ кто-нибудь изъ учащаго персонала, большею частью—ихъ любимецъ, профессоръ Липпе. Маршрутъ объявлялся заранѣе: Herr Lippe чертилъ его мѣломъ на доскѣ,—и когда оказывалось, что онъ простирается за предѣлы Альпъ, на озера сѣверной Италіи, восторгъ учениковъ разражался бурными рукоплесканіями. Въ назначенный день

путешественники, въ обычномъ пансіонскомъ платьѣ, съ мѣшками за спиной, съ длинными альпійскими палками, счастливой толпой выступали въ походъ. Шли миль 18—20, даже 25 въ день. Рано вставали, и послѣ перваго завтрака или до полудня; тутъ, отыскавъ тѣнистый уголокъ, завтракали вторично—хлѣбомъ и виномъ, и если удавалось раздобыть—козьимъ сыромъ и виноградомъ. Нѣсколько быстрѣйшихъ ходоковъ отправлялись впередъ заказать ужинъ и ночлегъ. Весело разсаживалась молодая банда за ужиномъ, обсуждались событія дня, все, что встрѣтилось и что случилось. Въ небольшой деревенской тавернѣ рѣдко можно было найти нужное число кроватей, и $^3/_4$ компаніи располагались на ночь обыкновенно въ сараѣ, на сѣнѣ или соломѣ. Какъ крѣпокъ былъ сонъ, какъ счастливо пробужденіе!—Среди нихъ было много отличныхъ голосовъ; часто послѣ полдника въ тѣни, или въ торжественную минуту, напримѣръ, переваливъ чрезъ горный хребетъ, когда съ высоты открывался волшебный видъ вдаль, на долины, по волѣ пѣвцовъ или по требованію товарищей затягивалась пѣсня—національная пѣсня той или другой страны, иногда дуэты и тріо по взятымъ съ собою нотамъ. Такъ шли все время, уставали до изнеможенія, натирали ноги до пузырей, но никто не заикался о наймѣ лошадей, потому что никто не хотѣлъ выказать себя передъ товарищами бабой.

Таковъ былъ этотъ замѣчательный институтъ—сочетаніе невѣрнаго политическаго принципа, глубоко-гуманной мысли и удивительнаго педагогическаго такта. Каковы были соціальные результаты такого воспитанія, этого разумѣется нельзя учесть, но педагогическіе несомнѣнно были блестящи. Оуэнъ говоритъ, что Vehrli-Schule сдѣлалась разсадникомъ учителей для ремесленныхъ и земледѣльческихъ школъ не только Швейцаріи, но и другихъ странъ; на нихъ былъ

спросъ по всей Европѣ. Одного изъ нихъ онъ встрѣтилъ много лѣтъ спустя завѣдующимъ, по приглашенію правительства, промышленной школой въ Голландіи. До насъ дошло немало отзывовъ о Гофвильскомъ заведеніи, оставленныхъ людьми, лично побывавшими тамъ; въ 20-хъ и 30-хъ годахъ ни одинъ образованный путешественникъ не проѣзжалъ Швейцаріи безъ того, чтобы не посѣтить прославленную школу. Всѣ эти отзывы сливаются въ хоръ восторженныхъ похвалъ и удивленія. Таковъ подробный отчетъ о посѣщеніи Гофвиля (1827 года), который далъ А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ брату Николаю [1]; таковъ и отзывъ одного просвѣщеннаго русскаго помѣщика Ф. П. Л., издавшаго въ 1845 году анонимно книгу подъ заглавіемъ «Замѣтки за границею». Онъ пишетъ: «О тамошнемъ земледѣліи и всѣхъ подробностяхъ процесса этой химіи довольно сказать, что богатые хлѣбопашцы, посѣдѣвшіе въ наблюденіяхъ и испытаніяхъ, приходятъ туда съ тѣмъ, нѣтъ ли чему и имъ поучиться»,—и кто заглянетъ, напримѣръ, въ «Историческое обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Имп. Московскаго общества сельскихъ хозяевъ» С. Маслова, найдетъ тамъ свѣдѣнія о многихъ поѣздкахъ русскихъ помѣщиковъ и агрономовъ въ Гофвиль. Тотъ-же Ф. П. Л. пишетъ далѣе: «Двѣ крайности, между которыми утвердилась пропасть велика—богатство и бѣдность,—въ Гофвилѣ сближаются и сводятъ одна съ другою короткое знакомство, дружбу на всю жизнь: должны здѣсь первая увидѣть и восчувствовать всѣ нужды, весь трудъ, всѣ скорби послѣдней, а вмѣстѣ узнать и всю сладость практическаго участія въ работѣ и горѣ; послѣдняя—убѣдиться въ необходимости пособія, облегченія, вразумленія, руководства отъ первой, и обѣ, выходя изъ Гофвиля съ такими чувствами, распространять на землѣ цар-

[1] „Письма А. И. Тургенева къ И. И. Тургеневу“ Лейпцигъ 1872, стр. 165—170.

ство мира, любви и благоденствія. Прекрасная, высокая и человѣколюбивая мысль» [1]. Приведу еще одинъ отзывъ очевидца, болѣе близкій къ тому времени, когда въ Гофвилѣ учились Кривцовы: это—неизданнее письмо Григорія Александровича Римскаго-Корсакова къ матери отъ 23 августа (4 сентября) 1824 года. «Имѣвъ изъ Парижа письмо къ Фелленбергу и взявъ съ собой Молоствова, мы отправились въ Гофвиль, гдѣ его заведеніе; это почти за 3 часа ходьбы (т.-е. отъ Берна). Пришедъ, вручили письмо, и явился какой-то мусье, чтобъ все выказать. Начали съ хлѣбопашныхъ орудій, въ коихъ я мало толку знаю, только скажите Раллю, что тутъ находится мельница, которая въ одно и то же время сѣетъ пшеницу и люцерну. Я было хотѣлъ купить подробное описаніе всей фермы, но какъ мнѣ сказали, что пять томовъ, то я и отказался. Потомъ (пошли) по полямъ, кои большею частью обрабатываются 60 бѣдными мальчиками, кои учатся, содержатся даромъ и даже иные изъ нихъ, въ коихъ замѣчаютъ дарованія, переходятъ въ пансіонъ, въ коемъ воспитываются за деньги. Бѣдная школа черезмѣрно похвальное и добродѣтельное дѣло; каждый имѣетъ небольшой садикъ, коего производъ покупается Фелленбергомъ, и изъ этихъ денегъ составляется сумма. Ни подъ какимъ видомъ ни одинъ не можетъ отлучиться, и они не знаютъ, что дѣлается въ сосѣдственныхъ деревняхъ; къ взрослымъ ближнихъ селеній [2] ходятъ учиться мальчики рисовать, читать, писать и часть математикѣ, нужной для землемѣрія; священное писаніе и библія ихъ частое чтеніе; наказаній никакого рода нѣтъ, все стараются увѣрить мальчика въ пользѣ того, чему его учатъ, стараются

---

[1] „Замѣтки за границею“, С.-Петербургъ, 1845, стр. 295—296.

[2] Т.-е. къ воспитанникамъ другихъ школъ Института; Гофвильское заведеніе было разбросано по нѣсколькимъ смежнымъ деревнямъ: Гофвиль, Бухзей, Димерсвиль.

съ малолѣтства имъ внушить совѣсть, по которой они бы могли себя вести въ свѣтѣ. Émulation или поощреніе совершенно уничтожено, какъ не ведущее къ счастью, а къ разоренію людей, ибо даетъ желаніе перещеголять другого: оно приращеніе самолюбію, а оное не нужно поджигать— оно все-таки останется. Кормъ очень хорошъ, но безъ мяса, и во время обѣда пьютъ молоко; они должны жить тысячу лѣтъ. Гимнастическія занятія, коими узнаютъ, не трудной ли они заняты работой, — и правда, какъ слишкомъ тяжело, то не захочется послѣ лазить, прыгать, бороться, перетягиваться. Пансіонъ былъ въ походѣ по Альпійскимъ горамъ, ибо время вакацій. Во всемъ домѣ чистота удивительная. Въ одной комнатѣ двѣ церкви; когда католики молятся, то открывается шкапъ, въ коемъ находится престолъ,— какъ являются прочіе, то шкапъ запирается. Въ комнатахъ, въ коихъ спятъ ученики, также находится за ширмами постель Фелленберга. Виды изъ дому хороши, но немного лѣсисты. Пришелъ насъ человѣкъ звать къ Mr. Villevieille,— пріятель и помощникъ Фелленберга, старый и любезный французъ, который намъ, какъ русскимъ, сталъ говорить обо всѣхъ тѣхъ, кои у него воспитывались; обстоятельно разсказалъ сокрушеніе молодаго Шувалова объ смерти Софьи Нарышкиной; эти всѣ молодые люди съ ними въ перепискѣ. Извинялся отъ Фелленберга, что онъ теперь занятъ, но что онъ самъ придетъ насъ просить къ себѣ. Явился и онъ; вообразите самое почтеннѣйшее, которое только могла произвести природа (лицо), свѣжая наружность, совсѣмъ не показывающая его лѣта, хотя ему нѣтъ 50, умный, проницательный и къ тому добрый взглядъ. Какая непринужденная откровенность и простодушіе, тихій, но привлекательный голосъ, немного увѣсистый, но страхъ занимателенъ. Мнѣ такъ понравилось его лицо, что я его училъ наизустъ, чтобы припоминать при каждой объ немъ мысли.

Разсказывалъ свои правила насчетъ воспитанія; я бы желалъ вамъ ихъ сообщить такъ, какъ онъ ихъ выводилъ разными доказательствами, и онъ васъ такъ же бы увѣрилъ, какъ и меня... Въ двухъ словахъ прежде сказалъ, что— совѣсть и уничтоженіе поощренія; съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ заведеніе, онъ только лишился одного ученика, котораго никакъ нельзя было исправить: онъ дрался, нѣсколько разъ давалъ слово, что въ послѣдній разъ, но ни одного раза не сдержалъ. Мнѣ сказывали въ Бернѣ, что всѣ тѣ, кои у него воспитывались, — пренравственные и препорядочные люди. Мы его оставили послѣ нѣсколькихъ часовъ... Къ обѣду мы явились въ Бернъ, и я завелъ объ немъ разговоръ, и хотя многіе не согласны съ его правилами, но всѣ отдаютъ справедливость его чистымъ и добродѣтельнымъ намѣреніямъ» [1].

Письма, писанныя молодыми Кривцовыми къ матери за время ихъ пребыванія въ Гофвилѣ, дышатъ такимъ яснымъ, жизнерадостнымъ чувствомъ, такой рабочей бодростью, которымъ могли бы позавидовать нынѣшніе гимназисты и ихъ родители. Мальчики, повидимому, съ первыхъ же дней почувствовали себя здѣсь, какъ рыба въ водѣ, и это несмотря на то, что имъ съ самаго же начала пришлось разлучиться. Уже чрезъ два мѣсяца по пріѣздѣ они пишутъ, что живутъ въ разныхъ деревняхъ: 16-тилѣтній Сергѣй былъ помѣщенъ въ агрономическій институтъ, находившійся, повидимому, въ Buchsee; «я теперь,—пишетъ онъ въ іюлѣ 1818 года,—теоретическій хлѣбопашецъ», и проситъ прислать ему статистику нынѣшняго урожая, т.-е. умолота разныхъ хлѣбовъ и пр., для сравненія съ мѣстными дан-

[1] См. еще подробное описаніе Гофвиля въ книгѣ А. Глаголева „Записки русскаго путешественника“, 1837, второе изд. 1845, ч. 2-ая, стр. 191—218. Глаголевъ посѣтилъ Гофвиль въ 1823 году.

ными. Младшій, Павелъ, вступилъ въ пансіонъ для богатыхъ. Правда, они были здѣсь не совсѣмъ одиноки; они уже застали въ Гофвилѣ нѣсколько русскихъ мальчиковъ—Фонтона, двоихъ князей Суворовыхъ, внуковъ полководца, и другихъ; годъ спустя графиня Шувалова, уѣзжая въ Парижъ, чтобы принять католичество, оставила въ Гофвилѣ своихъ трехъ сыновей. Вмѣстѣ съ Кривцовыми, какъ мы видѣли, пріѣхалъ причтъ и была привезена ризница для православной церкви; церковь была освящена 25 января 1818 г., «гдѣ была,—пишетъ Павелъ Кривцовъ,—«Ея Высочество и княгиня Воронцова, и я былъ также и всѣ русскіе, которые здѣсь есть, и г. Фелленбергъ, и очень удивлялся, что наши пѣвчіе такъ хорошо безъ органа поютъ». Священникъ долженъ былъ также обучать русскихъ воспитанниковъ русскому языку, но изъ этого ничего не вышло; три года спустя Павелъ Кривцовъ пишетъ, что, хотя русскіе уроки и значатся въ программѣ, «но священникъ, который ихъ намъ давать долженъ, такъ лѣнивъ, что никогда не ходитъ, хотя только два раза въ недѣлю и всего только полчаса ходьбы, и ему здѣсь ихъ такъ хорошо сдѣлали, какъ нельзя лучше, и онъ этимъ не доволенъ. Вотъ скоро годъ, подумайте, что онъ у насъ не былъ, и одно упражненіе, которое я имѣю въ русскомъ, это къ вамъ писать; но кромѣ того я занимаюсь довольно часто самъ для себя и съ другими русскими. Мы священнику напоминали, но онъ ничего не хочетъ слышать и все говоритъ—это мое дѣло, или—мы объ этомъ въ другой разъ поговоримъ». И, дѣйствительно, мальчики сами помогали себѣ,—и это тоже свидѣтельствуетъ о прекрасномъ рабочемъ настроеніи, которое царило въ пансіонѣ: Павелъ Кривцовъ вмѣстѣ со старшимъ Суворовымъ, Александромъ, читаетъ русскія книги и Библію, а на пансіонскомъ праздникѣ оба декламируютъ русскіе стихи; тотъ же Кривцовъ даетъ уроки

русскаго языка маленькимъ русскимъ, между прочимъ— младшему Суворову, Константину, «ибо, право, жалко смотрѣть на ребенка 11 лѣтъ, который своего языка совсѣмъ не знаетъ». Самому учителю было въ это время 15.

Какіе курсы проходилъ Сергѣй Кривцовъ, этого нельзя установить, за полнымъ отсутствіемъ такихъ свѣдѣній въ его письмахъ. Зато Павелъ, учившійся, какъ сказано, въ пансіонѣ, часто писалъ матери о своихъ занятіяхъ, такъ что мы можемъ составить себѣ довольно полное представленіе о пансіонскомъ курсѣ. На второй годъ обученія 13-тилѣтній П. Кривцовъ учился латинскому, греческому, французскому и нѣмецкому языкамъ, математикѣ, натуральной исторіи, греческой и римской исторіи, фехтованью, рисованью, игрѣ на фортепьяно и верховой ѣздѣ. Сюда надо присоединить еще ручныя работы; уже чрезъ два мѣсяца по вступленіи, весною 1818 года, онъ пишетъ, что у него съ старшимъ Суворовымъ и съ однимъ маленькимъ итальянцемъ есть «садъ», который они должны обрабатывать, и кромѣ того онъ учится столярному ремеслу и дѣлаетъ себѣ книжный шкапъ, который уже почти готовъ. Съ каждымъ годомъ курсъ расширялся и въ старшихъ классахъ требовалъ отъ учениковъ такого напряженія силъ, которое слѣдуетъ признать даже чрезмѣрнымъ. Осенью 1820-го и въ маѣ 1821 г. П. Кривцовъ сообщалъ матери распредѣленіе своихъ уроковъ. Вставать приходилось въ 4—$4^1/_2$ ч. утра; до $6^1/_2$ ученики занимались сами, послѣ чего завтракали; въ 7 начинались уроки, продолжавшіеся, обыкновенно съ часовымъ перерывомъ, до 12 час. Въ 12 садились за столъ младшіе, въ 1 час. обѣдали старшіе. Послѣ обѣда съ полчаса бѣгали, играли; въ 2 опять начинались уроки—до 5; тутъ закусывали, и въ 6 снова шли въ классы, до 9 час., кромѣ среды и субботы, когда уроки кончались рано. Въ 7 ужинъ, и кто свободенъ, тотъ играетъ или за-

нимается до 10; въ 10 обязательно всѣ должны лежать въ постеляхъ. Такимъ образомъ, обычный пансіонскій день заключалъ въ себѣ восемь «классовъ», въ число которыхъ входили, впрочемъ, и такіе, какъ танцы, фехтованье, гимнастика и пѣнье (танцы не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю). Съ осени 1820 года П. Кривцовъ слушаетъ курсъ земледѣлія, читаемый въ пансіонѣ самимъ Фелленбергомъ, съ осени 1821-го—курсъ химіи. При всѣхъ этихъ занятіяхъ онъ находитъ еще время читать русскія книги, обучать русскому языку маленькихъ русскихъ и учиться, по собственному желанью, играть на валторнѣ—для чего предварительно былъ осмотрѣнъ тремя докторами въ отношеніи крѣпости груди. «У насъ каждый мѣсяцъ концерты, и я буду уже тамъ скоро играть». И удивительно,—этотъ чрезмѣрный трудъ не только не тяготилъ мальчика, но еще развивалъ въ немъ самостоятельную охоту къ труду. Онъ хочетъ учиться русскому языку и сѣтуетъ на лѣниваго попа; отвѣчая на упрекъ сестры за дурную французскую ореографію, онъ пишетъ, что это его самого огорчаетъ, но что по зрѣломъ размышленіи онъ рѣшилъ теперь заниматься болѣе необходимымъ, т. е. математикой, исторіей и пр., потому что на все не хватаетъ времени, а во французскомъ онъ можетъ усовершенствоваться и по выходѣ изъ школы.

V.

Науки юношей питаютъ.
Ломоносовъ.

Я говорилъ уже, что Кривцовы застали въ Гофвилѣ нѣсколько русскихъ, въ томъ числѣ двоихъ Суворовыхъ, сыновей князя А. А. Суворова-Рымникскаго, утонувшаго въ 1811 году въ той самой рѣчкѣ Рымникѣ, на которой его отецъ, знаменитый фельдмаршалъ, одержалъ свою знаменитую побѣду. Княгиня Елена Александровна Суворова, славившаяся красотой и умомъ, тогда молодая вдова, часто и подолгу жила въ Бернѣ, чтобы быть ближе къ двумъ своимъ мальчикамъ, учившимся у Фелленберга; вѣроятно, при ней находились и обѣ ея дочери, тогда еще совсѣмъ молоденькія,—Марія Аркадьевна, вышедшая потомъ замужъ за кн. М. М. Голицына, другъ Козлова и Пушкина, и Варвара, позднѣе въ замужествѣ Башмакова, тоже по Одессѣ знакомая Пушкина. Кривцовы, разумѣется, быстро сдружились съ маленькими Суворовыми, изъ которыхъ старшій учился вмѣстѣ съ Павломъ Кривцовымъ въ пансіонѣ, младшій—въ подготовительной школѣ Фелленберга, въ Димерсвилѣ; туда и ходилъ къ нему каждое воскресенье П. Кривцовъ. Лѣтомъ 1818 г. княгиня Суворова нѣкоторое время прожила въ Бернѣ; 22 іюля этого года Сергѣй Кривцовъ пишетъ матери: «Съ тѣхъ поръ, какъ я къ вамъ въ послѣдній разъ писалъ, была здѣсь кн. Суворова, которая пріѣзжала сюда навѣстить сыновей своихъ въ Гоф-

вилѣ. Братъ Николай меня къ ней представилъ; она меня приняла очень ласково и звала къ себѣ въ Бернъ; я у нея въ теченіе двухъ недѣль, которыя она здѣсь провела, былъ разъ пять; я былъ ея cavalier servant, показывалъ ей городъ и гулянья, хотя и самъ не слишкомъ хорошо знаю оный». Съ тѣхъ поръ кн. Суворова пріѣзжала въ Бернъ каждое лѣто, и въ каждый ея пріѣздъ Кривцовы проводили у нея обыкновенно всѣ воскресенья, часто съ субботы до понедѣльника. Нѣтъ сомнѣнія, что Н. И. Кривцовъ, ея хорошій знакомый, просилъ ее пріютить на чужбинѣ его братьевъ. Въ іюлѣ 1819 г. Павелъ пишетъ: «Вы меня спрашиваете, милая маменька, какъ я мое рожденье и именины провелъ, то скажу, что очень весело. На мои именины звала меня къ себѣ обѣдать княгиня Суворова, и я къ ней пріѣхалъ съ ея сыномъ Александромъ. Пріѣхавши, мы играли въ jeu de patience, только не картами, а вы уже, я думаю, знаете, есть во всѣхъ формахъ разрѣзанныя фигуры, и эти (фигуры) должно было складывать. Это насъ занимало до 5 часовъ; тутъ мы обѣдали. Княгиня Суворова подарила мнѣ для моихъ именинъ очень хорошій portefeuille. Послѣ обѣда поѣхали мы всѣ на дачу Метле, которая принадлежитъ одному нѣмецкому богачу, графу Магнису. Видъ былъ чудесный, и мы смотрѣли прекрасное захожденіе солнца, а послѣ видѣли и комету. Мы пили чай, а послѣ поѣхали опять въ Бернъ, гдѣ я и ночевалъ».

Навѣщала своихъ сыновей въ Гофвилѣ и графиня Шувалова, но она не нравилась Кривцовымъ.

Вскорѣ послѣ Кривцовыхъ прибыли въ Швейцарію тѣ четыре студента петербургскаго Главнаго педагогическаго института, которые, какъ упомянуто выше, были командированы въ 1816 году въ Англію для изученія Ланкастеровой методы взаимнаго обученія. Осмотрѣвъ англійскія

школы, они въ 1818 году чрезъ Парижъ пріѣхали въ Швейцарію, чтобы ознакомиться съ учебными заведеніями Песталоцци и Фелленберга. Это были извѣстные позднѣе въ Петербургѣ педагоги Буссе, Ободовскій, Свенске и Тимаевъ. Институтъ Песталоцци находился въ Ивердонѣ, неподалеку отъ Гофвиля. Возможно, что они нѣкоторое время жили и въ самомъ Гофвилѣ; какъ бы то ни было, они тѣсно сдружились съ гофвильскими русскими, особенно со старшими, какъ Сергѣй Кривцовъ. Между гофвильскими бумагами Кривцовыхъ сохранились и письма изъ Ивердона въ Гофвиль; они такъ хорошо рисуютъ физіономію этого юношескаго кружка, такъ непосредственно знакомятъ съ его настроеніями и интересами, что стоитъ привести хоть одно изъ нихъ.

Пишетъ Тимаевъ Сергѣю Кривцову изъ Ивердона, 23 октября 1818 года. «Мы здоровы всѣ, пріятель, и всѣ тебя любимъ. Песталоццiи сдѣлали новый фракъ, штаны, башмаки, шляпу и т. д. Онъ теперь молодецъ [1]. Сегодня мы получили рѣчь, говоренную Уваровымъ по случаю введенія въ Педагогическій институтъ восточной литературы. Я читалъ въ газетахъ, что Наполеона хотятъ запрятать въ Казань! Мы ожидаемъ чего-нибудь новаго со дня на день отъ правительства. Примѣть, что мы имѣемъ 5 учителей: 1-й ариѳметики, 2-й пѣнья, 3-й черченія, 4-й гитары и 5-й для фортепіано. Скажи, пожалуй, что Губеръ мнѣ не пишетъ отвѣта? Когда будешь въ Бренгарденѣ, поклонись священнику и спроси, есть ли на нотахъ: Царю небесный, и не знаетъ ли онъ еще другой подобной молитвы? Мы хотимъ въ своей школѣ, чтобы дѣти пѣли молитву при началѣ и концѣ класса.

«Третьяго дня былъ здѣсь Пинкертонъ, одинъ петер-

[1] Извѣстно, что Песталоцци былъ крайне неряшливъ во внѣшности. Онъ былъ въ это время уже старъ, за семьдесятъ (род. 1746).

бургскій англичанинъ, и сказывалъ, что Библію переводятъ на русскій языкъ и скоро будетъ выпечатана. Также: Ланкастеровы школы основаны, и домъ для школъ — отмѣнный; можетъ быть ты знаешь, Домъ іезуитовъ. 120 библейскихъ обществъ въ Россіи, Библія выпечатана на 19 языкахъ. Перемѣны сдѣланы въ министерствѣ просвѣщенія—Голицынъ министромъ свѣтскаго и духовнаго просвѣщенія. Свенскаго отецъ пишетъ, что Петербургъ украшенъ неимовѣрно, и что мы возвратясь удивимся красотѣ. Гамель, говорятъ, ѣдетъ въ Ахенъ — мы думаемъ, не получить ли начальство надъ нами [1]. Я тебѣ доскажу исторію на островѣ Св. Петра. Тамъ есть одна дѣвочка Розетти, очень милая. Я съ нею познакомился, притворился пылающимъ ею, и въ жару объясненій расцѣловалъ. Послѣдній поцѣлуй прощанья былъ дѣйствительно трогательный. Она разнѣжилась, и я уже не былъ холоденъ... Но уже это давно прошло, и я опять спокоенъ. Есть, правда, здѣсь въ Ивердонѣ одна красоточка на примѣтѣ, да трудно достать. Однажды я встрѣтилъ ее, бросилъ значительный взоръ и остановился, зная женское любопытство. Она, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оглянулась, и я махнулъ ей платкомъ. Сіе случилось за четыре недѣли, съ тѣхъ поръ я ее не видалъ и почти забылъ.

«Вотъ нѣсколько строкъ твоему брату и Суворову. Кривцовъ и Суворовъ! юные други, — ваше доброе расположеніе, ваша привязанность къ намъ, повѣрьте, чрезвычайно радостна. Твой братъ, Кривцовъ, и твой другъ Суворовъ выиграли уже нашу любовь. Мы съ радостью готовы признаться вамъ, что съ удовольствіемъ вспоминаемъ добрыхъ молодыхъ русскихъ. Друзья мои! вашъ возрастъ,

---

[1] Іосифъ Гамель, докторъ медицины, впослѣдствіи академикъ, много содѣйствовавшій введенію въ Россіи Ланкастеровой системы; о немъ см. Пыпинъ, Обществ. движ., изд. 4-е, 1908 г., стр. 334—336.

ваше сердце, ваше положеніе обѣщаетъ намъ имѣть добрыхъ гражданъ, добрыхъ чиновниковъ, добрыхъ друзей. Я говорю, что сіе тогда можетъ только случиться, когда вы останетесь тѣми же, какими были и какими зналъ — васъ любящій Тимаевъ.

«Сергѣй! еще нѣсколько словъ тебѣ,—ты видишь у меня охоту писать. Признаюсь, — какъ примусь марать, такъ уже съ трудомъ перестаю. Взгляни на меня прежде, нежели кончу писать письмо: съ гитарой,—съ одной стороны пылающій огонь въ каминѣ, съ другой — палаткой устроенная занавѣсь постели — передо мною ноты — кучи разбросанныхъ книгъ — со всѣхъ сторонъ крысы сбѣгаются составить танцы подъ мою музыку. Сцена перемѣнилась, когда я положилъ гитару и взялъ трубку, перо, бумагу. Сіи обстоятельства сопровождали сіе письмо.

«Третьяго дня сцена въ замкѣ: дворъ — нѣмецкій тоненькій принцъ — старикъ Песталоццій въ новомъ костюмѣ — на всѣхъ языкахъ говорящій нѣмецъ — англичанинъ съ ножницами бродитъ и ищетъ случая отрѣзать Песталоццію длинные волосы — четыре русскихъ пилигрима играютъ въ разныхъ группахъ съ дѣтьми. — Смотри еще: является въ пыли гофвильскій дипломатикъ (Липсъ), чтобы наблюдать, замѣчать, подслушивать: кто можетъ подумать, что онъ... глухъ? Болтливость моя меня завела далеко—извини, Сергѣй,—и браня, прошу тебя, люби тебѣ преданнаго

Тимаева».

Это хмѣль молодости, но молодости не нашихъ лѣтъ, а того времени, когда еще живъ былъ Наполеонъ, — хмѣль юнаго Пушкина и его лицейскихъ друзей, далекій отъ всякой нравственной тревоги, какая-то странная смѣсь русской патріархальной лѣни, международно-филантропическаго па-

тріотизма и зарождающагося романтизма. Такова была лучшая русская молодежь на зарѣ своего самосознанія, въ короткій промежутокъ между грозою Наполеоновскихъ войнъ и началомъ подпольнаго броженія, приведшаго къ 14 декабря. Сергѣй Кривцовъ, будущій декабристъ, пишетъ сестрамъ въ маѣ 1819 года: «На прошедшей недѣлѣ я далъ rendez-vous одному русскому, про которыхъ уже я вамъ часто писалъ (т.-е. Тимаеву или другому кому-нибудь изъ Ивердонскихъ пріятелей), на островѣ Св. Петра... Я тамъ провелъ два дня. Давно, давно я не былъ такъ счастливъ. Тутъ я, какъ второй Руссо [1], отдохнулъ отъ мірского путешествія, тутъ, углубясь въ самого себя, я думалъ о васъ и вспоминалъ прошедшее, или съ моимъ другомъ говорилъ о Россіи, или читали вмѣстѣ разные отрывки изъ Руссо. Вотъ какъ мы провели сіи два дня, которые къ несчастію показались намъ за одну секунду. Наконецъ, при отходѣ мы вздумали дать прощальную пирушку добрымъ обитателямъ сего острова. Я обѣщался вамъ говорить все; итакъ, въ числѣ которыхъ была Роза, прекрасная дѣвочка 17 лѣтъ, которой я строилъ куры. Итакъ, мы велѣли подать нѣсколько бутылокъ вина, и послѣ нѣкоторыхъ прелюдій, и какъ уже Бахусъ сталъ управлять моими гостями, тутъ наши старички разговорились о политикѣ. Я завелъ разговоръ о русскихъ; они стали хвалить нашу храбрость, говоря, что мы одни устояли противъ французовъ; и какъ, наконецъ, къ общему удивленію мы сказали, что мы русскіе, всѣ къ намъ приступили и просили, чтобъ мы разсказали имъ какъ все было во время французовъ, какъ жители жгли свою собственность для блага общаго, что мы не пожалѣли столицы для спасенія

[1] Какъ извѣстно, на о-вѣ Св. Петра Руссо незадолго передъ смертью на нѣкоторое время нашелъ пріютъ послѣ долгихъ гоненій. Кривцовъ зналъ объ этомъ конечно по „Письмамъ русскаго путешественника“ Карамзина.

Россіи, какъ храбро дрались мужчины, и съ какимъ раченіемъ женщины запасали разныя вещи для раненыхъ, и тому подобное. Всѣ пили здоровье Россіи, пѣли разныя сельскія пѣсни. Вотъ чѣмъ кончился нашъ балъ. Судите, какъ мнѣ это было пріятно».—Въ этихъ строкахъ живымъ стоитъ предъ нами типичный русскій юноша тѣхъ лѣтъ, мечтавшій надъ Руссо и полный патріотической гордости.

Эти четыре студента Педагогическаго института пробыли въ командировкѣ до лѣта 1819 года [1]. 24 іюня (6 іюля) этого года младшій Кривцовъ писалъ матери: «Это письмо я посылаю вамъ съ четырьмя русскими, которые уже три года изъ Россіи выѣхали, а теперь возвращаются въ наше любезное отечество. Преученые молодые люди». Изъ нихъ вышли хорошіе люди и дѣльные педагоги. Ободовскій, Буссе и Тимаевъ были потомъ — въ 30-хъ и 40-хъ годахъ — инспекторами классовъ въ женскихъ институтахъ Петербурга; о Тимаевѣ, инспекторѣ Смольнаго института, умершемъ въ 1858 году шестидесяти одного года, Никитенко говоритъ: «мой старый другъ, благороднѣйшій изъ людей, какихъ я зналъ» [2]. А Буссе, швейцарскій другъ Сергѣя Кривцова, въ началѣ 30-хъ годовъ былъ въ Петербургѣ старшимъ другомъ моего Печерина и его друзей.

Конечно, весело было гостить въ Бернѣ у княгини Суворовой, еще веселѣе — ходить по воскресеньямъ и праздникамъ къ землякамъ-товарищамъ въ Ивердонъ, Димерсвиль, Бухзей, но ничто не могло сравниться съ счастливѣйшими днями институтской жизни — съ ежегоднымъ лѣтнимъ путешествіемъ въ горы и на озера. Дома оставались только самые маленькіе; всѣ остальные, кто только не

---

[1] Они вернулись въ Петербургъ 25 сентября 1819 г., см. Рождественскій, указ. соч., стр. 145.

[2] „Дневникъ", изд. 2-е, 1905 г., т. I, стр. 509.

уѣзжалъ къ родителямъ, разбивались на группы по возрасту и уходили подъ начальствомъ воспитателя одни ближе, другіе дальше. Уже въ первое лѣто (1818 г.) двѣнадцатилѣтній Павелъ Кривцовъ съ младшей группой совершилъ путешествіе до Трогена, въ кантонѣ Аппенцель. За двѣ недѣли до выступленія онъ пишетъ матери въ Тимофеевское, что ихъ путешествіе займетъ двѣ или три недѣли, что они пройдутъ чрезъ Гримзель, Фурку и Сенъ-Готаръ, оттуда на озеро Четырехъ кантоновъ чрезъ Альторфъ, «который замѣчателенъ рожденіемъ Вильгельма Телля», оттуда чрезъ кантонъ Швицъ—на Констанцское озеро, а оттуда на Рейнскій столь знаменитый водопадъ. Въ пути онъ пишетъ дневникъ, который потомъ посылаетъ сестрѣ. 6 августа по новому стилю, въ пять часовъ утра, они выступили изъ Гофвиля, младшая и старшая группы вмѣстѣ; на нихъ былъ ихъ обычный костюмъ, а обычный костюмъ гофвильцевъ зимою и лѣтомъ состоялъ изъ широкихъ суконныхъ панталонъ, коротенькаго сюртучка съ шнурками и безъ галстуха и маленькой фуражки; у каждаго за спиною былъ Haбersack, и въ рукѣ длинная палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Погода была прекрасная, солнце начинало подыматься надъ горизонтомъ. Маленькіе провожали ихъ съ версту и въ лѣсу простились съ ними. Первый переходъ составилъ 18 верстъ — до Мюнзингена, здѣсь обѣдали и пили хорошее вино; отдохнувъ два часа, пошли дальше цвѣтущими полями, мимо живописныхъ деревень и гончарныхъ фабрикъ; въ Тунѣ накупили яблокъ, грушъ и вишенъ, наняли лодку и переѣхали Тунское озеро, чтобы ночевать въ Нейгаузѣ на другомъ берегу. Въ Нейгаузской гостиницѣ ласковая хозяйка встрѣтила ихъ съ радостью: она, видно, уже не первый разъ даетъ пріютъ гофвильцамъ,— она «насъ всѣхъ ужасно любитъ». Здѣсь Павелъ Кривцовъ, сидя на галлереѣ, пишетъ этотъ дневникъ въ своей запис-

ной книжкѣ, между тѣмъ какъ его товарищи катаются на озерѣ. Онъ тутъ не одинъ изъ русскихъ, — тутъ и Суворовъ и Сомовъ. Но вотъ бьетъ 8 часовъ, зовутъ къ ужину, а послѣ ужина — тотчасъ въ постель. Отсюда старшая группа уйдетъ по другому пути. — На другой день предъ ними открылись снѣжныя Альпы; ходили къ водопаду, любовались имъ, и тутъ видѣли народнаго учителя, «который здѣсь одинъ живетъ, на рожкѣ играетъ и невинно свою жизнь ведетъ». Потомъ переѣхали въ лодкѣ Бріенцское озеро, выслали впередъ скороходовъ занять комнаты въ Мейрингенской гостиницѣ, и въ 7 часовъ, подъ дождемъ, добрались усталые до Мейрингена. И такъ каждый день, вставая въ 5, ложась на новомъ мѣстѣ въ 9 часовъ, заходя по дорогѣ ко всѣмъ водопадамъ, шагая по снѣгу въ августѣ. На вершинѣ Гримзеля, въ гостиницѣ, къ радостному изумленію обѣихъ сторонъ, застали старшую группу: они сидѣли и пѣли, смотря на прекрасный закатъ солнца.

И такъ каждое лѣто; въ слѣдующемъ году Павелъ Кривцовъ посѣтилъ со своей группой Lago Maggiore, Борромейскіе острова, въ 1820 году дошелъ до Комскаго озера; въ 1821-мъ цѣлью путешествія былъ Граубюнденъ. Сохранились его дневныя записки и о путешествіи 1820 года; или тѣмъ же путемъ, на Тунъ и Мейрингенъ, и въ Нейгаузѣ та же заботливая хозяйка приняла ихъ съ радостью, какъ старыхъ знакомыхъ, и такъ же они на привалахъ завтракаютъ à la fourchette или вѣрнѣе à la main, ибо не имѣютъ вилокъ къ холодному жаркому, и, ужиная у добрыхъ капуциновъ, пьютъ прекрасное итальянское вино, «такъ что каждый имѣлъ немножко въ головѣ», и на Сенъ-Готарѣ ночуютъ въ томъ домѣ, гдѣ ночевалъ когда-то Суворовъ со своими генералами и вел. кн. Константиномъ, причемъ гофвильскій пансіонеръ Суворовъ спитъ въ той самой постели, въ которой его дѣдушка спалъ, «и мы цѣлый ве-

черъ ни о чемъ больше не говорили, какъ о Суворовѣ, о русскихъ и ихъ походахъ», а встрѣтивъ на полпути трехъ своихъ учителей, уже возвращающихся изъ путешествія и ѣдущихъ въ Гофвиль, они даютъ имъ нѣкоторыя «порученія» къ своимъ маленькимъ товарищамъ, оставшимся дома: таки-вспомнили о маленькихъ — обиженныхъ и скучающихъ.

Счастливая юность и счастливая школа, умѣвшая давать ей столько радостей, столько здоровыхъ и свѣтлыхъ впечатлѣній! Кривцовы скучали по родному дому, по матери и сестрамъ, — особенно младшій, Павелъ, еще почти ребенокъ по лѣтамъ. За все время своего обученія въ Гофвилѣ они ни разу не ѣздили домой, а письма приходили всего разъ въ мѣсяцъ и шли пять недѣль, да и не всѣ доходили (они посылались чрезъ банкировъ — Ценкера или другого). Въ маѣ 1819 года, въ годовщину ихъ отъѣзда изъ дому, С. Кривцовъ пишетъ сестрамъ, вспоминая разставаніе: «Ахъ, какъ памятны еще мнѣ сіи минуты, какъ еще черезъ два года сердце бьется и слезы текутъ изъ глазъ моихъ при первомъ воспоминаніи о васъ, мои любезныя! Скоро ль настанетъ часъ соединенія? скоро ль прижму я къ сердцу тѣхъ, о которыхъ непрестанно мечтаю? Зачѣмъ рокъ разлучаетъ тѣхъ, которые рождены другъ для друга? Если мы пробѣжимъ время нашего младенчества, если мы вспомнимъ наши уроки, наши ссоры, мое разставаніе, какъ я былъ долженъ ѣхать въ Москву, — Боже, предчувствовалъ ли я тогда, когда скучалъ и хотѣлъ быть дома, что придетъ время, и не въ такомъ разстояніи и не на такое время я съ вами разстанусь?» — Онъ и теперь не предчувствовалъ, что его, будущаго декабриста, ждетъ впереди еще и третья разлука съ милыми, и не на такомъ разстояніи, какъ Москва и Гофвиль, и не на годъ и три года, а на 15 лѣтъ Сибири и Кавказа...

Особенно грустно стало младшему, Павлу, послѣ отъѣзда Сергѣя изъ Гофвиля. Онъ самъ пишетъ, что въ первые дни его веселила мысль о томъ, что теперь онъ самъ будетъ запечатывать и надписывать письма домой, и письма будутъ приходить на его имя; ему было вѣдь только 14 лѣтъ. Но полтора года спустя онъ чувствовалъ уже иначе. «Теперь то я чувствую всю потерю, которую я сдѣлалъ, лишившись брата Сергѣя. Съ нимъ я могъ вспоминать о прошедшемъ, думать о будущемъ и быть счастливымъ, но теперь я на самого себя оставленъ; какая радость или печаль, мнѣ не съ кѣмъ ее раздѣлить такъ живо, т. е. какъ было съ братомъ: все попадаются незнакомыя лица моему сердцу»; и какъ ни радостно предстоящее лѣтнее путешествіе, онъ со слезами смотритъ на счастливцевъ, уѣзжающихъ на каникулы къ роднымъ, и вспоминаетъ счастливыя минуты дѣтства, какъ они съ братомъ, возвращаясь изъ Москвы, подъѣзжали къ Тимофеевскому, какъ завидѣли сначала колокольню, а потомъ и домъ, какъ прыгали отъ радости въ коляскѣ, и какъ, пріѣхавши, ходили всюду, и все имъ казалось новымъ. «Какая тогда была радость, какая сердцу сладость, какъ говоритъ Княжнинъ!»

Но чрезъ всѣ его Гофвильскія письма, за пять съ лишнимъ лѣтъ, проходитъ красной нитью чувство любви и благодарности къ Гофвильской школѣ и особенно къ самому Фелленбергу. Въ минуту острой тоски по роднымъ онъ пишетъ: «Хотя мнѣ здѣсь такъ хорошо, какъ бы и дома, но я бы лучше хотѣлъ быть въ Московскомъ пансіонѣ, только для того, что ближе къ вамъ, — а то ни за что Гофвиль не оставлю». Фелленбергъ съ самаго начала завоевалъ его симпатію: «человѣкъ предобрый и ласковый, жена его также предобрая женщина», и это впечатлѣніе съ годами еще окрѣпло; три года спустя, въ 1821

году, онъ пишетъ: «Всякій день болѣе и болѣе вижу я попеченіе г. Фелленберга о насъ. Съ какимъ неусыпительнымъ стараніемъ онъ о насъ печется, и не только на то время, что мы здѣсь бываемъ, но и о нашей будущей жизни! Съ какою любовью и дружбой онъ съ нами обходится, точно какъ отецъ съ любезными ему дѣтьми». Когда, въ 1820 г., мать сообщила ему, что старшій братъ, Николай, получилъ отъ государя большую аренду и пособіе, онъ отвѣчалъ, что это его очень радуетъ, что онъ вообще желаетъ Николаю всякаго счастья, какъ своему благодѣтелю, — «потому что я могу сказать, что онъ сдѣлалъ мое счастье, помѣстивъ меня въ Гофвильскій институтъ».

VI.

Въ нашъ вѣкъ томительнаго знанья,
Корыстныхъ дѣлъ,
Шли три души на испытанья
Въ земной предѣлъ.
И имъ рекла Господня воля:
„Въ чужбинѣ той
Иная каждой будетъ доля
И судъ иной".

Кар. Павлова.

Сергѣй Кривцовъ пробылъ въ Гофвилѣ — вѣрнѣе въ Бухзей, въ земледѣльческомъ институтѣ, — ровно два года. Въ январѣ 1820 года онъ навсегда оставилъ Гофвиль и, списавшись съ братомъ Николаемъ, отправился въ Парижъ; Николай изъ Лондона выпросился въ курьеры, чтобы повидаться съ нимъ. Еще въ августѣ предыдущаго года Николай Ивановичъ написалъ графу Каподистріи, что хотѣлъ бы помѣстить Сергѣя, для завершенія образованія, въ École Polytechnique, такъ какъ по его личному убѣжденію, подтверждаемому и наблюденіями г-на Фелленберга, Сергѣй обладаетъ несомнѣнными способностями къ математикѣ и обнаруживаетъ интересъ къ военнымъ наукамъ. Каподистрія въ октябрѣ отвѣчалъ ему изъ Варшавы, гдѣ тогда находился дворъ, что государь не изъявилъ своего согласія, но предложилъ помѣстить Сергѣя въ соотвѣтствующее учебное заведеніе либо въ Англіи, либо въ Россіи. Дѣлать было нечего; бывши царскимъ стипендіатомъ

въ Гофвилѣ, Сергѣй долженъ былъ теперь подчиняться волѣ царя. Онъ выбралъ Россію, можетъ быть потому, что Николай, не ладившій съ лондонскимъ посломъ, самъ уже рѣшилъ оставить Англію. По новому ходатайству Н. И. царь, 2 марта 1820 года, опредѣлилъ принять Сергѣя въ Пажескій корпусъ и выдать ему на проѣздъ въ Россію годовой окладъ его содержанія [1].

Въ Парижѣ Сергѣй слушалъ лекціи въ университетѣ, посѣщалъ театры, осматривалъ достопримѣчательности; Николай былъ съ нимъ неразлученъ, ввелъ его въ лучшіе дома и всячески развлекалъ. Наконецъ, въ половинѣ нашего марта Сергѣй собрался въ путь. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ П. П. Новосильцевымъ, у котораго была своя коляска. Ѣхалъ онъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы, опредѣливъ тамъ свое положеніе, отправиться въ Тимофеевское; Николай Ивановичъ снабдилъ его рекомендательными письмами къ гр. Каподистріи, къ Карамзинымъ и пр. Самъ Н. П., проводивъ брата изъ Парижа, поѣхалъ въ Швейцарію навѣстить Павла. Лѣто Сергѣй прожилъ у матери, а осенью пріѣхалъ въ Петербургъ и, повидимому, не вступивъ въ Пажескій корпусъ, съ марта 1821 г. былъ зачисленъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію.

Въ серединѣ 1820 года пріѣхалъ въ Петербургъ и Николай Ивановичъ, съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться въ Англію. Онъ говорилъ правду Кристину: подчиняться, ладить съ начальствомъ было не въ его натурѣ. Онъ не поладилъ со своимъ лондонскимъ начальникомъ Ливеномъ [2], и рѣшилъ уйти. Двухлѣтнее пребываніе въ Англіи наложило печать на всю его дальнѣйшую жизнь. Онъ вер-

---

[1] Переписка Н. П. Кривцова съ гр. Каподистріей и другія бумаги по этому дѣлу—въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла администрат., IV, 14, 1820, 4; см. также въ дѣлѣ II, 21, 1817, 2.

[2] Гаевскій въ „Вѣстн. Евр.“, стр. 459; Русскій Арх. 1864 г., ст. 1080.

нулся убѣжденнымъ и ревностнымъ англоманомъ. По словамъ Чичерина, онъ, живя въ Англіи, усердно изучалъ англійскія учрежденія, въ особенности административныя, «но особенно онъ плѣнился англійскимъ бытомъ, жизнью въ замкахъ, которая представлялась ему идеаломъ частнаго существованія» [1]. Мы увидимъ дальше, какъ настойчиво онъ пытался пересадить англійскіе нравы на русскую почву.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ обручился съ Екатериной Ѳедоровной Вадковской.

Первымъ дѣломъ Кривцова послѣ обрученія было съѣздить въ Варшаву, гдѣ находился тогда государь, и подставить руку для принятія монаршихъ щедротъ. Онъ сумѣлъ, повидимому, искусно встряхнуть рогъ изобилія: милости посыпались на него дождемъ. 27 августа онъ подаетъ гр. Каподистріи записку, въ которой—очевидно, на основаніи предшествующаго разговора,—изложены его пожеланія. Онъ пишетъ: въ Лондонѣ я получалъ 2000 руб., да по званію камергера получаю 1500 р. асс.; обѣ эти суммы, составляющія въ круглой цифрѣ около 12.000 руб. асс., я прошу какимъ-нибудь способомъ превратить въ постоянный окладъ мнѣ, независимо отъ жалованья, какое будетъ причитаться мнѣ впредь по фактической службѣ. Сверхъ того, имѣя около 65.000 руб. долговъ и нуждаясь въ средствахъ для устройства моихъ домашнихъ дѣлъ, я желалъ бы получить безпроцентную ссуду въ 100.000 руб. съ разсрочкою на 10 лѣтъ.—Эта записка удивительна по тону: онъ говоритъ съ увѣренностью и независимостью гранда. Онъ тутъ же проситъ и фрейлинскаго шифра для невѣсты, и разрѣшенія самому отвезти соотвѣтствующій рескриптъ въ Петербургъ къ государынямъ. Ему дали все:

---

[1] Рус. Арх. 1890, кн. 4, стр. 503.

два дня спустя послѣдовалъ высочайшій указъ о назначеніи ему аренды на 12 лѣтъ по 3000 руб. сер., и ссуды въ 100.000 руб., правда, съ уплатою процентовъ [1]. Получилъ онъ и шифръ для невѣсты и, просидѣвъ въ Варшавѣ еще нѣсколько дней, успѣлъ выпросить себѣ кромѣ того: 1) чинъ статскаго совѣтника, 2) домъ для житья въ Царскомъ Селѣ, и 3) первое вакантное мѣсто губернатора [2]. Въ началѣ сентября онъ вернулся въ Петербургъ, сіяя. Карамзинъ, сообщая Малиновскому объ этихъ успѣхахъ Кривцова, съ добродушной усмѣшкой замѣчаетъ: «Кривцовъ уже вышелъ изъ полку либералистовъ» [3]. Молодой С. И. Тургеневъ отнесся къ дѣлу менѣе снисходительно: «Радъ за Кривцова,—писалъ онъ,—только не понимаю, какъ онъ можетъ просить милостей полдюжинами» [4]. Свадьба состоялась 12 ноября 1820 года, и Карамзинъ съ женою были посаженными отцомъ и матерью.

Ближайшіе полтора года молодые жили въ Петербургѣ. Здѣсь, въ августѣ 1821 г., родилась у нихъ дочь, и здѣсь же, въ ноябрѣ этого года, Жуковскій написалъ свою прелестную «нѣсню» «Минувшихъ дней очарованье», посвященную Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ: она напомнила ему ея тетку, давно умершую Анну Ивановну Плещееву, которою когда-то увлекался Жуковскій [5].

По веснѣ 1822 года Кривцовы переѣхали въ Москву, гдѣ Николай Ивановичъ нанялъ подмосковную кн. Юсупова Васильевское, а вторую половину лѣта и осень про-

---

[1] Записка Кривцова и указъ—въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Д., Дѣла министр. IV, 10, 1820, 11.

[2] Письма К. Я. Булгакова къ брату, Рус. Арх. 1902, кн. 11, стр. 379; Погодинъ, „Н. М. Карамзинъ“, М. 1866, т. II, стр. 409.

[3] Погодинъ, цит. мѣсто.

[4] Остаф. архивъ, II, стр. 98.

[5] Историч. Вѣстн. 1891, т. 44, стр. 181—183, и въ статьѣ Чичерина, Рус. Арх. 1890 № 4, стр. 520.

вели, кажется, въ Орлѣ и Тимофеевскомъ [1]. Кривцовъ все ждалъ обѣщаннаго губернаторства, не торопясь и выбирая. Ему предлагали не то Крымъ, не то Олонецкъ [2] — это ему не подходило. Наконецъ, уже въ апрѣлѣ 1823 года, по настоятельному ходатайству Карамзина предъ государемъ, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тулу.

Павелъ Кривцовъ пробылъ въ Гофвилѣ, послѣ отъѣзда Сергѣя, еще три года. Весною 1822 года онъ кончилъ курсъ пансіона. Земледѣльческій институтъ, въ которомъ всегда было мало учениковъ, съ отъѣздомъ Сергѣя Кривцова закрылся; теперь Фелленбергъ рѣшилъ опять открыть его: онъ ждалъ четырехъ курляндцевъ, да и нѣсколько кончившихъ пансіонеровъ изъявили желаніе вступить въ институтъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Павелъ Кривцовъ.

Едва институтъ открылся, какъ неожиданное несчастіе погрузило весь Гофвиль въ трауръ. 29 мая (10 іюня) 1822 года во время стрѣльбы въ цѣль курляндецъ Дортезенъ, только мѣсяцъ назадъ пріѣхавшій въ Гофвиль, по неосторожности попалъ подъ пулю, пущенную Павломъ Кривцовымъ, и остался мертвымъ на мѣстѣ [3]. Въ своихъ письмахъ къ роднымъ Кривцовъ ни словомъ не упомянулъ объ этомъ происшествіи. Впослѣдствіи онъ искупилъ свой невольный грѣхъ: въ 1833 году, въ Римѣ, онъ спасъ какого-то юношу изъ хорошей римской семьи, тонувшаго въ Тибрѣ, и поплатился за свой подвигъ горячкою.

Уже пора было подумать о будущемъ. 11—23 августа 1822 года Павелъ написалъ матери пространное письмо, гдѣ излагалъ свои планы, обсужденные имъ, какъ онъ говоритъ, совмѣстно съ Фелленбергомъ и отчасти послѣд-

[1] Письма А. Я. Булгакова къ брату, „Рус. Арх." 1901, т. I, стр. 410, 413, 419; Остаф. архивъ II 246, 255, 260 и др.

[2] Гаевскій, 459; Рус. Арх. 1864, ст. 1080.

[3] Донесеніе бар. Крюднера графу Нессельроде отъ 31 мая—12 іюня 1822 г., моск. Архивъ Мин. Иностр. Д., Дѣла админ., II, 22, 1822, 11.

нимъ внушенные. Онъ пишетъ, что хотѣлъ бы по выходѣ изъ Гофвиля, т.-е. будущимъ лѣтомъ, пріѣхать въ Тимофеевское, чтобы послѣ шестилѣтней разлуки пожить мѣсяца три со своими; къ ноябрю, т.-е. къ началу семестра, онъ хотѣлъ бы уже быть въ Берлинѣ. Планъ его тотъ, чтобы два или три года слушать лекціи въ берлинскомъ университетѣ и одновременно заниматься въ агрономическомъ заведеніи знаменитаго Тэра, находящемся вблизи Берлина, а послѣ того вернуться въ Россію и посвятить себя усовершенствованію отечественнаго земледѣлія. «Я теперь рѣшился съ одобренія г-на Фелленберга, и не думаю, чтобы перемѣнилъ мой планъ, ибо мое образованіе съ теперешняго получило то направленіе, которому я себя положилъ: я не хочу ни въ военную, ни въ статскую службу, но хочу, обучившись здѣсь земледѣлію, привести у насъ въ деревнѣ оное въ лучшее состояніе и тѣмъ доказать Россіи, что ежели бы помѣщики болѣе имъ занимались, оно бы у насъ въ гораздо лучшемъ состояніи было. Но я надѣюсь, что со временемъ оно и поправится, когда господа увидятъ, что это ихъ же польза; а что меня очень радуетъ, что уже многіе сей недостатокъ замѣтили и стараются въ ономъ пособить. Здѣсь было теперь довольно русскихъ, особливо нынѣшній годъ, изъ окрестностей Москвы, которые вояжируютъ, чтобы осмотрѣть землепашество въ чужихъ земляхъ и можное и хорошее потомъ завести въ Россіи. Я здѣсь на этихъ дняхъ познакомился съ однимъ княземъ Гагаринымъ, который былъ сенаторомъ, но теперь вояжируетъ, чтобы осмотрѣть землепашескія заведенія и орудія [1]; очень любезный человѣкъ, до-

[1] О кн. Сергѣѣ Ивановичѣ Гагаринѣ и о другихъ московскихъ сельскихъ хозяевахъ, посѣтившихъ въ тѣ годы Гофвиль, см. С. Масловъ „Историч. обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Имп. Моск. общ. сельск. хоз.“, изд. 2-е, М. 1850, стр. 32 и др.

вольно еще молодъ, очень ученъ и видитъ, въ чемъ недостаетъ отечеству. И онъ уже началъ въ своихъ деревняхъ около Москвы поправлять, сколько можетъ. Итакъ, милая маменька, я рѣшился сдѣлаться удобрителемъ россійскаго земледѣлія; конечно, не самая блистательная карьера, но для отечества самая нужнѣйшая, и какъ всякій по своимъ силамъ и способностямъ долженъ помогать къ его славѣ, блаженству и просвѣщенію, то уже не смѣемъ спрашивать о нашихъ прихотяхъ или о томъ, какой родъ службы намъ болѣе нравится, но о томъ, въ какомъ родѣ службы мы болѣе всего можемъ быть полезны. Мы всѣ сыны Россіи, мы всѣ должны ее любить, какъ мать, и должны все для нея отдать и даже жизнь, когда нужно, тѣмъ болѣе должны мы ей жертвовать нашими прихотями». По совѣту Фелленберга, онъ хочетъ заранѣе подготовить себѣ нужный персоналъ; одна изъ цѣлей его предстоящей поѣздки въ Тимофеевское, пишетъ онъ, — отдать нѣсколько мальчиковъ въ выучку слесарному, кузнечному и каретному дѣлу, а также прислать изъ деревни въ Гофвильскую «школу для бѣдныхъ» двухъ мальчиковъ, которые бы обучились тамъ земледѣлію и обхожденію съ машинами, и которые потомъ сами, можетъ быть, сумѣли бы вести такую школу въ Тимофеевскомъ. Въ этомъ же письмѣ онъ предлагаетъ брату Владиміру, который при матери занимался хозяйствомъ, купить въ складчину у Фелленберга нѣсколько усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Только одна частность письма страннымъ образомъ не гармонировала съ самоотреченіемъ молодого патріота. Объясняя матери, почему онъ изъ нѣмецкихъ университетовъ выбираетъ берлинскій, онъ приводитъ для аргумента: во-первыхъ тотъ, что тамъ лучшіе профессора, во-вторыхъ— «что тамъ можно и посѣщать хорошія общества, что не во всякомъ университетѣ, но чаще въ столицѣ найдешь».

Казалось бы, на что нужны хорошія общества будущему «удобрителю россійскаго земледѣлія»?

И точно, чрезъ полгода планы Павла Кривцова нѣсколько мѣняются. 1 января 1823 года онъ пишетъ брату Николаю, что по выходѣ изъ института въ маѣ онъ хочетъ съѣздить на нѣсколько мѣсяцевъ домой, затѣмъ съ осени вступить въ берлинскій университетъ на два или на три года,—до сихъ поръ все по-старому,—а потомъ, пишетъ онъ, «такъ какъ каждый дворянинъ служить долженъ, чтобы не быть недорослемъ», онъ хотѣлъ бы быть причисленъ къ какому-нибудь посольству, потому что этотъ родъ службы оставлялъ бы ему всего болѣе времени для усовершенствованія и обдумыванія его настоящей цѣли; а цѣль его — послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы завести въ Россіи институтъ, подобный Гофвильскому, чтобы распространить просвѣщеніе въ Россіи. Эти нѣсколько лѣтъ ненужной службы были еще болѣе подозрительны, нежели забота о хорошемъ обществѣ. Да и патріотическія тирады объ уплатѣ долга отечеству звучали теперь уже не такъ рѣшительно.

И Александръ Суворовъ-Рымникскій, въ это же время кончавшій институтъ, хотѣлъ изъ Гофвиля идти на два года въ берлинскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ того вступить въ военную службу.

Сергѣй и Павелъ Кривцовы были во всемъ непохожи другъ на друга, начиная съ наружности. Младшій, Павелъ, уже мальчикомъ былъ упитанный, полный, благодушный; почеркъ у него красивый, закругленный, не по лѣтамъ правильный. У длинноногаго Сергѣя почеркъ несуразный, длинныя, худыя буквы врозь ползутъ. Оба были умны, но по разному. Павелъ созрѣвалъ необычайно быстро. Его Гофвильскія письма, писанныя въ возрастѣ 12—16 лѣтъ,

поражаютъ зрѣлостью сужденій и отчетливостью слога: четырнадцати лѣтъ онъ цитируетъ Княжнина и вспоминаетъ швейцарскія страницы въ «Письмахъ русскаго путешественника»; у него ясный взглядъ на вещи, онъ думаетъ о своемъ будущемъ, онъ во всемъ разсудителенъ и сдержанъ. Это раннее развитіе было въ его время общимъ явленіемъ: то же самое мы видимъ въ отрочествѣ Пушкина, Чаадаева и даже такихъ заурядныхъ людей, какъ Д. Н. Свербеевъ. Среди поколѣнія, въ которомъ уже были многочисленные задатки будущаго распада, эти отроки явились полнымъ и законченнымъ воплощеніемъ прошлаго — той патріархальной дворянской культуры, которая накоплялась во вторую половину XVIII вѣка и ко времени Александра достигла зенита. Такіе моменты чрезвычайно благопріятствуютъ быстрому созрѣванію дѣтей. Едва въ ребенкѣ пробудилось сознаніе, онъ находитъ вокругъ себя все готовымъ, богатымъ и прочнымъ: увѣренный складъ мысли, сочный и покойный бытъ, удобныя, апробованныя опытомъ привычки. Эта насыщенная культура мягко, но властно чрезъ всѣ поры проникаетъ въ существо ребенка и формируетъ его быстро, безъ всякихъ усилій съ его стороны. Въ другія эпохи такъ не бываетъ. Тутъ все дѣлаютъ — однородность состава культуры (т.-е. отсутствіе въ ней противоборствующихъ элементовъ) и безотчетная увѣренность окружающихъ ребенка людей. Павелъ Кривцовъ былъ именно такимъ скороспѣлымъ плодомъ уравновѣшенной культуры. Но онъ быстро развивался только до тѣхъ поръ, пока дозрѣлъ до средняго культурнаго уровня своей эпохи. Насколько его письма 13-ти, 14-ти лѣтъ поражаютъ читателя, настолько въ дальнѣйшемъ они становятся заурядными и скучными. Въ восемнадцать лѣтъ онъ вполнѣ сложившійся человѣкъ, ни на іоту не выше образованной дворянской толпы того времени; даже Гофвиль оказался без-

сильнымъ преодолѣть косную мощь домашней традиціи— этихъ патріархальныхъ привычекъ, просвѣщенно-комфортабельнаго міровоззрѣнія, обломовской лѣни. Восемнадцати лѣтъ онъ предстанетъ предъ нами солиднымъ начинающимъ дипломатомъ, внимательнымъ въ службѣ, знающимъ цѣну и связямъ съ вліятельными лицами, и чинамъ; онъ хорошо женится, устроитъ себѣ хорошее, покойное положеніе въ свѣтѣ и проживетъ жизнь вполнѣ прилично, не гоняясь жадно за мѣстами и чинами, русскимъ барином хорошаго типа, притомъ — хорошо образованнымъ благодаря Гофвильской выучкѣ, и знатокомъ и любителемъ искусства по врожденной способности. Онъ съ дѣтства любимецъ матери, и во всѣ дальнѣйшіе годы онъ непрерывно радуетъ ея сердце какъ своею личностью, такъ и своимъ положеніемъ.

Совсѣмъ не таковъ былъ Сергѣй. Повидимому, въ самой его фигурѣ было что-то несуразное, и во всякомъ случаѣ—никакой солидности. Врожденныя Павлу барственныя привычки у Сергѣя совершенно отсутствовали; онъ былъ распущеннѣе, добрѣе, склоненъ къ безпорядочности, немножко—цыганъ, немножко—рубаха, и во всякомъ случаѣ—простой, искренній, неразсчетливый человѣкъ, безобидный острякъ и вѣрный товарищъ. Ему точно на роду было написано быть неудачникомъ; и мать часто бывала имъ недовольна—онъ не импонировалъ ей, да и успѣхами не могъ похвастать. Попавъ въ гвардію и въ хорошее петербургское общество благодаря связямъ брата Николая, онъ чувствовалъ себя здѣсь не въ своей тарелкѣ; такъ и ждешь увидѣть его черезъ нѣсколько лѣтъ армейскимъ артиллеристомъ гдѣ-нибудь въ глуши, давно опереженнымъ по службѣ болѣе ловкими товарищами. Но его захватило большое движеніе, и все вышло по другому.

Неудачею было уже самое его вступленіе въ военную

службу. Мы видѣли, что послѣ Гофвиля приказъ Александра I закрылъ ему дорогу къ высшему образованію. Годъ спустя, говоря въ письмѣ къ матери о Павлѣ, онъ пишетъ: „...прошу васъ напомнить ему, что мой карьеръ съ начала былъ совершенно испорченъ, и что по разнымъ ему извѣстнымъ политическимъ причинамъ я не могъ окончить курсъ наукъ своихъ въ нѣмецкомъ университетѣ, итакъ отъ нечего дѣлать я принужденъ былъ возвратиться въ Россію и сдѣлаться по обыкновенію капраломъ гвардіи". Въ этихъ строкахъ, въ подчеркнутыхъ имъ словахъ звучитъ горечь. Служба была ему не по сердцу, но онъ все-таки мирился съ нею. Сначала все шло какъ-будто хорошо. Братъ Николай Ивановичъ первое время послѣ женитьбы жилъ въ Петербургѣ. Очевидно, по его стараніямъ, Сергѣя не услали въ полкъ, а оставили въ Петербургѣ, и служба его была, конечно, очень легка. Онъ скоро выдержалъ экзаменъ и думалъ, что будетъ тотчасъ произведенъ въ офицеры, но тутъ и начались неудачи. Производство не выходило; онъ проситъ отпуска, чтобы навѣстить родныхъ,—ему дѣлаютъ всякія затрудненія; наконецъ, въ декабрѣ 1821 г. ему разрѣшаютъ отпускъ, но вдругъ пріѣзжаетъ великій князь и отдаетъ приказъ—до производства послать юнкеровъ въ батареи для изученія службы. Такъ отпускъ Кривцова и пропалъ. Онъ долженъ былъ ѣхать въ свою батарею, стоявшую въ Бѣломъ, Смоленской губ. Тамъ онъ провелъ полгода; въ концѣ мая былъ объявленъ обратный походъ въ Петербургъ. Выступили изъ Бѣлаго 1 іюня, 6-го были въ Ржевѣ, 13-го въ Осташковѣ, 23-го въ Старой Руссѣ, 2 іюля въ Новгородѣ, и 13 іюля прибыли въ Петербургъ. Съ дороги онъ писалъ матери, что послѣ путешествій по швейцарскимъ горамъ этотъ походъ кажется ему игрушкою. Онъ восхищался красотою видовъ въ Смоленской и Тверской губ.,

но бѣдность крестьянъ тяжело поразила его. «Повѣрители, милая маменька, что здѣсь мужики цѣлую зиму не видали чистаго хлѣба, а ѣдятъ какое-то тѣсто изъ овса съ мякиною, во многихъ мѣстахъ и того уже нѣтъ, и несчастные мрутъ съ голоду. Прибавьте къ сему, что и новый хлѣбъ весьма плохъ, а по большей части почти совсѣмъ пропалъ». Въ Петербургѣ опять началось ожиданіе производства. Главное, мать изъ деревни все спрашивала— когда же ты наконецъ будешь офицеромъ? и онъ, точно виноватый, оправдывается. Она вообще часто упрекаетъ его, подозрѣваетъ въ распутствѣ и мотовствѣ, — зачѣмъ цѣлый мѣсяцъ не былъ у Николая? и т. п.,—и онъ оправдывается съ горечью. Онъ уже годъ какъ представленъ, и вакансія есть; правда, о себѣ самомъ онъ пишетъ, что съ совершеннымъ хладнокровіемъ ожидаетъ «такъ называемаго счастія быть офицеромъ гвардіи». Онъ вѣчно сидитъ безъ денегъ, вѣчно ждетъ «секурсу» отъ брата Владиміра, завѣдовавшаго финансами семьи; и правда, ему туго присылаютъ деньги, не то, что баловню-Павлу. Вернувшись изъ Бѣлаго въ Петербургъ, живя въ казармахъ, онъ опять побывалъ въ нѣсколькихъ бонтонныхъ домахъ,—но у него нѣтъ вкуса къ такой жизни: «въ прекрасно убранныхъ залахъ, — пишетъ онъ (августъ 1822 г.), — я какъ дикій вздыхалъ о времени, когда я зналъ себя за нѣсколько соть верстъ отъ Петербурга». Наконецъ, въ ноябрѣ долгожданное производство въ прапорщики состоялось; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ переведенъ во 2-ую легкую батарею, стоявшую за 30 верстъ отъ Петербурга, въ Пеллѣ. Незадолго передъ этимъ, какъ увидимъ ниже, онъ былъ принятъ Вадковскимъ въ Тайное общество.

Павелъ, выйдя изъ Гофвиля въ маѣ 1823 года, лѣто провелъ у матери въ Тимофеевскомъ. Уже все было устроено по его желанію. Онъ хотѣлъ слушать лекціи въ Бер-

лишѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить по дипломатическому вѣдомству; объ этомъ, какъ мы видѣли, онъ въ январѣ, изъ Гофвиля, написалъ брату Николаю Ивановичу; и стараніями Николая Ивановича онъ уже въ мартѣ былъ опредѣленъ актуаріусомъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ причисленіемъ къ нашей миссіи въ Берлинѣ сверхъ штата и съ сохраненіемъ прежняго (Гофвильскаго) содержанія [1]. Неудивительно, что ему не сидѣлось въ Тимофеевскомъ; да и семейныя его чувства были, какъ видно, не особенно горячи; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда кончится приличный срокъ сыновней повинности, и не входилъ душою въ семейныя дѣла. Въ сентябрѣ онъ пишетъ брату Николаю, что уже совсѣмъ собрался ѣхать, да за малымъ дѣло стало—за деньгами; посылали, посылали, и нигдѣ не нашли, а Владиміра, который могъ бы достать, дома нѣтъ. «Здѣсь съ нимъ (съ Владиміромъ) большая неладица, и право, не всегда разберешь, кто правъ и кто виноватъ. Ты можешь посудить, какъ это пріятно здѣсь жить и почти безпрестанно что-нибудь такого рода слышать». «Меня—продолжаетъ онъ,—слава Богу не удерживаютъ, ибо я сказалъ, что ты получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ требуютъ, для чего я не являюсь. Хотя это и ложь, но въ семъ случаѣ самая простительная, а то бы стали упрашивать, плакать и, Богъ знаетъ, еще что дѣлать, какъ ты самъ уже испыталъ, а тутъ и концы въ воду. Только прошу тебя сіе подтвердить, чтобы меня поскорѣе снарядили». Отъ Сергѣя получено письмо, что онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ и надѣется скоро пріѣхать; «его видѣть я очень бы желалъ, однако ежели мнѣ только можно будетъ, то я его не буду дожидаться».

---

[1] Письмо объ этомъ Н. И. Кривцова къ гр. Нессельроде отъ 19 марта 1823 г. и указъ 30 марта—въ моск. Архивѣ Мин. Иностр. Д., Дѣла администр. IV, 1, 1823, 48.

Сергѣй въ началѣ октября получилъ 4-мѣсячный отпускъ и вѣроятно поспѣлъ въ Тимофеевское до отъѣзда Павла. Въ ноябрѣ Павелъ, вырвавшись наконецъ изъ семейныхъ объятій и опять на годы разставшись съ матерью, явился въ Петербургъ, чтобы представиться начальству и отсюда ѣхать въ Берлинъ.

Николая Ивановича не было въ Петербургѣ—онъ уже губернаторствовалъ въ Тулѣ. По совѣту Сѣверина и другихъ Павелъ рѣшаетъ остаться въ Петербургѣ на два мѣсяца, чтобы познакомиться съ дѣлами Иностранной коллегіи, и съ благоразуміемъ, рѣдкимъ въ его 18 лѣтъ, объясняетъ брату, что эта задержка не причинитъ ему матеріальнаго ущерба, такъ какъ онъ и здѣсь сохраняетъ свое жалованье,—напротивъ, будетъ ему полезна, какъ въ отношеніи службы, такъ и потому, что онъ успѣетъ пріобрѣсти знакомства, которыя впослѣдствіи могутъ быть ему полезны. Благодаря письмамъ брата онъ былъ радушно принятъ въ свѣтѣ—у Карамзиныхъ, Салтыковыхъ и пр., и проводилъ у нихъ все свободное время; онъ проситъ брата о присылкѣ еще другихъ рекомендательныхъ писемъ. 4 февраля 1824 г. молодой дипломатъ, снабженный вѣскими рекомендательными письмами отъ петербургскихъ сановниковъ къ русскому послу въ Берлинѣ, двинулся къ мѣсту назначенія.

По письму Нессельроде берлинскій посолъ, графъ Алопеусъ, разрѣшилъ Кривцову посѣщать лекціи въ университетѣ, и съ началомъ лѣтняго семестра, т. е. послѣ Пасхи, онъ сталъ слушать правовѣдѣніе и политическую экономію, а на дому бралъ приватные уроки французскаго и англійскаго языковъ. Гофвильскіе планы объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи какъ-то сразу вышли изъ его головы, да и гофвильскій демократизмъ испарился безъ остатка. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Берлинъ, въ маѣ, онъ обращается къ брату Николаю съ просьбою объ услугѣ, ко-

торая «должна увѣнчать то, что ты сдѣлалъ для меня»; именно, пусть Николай попроситъ государя назначитъ его, Павла, камергеромъ! «ибо тогда,—пишетъ онъ [1],—получивъ доступъ ко двору, уже отъ меня самого будетъ зависѣть сдѣлать мою карьеру. Единственное мое желаніе—быть когда-нибудь полезнымъ отечеству, но для этого нужно занимать сколько-нибудь видный постъ, а послѣдняго можно достигнуть, только будучи извѣстнымъ государю. Находись я на военной службѣ, было бы другое дѣло: тамъ я могъ бы почти на глазахъ монарха выказать мое усердіе и мою преданность; но, живя вдали, находясь при миссіи, я не имѣю этой возможности»,—и такъ далѣе на протяженіи цѣлой страницы. Не менѣе характерно другое мѣсто этого письма. Графиня Алопеусъ очень хороша собой,—«но не думай, что я влюбился, хотя это было бы весьма простительно... Я не желаю быть вторымъ Вертеромъ. Такъ какъ я принялъ за правило позволять себѣ влюбляться только въ тѣхъ случаяхъ, когда разсудокъ это одобряетъ, то мое сердце довольно неуязвимо для чаръ женской красоты, хотя въ то же время меня нельзя упрекнуть и въ несправедливости, такъ какъ я всегда готовъ воздать ей должное».—Такъ аккуратно и разсудительно располагалъ свою жизнь солидный молодой человѣкъ. Онъ исправенъ по службѣ, прилежно занимается дома, два или три вечера въ недѣлю проводитъ у графини. Онъ вполнѣ доволенъ отношеніемъ къ себѣ своихъ начальниковъ; «надѣюсь, что графъ Алопеусъ доволенъ мною; по крайней мѣрѣ, я ничего не сдѣлалъ, что могло бы возбудить его неудовольствіе». Кривцову не было въ это время и девятнадцати лѣтъ.

Такъ мирно, немножко скучно, но корректно, шла его жизнь въ Берлинѣ. Лѣтомъ, когда чрезъ Берлинъ проѣз-

---

[1] Подлинникъ—по-французски.

жаетъ много русскихъ, онъ не упустилъ случая сдѣлать нѣсколько знакомствъ, которыя могутъ позднѣе пригодиться ему въ Петербургѣ,—о чемъ не замедлилъ именно въ этихъ выраженіяхъ сообщить матери. Такъ, онъ познакомился здѣсь весною 1826 г. съ братьями А. И. и С. И. Тургеневыми, и позаботился услужливостью закрѣпить эту связь [1]. Въ одномъ письмѣ къ брату Николаю у него прорывается признаніе, что Алопеусъ третируетъ ихъ, причисленныхъ къ миссіи, какъ писарей, а глядя на него, стали грубы съ ними и другіе члены посольства; но онъ тотчасъ спохватывается: «только, пожалуйста, не говори объ этомъ никому, потому что я все-таки разсчитываю остаться здѣсь еще нѣсколько времени». Дѣло въ томъ, что онъ ждалъ повышенія—во вторые секретари какого-нибудь посольства. И вотъ наконецъ Алопеусъ посылаетъ представленіе о немъ; онъ ухитряется добыть копію съ этой депеши, и посылаетъ ее брату. Онъ внѣ себя отъ радости; грубость Алопеуса забыта въ минуту. «Вотъ мой аттестатъ,—пишетъ онъ (по-французски)—...Онъ далеко превзошелъ мои ожиданія и закрѣпилъ узы почтенія и преданности, которыя я питалъ къ моему начальнику». Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, онъ со дня на день ждалъ назначенія—«между тѣмъ,—пишетъ онъ матери,—стараюсь заслужить любовь моихъ начальниковъ и надѣюсь, что они мною довольны, по крайней мѣрѣ я увѣренъ, что ничего не упущаю и не дѣлаю, что бы могло имъ быть непріятно». Прослуживъ уже три года, онъ все еще числился сверхъ штата и получалъ всего 500 руб. Представленіе Алопеуса (въ февралѣ 1826 г.) о назначеніи Кривцова во вторые секретари не увѣнчалось успѣхомъ: ему дали только званіе

[1] Въ Тургенев. архивѣ въ II. Акад. Наукъ хранятся два его письма къ С. И. Тургеневу, отъ 12 апрѣля и 13 авг. 1826 г.

переводчика. Наконецъ, 31 августа 1826 года вожделѣнное повышеніе состоялось: онъ былъ назначенъ вторымъ секретаремъ въ Римъ, съ жалованьемъ въ 800 руб. сер. Ему назначены были и подъемныя, въ размѣрѣ 300 дукатовъ, и по его ходатайству данъ отпускъ въ Россію для свиданія съ родными [1]. Что сказалъ бы Фелленбергъ, если бы ему довелось читать эти письма? Благодѣтельныя вліянія Гофвиля разсѣялись, какъ дымъ; русскіе нравы восторжествовали надъ ними, и такъ легко, такъ скоро!

---

[1] Моск. Архивъ Мин. Иностр. Д., Дѣла администр. IV 7, 1826, 14 и IV. 4, 1826, 8.

VII.

Кто слыхалъ о двадцать-пятомъ годѣ
Въ крещеномъ народѣ?
. . . . . .
Не сумѣли въ тѣ поры мы смѣло
Отстоять ихъ дѣло,
И сложили Пестель да Кондратій
Головы за братій...

Между тѣмъ Сергѣй Ивановичъ тянулъ свою артиллерійскую лямку и въ маѣ 1824 года, наконецъ, съ Божьею помощью получилъ подпоручика. Съ этихъ поръ, надо думать, онъ жилъ и служилъ въ Петербургѣ. Въ мартѣ пріѣхалъ въ Петербургъ для переговоровъ съ главарями Сѣвернаго общества Пестель; здѣсь, на квартирѣ Свистунова, имъ былъ принятъ въ члены Южнаго общества, въ числѣ другихъ, Сергѣй Кривцовъ [1].

Мы ничего не знаемъ о политическихъ взглядахъ Кривцова, и Слѣдственная комиссія не уличила его ни въ какихъ революціонныхъ замыслахъ или рѣчахъ; окончательный приговоръ ставилъ ему въ вину только принадлежность къ Тайному обществу и знаніе объ умыслѣ (Вадковскаго) на цареубійство. По всей вѣроятности, этимъ дѣйствительно ограничивалось его участіе въ дѣлѣ 14-го декабря. Онъ былъ вовлеченъ въ это дѣло, какъ столь многіе,

[1] И. Павловъ-Сильванскій, „Декабристъ Пестель предъ Верх. Угол. Судомъ", стр. 154.

личными связями. Его ближайшимъ другомъ въ Петербургѣ былъ его землякъ, тоже орловецъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ; другой декабристъ, Вадковскій, былъ братъ его свояченицы, жены Николая Ивановича; наконецъ, чрезъ Чернышева онъ долженъ былъ быть близокъ съ Никитой Муравьевымъ, женатымъ съ 1823 года на сестрѣ Чернышева, а чрезъ Чернышева и Вадковскаго, которые и между собою были очень дружны [1],—съ ихъ однополчанами-кавалергардами, какъ Анненковъ, Свистуновъ и др. При такихъ отношеніяхъ онъ не могъ не быть освѣдомленъ о Тайномъ обществѣ, а его зачисленіе въ члены доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ платонически, онъ сочувствовалъ цѣлямъ общества. На допросѣ Пестель показалъ, что Кривцовъ, Анненковъ и др. были представлены ему Матвѣемъ Муравьевымъ «и находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ» [2]. По показанію М. Муравьева, принятъ былъ Кривцовъ вмѣстѣ съ другими—въ братья, «то-есть они знали, что нужно перемѣнить настоящій порядокъ вещей посредствомъ вооруженія, и нѣкоторое понятіе онъ (Пестель) имъ далъ о его планѣ конституціи и все, что клонилось къ склоненію ихъ къ республиканскимъ мыслямъ» [3].

Взятъ былъ Кривцовъ поздно, очевидно, не по прямымъ уликамъ, которыхъ и не было, а на основаніи показаній ранѣе арестованныхъ заговорщиковъ [4]. 25 октября 1825 года онъ уѣхалъ въ трехмѣсячный отпускъ—сначала къ матери въ Тимофеевское, потомъ въ Воронежъ. Тамъ онъ узналъ о мятежѣ 14-го декабря, тамъ присягнулъ на вѣрность

[1] И. Шильдеръ, „Междуцарствіе въ Россіи“, Рус. Стар. 1897, кн. 2, стр. 205.

[2] Н. Павловъ-Сильванскій, тамъ-же, стр. 62.

[3] Тамъ-же, стр. 154.

[4] Сохранилось преданіе, впрочемъ ничѣмъ не подтверждаемое, что онъ былъ оговоренъ О. Ѳ. Вадковскимъ; см. Рус. Стар. 1888 г., декабрь, стр. 730.

Николаю, и тамъ же, вѣроятно, былъ арестованъ. Напомню, что и Никита Муравьевъ, и Чернышевъ были въ это время въ отпуску, и оба—въ Орловской губ., въ имѣніи Чернышевыхъ [1]. Судя по письму матери Кривцова, которое будетъ дальше приведено, Кривцовъ выѣхалъ изъ Орловской губ. вмѣстѣ съ Чернышевымъ; по почему оба не одновременно попали въ крѣпость, этого я не умѣю объяснить. Чернышевъ былъ посаженъ въ крѣпость 27 декабря 1825 года, Кривцовъ—почти мѣсяцъ спустя, 21 января 1826 г., одновременно съ Ентальцевымъ и др. Содержать его Николай приказалъ «строго, но хорошо» [2].

Вотъ что писалъ Кривцовъ въ собственноручномъ письменномъ показаніи, которое, по принятому въ Слѣдственной комиссіи порядку, было истребовано отъ него послѣ перваго допроса: «Въ 1823 или, можетъ быть, въ концѣ 1822-го (года) я былъ принятъ въ тайное общество Вадковскимъ. Я тогда былъ столь молодъ, что на сіе рѣшился, не полагая въ ономъ важности. Вскорѣ почувствовалъ свою вину и въ оной душевно раскаялся. Я не имѣлъ духа объ ономъ открыть, но всячески старался отъ общества удалиться. Вотъ почему желалъ безъ очереди быть въ Пеллѣ, и во все время съ обществомъ въ сношеніи былъ столь мало, что даже думалъ оное прекращеннымъ. По пріемѣ моемъ я зналъ членами Свистунова и Депрерадовича, а болѣе навѣрное не упомню. Въ артиллеріи не зналъ совершенно никого. Намѣреніе, которое мнѣ было открыто, не заключало въ себѣ ничего противозаконнаго, и плановъ къ будущему никакихъ мнѣ не было извѣстно» [3].

Правды въ этомъ показаніи немного: мы уже знаемъ, что Кривцовъ именно по возвращеніи изъ Пеллы, въ мартѣ

---

[1] Шильдеръ, тамъ-же, стр. 211; Рус. Арх., 1897, кн. 2, стр. 50.
[2] Былое, 1906 г., май, стр. 205.
[3] Госуд. Арх., Д. I, № 369, Сѣверн. Общ. № 37, л. I.

1824 года, былъ принятъ Пестелемъ въ члены Южнаго общества: это засвидѣтельствовали на слѣдствіи независимо другъ отъ друга самъ Пестель и М. И. Муравьевъ-Апостолъ. Невѣрно также, безъ сомнѣнія, будто Кривцовъ не имѣлъ никакихъ отношеній съ членами общества, ничего не зналъ о его планахъ и членами его зналъ только Депрерадовича и Свистунова. Въ дальнѣйшихъ допросахъ онъ и самъ принужденъ былъ кое-что признать, но общій характеръ его показаній остался тотъ-же. Онъ упорно повторялъ, что причиною его вступленія въ тайное общество были молодость и легкомысліе, а можетъ быть также его заграничное воспитаніе и незнаніе настоящаго положенія Россіи; что вступая въ общество, имѣлъ цѣлью только быть полезнымъ отечеству, тайныхъ же намѣреній общества не зналъ; что, принадлежа къ Южному обществу, не зналъ, почему оно такъ называется, и не зналъ, существуютъ ли еще другія общества; что вскорѣ раскаялся и сталъ уклоняться отъ общества, почему и не былъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ его. Но онъ долженъ былъ признать, что желалъ представительнаго правленія: впослѣдствіи, говорилъ онъ, узнавъ Россію, онъ увидѣлъ безразсудность этого желанія; призналъ онъ также, что зналъ членами М. И. Муравьева и Пестеля и съ послѣднимъ видѣлся разъ или два, что подозрѣвалъ о принадлежности къ обществу Алек. Муравьева, З. Чернышева, Горожанскаго, Арцыбашева, одного изъ двухъ Вяземскихъ и конно-гвардейца Плещеева. Это былъ явный оговоръ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Вяземскаго и Арцыбашева (потому что объ остальныхъ Кривцовъ въ это время уже могъ знать, что они тоже привлечены къ суду и находятся въ крѣпости). Въ общемъ Кривцову удалось довольно правоподобно разъяснить какъ улики, выставленныя противъ него въ показаніяхъ другихъ подсудимыхъ, такъ и тѣ явныя противорѣчія,

которыя заключались въ его собственныхъ показаніяхъ и на которыя Слѣдственная комиссія не преминула указать ему. Но одно обвиненіе, тягчайшее изъ всѣхъ, ему было нелегко отвести. На первыхъ допросахъ, спрошенный о томъ, зналъ ли онъ о преступныхъ умыслахъ нѣкоторыхъ членовъ тайнаго общества противъ жизни государя, онъ поклялся всѣмъ, что есть святого, что, будучи особенно облагодѣтельствованъ покойнымъ императоромъ, онъ, если бы узналъ что-нибудь о намѣреніяхъ Якушкина или Якубовича, въ ту же минуту все бы открылъ. Между тѣмъ Свистуновъ показалъ, что въ мартѣ или апрѣлѣ 1824 года Вадковскій при Кривцовѣ и другихъ высказалъ мысль, что можно было бы воспользоваться большимъ баломъ во дворцѣ для истребленія царской фамиліи, и присутствующіе на его вопросъ объ ихъ согласіи отвѣчали, что они готовы. Кривцовъ, когда ему предъявили показаніе Свистунова, не рѣшился отрицать фактъ; но онъ постарался насколько возможно ослабить значеніе факта, а главное — опять, и въ особенно-торжественной формѣ, изъявить раскаяніе. «Правда, — писалъ онъ, — что весною 1824 года, пріѣзжая изъ Пеллы, я останавливался у Вадковскаго, куда всякое утро собиралось весьма много молодыхъ людей, большею частью офицеровъ и юнкеровъ Кавалергардскаго полка. Можетъ въ шумѣ разговора Вадковскій и сказалъ что подобное показанію поручика Свистунова о намѣреніи покуситься на жизнь императорской фамиліи во время бала въ бѣлой залѣ, но по нелѣпости и несодѣянности такаго предпріятія можетъ я не обратилъ должнаго на сіе вниманія, такъ какъ и другое, что могли говорить господа Вадковскій и Свистуновъ, я пропускалъ сквозь уши. Мнѣ даже смѣшно казалось, что три или четыре прапорщика безъ имени, вѣсу и дарованій мыслятъ поколебать столѣтіемъ основанную имперію. Я надѣялся (не имѣя никакого извѣстія объ обществѣ и объ

отсутствующихъ членахъ), что они также одумались, какъ и я, и что всѣ планы наши ко благу человѣчества кончились такъ, какъ начались, т.-е. словами. Но видно Всевышнему угодно было обратить въ преступленіе неосторожность моей молодости. Я знаю, что все мною писанное не можетъ оправдать меня и что я виноватъ, и можетъ 23-хъ лѣтъ погибну невозвратно, но Богъ видитъ мое сердце. Мнѣ теперь остается переносить съ должнымъ всякому христіанину терпѣніемъ святую его волю и съ покорностью ожидать рѣшенія Всемилостивѣйшаго Государя Императора» [1].

Кривцовъ несомнѣнно уклонялся отъ истины, стараясь умалить свою виновность; но, какъ это часто бываетъ, фактическая неправда соотвѣтствовала психологической правдѣ. Если онъ теперь, подъ вліяніемъ страха, такъ охотно отрекался отъ солидарности съ обществомъ, то ему можно повѣрить, что и тогда, въ разгарѣ революціонныхъ преній, онъ оставался трезвымъ между опьяненными. Онъ не былъ ни лжецомъ, ни трусомъ; но ему легко было отречься, потому что онъ и раньше никогда не былъ глубоко захваченъ революціоннымъ движеніемъ. У него былъ характеръ мирный, склонный къ интимности, умъ трезвый и будничный, беззлобно-насмѣшливый; его влекло къ уюту семейственной жизни, къ пріятному препровожденію времени и чтенію книгъ, а вовсе не на трибуну или баррикады: полная противоположность тѣмъ идеологически-страстнымъ умамъ или демагогическимъ натурамъ, какими были главари декабрьскаго движенія. Попавъ въ среду революціонной молодежи, онъ, какъ умный и чувствующій человѣкъ, не могъ не проникнуться сочувствіемъ къ ихъ общественнымъ пожеланіямъ, и оттого далъ записать себя въ члены

[1] Тамъ-же, л. 11 и 12.

общества, но активное боевое настроеніе конечно было ему чуждо, и потому онъ оставался трезвымъ, когда вокругъ него строились и обсуждались планы одинъ фантастичнѣе другого. Такихъ пассивныхъ декабристовъ, какъ онъ, было тогда много въ Россіи, и въ средѣ привлеченныхъ къ слѣдствію по дѣлу 14 декабря, и далеко за ихъ кругомъ.

Я ничего не знаю о Вѣрѣ Ивановнѣ Кривцовой, урожденной Карповой, матери моихъ героевъ, кромѣ того, что она была мать, много любившая своихъ дѣтей и ими горячо любимая. У нея ихъ было много: четыре сына и четыре дочери, не считая рано умершихъ. Сохранился ея портретъ, лѣтъ въ 35—40, небольшой, писанный масляными красками: тонкія, очень правильныя черты, нѣжный румянецъ на щекахъ; она могла быть очень хороша въ молодости. У женщинъ-матерей въ этомъ возрастѣ, у нѣкоторыхъ, бываютъ чудные глаза, еще не плакавшіе, но по которымъ тотчасъ видно, что имъ суждено много плакать; такіе глаза у нея на портретѣ. Когда на нее обрушилось несчастье Сергѣя, ей было около 55 лѣтъ; она давно овдовѣла и жила безвыѣздно въ своемъ Тимофеевскомъ; двѣ дочери были замужемъ и сами матерями; Владиміръ тоже былъ женатъ; она жила съ двумя остальными дочерьми— Анною, которой шелъ уже 27-й годъ и которая не хотѣла выходить замужъ, и самой младшей, Софьей, на выданьи. Родившись около 1770 года, проживъ всю жизнь въ глуши, Вѣра Ивановна, разумѣется, не блистала образованностью; почеркъ и орѳографія ея писемъ по-истинѣ ужасны; но не обидѣла ее природа умомъ и, главное, щедро, на горе, надѣлила глубиною чувства, хотя и ограниченнаго материнствомъ, но въ самой этой узости тѣмъ болѣе полнаго. Откуда бралась у тѣхъ людей эта дѣтская довѣрчивость къ Богу, къ жизни и людямъ, эта благость душевная,

не измѣнявшая имъ съ годами? Кто теперь въ 50 лѣтъ ясенъ душою? Опытъ ожесточаетъ, учитъ злой подозрительности, дѣлаетъ разсудокъ на диво искуснымъ въ угадываніи чужой корысти и злобы; душа становится мутна, и жизнь, можетъ быть болѣе обширная, отражается въ ней невѣрно и смутно. У Вѣры Ивановны, какъ у гоголевской Пульхеріи Ивановны, душа и въ старости была ясна, и маленькій уголокъ Божьяго міра, глядѣвшійся въ эту душу, смотрѣлъ оттуда невозмутимо-прекраснымъ. Или эта благость проистекала изъ ихъ твердой вѣры въ благость Божію? Но нѣтъ,—самая ихъ вѣра могла быть такою только потому, что такъ гармоиченъ былъ ихъ душевный строй. Въ наше время, когда человѣкъ вѣритъ, его вѣра и глубже, но не такова. Вѣрѣ Ивановнѣ на старости лѣтъ было послано тяжкое горе, а острая скорбь, какъ и большая радость,—пробный камень для человѣка: только очень хорошіе люди тамъ и здѣсь сохраняютъ благообразіе облика; надо имѣть большой закалъ, чтобы выдержать напоръ крайнихъ чувствъ. Вѣра Ивановна осталась свѣтла и въ самомъ страданіи. До несчастія не Сергѣй, а Павелъ былъ ея пѣстуномъ, хотя она и любила смѣяться шуткамъ Сергѣя; но съ той минуты, какъ его постигла невзгода, она жила единой мыслью о немъ. Въ ея письмахъ къ Сергѣю — великая скорбь, неудержимыя, безутѣшныя слезы, но все та же ясная вѣра, теперь еще болѣе горячая, и ни одного мятежнаго или судорожнаго движенія души. Эти письма безконечно трогательны. Самая прекрасная роза увянетъ чрезъ день, краски картины потускнѣютъ съ годами, а эти письма и чрезъ сотни лѣтъ не утратятъ чудной прелести, которою напоили ихъ любовь и боль материнскаго сердца.

Сѣвъ въ крѣпость 21 января, Сергѣй Ивановичъ въ первый разъ написалъ оттуда матери 5 февраля. Какъ

видно, письма легко передавались на волю; онъ писалъ затѣмъ еще 4, 16, 25 марта и такъ далѣе, и всѣ его письма исправно доходили по назначенію. Писалъ онъ коротко: здоровъ и очень безпокоюсь, не получая писемъ отъ васъ. Два съ половиной мѣсяца онъ не получалъ никакихъ извѣстій изъ дому. Ему не писали, такъ какъ не знали, куда писать. Наконецъ, 27 февраля мать рѣшилась написать ему, адресуя въ канцелярію лейбъ-гвардіи Конной артиллеріи; письмо дошло до Сергѣя, но только полтора мѣсяца спустя, 13 апрѣля, такъ что мать до іюня или іюля не знала, получилъ ли онъ ея первое письмо. Она продолжала и далѣе писать по тому же адресу, на авось, а тѣмъ временемъ обратилась къ новому царю съ просьбою о дозволеніи ей переписываться съ сыномъ. 2 ноября она получила отвѣтъ изъ Москвы, гдѣ тогда находился дворъ по случаю коронаціи: начальникъ царскаго штаба, Дибичъ, извѣщалъ ее отъ 29 сентября, что государь разрѣшаетъ ей переписываться съ сыномъ чрезъ военнаго министра, незапечатанными письмами. Отнынѣ переписка установилась довольно правильная, хотя и предыдущія письма дошли, кажется, всѣ, правда—съ большими опозданіями.

«Два письма отъ тебя, мой милый другъ Сережинька, получила», писала Вѣра Ивановна въ концѣ марта: «1-ое отъ 5 февраля, и 2-ое отъ 4 марта. Увидавши твою милую мнѣ руку, принесла благодареніе Господу и нѣсколько облегчила мою горестью убитую душу и сердце. Богъ одинъ видитъ, что я чувствую эти два мѣсяца. Я никакъ не могу думать, чтобы ты могъ попасть въ какое преступленіе, но, можетъ быть, по молодости и по неопытности ты и замѣшанъ гдѣ-нибудь, то надѣюсь на Бога и на милосерднаго нашего Государя. Онъ избранъ милосернымъ нашимъ отцомъ, блаженной памяти императоромъ, и увѣрена, что онъ будетъ такой же намъ отецъ мило-

сердный и защитникъ невинныхъ и несчастныхъ». Она пишетъ ему потомъ, что хотѣла бы ѣхать къ нему въ Петербургъ, потому что неизвѣстность ее измучила. Она проситъ его говѣть на предстоящей Страстной недѣлѣ и принести чистое покаяніе Всемогущему, а если возможно, то въ тотъ же день отслужить молебенъ Ахтырской Божьей Матери: «этимъ образомъ покойный твой отецъ тебя, моего друга, благословилъ, такъ она тебѣ будетъ покровительница; а послѣ отслужи панихиду по отцу. Какъ онъ теперь счастливъ, что его нѣтъ на свѣтѣ! Но да буди воля Его святая, и прости мой роптъ. Молю Бога дать душѣ моей утѣшеніе для спасительнаго Его воскресенія—получить мнѣ пріятное отъ тебя, моего друга, письмо». Въ половинѣ апрѣля она ѣдетъ въ Кіевъ, а оттуда въ Ахтырку, молиться о немъ, ея сокровищѣ, и какъ онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Захаромъ Григорьевичемъ (Чернышевымъ), то она ихъ обоихъ всегда неразлучно на молитвѣ поминаетъ.

А Сергѣй Ивановичъ, сидя въ крѣпости, неожиданно открылъ въ себѣ новый талантъ — стихотворства, и отъ скуки съ жаромъ предался этому невинному занятію. Развлекались стихами, повидимому, и нѣкоторые изъ его товарищей; по крайней мѣрѣ въ грудѣ листковъ, пересланныхъ имъ изъ крѣпости роднымъ, есть стихотворенія, писанныя чужими почерками и разными чернилами, но несомнѣнно возникшія въ крѣпости. Эти стихи, какъ стихи, разумѣется, очень плохи, и сами авторы нисколько не заблуждались на этотъ счетъ. Кривцовъ однажды въ шутку поясняетъ:

Мнѣ все равно,—лишь бы писать:
Не мнѣ стихи мои читать;

а свое посланіе къ Чернышеву онъ кончалъ такими словами:

Сіи стихи тебѣ я посвящаю,
Совѣтую почаще ихъ читать:
Отъ нихъ ты вѣрно будешь спать,—
Другаго счастья здѣсь не знаю.

Но чѣмъ неискуснѣе эти стихи, тѣмъ наивнѣе и проще выразилась въ нихъ психика тѣхъ людей. Они писаны не исключительными, а средними людьми Александровскаго вѣка, и писаны въ такихъ условіяхъ, когда человѣкъ невольно углубляется въ себя. Если намъ важно возстановить передъ собою живую дѣйствительность эпохи, то ничего не можетъ быть цѣннѣе этихъ искреннихъ личныхъ признаній, отмѣченныхъ полной заурядностью типа и вмѣстѣ особенной углубленностью содержанія. Эти вирши чистосердечно разсказываютъ о томъ, какъ чувствовалъ и о чемъ думалъ въ минуты своей наибольшей духовности средній образованный русскій человѣкъ Александровскаго времени, сверстникъ Пестеля, Пушкина и Чацкаго.

«День заключенья»,—длинное, въ 30 строфъ, стихотвореніе Кривцова, написанное, видимо, весною 1826 г. Вся природа оживилась, все проснулось къ наслажденью, только мы, друзья, на муку дождались новыхъ дней. Боль въ костяхъ отъ жесткаго ложа пробуждаетъ насъ отъ сна; встаешь съ тоскою въ сердцѣ; въ коридорѣ уже слышно движеніе; вотъ фейерверкеръ пробѣжалъ съ ключами, оставляя у каждой двери ключъ каморки; раздается унылый звукъ—отпираютъ двери. Либералы встаютъ, умываются и ждутъ чая; сторожа бѣгутъ въ кухню, приносятъ чайники; напились чаю, закурили трубки и снова ложатся, сторожа подметаютъ каморки. Въ это время адъютантъ обходитъ номера; напрасно онъ силится являть благородный видъ,—взглядъ его подлъ. Наступаетъ часъ обѣда: супъ и щи, жаркое съ кашей, вмѣсто вина—Невская водица. Счастливъ, кто можетъ послѣ обѣда заснуть: червь тоски того

не гложетъ; но кто не спитъ, тотъ среди мертваго молчанья яснѣе слышитъ стонъ своего сердца. Ахъ, зачѣмъ въ радостяхъ ты такъ быстро летишь, время, а въ горѣ недвижно гнетешь грудь несчастнаго? Но вотъ изъ сосѣдней клѣтки слышенъ свистъ: «это значитъ, что проснулся— въ горѣ найденный мой другъ». Завязывается разговоръ; въ это время всѣ въ клѣткахъ свободно свищутъ и поютъ. Въ 6 часовъ разносятъ вечерній чай, снова водворяется молчанье; идетъ плацъ-маіоръ, важно отворяетъ каждую дверь, медленно вползаетъ и говоритъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ. Наконецъ, приносятъ ужинъ, состоящій изъ однихъ щей; его никто не ѣстъ. Запираютъ двери, конченъ день,—но не кончилось страданье.

Другое стихотвореніе—шуточное.

За мнимое непокорство
Здѣсь страдаемъ день и ночь,
Мы зѣваемъ безъ притворства
И вздыхаемъ во всю ночь:
Какая тоска!
Какъ постелюшка жестка!

Кто не знаетъ нашу участь,
Не повѣритъ тотъ никакъ,
Чтобы за минутну глупость
Могли мучиться мы такъ.
Какая тоска, и т. д.

Дальше юмористически изображается крѣпостное житье заключенныхъ: живемъ на птичій ладъ; сторожа намъ моютъ клѣтки, кормятъ насъ кашей, какъ скворцовъ, и поятъ простой водой, на ночь намъ ставятъ баночки, посыпаютъ песочкомъ, обставятъ слягами и чинехонько запрутъ,— чѣмъ не птичій дворъ? [1]—Въ этой шуткѣ есть насмѣшка

[1] Это стихотвореніе, писанное рукою Кривцова, сохранилось среди его крѣпостныхъ бумагъ. Н. А. Огарева-Тучкова приводитъ начало этого самаго стихотворенія, приписывая его (правда, по памяти дѣтскихъ лѣтъ) декабристу Горсткину („Воспом.“, стр. 16).

надъ самими собою, очень характерная для декабристовъ. Эти куплеты сочинялись для товарищей, значитъ Кривцовъ, опредѣляя дѣло 14 декабря, какъ «мнимое непокорство» и «минутную глупость», былъ увѣренъ, что такъ-же думаютъ и его товарищи, или что они, по крайней мѣрѣ, не далеки отъ такого взгляда.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ сентиментальныхъ стихотвореній, все Кривцова. Я вижу вашъ унылый взоръ, родные сердца моего, слышу вашъ милый мнѣ голосъ, зовущій меня; но я не могу на вашъ призывъ броситься въ ваши объятья, не могу смягчить ваше горе надеждой. Ахъ, зачѣмъ я обреченъ судьбою терзать тѣхъ, кому желалъ-бы всечасно услаждать жизнь! Можетъ быть, я уже невозвратно погибъ для васъ, но я не знаю за собою преступленья; я могъ заблуждаться, но душа моя чиста. Душа моя и теперь пылаетъ святой любовью къ отчизнѣ, я не зналъ тщеславья, всегда ставилъ себѣ цѣлью добродѣтель; но я избралъ невѣрный путь, увлекся мечтою; впредь я всегда буду удалять отъ себя пустыя мечтанья и подчинять разсудку бурныя желанія сердца. — Друзья мои, если мнѣ суждено умереть, наполните виномъ прощальный бокалъ и скажите: миръ съ тобою, спящій другъ; этимъ вы утѣшите мою тѣнь, въ этотъ печальный часъ я буду съ вами. Вы опять, какъ прежде, будете собираться вечеркомъ, пѣть, смѣяться и курить, — тогда кто нибудь изъ васъ запоетъ эту мою пѣсню и скажетъ вздохнувъ: жаль, нѣтъ Кривцова между нами! — «На измѣну дружбы»: всѣ друзья — лишь до чернаго дня. Въ весельи всѣ тебя любятъ, но лишь только разъяренная Фортуна обратитъ на тебя свой суровый взглядъ, всѣ тотчасъ покинутъ тебя, и всякій будетъ думать только о томъ, какъ бы поскорѣе спасти самого себя. Вѣчно вѣренъ одинъ Богъ; на него надѣйся, человѣкъ, ему молись чистосердечно, онъ одинъ будетъ

тебѣ защитникомъ. Даруй же мнѣ, Создатель, смиренье въ горѣ; только надеждою на тебя могу я обрѣсти блаженство. — «Похвала трубкѣ» (написанная, какъ сказано въ подзаголовкѣ, по просьбѣ Ахтырскаго Гусарскаго полка ротмистра Франка), скорѣе грустная, чѣмъ шутливая. — «Посланіе гр. Чернышеву»: скажи мнѣ, другъ, для чего созданъ человѣкъ? почему зовутъ жизнь безцѣннымъ даромъ? Мы рождаемся съ мученьемъ, муки полна наша жизнь, и страданье открываетъ намъ дверь гробницы: гдѣ же сладость жизни? Отъ вѣка всѣ стремятся къ счастью, но кто достигъ его?—Затѣмъ идетъ пересмотръ всѣхъ земныхъ благъ, къ которымъ стремятся люди: богатство, слава и пр.—они призрачны, въ нихъ нѣтъ счастья. Отсюда выводъ: итакъ, другъ, не ищи счастья въ мірѣ, терпи страданья и мужайся: не вѣкъ терпѣть; нашъ духъ стремится къ Творцу,— тамъ, въ небѣ, мы вкусимъ сладкій сонъ и узнаемъ счастье.

Въ этой наивной, прекраснодушной поэзіи дѣйствительно есть что-то похожее на чириканье птички въ клѣткѣ: для насъ почти уже непонятная безмятежность и ясность духа, простыя, мирныя чувства, несложныя мысли. Таковы и другіе стихи, писанные не Кривцовымъ, и выписки, которыхъ немало въ этой пачкѣ бумагъ.

Прости въ послѣдній разъ, родимая дубрава,
Златая колыбель невинности моей,
Гдѣ дружба, гдѣ любовь, гдѣ милая забава
Мнѣ улыбалися весенней зарей...

. . . . . .

Простите, мирныя отцовъ моихъ долины,
Прости и ты на вѣкъ, уединенный лѣсъ,
Гдѣ тлѣетъ милый прахъ безцѣнныя Алины,
Гдѣ часто проливалъ я рѣки горькихъ слезъ.

Теперь печальныхъ чувствъ въ разстроенной свободѣ,
Сужденный навсегда оставить край родной,
Пришелъ послѣднее прости сказать природѣ,
Чтобъ встрѣтить первую луну въ странѣ чужой.

Подъ-стать этимъ стихамъ и афоризмы, выписанные изъ книгъ разными почерками: «Человѣкъ никогда такъ сильно не чувствуетъ одиночества, какъ взирая на прелесть творенія». «Изъ надеждъ и воспоминанія составлено счастіе сердца; надежда намъ пріятна, какъ взглядъ прекрасной дѣвушки, а воспоминаніе сладостно, какъ шопотъ друга». «Время слабо утишаетъ гнѣвъ, разлука придаетъ цѣну свиданію», и т. п.

Фотографы умѣютъ, путемъ наложенія отдѣльныхъ снимковъ, составлять сводный портретъ цѣлой семьи, въ которомъ индивидуальныя особенности отдѣльныхъ ея членовъ становятся смутны, но тѣмъ рѣзче выступаютъ основныя черты семейнаго сходства. Историкъ и можетъ, и долженъ поступать такъ-же. Всякая группа людей, объединенная какимъ-нибудь существеннымъ условіемъ происхожденія, развитія или жизни всѣхъ своихъ членовъ, представляетъ особенныя, общія имъ всѣмъ, психическія черты. Такія идеальныя группировки могутъ быть проведены по всевозможнымъ признакамъ. Эти обобщенія, совершенно такъ же, какъ и обобщенія естественныхъ наукъ, представляютъ громадную научную цѣнность. Но конкретная психологія еще слишкомъ мало разработана, у насъ нѣтъ и еще долго не будетъ ни точно установленныхъ категорій, ни такихъ орудій опредѣленія, какъ микроскопъ, химическій или спектральный анализъ. Однако и при этихъ условіяхъ историко-психологическое обобщеніе оказываетъ намъ большія услуги; надо только, чтобы оно устанавливалось съ величайшей осторожностью и примѣнялось съ сознаніемъ его относительности. Само собою понятно, что оно будетъ тѣмъ реальнѣе, чѣмъ уже группа, обобщаемая въ типъ, и чѣмъ, напротивъ, общѣе психологическій признакъ (или признаки), по которому ее обобщаютъ. На этихъ основаніяхъ можно съ полнымъ правомъ попытаться опредѣлить и типъ декабриста.

Подъ декабристами я разумѣю не только членовъ Тайнаго общества, участниковъ возстанія 14-го декабря: это слово—только удобный терминъ для обозначенія всей зажиточной и образованной мужской молодежи Александровскаго времени. Это люди, родившіеся въ самомъ концѣ XVIII вѣка, воспитанные и развивавшіеся приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ, каковы — крѣпостное право, вліяніе французской изящной и политической литературы, военная среда, прямое или косвенное вліяніе Наполеоновскихъ войнъ, и пр. Такимъ образомъ, матеріалами для опредѣленія этого типа должны служить не только жизнь и писанія подлинныхъ декабристовъ, ихъ письма, литературныя произведенія и показанія на судѣ, но и вся поэзія Пушкина, письма Грибоѣдова, рѣчи Чацкаго, «Философическія письма» Чаадаева, записки Свербеева, и т. п. Изученіе этихъ матеріаловъ позволяетъ съ достаточной достовѣрностью опредѣлить коренные признаки того поколѣнія.

Оно представляется гребнемъ той исторической волны, которая наростала у насъ съ половины XVIII вѣка. Въ долгое царствованіе Екатерины постепенно улеглось броженіе, вызванное со временъ Петра наплывомъ западныхъ идей и обычаевъ, и на смѣну старой боярской культуры окрѣпла и оформилась новая, дворянская. Она была чрезвычайно сложна по своему составу, — вся еще сильно насыщена элементами народнаго міровоззрѣнія и быта, еще въ непрерывномъ общеніи съ народной массой, и вмѣстѣ съ тѣмъ переполнена элементами западными, которые какъ-то ассимилировались этому химическому «основанію». Ко времени Наполеоновскихъ войнъ эта новая культура, дворянская, окончательно установилась и успокоилась. Люди, достигшіе зрѣлости въ концѣ XVIII-го или въ первые годы XIX-го вѣка, представляютъ зрѣлище той ясной уравновѣшенности духа, той

спокойной земной осѣдлости, которыя встрѣчаются именно только въ эпохи законченной культуры. Они жили самодовлѣющею жизнью, ихъ стремленія ни внутренно, ни внѣшне не простирались за черту видимаго горизонта; это—та стадія, которая художественно воплотилась въ поэзіи Державина. Были потомъ переходныя формы (таковъ, напримѣръ, Н. И. Кривцовъ), но и онѣ характеризовались въ общемъ непоколебимой устойчивостью. Молодежь Александровскаго времени, такъ называемые декабристы, нашли эту культуру готовою, роскошно зрѣлою, и усвоили ее безъ малѣйшихъ усилій,—просто по праву наслѣдства; эти рано-созрѣвшіе юноши, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Чаадаевъ и наши два младшіе Кривцовы, были цвѣтомъ ея, въ нихъ она достигла самосознанія, и сами они въ ней сознали силу и достоинство своей личности. И тутъ, въ зенитѣ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, естественно зародились два теченія, одно вглубь, другое наружу; нравственная энергія этого поколѣнія устремляется частью на метафизическое углубленіе господствующаго міровоззрѣнія, частью на преобразованіе общественной жизни согласно расцвѣтшему личному самосознанію. Оба эти теченія зародились еще раньше, при Екатеринѣ, когда только начинался расцвѣтъ новой культуры, зародились въ смѣшанной формѣ филантропическаго масонства. Теперь, при Александрѣ, они прорываются бурно и съ огромной силою, чему не мало способствовали грандіозныя міровыя событія Наполеоновской эпохи и непосредственное ознакомленіе этой молодежи съ западно-европейской дѣйствительностью. Мистицизмъ и общественность, Лабзинъ съ одной стороны, Пестель съ другой,—по этимъ двумъ линіямъ естественно, можно сказать—неизбѣжно, направилась созрѣвшая и на время уравновѣшенная общественная мысль. Въ ученіи Чаадаева оба эти теченія слились; порознь, какъ извѣстно,

они оказались не равносильными: мистическое движеніе сравнительно скоро замерло или ушло въ низы народа; напротивъ, общественное захватило всѣ лучшіе элементы молодежи—и привело къ возстанію 14-го декабря.

Такимъ образомъ, декабристъ въ основныхъ свойствахъ своего духа—плоть отъ плоти той патріархальной, уравновѣшенной культуры. Онъ внутренно цѣленъ, ему чуждъ всякій душевный разладъ, мучительные вопросы бытія не вызываютъ въ немъ ни малѣйшаго смятенія,—они просто для него не существуютъ, потому что онъ съ молокомъ матери всосалъ увѣренность и удовлетворенность той успокоенной культуры. Приведенныя выше вирши Сергѣя Кривцова и его друзей въ высшей степени характерны для декабриста; именно за эту ясность духа я назвалъ ихъ птичьимъ чириканьемъ. Но, сохранивъ старую, отцовскую основу, декабристъ изъ нея же потянулся въ общественную жизнь. Его отецъ, человѣкъ Екатерининскаго вѣка, жилъ самодовольно, или, какъ мѣтко выразился Пушкинъ («Къ вельможѣ») — «жилъ для жизни» и «искалъ возможнаго», т.-е. инстинктивно и сознательно принималъ міръ во всемъ объемѣ дѣйствительности. Отъ этого эпикурейца декабристъ отличается не характеромъ душевной жизни, а только тѣмъ, что̀ принесло ему время: бо̀льшимъ самосознаніемъ и болѣе развитымъ чувствомъ своего человѣческаго достоинства. Но въ этомъ отличіи и лежало зерно перваго разлада съ дѣйствительностью: декабристъ не пріемлетъ, не можетъ принять—оскорбительной для его чувства и сознанія русской общественной дѣйствительности. Этимъ въ его уравновѣшенность внесенъ первый диссонансъ,—появляется первая трещина въ томъ цѣльномъ укладѣ чувства и мысли. Такъ человѣкъ Александровскаго времени нечаянно разрушаетъ очарованіе; горизонтъ жизни и для него еще остается неподвижнымъ,—онъ только хо-

четъ переставитъ кое-что внутри этого круга,—но съ первымъ его шагомъ изъ счастливаго центра все кругомъ него приходитъ въ движеніе. Назадъ, къ покою, ему уже не было дороги; первые шаги онъ дѣлалъ съ дѣтской ясностію духа, но когда его внѣшнее, соціальное требованіе встрѣтило неодолимыя препятствія, тогда внѣшняя мечта вошла внутрь его, стала ему дороже жизни и безвозвратно нарушила его душевное равновѣсіе. Самые страстные изъ нихъ, какъ Рылѣевъ, Чаадаевъ, вѣроятно Пестель и Каховскій, утративъ привычный міръ души, задыхаются, жаждутъ немедленной смерти; Рылѣевъ въ крѣпости пишетъ:

Мнѣ тяжко здѣсь, какъ на чужбинѣ,—
Когда я сброшу жизнь мою?
. . . . . .
Весь міръ — какъ смрадная могила...

Остальные—большинство—на всю жизнь сохранятъ прежнюю ясность духа, почти чудесную въ глазахъ слѣдующаго поколѣнія, но сохранятъ и свою мечту, непзвѣстную ихъ отцамъ; тѣ искали возможнаго, эти до конца будутъ горды тѣмъ, что желали невозможнаго.

Для насъ въ этой эволюціи человѣка Александровскаго времени важенъ только ея психологическій смыслъ. Частичная мечта о невозможномъ, родившаяся въ самыхъ нѣдрахъ того уравновѣшеннаго міросозерцанія, нарушила его общее равновѣсіе; сами декабристи еще до могилы донесутъ свою сравнительную цѣльность, но гармоничный строй мысли былъ чрезъ нихъ безвозвратно нарушенъ во всемъ составѣ общества, и нарушенъ въ основѣ, такъ что поколѣніе, слѣдующее за декабристами, уже всецѣло поглощено не политической только, а общей душевной тревогой и исканіемъ. Недаромъ люди этого поколѣнія, какъ Герценъ, Огаревъ и другіе, съ такимъ умиленіемъ преклоня-

лись предъ уцѣлѣвшими изъ декабристовъ, не за ихъ подвигъ и страданія, а за удивительную цѣльность и ясность ихъ духа, которой въ нихъ самихъ уже не было и слѣда.

Приговоромъ Верховнаго суда Сергѣй Кривцовъ былъ причисленъ къ седьмому разряду, т.-е. осужденъ въ каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе; по конфирмаціи приговора (11 іюля 1826 года), срокъ каторжной работы былъ сокращенъ до двухъ лѣтъ, а по коронаціонному помилованію (22 августа)—до одного года. Легко представить себѣ, какимъ ужасомъ поразило это извѣстіе его мать и сестеръ. Въ тѣхъ смутныхъ свѣдѣніяхъ, какія онѣ могли имѣть о каторгѣ и Сибири, послѣднія должны были рисоваться имъ чѣмъ-то вродѣ послѣдняго круга Дантовскаго ада, обителью нечеловѣческихъ страданій, униженія и скорби. На эту участь, страшную, какъ смерть, и въ своемъ родѣ болѣе страшную, чѣмъ смерть, былъ отнынѣ обреченъ Сергѣй. 25 августа, т.-е. тотчасъ по полученіи въ Тимофеевскомъ извѣстія о приговорѣ, Анна Ивановна написала прошеніе на имя Бенкендорфа: она просила — въ случаѣ, если ея братъ еще въ Петербургѣ,—испросить для нея у государя разрѣшенія увидѣться съ нимъ. Собиралась ѣхать и сама Вѣра Ивановна; въ ноябрѣ она обратилась къ военному министру съ запросомъ, можетъ ли она разсчитывать быть допущенной къ сыну, если пріѣдетъ въ январѣ. На это ей было отвѣчено, что, такъ какъ время отправленія осужденныхъ зависитъ отъ государя, то министръ не можетъ обѣщать ей ничего опредѣленнаго. Анна Ивановна повидимому не получила никакого отвѣта на свое прошеніе; тѣмъ не менѣе, въ половинѣ января (1827 г.) она двинулась въ путь. Въ Петербургѣ ее ждалъ Павелъ Ивановичъ, пріѣхавшій туда изъ Берлина по пути въ Римъ, куда, какъ мы видѣли, онъ только-что былъ на-

значенъ совѣтникомъ посольства. «Милое и любезное мое сокровище, Сережинька», писала мать въ письмѣ, которое повезла съ собою Анна Ивановна; «я сама хотѣла къ тебѣ ѣхать, но не знавши навѣрное, долго ли ты еще пробудешь въ Петербургѣ, не могла рѣшиться на такой дальній путь, боясь съѣздить понапрасну; а сестра рѣшилась къ тебѣ, нашему милому другу, ѣхать, и увѣрена, ежели она тебя застанетъ, то принесетъ тебѣ большое утѣшеніе. Посылаю тебѣ, моему другу, образъ, который для тебя написала, поручаю тебя, моего друга, подъ ихъ покровительство; да еще посылаю маленькій образъ мученицы Варвары; я тебя, моего друга, видѣла во снѣ и самый этотъ образъ на тебѣ. Прошу тебя, моего друга, именемъ самого Господа, будь покоенъ на счетъ мой. Я еще не совсѣмъ забыта отъ Господа; Богъ столько милостивъ ко мнѣ грѣшной, что далъ мнѣ крѣпость переносить такую жестокую горесть съ терпѣніемъ. Я тебѣ, мой другъ, откровенно говорю, даже и сестра тебѣ то же скажетъ,—я плачу поболѣе только тогда, когда молю Создателя о тебѣ, моемъ другѣ. И тебя, моего друга, прошу и умоляю, будь терпѣливъ въ своемъ несчастьи. Я знаю твою душу и христіанское чувство, и увѣрена, что ты всегда таковъ будешь, и ежели и постигло тебя это несчастье, то никакъ не ропщи, а благодари Бога: онъ испытуетъ твою твердость и любовь къ себѣ; итакъ, молись, молись, мой другъ, ему съ сокрушеннымъ сердцемъ и умиленною душою. Богъ столько милосердъ, услышитъ наше общее къ нему моленіе, и обратитъ свой гнѣвъ на милость и проститъ твое заблужденіе. Прости, мой другъ, прости, сокровище души моей, поручаю тебя Господу и святой его матери, да будетъ надъ тобою благодать Святаго Духа и мое благословеніе, и буду на вѣкъ мой вѣрный твой другъ Вѣра Кривцова».

Анна Ивановна въ первый разъ увидѣлась съ братомъ 28-го или 29-го января, Павелъ —за нѣсколько дней передъ тѣмъ, очевидно еще до ея пріѣзда. Сергѣй Ивановичъ не ждалъ сестры, и тѣмъ радостнѣе былъ удивленъ ея пріѣздомъ. 30 января онъ пишетъ матери о томъ, какъ счастливъ онъ былъ обнять любимую сестру; эта неожиданная радость служитъ ему вѣрнымъ залогомъ, что придетъ еще время, когда, соединясь съ нею, т.-е. съ матерью, онъ сможетъ посвятить свою жизнь ея спокойствію и тѣмъ хоть немного искупить печаль, которую онъ причинилъ ей. Онъ пишетъ, что, вѣроятно, скоро будетъ уже отправленъ въ ссылку, и что съ нетерпѣніемъ ждетъ этого, потому что ссылка вернетъ ему свободу; онъ не стыдится ссылки,—за нимъ нѣтъ никакого преступленія, онъ видитъ въ ней не униженіе, а только разлуку съ нею—съ матерью; онъ съ избыткомъ снабженъ всѣмъ нужнымъ, ему недолго остается до поселенія, и онъ надѣется жить спокойно, такъ какъ имѣетъ чистую совѣсть и внутреннее увѣреніе, что всегда старался дѣлать все добро, которое отъ него зависѣло. Дальше онъ пишетъ о Павлѣ, восхищается основательностью его сужденій, радуется его блестящей карьерѣ, которая, конечно, во сто кратъ вознаградитъ его потерю по службѣ,—«и я, право, не жалѣя уступаю ему свою часть почестей».

Онъ дѣйствительно со дня на день ждалъ отправки; однако братъ и сестра успѣли еще нѣсколько разъ видѣться съ нимъ. 31 января Потаповъ извѣщалъ Павла Ивановича, что, согласно его прошенію, государь разрѣшилъ ему и его сестрѣ видѣть ихъ брата, содержащагося въ С.-Петербургской крѣпости арестанта Кривцова, до 6-го числа февраля три раза, о чемъ они и должны адресоваться къ коменданту крѣпости ген.-ад. Сукину. 7 февраля Сергѣй Ивановичъ окольнымъ путемъ переслалъ Павлу записку, гдѣ писалъ, что по его разсчету его отправятъ въ будущую

пятницу, 11-го, поэтому пусть онъ, Павелъ, постарается до тѣхъ поръ добиться еще одного свиданія. Тутъ же С. И. благодаритъ его за доставленныя вещи (сапоги и пр.) и проситъ передать благодарность Фонтону за присланныя книги (Фонтонъ былъ его товарищъ по Гофвилю); еще онъ проситъ доставить ему сукна, кисетъ для табаку, зубныхъ щетокъ, «Донъ-Карлоса» и пр., и велитъ взять у плацъ-маіора свои деньги, оставивъ для него только 160 руб.,—но взять только послѣ послѣдняго свиданія, а то плацъ-маіоръ надуется (т.-е. не дастъ свиданія). «Навѣдывайся почаще у графини Чернышевой, она будетъ навѣрное знать, когда насъ отправятъ. Когда ты будешь просить о свиданіи плацъ-маіора, смотри, не проговорись, что ты знаешь, что меня скоро отправляютъ. Сообщи письмо сіе Аннѣ». На другой день, 8 февраля, Анна Ивановна письменно обращается къ Сукину, прося дать ей и Павлу свиданіе съ братомъ завтрашній день. Была ли удовлетворена ея просьба, неизвѣстно. Сохранился клочекъ бумаги, на которомъ второпяхъ набросаны чернилами четыре строчки: Ne vous donnez plus la peine d'aller à la forteresse, car ils sont partis. A peine vous m' aviez quitté qu' on est venu me l'apprendre. Послѣ «quitté» сверху нацарапано какимъ-то острымъ предметомъ: hier, а внизу записки тѣмъ же остріемъ нацарапано: 11 fév. 1827.—Ихъ отправили, значитъ, въ полночь съ 10-го на 11-е февраля. А еще утромъ 10-го Сергѣй писалъ Аннѣ и Павлу, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ «экспедиціи» эту недѣлю не будетъ.

VIII.

А глядишь—нашъ Мирабо
Стараго Гаврила
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ да въ рыло.

Д. Давыдовъ.

„О Солнце", вскричала Ѳемида, приявъ на себя величественный видъ богини, „ты обтекаешь вселенную, вѣщай: гдѣ еще ростутъ столь подлые дьяки и подъячіе?"—Нигдѣ, отвѣчалъ Фебъ.

А. Нахимовъ.

Человѣкъ можетъ годы жить безъ перемѣнъ, точно забытый судьбою, и самъ онъ тогда склоненъ забыть о ней, какъ будто нынѣшняя его участь сложилась естественно, не по волѣ, а скорѣе попустительствомъ рока. На дѣлѣ же его жизнь и въ эти годы—только инертное движеніе по пути, куда въ послѣдній разъ поставила его судьба,—и на этомъ пути, въ однообразіи дѣлъ и обстоятельствъ, онъ непрерывно мѣняется внутренно, зрѣя для новаго служенія: въ урочный день судьба болѣе или менѣе рѣзкимъ толчкомъ передвинетъ его на новое мѣсто, для котораго онъ внутренно созрѣлъ. Все это въ порядкѣ вещей; но вотъ что странно: есть какъ-бы круговая порука въ семьяхъ. Случается, цѣлая семья долгое время стоитъ неподвижно—и затѣмъ вдругъ не одинъ только членъ ея, но нѣсколько

сразу перемѣщаются, словно судьба, захлопотавшись, наконецъ взглянула въ эту сторону, и тогда спѣшитъ уже за одинъ разъ очистить накопившіеся долги всей семьи. Такъ нерѣдко одинъ за другимъ умираютъ два-три члена семьи; между тѣмъ каждый изъ нихъ исполнялъ свой особенный кругъ.

Нѣчто въ этомъ родѣ случилось съ братьями Кривцовыми весною 1827 года: почти одновременно, на протяженіи немногихъ недѣль, пути всѣхъ трехъ братьевъ круто повернули и опредѣлились на всю остальную ихъ жизнь. Въ тѣ самые дни, когда одинъ изъ пяти возковъ, составлявшихъ партію [1], увозилъ Сергѣя, въ ножныхъ кандалахъ, съ жандармомъ о-бокъ, изъ родной страны въ Сибирь, а Павелъ комфортабельно спѣшилъ на мѣсто своей новой службы, въ полуденную Италію,—въ родныхъ палестинахъ обрѣла преждевременный конецъ служебная карьера Николая Ивановича.

Четыре года назадъ, въ апрѣлѣ 1823 года, онъ былъ назначенъ, какъ сказано, тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Пріѣхалъ онъ въ Тулу въ іюнѣ [2], а въ февралѣ слѣдующаго года онъ уже выѣзжалъ изъ нея со всѣми домочадцами и со своей англійской обстановкой, заклейменный выговоромъ Сената и сопровождаемый злорадными напутствіями тульскихъ дворянъ. Приблизительно такая же исторія повторилась съ нимъ затѣмъ въ Воронежѣ, потомъ и въ Нижнемъ,—всюду его дѣятельность кончалась катастрофой, и послѣдняя катастрофа подвела его подъ судъ и осужденіе.

---

1 Съ Кривцовымъ вмѣстѣ везли Лихарева, Тизенгаузена и Толстого; каждый ѣхалъ въ особомъ возкѣ съ жандармомъ, да впереди ѣхалъ отдѣльно фельдъ-егерь. См. А. Е. Розенъ „Записки“, 1907, стр. 146; „Изъ дневныхъ записокъ В. А. Муханова“—Рус. Арх. 1896, ч. III, стр. 166.

2 31 мая Вяземскій изъ Москвы пишетъ А. И. Тургеневу: „Кривцовъ поѣхалъ третьяго дня за благословленіемъ въ Рязань“, т.-е. къ генералъ-губернатору Балашеву,—Остаф. Арх., т. II, стр. 327.

Въ натурѣ Кривцова было что-то нестерпимо-обидное для людей. Именно, оскорбительно было самое его отношеніе къ жизни, этотъ безпощадный деспотизмъ, съ которымъ онъ стремился все живое подчинить своему идеалу геометрической правильности. Жизнь ирраціональна, и равнять ее по ранжиру, вгонять въ какую-либо схему—безнадежное дѣло; секретъ власти заключается въ томъ, чтобы въ каждую минуту находить мудрую середину между требованіями осуществляемой схемы и правами ирраціональной дѣйствительности, прежде всего, разумѣется,—правомъ каждой индивидуальной воли на свободное проявленіе. Для этого первое условіе—умѣть чувствовать чужую волю во всей ея органической сложности и во всей ея законной косности; второе—умѣть бережно обходиться съ нею, т.-е. обладать талантомъ самообузданія. Кривцовъ, какъ и родственный ему по духу Николай I, былъ совсѣмъ лишенъ и этой способности чувствовать, и этого умѣнья щадить ирраціональное въ жизни и въ людяхъ. Онъ былъ совершенно запертъ для міра. Движенія собственной воли онъ ощущалъ въ себѣ необычайно сильно, возникшее желаніе овладѣвало имъ безудержно,—онъ д о л ж е н ъ былъ его осуществить; а чужой воли онъ просто не ощущалъ, какъ если бы ея и не было въ людяхъ, такъ что всякое проявленіе чужой воли, направленное вразрѣзъ его замыслу, казалось ему незаконнымъ, умышленнымъ, достойнымъ презрѣнія. И такъ какъ міръ былъ для него не тѣмъ, что онъ есть, не міромъ косныхъ и почти непроницаемыхъ реальностей, а міромъ безвольныхъ тѣней, то мысль его въ этомъ безвоздушномъ пространствѣ безпрепятственно возводила стройныя схемы, и воля упрямо старалась подогнать жизнь подъ нихъ. Вотъ почему и онъ, и Николай I больше всего на свѣтѣ любили правильность, ясность, порядокъ, ибо чѣмъ «свободнѣе» мысль, т.-е. чѣмъ меньше она считается съ

дѣйствительностью, тѣмъ болѣе она склонна принимать за совершенство вообще—формальные признаки своего совершенства: ясность и послѣдовательность.

А жить въ мірѣ замкнутымъ отъ міра есть грѣхъ непрощаемый, безусловный. Міръ все терпитъ въ человѣкѣ—пороки и преступленія, глупость и бездарность; одного онъ не можетъ простить: метафизическаго отщепенства. Въ природѣ и въ человѣческомъ обществѣ все индивидуально; умѣй почувствовать свойства каждой индивидуальности, умѣй душою понять ея права,—и ты легко найдешь въ ней рычаги, тебѣ сподручные, и она сама, пощаженная въ своихъ важнѣйшихъ, хотя бы и призрачныхъ нуждахъ, охотно предастся твоему руководительству. Но если ты не чувствуешь ея, ты ничего и не разглядишь въ ней; тогда ты будешь слѣпо дергать и теребить людей, и къ дѣлу ихъ не пристроишь, но возненавидятъ они тебя какъ злѣйшаго своего врага, хотя бы ты въ мысляхъ своихъ былъ пламенно озабоченъ ихъ благомъ. Люди, подобные Кривцову, трояко несчастны: роковое одиночество—врожденное, глухое, непоправимое—снѣдаетъ ихъ внутренно, а извнѣ ихъ обдаетъ и подтачиваетъ холодъ, если не ненависть, людскихъ взглядовъ, словъ и обращеній; и ничего имъ въ жизни не удается, потому что всякое человѣческое дѣло дѣлается при помощи людей, а они до жалости бездарны въ улавливаніи и использованіи человѣческихъ душъ. Всѣ эти три кары несъ Кривцовъ, какъ несъ ихъ и его царственный тезка. Есть мрачное величіе въ образѣ такихъ людей. И нерѣдко бываетъ (это случилось, какъ мы увидимъ дальше, и съ Кривцовымъ), что нѣжная женская душа, какъ-разъ—по контрасту—изъ тѣхъ, которыя всего нѣжнѣе и глубже, страстно отдается такому человѣку и до послѣдняго дыханія, исходя любовью, бьется у ногъ каменнаго кумира. Эти люди сильны и несчастны, притомъ несчастны не по своей винѣ:

вѣдь они такими рождаются; и женское сердце, быть можетъ съ содроганіемъ подчинившись обаянію ихъ силы, потомъ такъ крѣпко привязывается къ нимъ жалостью, что часто уже и смерть владыки безсильна освободить рабу.

Надежный свидѣтель, Сабуровъ, разсказываетъ о дѣятельности Кривцова въ Тулѣ: «Губернія, по тогдашнему обычаю, была распущена. Онъ завелъ порядокъ и правильность, но перессорился съ дворянствомъ, и тогда же проявились въ полной мѣрѣ строптивость, самовольствіе и непреклонность его характера, не постигавшаго никакого сопротивленія, ни уклоненія. Эти недостатки его энергической и сильной природы усиливались необыкновенною раздражительностью, которая вовлекала его иногда въ неосторожности и непріятности» [1]. Это позднее воспоминаніе вполнѣ подтверждается немногими современными свидѣтельствами, какія сохранились. До Вяземскаго уже въ августѣ дошли слухи, что Кривцовъ «воюетъ» въ Тулѣ [2], а въ началѣ декабря, проведя у Кривцовыхъ въ Тулѣ нѣсколько дней, онъ сообщаетъ А. И. Тургеневу: «Кривцовъ воюетъ въ хвостъ и въ голову; дѣлами занимается усердно, почти не выходитъ изъ своего кабинета; будетъ-ли успѣхъ—Богъ знаетъ, но худо то, что онъ, кажется, не умѣетъ водиться съ людьми. По сію пору его сердечно ненавидятъ; англоманія его, поздніе обѣды, орѣхи за десертомъ—все это не переваривается тульскими желудками» [3]. Эти чуждыя манеры, или, вѣрнѣе, оскорбительная надменность, сквозившая изъ-за нихъ, могли играть свою роль, но, конечно, не за англоманію ненавидѣли Кривцова и здѣсь, и потомъ въ Воронежѣ и Нижнемъ.

[1] Рус. Стар. 1888, декабрь, стр. 723.

[2] Остаф. архивъ, т. II, стр. 344.

[3] Тамъ-же, стр. 369. То-же писалъ Вяземскій о тульской дѣятельности Кривцова и въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ, см. „Старая записная книжка“ въ Полн. собр. его сочиненій, т. VIII, стр. 265.

Когда бы не эта фатальная ненависть, которою онъ всюду насыщалъ воздухъ вокругъ себя, грѣхъ, случившійся съ нимъ въ Тулѣ, какъ и позднѣйшіе его грѣхи, вѣроятно сошли бы ему съ рукъ. Ему ничего не прощали, потому что онъ весь былъ оскорбленіе; но и то надо сказать, что грѣхи эти были въ немъ не случайностями, какія легко прощаются человѣку, а органически исходили изъ самой его натуры. Мой дальнѣйшій разсказъ удивитъ читателя. Я долженъ разсказать теперь о томъ, какъ Кривцовъ билъ людей, и даже не своихъ крѣпостныхъ, а только подчиненныхъ. Да, умный, просвѣщенный Кривцовъ, европеецъ и англоманъ, пріятель Лагарпа и Бенжамена Констана, ведетъ себя какъ любой исправникъ того времени, дерется собственноручно и другихъ заставляетъ бить. Какъ это стало возможнымъ? Или самъ человѣкъ уже ничего не значитъ, и все въ немъ объясняется вліяніемъ среды и положенія?

Но Кривцовъ нисколько не измѣнился; онъ остался тѣмъ же, какимъ мы его знали въ Парижѣ. Все дѣло въ томъ, что на русской почвѣ, въ условіяхъ крѣпостного быта, да еще облеченный тогдашней губернаторской властью надъ людьми, онъ естественно сталъ свободнѣе проявлять свои наклонности; а при этой свободѣ, каковъ онъ былъ, онъ долженъ былъ бить, не могъ не бить людей, если встрѣчалъ съ ихъ стороны непокорность. Не будь Николай I царемъ, онъ тоже безъ сомнѣнія дрался бы. Та прирожденная Кривцову неспособность чувствовать чужое «я» должна была въ обыденной жизни сказываться элементарнымъ неуваженіемъ къ чужой личности; а отсюда—при извѣстной вспыльчивости, при несдержанности барскаго нрава—было недалеко до самоуправства и кулачной расправы съ подчиненными. Это именно случилось съ нимъ въ третій мѣсяцъ его губернаторства, случилось, вѣроятно, не впервые, но на этотъ разъ привело къ скандалу.

Такъ какъ это дѣло восходило на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, то въ журналахъ Комитета сохранилось подробное изложеніе его; отсюда и заимствуемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія [1].

Въ концѣ августа 1823 года въ предѣлахъ Тульской губерніи со дня на день ждали проѣзда государя: онъ долженъ былъ чрезъ Тулу прослѣдовать въ Орелъ, гдѣ были назначены маневры войскамъ 1-й арміи. 27-го августа Кривцовъ, спѣшно объѣзжая путь царскаго маршрута, прибылъ вечеромъ на Сергіевскую станцію и, не выходя изъ коляски, потребовалъ чрезъ сопровождавшаго его крапивенскаго исправника лошадей перваго нумера, или, какъ мы сказали бы теперь, перваго класса. Между тѣмъ эти лошади предназначались для путешествія государя, подъ собственный его экипажъ, а такъ какъ онѣ къ тому же недавно вернулись съ другой станціи и стояли на корму, то смотритель станціи, Никольскій, распорядился вывести губернатору лошадей второго разряда. Узнавъ объ этомъ, Кривцовъ разсвирѣпѣлъ, не позволилъ запрягать этихъ лошадей, а когда по его приказанію Никольскій предсталъ предъ его коляской, — накинулся на него съ яростной бранью, какъ-де смѣетъ не давать ему лошадей перваго нумера, и приказалъ подать палокъ и бить Никольскаго, что̀ и было исполнено однимъ изъ ямщиковъ. Никольскій подъ палками не протестовалъ, а только просилъ помилованія.

Но, видно, обида была очень тяжка: смотритель рѣшилъ жаловаться. Весьма вѣроятно, что онъ и раньше бывалъ битъ; писалъ же Пушкинъ немного лѣтъ спустя о стан-

[1] Архивъ Ком. Мин., Журналы за декабрь 1823 года. Вкратцѣ это дѣло было изложено, на основаніи того же Журнала, С. М. Середонинымъ въ его „Историческомъ обзорѣ дѣятельности Комитета Министровъ“, СПБ., 1902, т. I, стр. 454—455.

ціонныхъ смотрителяхъ: «Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей)». Но одно дѣло пощечина, данная сгоряча или подъ пьяную руку проѣзжимъ, который, можетъ быть, въ слѣдующую минуту добродушно потреплетъ обиженнаго смотрителя по плечу и предложитъ ему водки изъ своего погребца, другое дѣло — безпощадная требовательность Кривцова и битье палками рукой ямщика.

Никольскій подалъ двѣ жалобы: генералъ-губернатору Рязанской, Тульской, Орловской и др. губерній Балашеву, которому былъ подчиненъ Кривцовъ, и своему непосредственному начальству, московскому почтъ-директору. Началось слѣдствіе; опросъ свидѣтелей, произведенный на мѣстѣ чиновникомъ генералъ-губернатора, д. с. с. Кавелинымъ, при чиновникѣ почтоваго вѣдомства, вполнѣ подтвердилъ содержаніе жалобы. Нѣкоторые изъ свидѣтелей утверждали, что Никольскій былъ выпивши, другіе отрицали это; производившій экзекуцію ямщикъ показалъ, что смотритель былъ трезвъ, и что дано ему было не болѣе десяти ударовъ слегка. Но самъ Никольскій, испугавшись ли поднятаго имъ шума, или подъ соотвѣтственнымъ воздѣйствіемъ со стороны Кривцова, поспѣшилъ взять назадъ свою жалобу: онъ подалъ слѣдователямъ прошеніе, въ которомъ изъяснялъ, что «признавая причиненное ему оскорбленіе происшедшимъ отъ недоразумѣнія и отъ поспѣшности Губернатора единственно по усердію своему осмотрѣть всѣ станціи и дороги въ ихъ исправности для Высочайшаго путешествія», онъ «оставляетъ совершенно свою претензію и просить болѣе нигдѣ и никогда не будетъ».

Тѣмъ не менѣе дѣлу былъ, разумѣется, все-таки данъ

законный ходъ. Запрошенный генералъ-губернаторомъ объ обстоятельствахъ происшествія, Кривцовъ по существу ничего не отвѣчалъ; онъ только отозвался, *не отрицая самаго факта*, что онъ съ своей стороны прощаетъ Никольскому грубости, ему сдѣланныя, «и затѣмъ не находитъ никакихъ побудительныхъ причинъ къ дальнѣйшему объясненію». Грубая надменность этого отвѣта повидимому немало повредила Кривцову во мнѣніи его судей.

Данныя слѣдствія Балашевъ препроводилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и одновременно сюда же поступили отъ Главноначальствующаго надъ Почтовымъ департаментомъ бумаги по сему дѣлу, полученныя имъ отъ московскаго почтъ-директора. Въ концѣ ноября управляющій мин. вн. д. представилъ все дѣло въ Комитетъ Министровъ со своимъ заключеніемъ, гдѣ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, предлагалъ испросить высочайшее повелѣніе Сенату сдѣлать губернатору Кривцову за самоуправство строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, чтобы впредь отъ таковыхъ противозаконныхъ и противныхъ обязанностямъ начальника губерніи поступковъ удержался подъ опасеніемъ неминуемой отвѣтственности по всей строгости законовъ, — и о томъ публиковать повсемѣстно указами. Комитетъ, обсудивъ дѣло въ засѣданіи 4 декабря, постановилъ принять только первую изъ двухъ мѣръ, предложенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, именно сдѣлать Кривцову чрезъ Сенатъ строжайшій выговоръ, причемъ изъяснить ему въ сенатскомъ указѣ: 1) что онъ и не долженъ былъ требовать лошадей, приготовленныхъ подъ экипажъ государя, 2) что его отзывъ, *что онъ прощаетъ смотрителя*, неприличенъ, и 3) что въ случаѣ повторенія имъ подобныхъ противозаконныхъ поступковъ онъ неминуемо будетъ подвергнутъ отвѣтственности по

всей строгости законовъ. Предложеніе же министра объ оглашеніи этого приговора Комитетъ отвергъ, справедливо указавъ, что «опубликованный» губернаторъ уже не долженъ бы быть оставляемъ въ званіи губернатора. Зато Комитетъ предложилъ Сенату сообщить приговоръ Главноначальствующему надъ Почтовымъ департаментомъ, «дабы почтовому начальству извѣстно было о таковомъ рѣшеніи сего дѣла, и дабы помянутому смотрителю не было поставлено ни въ какое предосужденіе происшествіе, съ нимъ случившееся, или не лишился бы онъ чрезъ то своего мѣста».

Журналъ Комитета Министровъ былъ высочайше утвержденъ въ первыхъ числахъ января 1824 года, а 26-го февраля состоялся приказъ о переводѣ Кривцова губернаторомъ же въ Воронежъ. Такъ некрасиво и быстро кончилось его первое воеводство.

Слухъ о происшествіи съ Никольскимъ распространился въ Москвѣ еще задолго до слѣдствія и суда. А. Я. Булгаковъ уже 10 сентября сообщалъ этотъ слухъ брату — и вдобавокъ другой—что Кривцовъ уже отставленъ[1]. Булгаковъ не вѣрилъ, чтобы Кривцовъ могъ побить кого-либо, а Вяземскій, ближе знавшій Кривцова, кажется, легко повѣрилъ; 1 октября онъ писалъ Тургеневу, тоже сообщая слухъ о преданіи Кривцова суду и отставкѣ его: «Правда-ли, что онъ побилъ смотрителя, то-есть, офиціальная ли это правда?» [2]. Позже онъ не разъ дразнилъ Кривцова палочной расправой. «Твоя палка должна быть у меня въ Остафьевѣ, да и къ тому же не жалѣю о томъ, что не могу тотчасъ ее прислать. Ты, пожалуй, кого-нибудь поколотилъ бы ею, и эти удары пали бы на мою

---

[1] Рус. Архивъ, 1901 г., т. I, стр. 575.
[2] Остаф. Архивъ, т. II, стр. 355.

совѣсть».—«Палка твоя въ Остафьевѣ. Да что тебѣ въ палкахъ? Мало что ли каталъ ты въ Тулѣ? Сдѣлай милость, усмирись» [1]. Когда дѣло разгорѣлось, Кривцовъ повидимому пытался потушить его чрезъ посредство вліятельныхъ друзей; такъ, онъ въ ноябрѣ или декабрѣ 1823 года писалъ Карамзину, прося его замолвить о немъ Балашеву, находившемуся тогда въ Петербургѣ [2].

Итакъ—Воронежъ. Тульская исторія безъ сомнѣнія ничему не научила Кривцова. Онъ, вѣроятно, думалъ про себя: «глупцы! не умѣютъ цѣнить дѣльныхъ людей; изъ-за пустяковъ поднимаютъ шумъ и мѣшаютъ работать на пользу отечества». Онъ считалъ себя истиннымъ патріотомъ и замѣчательнымъ администраторомъ, а петербургскихъ чиновниковъ и сановниковъ презиралъ какъ тунеядцевъ-карьеристовъ. Чтобы въ этомъ дѣлѣ была какая-нибудь существенность, это ему и на умъ не могло придти. Ну, побили смотрителя — велика важность! добро бы изувѣчили, а то вѣдь остался цѣлъ и невредимъ.

Въ Воронежѣ устроились роскошно, опять, разумѣется, на англійскій манеръ; въ средствахъ недостатка не было: Кривцовъ получалъ, какъ мы знаемъ, аренду, около 12.000 рублей, тысячъ 12 жалованья, да своего дохода имѣлъ, по словамъ Сабурова, тысячъ 40 [3]. Въ домѣ все было прочно, изящно, комфортабельно, порядокъ во всемъ педантическій. Какъ губернаторъ, Кривцовъ безъ сомнѣнія обладалъ нѣкоторыми рѣдкими достоинствами: онъ былъ неподкупно-честенъ, дѣятеленъ, настойчивъ, европейски образованъ. Въ Воронежѣ блестяще проявились его строи-

[1] Отчетъ Имп. Публичн. Библіот. за 1892 г., Приложеніе VII, „Письма кн. П. А. Вяземскаго къ Н. И. Кривцову“, стр. 44 (отъ 11 февраля 1824 г.) и 47 (отъ 15 мая того же года).

[2] Тамъ же, Приложеніе V, „Письма Н. М. Карамзина къ Н. И. Кривцову“, стр. 36.

[3] Рус. Стар., 1888, дек., стр. 723.

тельныя способности,—а у него была страсть строить. Онъ сразу предпринялъ цѣлый рядъ общеполезныхъ сооруженій и съ невиданной въ тѣ времена энергіей быстро и успѣшно осуществлялъ свои затѣи; но такъ какъ онъ оставался тѣмъ же человѣкомъ, что въ Тулѣ, то въ отношеніяхъ съ людьми онъ неминуемо и скоро долженъ былъ нарваться на крупную непріятность. На этотъ разъ дѣло разразилось неслыханнымъ скандаломъ. Кто бы могъ подумать? онъ сумѣлъ въ 1825 году вызвать чиновничью революцію въ городѣ Воронежѣ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые раздражаютъ самымъ звукомъ своего голоса, а когда бранятъ кого-нибудь, и даже по праву,—тотъ человѣкъ не слышитъ ихъ правды, а слышитъ только острые уколы ихъ отравленныхъ словъ, вонзающихся въ душу, и мгновенно пьянѣетъ неукротимой ненавистью къ глазамъ, въ которые онъ смотритъ, къ цѣпочкѣ часовъ, ко всему этому человѣку, оставленному Богомъ. Такъ мирные совѣтники воронежскаго губернскаго правленія въ одинъ часъ превратились въ рьяныхъ крамольниковъ и пошли на проломъ, очертя голову.

Это событіе, въ условіяхъ времени и мѣста, гдѣ оно разыгралось, было столь необычно, столь противоестественно, что, читая подробное изложеніе его въ протоколахъ Комитета Министровъ, почти не вѣришь своимъ глазамъ. Это не Воронежъ, не Губернское Правленіе, не 1825 годъ: это исторія одного изъ обычныхъ столкновеній провинціальнаго парламента съ королевскимъ интендантомъ гдѣ-нибудь въ Греноблѣ или Безансонѣ, въ 1741 или 1788 году. Генералъ-губернаторъ Балашевъ, сообщая о случившемся царю чрезъ нѣсколько дней, такъ и начиналъ свой всеподданнѣйшій рапортъ: «Въ видѣ необыкновеннаго происшествія долгомъ моимъ считаю всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству слѣдующее».

Дѣло началось еще до назначенія Кривцова въ Воро-

нежъ [1]. Въ 1823 году помѣщикъ Воронежской губерніи, отставной полковникъ Захаровъ, подалъ царю жалобу на разбои и смертоубійства, якобы въ теченіе 19 лѣтъ чинимые ему крестьянами статской совѣтницы Вишневской. Государь приказалъ произвести разслѣдованіе. Назначенные мѣстнымъ начальствомъ слѣдователи — губернскій предводитель дворянства и губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій — установили, что навѣты жалобщика ложны, и, открывъ сверхъ того разные противозаконные поступки Захарова, постановили отдать его подъ присмотръ, а надъ имѣніемъ его учредили опеку. По докладу о томъ государю объявлена была 27 августа 1824 года высочайшая воля, чтобы тяжбы Захарова съ Вишневской и еще другой сосѣдней помѣщицей объ имѣніи были снова разсмотрѣны — въ Сенатѣ, когда дойдетъ до него производимое по доносамъ Захарова изслѣдованіе. Опираясь на эту высочайшую резолюцію, Захаровъ весною 1825 года, т. е. уже при Кривцовѣ, вошелъ въ Воронежское Губернское Правленіе съ ходатайствомъ о снятіи опеки съ его имѣнія, а въ то же время противная сторона подала прошеніе, въ которомъ доказывала необходимость сохранить опеку въ видахъ цѣлости имущества. Въ Губернскомъ Правленіи возникло разногласіе. Кривцовъ, въ качествѣ губернатора предсѣдательствовавшій въ Правленіи, пригласилъ къ себѣ на домъ двухъ совѣтниковъ Правленія, Базилевскаго и Кандаурова, для окончательнаго обсужденія дѣла. Что было здѣсь рѣшено, — объ этомъ и шелъ позднѣе споръ. Кривцовъ на слѣдствіи изображалъ происшедшее такъ: онъ полагалъ, что сейчасъ не можетъ быть и рѣчи о снятіи опеки съ имѣнія Захарова; необходимо прежде всего командировать кого-нибудь для разслѣ-

[1] Нижеслѣдующее изложеніе основано на подлинныхъ документахъ, хранящихся въ архивѣ Комитета Министровъ: „Приложенія“ къ Журналамъ Ком. М. за мартъ 1827 года, и самые Журналы за этотъ мѣсяцъ.

дованія на мѣстѣ обстоятельствъ, изложенныхъ въ прошеніи Вишневской и др., и только затѣмъ, на основаніи полученныхъ такимъ путемъ свѣдѣній, приступить къ разсмотрѣнію вопроса о снятіи опеки, но и тогда ни подъ какимъ видомъ не приводить въ исполненіе резолюціи Губернскаго Правленія безъ вѣдома высшаго начальства, потому что о наложеніи опеки было въ свое время доведено до высочайшаго свѣдѣнія. Послѣ долгаго совѣщанія, въ которомъ Кандауровъ и Базилевскій силились склонить его на снятіе опеки безъ представленія о томъ высшему начальству (они утверждали, что къ наложенію опеки съ самаго начала не было законныхъ основаній), они, наконецъ, казалось, уступили его мнѣнію, и Базилевскій тутъ же составилъ проектъ резолюціи въ этомъ смыслѣ; онъ, Кривцовъ, выправилъ текстъ проекта собственной рукой, и отдалъ его совѣтникамъ съ тѣмъ, чтобы они, проведя эту резолюцію чрезъ Правленіе, внесли ее въ журналъ. 15-го мая и былъ составленъ соотвѣтствующій журналъ, а 9-го іюня онъ вдругъ узналъ, что опека съ имѣнія Захарова снята, и какъ-разъ на основаніи журнала 15-го мая; справившись въ журналѣ, онъ убѣдился, что совершонъ подлогъ: въ журналѣ была записана резолюція, противоположная той, которую онъ передалъ Базилевскому, именно— резолюція о снятіи опеки.

Такъ утверждалъ на слѣдствіи Кривцовъ. Напротивъ, совѣтники утверждали, что занесенная въ журналъ резолюція есть буквально-точная копія бумаги, составленной тогда въ кабинетѣ губернатора.

По дѣлу трудно установить, былъ ли подлогъ со стороны совѣтниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Кривцовъ не могъ запамятовать столь опредѣленнаго рѣшенія: это противорѣчило бы всему складу его характера; еще менѣе того онъ былъ способенъ сознательно утверждать ложь. Съ

другой стороны, дѣло оказалось при разслѣдованіи довольно мутнымъ. Начать съ того, что самая резолюція, занесенная въ бѣловой журналъ, т. е. получавшая законную силу, противорѣчила себѣ и погашала свои мотивы. Она гласила въ своей первой части: наложить запрещеніе (на имѣніе Захарова), а въ образѣ управленія—взять въ присмотръ губернскаго начальства; а во второй части было сказано: «которое (т. е. имѣніе) за симъ распоряженіемъ изъ-подъ учрежденной слѣдователями опеки освободя, предоставить въ образѣ хозяйственнаго управленія собственному самого уже Захарова распоряженію». Этимъ, разумѣется, нисколько не обезпечивалась сохранность имѣнія, такъ какъ при неизбѣжно-номинальномъ присмотрѣ властей Захаровъ, остававшійся хозяиномъ имѣнія, могъ исподволь разорить его въ конецъ. Далѣе, подозрительна обстановка, при которой писался бѣлый журналъ. Когда три недѣли спустя Кривцовъ, обнаруживъ «подлогъ», потребовалъ черновой проектъ резолюціи, составленный въ его кабинетѣ, — оказалось, что та бумага уже уничтожена. На слѣдствіи совѣтники показали, что губернаторъ, утвердивъ проектъ резолюціи, приказалъ занести ее въ журналъ какъ можно секретнѣе, по той причинѣ, что этою же резолюціей предполагалось между прочимъ отправить чиновника для разслѣдованія по вновь поступившимъ на Захарова жалобамъ; въ виду этого секретарь Ананьевскій, получивъ о томъ распоряженіе отъ Базилевскаго, заставилъ канцеляриста Грекова писать бѣлый журналъ въ присутственной комнатѣ на своемъ столѣ, а по окончаніи переписки отдалъ черновую резолюцію за ненадобностью Кандаурову, который тутъ же въ присутствіи уничтожилъ ее.

Журналъ 15 мая былъ подписанъ членами Губернскаго Правленія, потомъ Кривцовымъ, и 28 мая утвержденъ губернскимъ прокуроромъ. На слѣдствіи Кривцовъ объяс-

нилъ, что подписалъ журналъ, не читая, такъ какъ зналъ его содержаніе и полагался на подпись Базилевскаго, который расписался первымъ [1]. Потомъ было послано генералъ-губернатору соотвѣтственное представленіе, также подписанное Кривцовымъ, и затѣмъ резолюція приведена въ исполненіе посредствомъ разсылки куда слѣдовало указовъ, т. е. опека съ имѣнія Захарова была снята.

Шумъ начался 9 іюня, когда губернскій прокуроръ въ донесеніи на имя генералъ-губернатора заявилъ протестъ противъ постановленія Губернскаго Правленія. Въ тотъ же день Кривцовъ письменно потребовалъ отъ Правленія, немедленно, не выходя изъ присутствія, доставить ему черновой проектъ резолюціи 15 мая. Въ отвѣтъ ему было сообщено, что черновая уничтожена; тогда онъ приказалъ назначить на 7 часовъ вечера въ тотъ же день присутствіе Правленія. Здѣсь онъ, въ запальчивости и раздраженіи, яростно поносилъ членовъ Правленія: что онъ обманутъ ими самымъ безчестнымъ образомъ въ составленіи журнала 15 мая о снятіи опеки, что онъ подписалъ тотъ журналъ по плутовскому подлогу, что теперь не можетъ уже имѣть къ нимъ ни довѣрія, ни уваженія, и что завтра же нарядитъ надъ ними слѣдствіе.

Когда губернаторъ ушелъ, члены Правленія, возмущенные его рѣчами, постановили занести все случившееся въ журналъ и о нанесенномъ имъ оскорбленіи сообщить генералъ-губернатору эстафетою, а также довести до свѣ-

---

[1] Позднѣе Кривцовъ измѣнилъ свое показаніе. Въ запискѣ на имя министра юстиціи онъ писалъ: „Я внимательно разсматривалъ журналъ, сравнивалъ страницы онаго одну съ другою и наконецъ нашелъ, что листъ, заключавшій въ себѣ прежнюю резолюцію, былъ перемѣненъ, и вмѣсто онаго введенъ новый, на коемъ значились слова: с н я т ь о п е к у, что весьма легко исполнить можно было, ибо подпись моя и прочихъ присутствующихъ была на послѣднемъ листѣ, и сей подлогъ зависѣлъ единственно отъ секретаря, коимъ журналъ былъ по листамъ скрѣпленъ".

дѣнія вице-губернатора, какъ первенствующаго по губернаторѣ лица, что въ виду заявленія губернатора, коимъ онъ признавалъ ихъ отнынѣ лишенными его довѣрія, они не могутъ ручаться за правильный ходъ дѣлъ въ Правленіи, вслѣдствіе чего и просятъ его, вице-губернатора, принять въ семъ смыслѣ по его благоусмотрѣнію законныя мѣры. Всѣ эти постановленія были революціонными актами; желая придать имъ хоть видъ законности, Правленіе рѣшило немедленно сообщить ихъ губернскому прокурору, для чего секретарь Ананьевскій тутъ же, въ 11 часовъ вечера, отправился къ нему въ домъ съ просьбою явиться тотчасъ въ присутствіе. Но прокуроръ отказался явиться сейчасъ, сказавъ, что явится завтра. Когда Ананьевскій вернулся съ этимъ отвѣтомъ, Правленіе рѣшило безъ прокурора исполнить свои постановленія и дополнительно извѣстить генералъ-губернатора объ отказѣ прокурора явиться въ его присутствіе.

Таковъ былъ первый актъ этой губернской революціи. Когда позднѣе, на слѣдствіи, совѣтниковъ спросили, какъ они осмѣлились, въ тяжкое нарушеніе законовъ службы, составить и привести въ исполненіе журналъ безъ подписи губернатора, сноситься помимо его съ вице-губернаторомъ и пр., они отвѣчали, что были вынуждены поступить такъ, не находя въ законахъ никакой другой формы на подобные случаи: «ибо, вѣроятно, и самый законъ не предполагалъ подобныхъ со стороны губернаторовъ дѣйствій»; а не поднесенъ былъ этотъ журналъ на подписаніе губернатору по тому соображенію, что онъ касался не дѣлъ, относящихся до управленія губерніею, а только собственныхъ дѣйствій губернатора, подвергающихъ его отвѣтственности передъ закономъ.

Второй актъ разыгрался на слѣдующій день, 10 іюня, во время утренняго присутствія. Кривцовъ очевидно уже

былъ освѣдомленъ прокуроромъ о происшедшемъ въ прошлую ночь. Пригласивъ съ собою прокурора, онъ явился въ Правленіе и приказалъ секретарю Ананьевскому читать журналъ, составленный наканунѣ. Когда секретарь кончилъ чтеніе, Кривцовъ заявилъ, что этотъ актъ, какъ составленный безъ его вѣдома и подписи, недѣйствителенъ, а поступокъ членовъ своеволенъ, и потребовалъ отъ нихъ объясненія, по какому праву они отважились въ своемъ заявленіи вице-губернатору отрѣшить его, губернатора, отъ должности президента Правленія? Развѣ не знаютъ они, что безъ него не можетъ быть присутствія Правленія, онъ же, напротивъ, властенъ устранить ихъ и на ихъ мѣсто прикомандировать другихъ, и присутствіе Правленія будетъ въ законномъ видѣ? Если же они желали отрѣшить его отъ предсѣдательства въ Правленіи, они должны были подыскать для этого законную причину, напримѣръ его умственное разстройство, и въ такомъ случаѣ предложить врачебной управѣ освидѣтельствовать его; и если бы оказалось, что онъ дѣйствительно одержимъ болѣзнью, они были бы вправѣ принять соотвѣтственныя мѣры. Затѣмъ «съ крайнимъ негодованіемъ и въ видѣ разгоряченномъ», или, какъ онъ самъ показалъ, «не могши сохранить совершеннаго хладнокровія», онъ потребовалъ отъ Базилевскаго и Кандаурова, чтобы они тотчасъ подали прошенія объ отставкѣ, которыя онъ-де самъ отвезетъ къ генералъ-губернатору: «умѣлъ я надѣть на васъ кресты, но сумѣю и снять ихъ»; потомъ продолжалъ укорять совѣтниковъ въ обманѣ, причемъ выразился, что за обманъ сѣкутъ кнутомъ, называлъ ихъ сумасшедшими, ибо беззаконность ихъ поступка столь велика, что въ здравомъ умѣ допустить оную невозможно, и пр. и пр. Глубоко оскорбленное присутствіе обращается къ прокурору за защитой, но онъ холодно отвѣчаетъ, что онъ всему этому дѣлу только свидѣтель; когда же Крив-

цовъ снова принимается осыпать членовъ самыми оскорбительными укоризнами, присутствіе вторично взываетъ къ прокурору; по требованію членовъ секретарь торжественно читаетъ въ зерцалѣ указъ 1724 года о Шафировѣ, но прокуроръ явно держитъ сторону губернатора и самъ требуетъ отъ членовъ отвѣта, по какой причинѣ журналъ 9-го іюня не подписанъ губернаторомъ. Въ концѣ концовъ правленіе потребовало, чтобы все происшедшее было записано въ журналъ, что̀ Кривцовъ и приказалъ исполнить, прибавивъ, что онъ и безъ того не отрекся бы отъ произнесенныхъ имъ словъ, тѣмъ болѣе, что свидѣтелемъ оныхъ былъ губернскій прокуроръ (Кривцовъ на слѣдствіи дѣйствительно подтвердилъ все вышеизложенное). Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы присутствіе занялось разсмотрѣніемъ наиболѣе неотложныхъ дѣлъ въ виду его предстоящаго отъѣзда въ Рязань, и тутъ прокуроръ удалился. На слѣдующій день, когда Кривцова уже не было въ городѣ (онъ поспѣшилъ въ Рязань очевидно для того, чтобы какъ можно скорѣе представить генералъ-губернатору дѣло въ своемъ освѣщеніи), Губернское Правленіе составило «ремонстрацію» на имя генералъ-губернатора, гдѣ, изложивъ происшедшее, изъяснило, что члены правленія затрудняются составлять присутствіе при губернаторѣ Кривцовѣ, опасаясь продолженія столь тяжкихъ для нихъ оскорбленій.

Балашевъ, получивъ донесеніе Кривцова и Губернскаго Правленія, тотчасъ отправилъ государю упомянутый выше всеподданнѣйшій рапортъ, самыя же донесенія препроводилъ въ воронежскую уголовную палату, предложивъ ей привлечь къ законной отвѣтственности членовъ и секретарей Правленія, участвовавшихъ въ составленіи и исполненіи журналовъ, не подписанныхъ губернаторомъ, а совѣтниковъ Базилевскаго и Кандаурова, обвиняемыхъ губернаторомъ въ подлогѣ, немедленно удалить отъ долж-

постей. По существу дѣла, т. е. по вопросу объ отмѣнѣ опеки надъ имѣніемъ Захарова, онъ поручилъ разысканіе воронежскому вице-губернатору, о чемъ и донесъ одновременно Сенату и министрамъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ.

Заварилось большое дѣло. На всеподданѣйшемъ рапортѣ Балашева есть двѣ собственноручныя помѣтки Аракчеева: «Получено отъ Государя 29 іюня 1825 года», и другая: «Высочайше повѣлѣно внести въ Комитетъ Гг. Министровъ, гдѣ особенно обратить вниманіе на сіе произшествіе и представить заключеніе въ особомъ журналѣ. 30 іюня 1825 года. Графъ Аракчеевъ». Того же 30 іюня управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ довелъ до свѣдѣнія Комитета Министровъ донесеніе, полученное имъ отъ Балашева, а 5-го іюля Аракчеевъ сообщилъ министру юстиціи высочайшую волю, чтобы онъ, министръ, наблюлъ и сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ окончаніи сего дѣла, и рѣшеніе, какое по оному послѣдуетъ, довелъ до свѣдѣнія государя. Въ то же время Сенатъ вытребовалъ къ себѣ нужные документы для разсмотрѣнія вопроса по существу; словомъ, дѣло было энергично двинуто по всѣмъ вѣдомствамъ.

Между тѣмъ мѣстная революція еще не кончилась. 4 іюля вице-губернаторъ Рубашевскій, которому, какъ сказано, генералъ-губернаторъ поручилъ произвести дознаніе на мѣстѣ, явившись въ присутствіе Губернскаго Правленія, изъявилъ намѣреніе снять устный допросъ съ засѣдателя Михайлова, исправлявшаго теперь должность совѣтника, и съ ассесора Манаева [1]. Тѣ отвѣчали, что не находятъ возможнымъ давать объясненія на словесныя требованія во время отправленія своей должности, въ присутствіи. Вице-

[1] Надо замѣтить, что оба они подписали революціонный ночной журналъ 9 іюня.

губернаторъ самъ призналъ законность ихъ отказа, и, удалившись, въ тотъ же день прислалъ къ нимъ письменные вопросы, на которые они утромъ слѣдующаго дня и доставили ему отвѣты. Два дня спустя Кривцовъ, прибывъ въ Губернское Правленіе, съ негодованіемъ набросился на Михайлова и Манаева, спрашивая, почему они не дали отвѣтовъ вице-губернатору, упрекалъ ихъ въ неповиновеніи, грозилъ, что заставитъ ихъ повиноваться, приставивъ къ присутствію караулъ, и пр. Въ это самое время явился въ Правленіе и вице-губернаторъ и также принялся уличать ихъ въ ослушаніи; Манаевъ осмѣлился замѣтить, что словесные вопросы можно предлагать только подсудимымъ; тогда Кривцовъ вскричалъ, что онъ и есть подсудимый и чтобы не думалъ, что это ему сойдетъ съ рукъ: «нѣтъ! притянутъ васъ и посадятъ съ преступниками на скамейку». Когда вслѣдъ затѣмъ былъ составленъ и подписанъ журналъ засѣданія, Манаевъ обратилъ вниманіе Кривцова на то, что въ абзацѣ журнала, который предписывалъ членамъ Губернскаго Правленія впредь выполнять письменныя и словесныя приказанія вице-губернатора, выраженіе словесныя вписано между строкъ послѣ его, Манаева, подписи. Услыхавъ это, Кривцовъ вскричалъ: «Ассесоръ Манаевъ лжетъ! Записать объ этомъ въ журналѣ!», называлъ его крючкомъ, глумился надъ его выслугой изъ канцелярскихъ служителей и заключилъ тѣмъ, что «изъ людей сего рода никогда не должно сажать за красный столъ».

Михайловъ и Манаевъ, разумѣется, тотчасъ донесли Балашеву о претерпѣнной ими обидѣ, Балашевъ потребовалъ отъ Кривцова объясненія, и Кривцовъ отвѣчалъ, что вся ихъ жалоба—клевета, что онъ только вразумлялъ ихъ въ неправильности ихъ дѣйствій, и что слова, имъ сказанныя, совершенно искажены въ ихъ жалобѣ, «какъ по-

лагать должно — умышленно, дабы болѣе придать вѣсу прежнимъ на него доносамъ членовъ Губернскаго Правленія, клонящимся къ сокрытію подлога, сдѣланнаго въ журналѣ 15 мая по дѣлу Захарова». Балашевъ назначилъ новое слѣдствіе, уже по этому дѣлу; совѣтникъ Конневецкій показалъ подъ присягой приблизительно то же, что заключалось въ жалобѣ (т. е. угрозы приставить караулъ къ присутствію, лишить ослушниковъ службы, и пр.); засѣдатель Бартеневъ отозвался, что не слыхалъ никакихъ оскорбленій, наносимыхъ губернаторомъ Михайлову и Манаеву, но, какъ потомъ обнаружилось, этотъ свидѣтель «имѣлъ недостатокъ въ чувствѣ слуха». Опять генералъ-губернаторъ передалъ это новое дознаніе въ воронежскую уголовную палату, а Михайлова, Манаева и секретарей Ананьевскаго и Левина отрѣшилъ отъ должностей. Губернское Правленіе было разгромлено, но ясно было, что и Кривцову невозможно долѣе оставаться въ Воронежѣ, гдѣ, разумѣется, все чиновничество было крайне возбуждено противъ него.

Онъ самъ, видимо, струсилъ. Онъ рѣшаетъ ѣхать къ государю и запрашиваетъ Карамзина, застанетъ ли онъ государя въ Царскомъ Селѣ [1]; нѣсколько позже Карамзинъ, очевидно по его просьбѣ, переговариваетъ о немъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ. Самъ Кривцовъ писалъ Карамзину о своихъ служебныхъ непріятностяхъ глухо, но историкъ, какъ видно, кое-что слышалъ стороною; въ сентябрѣ этого (1825-го) года онъ писалъ Кривцову: «Я никогда не сомнѣвался въ вашей благородной ревности, но доходили до меня слухи о вашей излишней вспыльчивости или крутости. Дай Богъ вамъ хладнокровія не менѣе ревности!» и т. д. Въ журналахъ

[1] Отвѣтъ Карамзина—въ его письмѣ отъ 27 іюля 1825 года, см. Отчетъ Имп. Публич. Библ. за 1892 г., Прилож. V, стр. 37—38, 39 и 40.

Комитета Министровъ есть «дѣло» о разрѣшеніи Кривцову отпуска на 28 дней, помѣченное 5 декабря 1825 г. По всей вѣроятности онъ собирался съѣздить въ Петербургъ, чтобы личнымъ объясненіемъ или путемъ связей уладить досадный инцидентъ; но онъ опоздалъ: прошеніе объ отпускѣ онъ послалъ безъ сомнѣнія еще при жизни Александра I, а разрѣшеніе на отпускъ могъ получить не ранѣе конца декабря, когда ѣхать не имѣло смысла: въ Петербургѣ было уже не до него.

Онъ пробылъ губернаторомъ въ Воронежѣ еще цѣлый годъ, до сентября 1826 г.—вѣроятно именно потому, что въ это время высшему начальству было не до губернаторовъ: все вниманіе правительства было поглощено дѣломъ о декабрьскомъ возстаніи. Кривцовъ продолжалъ обстраивать и украшать Воронежъ. За два года своего губернаторства здѣсь онъ успѣлъ, по преданію, совершенно преобразить городъ. Сабуровъ писалъ въ 1843 году: «Что только Воронежъ имѣетъ хорошаго, тѣмъ онъ обязанъ Кривцову»; а много лѣтъ спустя мѣстный старожилъ, Д. Д. Рябининъ, вспоминалъ съ благодарностью: «Кривцовъ служилъ воронежскимъ губернаторомъ немного долѣе двухъ лѣтъ... но, отличаясь горячей дѣятельностію по строительной части, успѣлъ сдѣлать въ короткое время своего управленія очень многое для улучшенія города Воронежа относительно существенныхъ удобствъ и внѣшняго благообразія. Онъ вымостилъ улицы, устроилъ, вмѣсто первобытной гати, прекрасную дамбу съ мостомъ при выѣздѣ изъ города, выкопалъ 20 колодцевъ въ нагорной его мѣстности, удаленной отъ рѣки; выровнялъ, укрѣпилъ стѣнами и вымостилъ обрывистые спуски, провелъ бульваръ, построилъ нѣсколько общественныхъ зданій и, однимъ словомъ, совершенно преобразовалъ Воронежъ этими капитальными и полезными сооруженіями, которыя всѣ дѣлались непостижимо-быстро,

но толково, прочно и красиво. Многіе изъ нихъ доселѣ существуютъ и продолжаютъ служить своему назначенію» [1]. Но тотъ же Рябининъ сообщаетъ, что средства на эти работы Кривцовъ черпалъ изъ капиталовъ Приказа общественнаго призрѣнія, не стѣсняясь формальностями, и тѣмъ открылъ поприще для всевозможныхъ хищеній и плутней чиновниковъ Приказа, такъ что въ итогѣ образовалась громадная растрата.

12 сентября 1826 года Николай Ивановичъ былъ переведенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. Сабуровъ говоритъ, что Балашевъ ненавидѣлъ его за самостоятельность и неподкупность, за строптивый нравъ, за расположеніе государя къ нему, и пр.; очень вѣроятно, что Балашевъ былъ радъ избавиться отъ него.

Воронежское дѣло все еще тянулось, переходя изъ инстанціи въ инстанцію. Можно думать, что это тягостное дѣло, и еще болѣе переводъ въ Нижній, усилили раздражительность Николая Ивановича до высшей степени; по крайней мѣрѣ происшествіе, случившееся въ началѣ слѣдующаго года, мѣсяца черезъ четыре послѣ его переѣзда въ Нижній, свидѣтельствуетъ о такомъ его душевномъ состояніи, которое нельзя назвать иначе, какъ умопзступленіемъ. Старинный романистъ пояснилъ бы, что фуріи, обитавшія въ душѣ Кривцова, яростно гнали его къ безднѣ, чтобы ввергнуть туда,—и старинный романистъ былъ бы правъ. Вотъ какъ рисуется дѣло по даннымъ позднѣйшаго слѣдствія: надо замѣтить, что достовѣрность фактовъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ она была установлена и провѣрена двукратнымъ разслѣдованіемъ, и всѣ документы въ цѣлости дошли до насъ [2].

[1] Рус. Арх., 1874 г., т. II, стр. 727—8.

[2] Архивъ Министерства Внутр. Дѣлъ, „Дѣло“ 1827 года за № 341; „Журналы“ Комитета Министровъ за февраль 1828 г. и „Приложенія“ къ этимъ „Журналамъ“ за тотъ же мѣсяцъ, въ Архивѣ Комитета Министровъ.

Въ февралѣ 1827 года, на Масляной, Кривцову понадобилось съѣздить на три дня въ имѣніе жены, находившееся въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. Проѣздъ его туда и назадъ оказался для попутныхъ станцій настоящимъ погромомъ. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ, не предъявляя подорожной, что̀ было по отношенію къ содержателямъ почтовой гоньбы сущимъ грабежомъ,—а на многихъ станціяхъ почту держали сами крестьяне,—и ѣхалъ притомъ съ невѣроятной быстротой, доходившей мѣстами до 20 верстъ въ часъ. Повидимому, всю дорогу его сопровождали мѣстныя власти: изъ дѣла видно, что по Ардатовскому уѣзду его провожалъ засѣдатель ардатовскаго земскаго суда, по Арзамасскому — мѣстный исправникъ. Но хуже всего было то, что онъ по дорогѣ изувѣчилъ побоями нѣсколько человѣкъ.

Перемѣнивъ лошадей на станціи Орѣховецъ Ардатовскаго уѣзда, онъ понесся дальше съ такой быстротой, что тройка уже на полдорогѣ къ слѣдующей станціи пріустала; поэтому, доѣхавъ до села Глухова, онъ потребовалъ, чтобы ему припрягли пару обывательскихъ лошадей. Село было частно-владѣльческое, князя Салтыкова. Дали знать сотскому, тотъ явился, но вмѣсто того, чтобы немедленно исполнить требованіе губернатора, сотскій вступилъ въ препирательство съ ямщикомъ, выговаривая ему, что-де вы изъ казны берете за лошадей деньги, а держите дурныхъ. Кривцовъ, сидѣвшій въ саняхъ, потерялъ терпѣніе и въ гнѣвѣ приказалъ своему камердинеру привести сотскаго къ санямъ; камердинеръ сотскаго не привелъ, а притащилъ за волосы, толкая кулакомъ, и тутъ Кривцовъ собственноручно отвѣсилъ сотскому 4 или 5 пощечинъ. Мало того: не насытившись этимъ мщеніемъ, онъ на обратномъ пути приказалъ сопровождавшему его ардатовскому засѣдателю кн. Волконскому взять глуховскаго сотскаго въ судъ и вы-

сѣчь его розгами, что и было затѣмъ исполнено; при этомъ онъ грубо упрекалъ Волконскаго за неисправность почты, называлъ его алтынникомъ и грозилъ отрѣшить за несмотрѣніе весь земскій судъ.

На станціи Волчиха Арзамасскаго уѣзда были выведены Кривцову для выбора четыре тройки; одна изъ лошадей оказалась малорослою; ямской староста Алексѣй Жуковъ объяснилъ, что эта лошадь подставлена только временно вмѣсто большой лошади, на которой его сынъ отправился за хлѣбомъ въ другую деревню. За эту вину,—что употребилъ на постороннее дѣло почтовую лошадь,—Кривцовъ велѣлъ ямщикамъ бить Жукова палками, но видя, что они бьютъ недостаточно сильно, приказалъ сопровождавшему его арзамасскому исправнику Зарембѣ-Рацевичу и мѣстному станціонному смотрителю, отставному унтеръ-офицеру Антонову, замѣнить ямщиковъ, и эти двое били Жукова въ одной рубашкѣ палками «весьма крѣпко и много», такъ что, когда кончилась экзекуція, Жуковъ едва добрался до конюшни; тамъ онъ легъ за колоду; Кривцовъ потомъ еще нѣсколько разъ требовалъ его къ себѣ, неизвѣстно для чего, но Жукова не нашли. Жуковъ былъ 55 лѣтъ и слабосильный; онъ потомъ мѣсяцъ пролежалъ больной и харкалъ кровью. Въ то время, какъ его били, Кривцовъ поносилъ исправника за нерадѣніе самыми ругательными словами.

На станціи Богоявленье Нижегородскаго уѣзда повторилась та же исторія. Найдя одну изъ выведенныхъ лошадей нехорошею, Кривцовъ сперва накинулся съ бранью на станціоннаго смотрителя, а потомъ потребовалъ на расправу ямского старосту; однако староста успѣлъ скрыться; Кривцовъ, разсвирѣпѣвъ, велѣлъ ямщикамъ бить содержателя почтовыхъ лошадей, крестьянина Маврина; часть ямщиковъ со страху разбѣжалась, а оставшіеся не трогались съ

мѣста; тогда Кривцовъ велѣлъ призвать пятидесятника Тонина, и Тонинъ вмѣстѣ съ другимъ крестьяниномъ били раздѣтаго Маврина палками сильно и долго, даже тогда, когда Мавринъ, человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, будучи не въ силахъ держаться на ногахъ, упалъ на колѣни. Мавринъ послѣ этого долго хворалъ, грудь у него распухла, недѣли двѣ онъ не могъ встать съ постели.

Избивать людей палками до полусмерти за ничтожныя провинности, да еще раздѣвъ ихъ предварительно, до этого могъ дойти только человѣкъ, ожесточившійся противъ всего свѣта и въ злобѣ своей окончательно потерявшій власть надъ своими чувствами. На бѣду Кривцова, во время этихъ неистовствъ подвернулся ему подъ руку человѣкъ, котораго было опасно трогать. Арзамасскій земскій исправникъ Заремба-Рацевичъ, состоявшій въ исправникахъ уже 20 лѣтъ и пережившій многихъ губернаторовъ, конечно умѣлъ переносить всякіе капризы начальства. Что Кривцовъ на станціи Волчиха при всѣхъ ругалъ его, что заставилъ его вмѣстѣ съ станціоннымъ смотрителемъ бить ямского старосту,—это бы все ничего; но Кривцовъ по возвращеніи изъ поѣздки придрался къ этому поводу и неожиданно для всѣхъ отрѣшилъ его отъ должности, да еще съ преданіемъ суду за неисправность арзамасскихъ почтъ. Заремба былъ не такой человѣкъ, чтобы сдаться безъ боя. Онъ ли самъ написалъ жалобу, или на его защиту встали тѣ четыре уѣздныхъ предводителя дворянства, которые, какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла, вмѣстѣ съ губернскимъ предводителемъ въ первую же минуту безуспѣшно ходатайствовали за него предъ Кривцовымъ,—какъ бы то ни было, изъ Нижняго пришла къ генералъ-губернатору Бахметеву бумага, гдѣ была подробно описана Кривцовская поѣздка, и гдѣ яркими красками изображалась несправедливость мѣры, принятой Кривцовымъ въ отношеніи Зарембы-Рацевича. Бахме-

тевъ не любилъ Кривцова; онъ тотчасъ составилъ и отправилъ къ царю—уже Николаю Павловичу—всеподданнѣйшій рапортъ, въ которомъ полностью воспроизвелъ полученную имъ жалобу. Воронежское дѣло еще не было кончено, а надъ головою Кривцова уже собралась новая гроза.

Между тѣмъ по существу Кривцовъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ воронежскомъ, былъ совершенно правъ. Въ этихъ двухъ дѣлахъ живою встаетъ предъ нами тогдашняя Россія, какою ее недолго спустя изобразилъ Гоголь въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ»,—Россія Базилевскихъ, Кандауровыхъ и Заремба-Рацевичей. Этотъ арзамасскій исправникъ при ближайшемъ знакомствѣ незамѣтно сливается съ знакомымъ образомъ Сквозника-Дмухановскаго до полнаго тождества, начиная съ чуднаго совпаденія этихъ двухъ сложныхъ польскихъ фамилій: Заремба-Рацевичъ—Сквозникъ-Дмухановскій, такъ что противъ воли напрашивается мысль: не разсказалъ ли Кривцовъ Пушкину въ 1834 году про Зарембу-Рацевича, а тотъ, вмѣстѣ съ сюжетомъ «Ревизора», передалъ Гоголю и контуръ этого лица? Но нѣтъ, Гоголь самъ могъ знать у себя въ Малороссіи такого Сквозника-Зарембу.

Въ дѣлѣ много свѣдѣній о Зарембѣ-Рацевичѣ. Чиновникъ, присланный изъ Петербурга, узналъ о немъ слѣдующее. Ему подъ 60, онъ служитъ съ 1799 года: пять лѣтъ прослужилъ засѣдателемъ арзамасскаго земскаго суда, а теперь уже восемь трехлѣтій избирается дворянствомъ въ исправники. Онъ страстный карточный игрокъ, въ домашнемъ быту большой хлѣбосолъ; дворяне арзамасскіе въ немъ души не чаютъ. Онъ постепенно спускалъ въ карты все, что наживалъ на службѣ: 3 или 4 дома, деревню душъ въ 30; теперь на немъ около 10 тысячъ рублей долга. Живетъ онъ въ Арзамасѣ въ собственномъ обширномъ деревянномъ

со службами домѣ, а въ уѣздѣ у него винокуренный заводъ; и домъ, и заводъ состоятъ (разумѣется!) за его женою, Марьей Степановной, „пріобрѣтенные ею во время уже бытности ея въ замужествѣ за г. Рацевичемъ“.

Когда изъ Петербурга пришелъ запросъ по дѣлу Зарембы-Рацевича, генералъ-губернаторъ Бахметевъ предписалъ новому, уже послѣ Кривцова, нижегородскому губернатору произвести разслѣдованіе о служебной дѣятельности Зарембы; тотъ поручилъ это дѣло арзамасскому предводителю дворянства, но предводитель, подъ предлогомъ болѣзни, уклонился отъ щекотливаго порученія, и въ результатѣ собиралъ справки о Зарембѣ и писалъ докладъ не кто иной, какъ арзамасскій уѣздный судья, — внѣ всякаго сомнѣнія кумъ и карточный партнеръ Зарембы-Рацевича. Какъ жаль, что до насъ не дошло имя арзамасскаго судьи! Его докладъ—въ своемъ родѣ chef d'oeuvre. Онъ поетъ соловьемъ, воркуетъ, какъ голубь, мурлычитъ, какъ котъ на лежанкѣ, и все это подъ видомъ неподкупнаго безпристрастія. «Любовь и сожалѣніе», пишетъ онъ, «объ удаленіи его (Зарембы-Рацевича) отъ должности дворянства арзамасскаго уѣзда пріобрѣлъ онъ чрезъ примѣрныя кротость, благоразуміе, справедливость и безкорыстіе, что доказывается выборомъ его дворянами сряду восемь трехъ-лѣтій въ исправники, каковыя благородныя качества его и ревность въ пользу казны можно замѣтить изъ того, что недоимки по Арзамасскому уѣзду по день удаленія его отъ должности оставалось только 11.451 руб. 97¼ коп., какъ видно изъ истребованныхъ уѣзднымъ судьею отъ Земскаго суда и уѣзднаго казначея вѣдомостей... Поведенія господинъ Рацевичъ самаго благороднаго, и хотя занимается игрою въ карты, но единственно по принятому нынѣ въ домахъ обыкновенію, страсти же къ сей игрѣ, какъ удостовѣряютъ дворяне, не имѣетъ». Былъ ли онъ подъ судомъ? Бывалъ,

правда, — но какія же это дѣла! Макарьевскій засѣдатель Германъ, командированный въ Арзамасскій уѣздъ для поимки разбойниковъ, устранилъ Зарембу отъ участія въ разслѣдованіи этого дѣла «по прикосновенности его къ оному» и обвинилъ его въ разныхъ дѣлаемыхъ будто-бы имъ, Рацевичемъ, противозаконныхъ поступкахъ, какъ напримѣръ во взятіи отъ свидѣтелей по этому дѣлу при производствѣ слѣдствія въ подарокъ денегъ и прочаго; но Уголовная Палата за недостаткомъ уликъ оставила сіе дѣло безъ уваженія. За разныя упущенія въ производствѣ слѣдствія, по коимъ остались неоткрытыми виновные въ убійствѣ крестьянина Клюкина, Палата оштрафовала его въ 200 рублей. По дѣлу о порубкѣ лѣса въ имѣніи графини Литта за упущенія, сдѣланныя г. Рацевичемъ также въ производствѣ слѣдствія (а результатомъ этихъ упущеній было опять необнаруженіе виновныхъ), былъ онъ отъ суда освобожденъ за силою всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года. По тому же манифесту Палата признала его отъ взысканія свободнымъ еще по цѣлому ряду такихъ же дѣлъ, т.-е. за «упущенія» въ разслѣдованіи, слѣдствіемъ которыхъ была безнаказанность виновныхъ—фальшивомонетчиковъ, поджигателей и пр., а иногда и исчезновеніе самихъ дѣлъ—какъ напримѣръ, за освобожденіе фальшивомонетчика Котельникова, который «во время свободы своей неизвѣстно куда скрылся». Въ итогѣ Заремба-Рацевичъ оказался оправданнымъ по всѣмъ дѣламъ; только въ самомъ концѣ справки есть меланхолическое сообщеніе, что сверхъ перечисленныхъ дѣлъ помянутый Заремба-Рацевичъ «сдѣлался прикосновеннымъ къ изслѣдованію»—о незаконныхъ его поборахъ съ волостныхъ правленій, каковое дѣло еще находится въ дослѣдованіи.

Таковъ былъ этотъ хлѣбосольный исправникъ, любитель картъ и любимецъ арзамасскихъ дворянъ. Кривцовъ только

придался къ неисправности почты, чтобы прогнать его: въ дѣйствительности, какъ писалъ въ своемъ докладѣ петербургскій слѣдователь, «къ сему, сколько можно было узнать тайно, содѣйствующею причиною было и личное предубѣжденіе и негодованіе на него г. Кривцова» за всѣ эти лихоимныя «упущенія» его, покрытыя манифестомъ, и за многое другое.

Между тѣмъ воронежское дѣло, тянувшееся уже два года, пришло къ концу. Было бы скучно излагать въ подробностяхъ его послѣдовательный ходъ. Оно разбиралось сначала въ воронежской уголовной палатѣ, оттуда перешло въ 6-й департаментъ Сената. Сенатъ призналъ, что въ отношеніи снятія опеки съ имѣнія Захарова Губернское Правленіе поступило правильно, что утвержденіе губернатора о подлогѣ, будто бы совершенномъ совѣтниками, ничѣмъ не доказано, что, слѣдовательно, сдѣланныя совѣтникамъ по сему поводу отъ губернатора оскорбительныя укоризны понесены ими безвинно, и что хотя составленіемъ и исполненіемъ своевольныхъ журналовъ они и преступили законъ, но вовлечены были въ этотъ проступокъ крайней вспыльчивостью губернатора. Въ заключеніе Сенатъ предлагалъ членовъ и секретарей Правленія освободить отъ суда, не преграждая имъ пути къ возвращенію въ службу, а о предосудительныхъ дѣйствіяхъ Кривцова представить на высочайшее усмотрѣніе. Это мнѣніе Сената, какъ и все остальное производство по дѣлу, министръ юстиціи представилъ Комитету Министровъ при своемъ заключеніи. Комитетъ Министровъ въ засѣданіи 22 марта 1827 года постановилъ, согласно съ заключеніемъ министра юстиціи, членовъ воронежскаго Губернскаго Правленія освободить отъ суда и дозволить имъ снова вступить въ службу; что же касается Кривцова, то хотя онъ въ силу манифеста 22 августа 1826 годъ и освобождался отъ суда, но Ко-

митетъ полагалъ, что «по обнаруженному имъ въ дѣлѣ семъ строптивому и запальчивому характеру и крайне предосудительной опрометчивости неприлично и вредно для пользы службы оставлять его въ званіи начальника губерніи».

Это рѣшеніе Комитета Министровъ состоялось, какъ сказано, 22 марта 1827 г.; журналъ Комитета былъ посланъ царю на утвержденіе; и вотъ, по роковому стеченію обстоятельствъ, какъ разъ въ одинъ изъ немногихъ дней, протекшихъ между засѣданіемъ Комитета Министровъ и докладомъ царю о состоявшемся тамъ рѣшеніи по дѣлу Кривцова, пришелъ въ Петербургъ тотъ всеподданнѣйшій рапортъ Бахметева о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ Кривцова по дорогѣ изъ Нижняго въ Тамбовскую губернію и о безвинной обидѣ, нанесенной имъ Заремвѣ-Рацевичу. 29 марта начальникъ главнаго штаба графъ П. А. Толстой сообщилъ министру юстиціи содержаніе Бахметевской бумаги и приказаніе царя, чтобы это дѣло было тщательно разслѣдовано и о послѣдующемъ донесено государю. Два дня спустя, 1 апрѣля, Николай утвердилъ рѣшеніе Комитета Министровъ по воронежскому дѣлу, а еще черезъ день, 3 апрѣля, повелѣлъ причислить Кривцова къ Герольдіи.

Казалось, небо обрушилось на голову Кривцова. Его противники были кругомъ оправданы, онъ кругомъ обвиненъ; его выбрасывали вонъ, какъ ветошь: это былъ публичный позоръ, для такого человѣка стократъ нестерпимый. Въ довершеніе у него была отнята аренда и велѣно взыскать съ него тѣ 100.000 рублей, которые были даны ему запмообразно передъ женитьбою, такъ что срамъ и крушеніе карьеры еще мучительно отягощались матеріальнымъ разореніемъ.

Кривцовъ поѣхалъ въ Петербургъ, хлопоталъ всячески, но ничего не добился; его не допустили даже, говорятъ, до дежурства во дворцѣ какъ камергера. Убѣдившись, что

надежды больше нѣтъ, онъ рѣшилъ поселиться навсегда въ жениномъ имѣніи Любичахъ, Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Такъ весною 1827 года судьба, точно вихрь, разметала братьевъ Кривцовыхъ по тремъ разнымъ дорогамъ, погнавъ Сергѣя на годы въ Сибирь, Павла на всю остальную его жизнь въ Римъ, Николая тоже до конца дней въ Тамбовскую глушь. Какія муки безсильной ярости, горечи и стыда переживалъ Николай Ивановичъ, нетрудно понять. «Эксъ-фаворитъ императора, эксъ-губернаторъ трехъ губерній, эксъ-богачъ, посѣщавшій всѣ дворы Европы и не послѣдній въ первыхъ ея обществахъ, имѣвшій блистательныя и основательныя надежды, бывшій въ родственныхъ и дружественныхъ связяхъ и отношеніяхъ съ первыми домами и лицами имперіи, съ гордымъ, повелительнымъ характеромъ, съ умомъ свѣтлымъ, съ знаніями обширными, съ дѣятельностью непомѣрною, съ несчастіемъ въ семейной жизни, съ Semper felix въ гербу—въ 37 лѣтъ обреченъ былъ на житье въ пустынной деревнѣ». Это слова Сабурова [1]; и онъ же сообщаетъ, что по пріѣздѣ въ Любичи Кривцовъ прежде всего выстроилъ себѣ усыпальницу и въ одинъ годъ посѣдѣлъ какъ лунь.

Нижегородское дѣло тянулось цѣлый годъ. Получивъ упомянутое выше предписаніе начальника штаба, министръ юстиціи командировалъ для собранія точныхъ свѣдѣній на мѣстѣ чиновника особыхъ порученій при министерствѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аверина. Аверину были по чину выданы прогонныя отъ Петербурга чрезъ Нижній-Новгородъ до Тамбова и обратно въ количествѣ 1.314 руб. 24 коп., и сверхъ того на путевыя издержки 2.000 рублей, а всего 3.314 руб. 24 коп. Аверинъ по возвращеніи въ Петербургъ представилъ докладъ о произведенномъ

[1] Указ. м., стр. 724—5.

имъ дознаніи. Одновременно по предписанію генералъ-губернатора Бахметева производилъ слѣдствіе нижегородскій вице-губернаторъ. Съ обѣихъ сторонъ обвиненія, выставленныя жалобою противъ Кривцова, подтвердились. 28 февраля 1828 года Комитетъ Министровъ по докладу министра внутреннихъ дѣлъ постановилъ: Зарембу-Рацевича отъ отвѣтственности освободить (и, очевидно, оставить на службѣ по старому), а поступки Кривцова, хотя онъ и заслуживалъ бы выговора, оставить безъ дальнѣйшаго замѣчанія, такъ какъ онъ отъ должности губернатора уже удаленъ. Царь утвердилъ это постановленіе, приписавъ собственноручно: «Но такъ какъ онъ Мнѣ жаловался, что не знаетъ, зачѣмъ удаленъ отъ должности, то увѣдомить его о причинѣ».

Поразительно, что Кривцовъ, повидимому, совершенно забылъ о происшествіяхъ, случившихся во время его поѣздки въ Тамбовскую губернію на Масляной 1827 года. Ему и въ голову не приходило, что ему могутъ поставить въ вину тѣ его расправы съ ямскими старостами. Такъ какъ онъ вскорѣ затѣмъ покинулъ Нижній, то возможно, что до него даже не дошло свѣдѣній о вчиненной противъ него жалобѣ, о присылкѣ чиновника изъ Петербурга для производства слѣдствія, и проч. Получивъ въ концѣ мая 1828 года въ Любичахъ лаконическое официальное увѣдомленіе о томъ, что Комитетъ Министровъ въ засѣданіи 28 февраля постановилъ оставить его поступки безъ замѣчанія, онъ искренно недоумѣвалъ: какіе поступки? и, перебирая въ памяти немногочисленные эпизоды своего губернаторства въ Нижнемъ, не находилъ за собою никакой вины.

Онъ, видимо, очень ослабѣлъ въ это первое время своего изгнанія. Въ письмѣ, которое онъ 20 іюня написалъ министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскому, плохо

скрываемая злоба борется съ жалкой униженностью, какой въ Кривцовѣ нельзя было бы ждать. Вотъ что онъ писалъ.

«Милостивый Государь, Арсеній Андреевичъ. Письмомъ отъ 30-го апрѣля № 1249 Ваше Превосходительство изволили извѣщать меня, что Комитетъ Гг. Министровъ, вслѣдствіе внесенной отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ записки по представленію Нижегородскаго Генералъ-Губернатора Бахметева о поступкахъ моихъ при проѣздѣ, во время бытности Нижегородскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, чрезъ Нижегородскій, Арзамасскій и Ардатовскій уѣзды, журналомъ 28 Февраля состоявшимся положилъ: поступки мои оставить безъ дальнѣйшаго замѣчанія.

«Удивляюсь и не могу постигнуть причинъ, давшихъ Г. Бахметеву поводъ въ чемъ-либо жаловаться на поступки мои вообще относительно кратковременнаго служенія моего подъ его начальствомъ. Всѣ усилія моей памяти не напоминаютъ мнѣ никакого съ моей стороны важнаго упущенія по службѣ. А какъ обвиненія, заключающіяся въ представленіи Г. Бахметева, мнѣ совершенно неизвѣстны, и по онымъ отъ меня никогда и никѣмъ никакого объясненія требовано не было, то удивляясь равномѣрно и сужденію и резолюціи Комитета Гг. Министровъ, хотя освобождающихъ меня отъ всякой отвѣтственности, но учинившихъ свой приговоръ, такъ сказать, безъ вѣдома подсудимаго, побуждаюсь, въ настоящемъ моемъ положеніи, всепокорнѣйше просить Ваше Превосходительство приказать доставить мнѣ копіи съ представленія Г. Бахметева и съ записки, внесенной въ Комитетъ Гг. Министровъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по сему предмету.

«Не простое любопытство влечетъ меня къ таковому домогательству, но чувство незаслуженнаго оскорбленія, стремящагося обнаружить козни гнусныхъ клеветниковъ,

скрывающихся въ мракѣ, свойственномъ презрительному ихъ ремеслу, и успѣвшихъ однако же чрезъ своихъ клевретовъ навлещи на меня негодованіе самого Государя Императора.

«Преисполненный истиннаго уваженія къ Особѣ Вашего Превосходительства, съ достовѣрностью взываю къ справедливости и прошу отъ Васъ лишь законнаго удовлетворенія, коего до нынѣ нигдѣ и ни отъ кого получить не могъ.

«Касательно причинъ, побудившихъ Правительство удалить меня отъ служенія Его Императорскому Величеству, я благоговѣю предъ приговоромъ высочайше утвержденнымъ, но увлекаясь тѣмъ же чувствомъ уваженія къ высокимъ добродѣтелямъ, отличающимъ Ваше Превосходительство отъ прочихъ вельможъ, осмѣлюсь представить у сего копію съ записки, представленной мною въ свое время бывшему тогда Г. Министру Юстиціи, и которая, какъ полагать должно, была оставлена безъ всякаго вниманія.

«Удостойте, Милостивый Государь, взглянуть безпристрастнымъ окомъ на обстоятельства, въ оной изложенныя. Нынѣ я уже не имѣю другой цѣли, какъ оправдать себя лишь въ глазахъ Вашихъ, ибо даю еще цѣну мнѣнію честнаго человѣка.

«Удостоиваемый постоянно милостивымъ благоволеніемъ покойнаго Императора, я чистъ душою и правъ дѣломъ предъ Августѣйшимъ его преемникомъ. Но сердца Царей въ рукѣ Божіей... я не ропщу и не надѣюсь; но здѣсь мы всѣ смертны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ», и пр.

Закревскій отвѣтилъ ему, что рѣшеніе Комитета Министровъ состоялось до его вступленія въ управленіе мини-

стерствомъ, и какъ о содержаніи тѣхъ бумагъ въ свое время не признано было нужнымъ сообщать ему, Кривцову, то онъ не считаетъ себя вправѣ сдѣлать это и нынѣ. Что же касается его устраненія отъ губернаторства, то эта мѣра послѣдовала по приговору Сената и высочайше утвержденному мнѣнію Комитета Министровъ; поэтому онъ можетъ только въ приватномъ видѣ принять участіе въ настоящемъ положеніи Кривцова.

Этой перепискою закончилась исторія служебной дѣятельности Кривцова въ 20-хъ годахъ.

VIII.

Дурно придумано было при сотвореніи міра, чтобы близкимъ быть розно.

Изъ письма матери.

С. П. Кривцовъ и его три товарища прибыли въ Читинскій острогъ около 1 мая[1], проведя въ пути десять или одиннадцать недѣль (изъ Петербурга ихъ увезли, какъ сказано, 10 февраля). По сравненію съ другими осужденными, положеніе Кривцова было очень благопріятно: ему предстоялъ только годъ каторжной работы, а затѣмъ выходъ на поселеніе; онъ не оставилъ въ Россіи жены и дѣтей; наконецъ, его родные были люди со средствами, такъ что ему нечего было бояться нищеты на поселеніи. Онъ былъ здоровый, спокойный, незлобивый человѣкъ и легко приспособлялся ко всякой обстановкѣ.

Жизнь декабристовъ въ Читинскомъ острогѣ столько разъ описана во всѣхъ подробностяхъ, что говорить о ней лишній разъ значило бы повторять извѣстное. Кривцовъ повидимому легко перенесъ этотъ годъ полутюремной жизни. Онъ усердно обучалъ товарищей нѣмецкому языку и забавлялъ ихъ своимъ пѣніемъ. «Въ первоначальномъ маленькомъ кругу нашемъ,—разсказываетъ А. Е. Розенъ[2],—

[1] А. Е. Розенъ, „Записки декабриста“, 1907, стр. 146.
[2] Тамъ же, стр. 149.

развлекали насъ шахматы и пѣсни С. И. Кривцова, питомца Несталоцци и Фелленберга; бывало запоетъ: «Я вкругъ бочки хожу», то Ентальцевъ въ восторгѣ воскликнетъ: «Кто повѣритъ, что онъ въ кандалахъ и въ острогѣ?» а Кюхельбекеръ дразнилъ его, что «Несталоцци хорошо научилъ его пѣть русскія пѣсни».

Разставшись съ сестрою и братомъ въ Петербургѣ, Сергѣй Ивановичъ затѣмъ почти годъ не получалъ никакихъ извѣстій изъ дому. Мать и сестра многократно писали ему, адресуя на имя военнаго министра, но письма до него не доходили: каторжные были лишены права получать и писать письма. Первое извѣстіе о немъ изъ Сибири родные получили въ началѣ января 1828 года: это было письмо Елизаветы Петр. Нарышкиной къ сестрѣ Кривцова, Аннѣ Ивановнѣ, отъ 24 октября 1827 г.; она писала, что онъ здоровъ, что два раза въ день проходитъ мимо ея оконъ. Горькими и радостными слезами облила мать этотъ драгоцѣнный листокъ. Она не вѣрила своимъ глазамъ, читая письмо. «Не знаю словъ, какъ выразить мою благодарность Елиз. Петр.— Я ее теперь иначе не называю, какъ моимъ ангеломъ-утѣшителемъ. — Скажу тебѣ, мой другъ, съ тѣхъ поръ какъ сестра поѣхала къ тебѣ въ Петербургъ, никогда не видѣла тебя во снѣ, чего бы мнѣ очень хотѣлось, но передъ тѣмъ, какъ получить мнѣ о тебѣ извѣстіе, съ недѣлю всякій день тебя видѣла. Это мнѣ теперь будетъ знакомъ извѣстіе получить». Она написала Нарышкиной, благодаря и благословляя ее, и просила ее крестить его изъ окошка: «тогда знай,—пишетъ она сыну,—что она за меня тебя креститъ». Потомъ еще разъ повторилось то же предзнаменованіе: въ началѣ февраля и мать, и дочь нѣсколько разъ видѣли во снѣ Сергѣя, и утромъ сообщали другъ другу свои сны, и плакали, — а 4-го числа пришло письмо отъ Александры Григорьевны Муравьевой съ добрымъ извѣстіемъ о немъ.

Теперь онѣ могли писать ему съ надеждой, что письмо дойдетъ до него: Нарышкина сообщила имъ сибирскій адресъ, а Муравьева писала, что срокъ его каторги скоро кончается.

Онъ вышелъ на поселеніе, повидимому, въ первыхъ числахъ мая (1828 г.). 15-го числа этого мѣсяца онъ написалъ имъ изъ Красноярска первое письмо, слишкомъ безсодержательное послѣ столь долгаго молчанія, написанное явно въ подавленномъ состояніи. Да и было отъ чего придти въ уныніе. Онъ пишетъ, что по пріѣздѣ въ Красноярскъ узналъ о своемъ назначеніи въ далекій Туруханскъ, и что ждетъ только прибытія изъ Читы товарищей, чтобы вмѣстѣ съ ними быть отправленнымъ туда. Мать, получивъ это письмо 30 іюня, не поняла, конечно, что значитъ ссылка въ Туруханскъ; она была счастлива снова увидѣть его почеркъ. Но одно она поняла: что наступилъ послѣдній актъ его жизни, его послѣдній, безвозвратный путь; на послѣдней страницѣ его письма она написала своимъ дрожащимъ почеркомъ четыре старинныхъ стиха:

О, край родной, поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгаанику не обнимать!

Еще въ декабрѣ Сергѣю были посланы изъ Тимофеевскаго 500 руб. денегъ и 20 картузовъ табаку «Гишаръ», который, «помнится», онъ курилъ; потомъ шили бѣлье и платье, мать навязала носковъ, — но и деньги, и вещи онъ получилъ уже долго спустя. Въ Красноярскѣ онъ пробылъ до конца мая. 2 іюня онъ писалъ уже изъ Енисейска, что благополучно прибылъ туда сухимъ путемъ со своими двумя товарищами, Аврамовымъ и Лисовскимъ, а сейчасъ съ ними же отправляется дальше, въ огромной крытой лодкѣ внизъ по Енисею—въ Туруханскъ, «гдѣ на-

всегда суждено мнѣ проститься со всѣми возможными путешествіями». Онъ пишетъ сестрѣ въ этомъ письмѣ, что изъ Читы до Иркутска онъ ѣхалъ съ Захаромъ Чернышевымъ; они надѣялись, что ихъ поселятъ вмѣстѣ, — но ихъ разлучили. «Тебѣ дружба наша извѣстна и потому легко можешь судить, какъ тяжело было мнѣ съ нимъ разставаться. Я не въ состояніи, милая сестра, описать тебѣ всѣ ласки, которыми они (т. е. З. Чернышевъ, его сестра А. Г. Муравьева и Никита Муравьевъ) меня осыпали, какъ угадывали и предупреждали они мои малѣйшія желанія. Пожалуйста, если ты увидишь кого изъ ихъ семейства, то изъявя имъ мою благодарность. Александрѣ Григорьевнѣ напиши въ Читу, что я назначенъ въ Туруханскъ, и что всѣ льды Ледовитаго океана никогда не охладятъ горячихъ чувствъ моей признательности, которыя я никогда не перестану къ ней питать. Я ѣду отсюда въ Туруханскъ, почти на границу обитаемаго міра, гдѣ льды и холодъ, подобно Геркулесовымъ колоннамъ, положили предѣлы человѣку и говорятъ: nec plus ultra».

20-го іюня 1828 года, послѣ 17-ти-дневнаго плаванія, Кривцовъ съ товарищами прибыли въ Туруханскъ. Въ іюлѣ мать писала ему: «Я знаю, мой другъ, что тебѣ хотѣлось имѣть мой портретъ, то я познакомилась съ княземъ Дмитріемъ Борисычемъ Голицынымъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ тебя зналъ въ Петербургѣ. Такъ онъ хорошо рисуетъ и обѣщалъ меня списать совершенно для тебя, моего друга; будетъ стараться какъ можно похоже написать и съ 23-го числа сего мѣсяца начнетъ, и какъ скоро кончитъ, такъ и пришлю. Какъ бы я желала, мой другъ, имѣть твой, но теперь и думать невозможно, бывши въ такомъ необитаемомъ мѣстѣ; тамъ, я думаю, не только артисты есть, но даже и людей мало». — Это дѣло разстроилось, Голицину пришлось спѣшно уѣхать, и портрета

онъ не написалъ; но меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ въ Тимофеевскомъ былъ полученъ отъ А. Г. Муравьевой портретъ Сергѣя, писанный въ Читинскомъ острогѣ Н. А. Бестужевымъ. Этотъ портретъ цѣлъ понынѣ въ своей старинной рамкѣ. Если подумать, какъ много въ теченіе долгихъ лѣтъ разлуки смотрѣли на него со слезами глаза матери, — кажется, что въ немъ осталась часть ея души.

Далекій, не-русскій край, куда безсмысленная жестокость загнала Кривцова съ товарищами, безпримѣрно суровъ и печаленъ. Тамъ въ восьмимѣсячную жестокую зиму день длится не болѣе трехъ-четырехъ часовъ, а по ночамъ на небѣ горитъ и ширится, мѣняя краски, сѣверное сіяніе, и время кажется людямъ одной безконечной ночью; все мертво въ природѣ, только пурга вдругъ закружитъ свой бѣшеный пиръ и бушуетъ день, два, три, пока не выбьется изъ силъ и замретъ на короткій отдыхъ. Весною и осенью тамъ непрерывно свирѣпствуютъ вѣтры, смѣняя снѣгъ дождемъ и распространяя убійственную мглу, а въ короткое жаркое лѣто почти нѣтъ ночей, только двухчасовыя сумерки, когда солнце блѣднымъ шаромъ спускается къ горизонту; тогда воздухъ нестерпимо тяжелъ отъ гнилыхъ болотныхъ испареній, и міріады комаровъ отравляютъ жизнь человѣку. Зимой здѣсь свирѣпствуетъ скорбутъ, лѣтомъ горячка, натуральная оспа не переводится среди инородцевъ. Самый Туруханскъ расположенъ въ устьѣ рѣки Турухана на безпредѣльной равнинѣ, среди гнилыхъ болотъ, въ 1084 верстахъ отъ ближайшаго города— Енисейска. Онъ возникъ изъ зимовья, построеннаго казаками въ началѣ XVII столѣтія. Когда-то здѣсь процвѣтала торговля пушниной, но съ теченіемъ времени край обѣднѣлъ, и Туруханскъ пришелъ въ упадокъ; въ 1822 году онъ былъ переименованъ изъ окружного города въ заштатный, и съ тѣмъ вмѣстѣ, по выраженію мѣстнаго исторіо-

графа, «какъ бы закрылись всѣ жизненныя его силы: строенія начали разрушаться, народонаселеніе отъ разныхъ причинъ умалилось, и среди его появилась бѣдность; торговая дѣятельность почти прекратилась» [1]. Кривцовъ засталъ Туруханскъ уже обезлюдѣвшимъ, полуразрушеннымъ; изъ 60 избъ треть была брошена за ветхостью, около 25 являли доказательство лѣни и выносливости обитателей, которые, несмотря на лютость здѣшней зимы, продолжали жить въ этихъ полуразвалившихся лачугахъ, и только около 15 можно было по нуждѣ признать годными для жилья. Единственная кривая улица была даже въ разгарѣ лѣта такъ топка, что если бы не узкіе мостки, по которымъ непривычному человѣку приходилось съ трудомъ балансировать, то нельзя было бы перейти изъ дома въ домъ. Населеніе Туруханска составляли главнымъ образомъ казаки, жившіе здѣсь, какъ и всюду въ Сибири, своими домами; они получали небольшое жалованье и провіантъ и употреблялись для всевозможныхъ административныхъ надобностей: возили почту, доставляли хлѣбъ, смотрѣли за мѣстными магазинами, изъ которыхъ продавался хлѣбъ инородцамъ. Ихъ было въ Туруханскѣ до сотни, но такъ какъ большинство всегда были раскомандированы, то въ городѣ рѣдко оставалось изъ нихъ и 15 человѣкъ; если прибавить къ нимъ еще около 30 мѣщанъ, то этимъ и ограничивалось все взрослое мужское населеніе. Въ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ ртуть стоитъ выше нуля не болѣе 60 дней въ году, хлѣбопашество невозможно; даже ячмень не успѣваетъ вызрѣть, капуста не можетъ завязать кочня; въ жалкихъ огородахъ сажаютъ только рѣпу, рѣдьку, свеклу да картофель. Рыбы въ Туруханскѣ ловилось мало, по от-

[1] П. П. Третьяковъ, „Туруханскій край, его природа и жители“ СПБ. 1871, стр. 145.

сутствію удобныхъ мѣстъ для рыбной ловли, звѣря тоже по близости нѣтъ, или русскіе поселенцы не умѣли охотиться за нимъ; и жили они въ безпробудномъ пьянствѣ, въ праздности и нищетѣ, перебиваясь казеннымъ пайкомъ. О степени ихъ культурности легко судить по одному сообщенію, которое дѣлаетъ въ своей книгѣ «Енисейская губернія» (1835 г.) А. П. Степановъ, бывшій енисейскимъ губернаторомъ какъ разъ въ то время, когда здѣсь жилъ Кривцовъ: «Въ Туруханскѣ есть одно замѣчательное озеро. Оно наполнено отвратительными вшами, которыя, такъ сказать, кишатъ въ немъ. Несмотря на то, жители, по лѣности ѣздить на Туруханъ, протекающій въ 4 верстахъ отъ посада, или на озеро, въ ближайшемъ разстояніи отъ него лежащее, черпаютъ воду изъ сего озера для обыкновеннаго употребленія, процѣживая только ее черезъ ветошку; а чтобъ очистить желудокъ, пьютъ ее съ самыми насѣкомыми. Одно изъ нихъ, увеличенное въ Доландовъ микроскопъ, обнаруживало хоботъ» [1].

Кривцовъ, Аврамовъ и Лисовскій наняли сообща одну небольшую комнату и принялись заводить хозяйство. Денегъ у нихъ было мало, только то, что привезъ съ собою Кривцовъ, потому что Аврамовъ и Лисовскій ничего не получали отъ родныхъ; и все время, пока Кривцовъ оставался въ Туруханскѣ, они жили вмѣстѣ и на его средства [2]. Не успѣли оглянуться, не успѣли даже какъ-нибудь размѣститься въ тѣснотѣ, какъ прошло лѣто; да оно и всего

---

[1] А. П. Степановъ, „Енисейская губернія“. СПБ. 1835, ч. I, стр. 159; о цѣлебныхъ свойствахъ этой воды см. М. Ѳ. Кривошапкинъ, „Енисейскій округъ и его жизнь“, СПБ., 1865, т. I, стр. 308—309. Вообще о тогдашнемъ Туруханскѣ—И. Пестовъ „Записки объ Енисейской губерніи Восточной Сибири, 1831 года“, М. 1833, гл. VII: „Туруханскъ, заштатный городъ“.

[2] Аврамовъ былъ родомъ изъ Вяземскаго уѣзда Тульск. губ., Лисовскій—изъ Кременчуга; у перваго былъ живъ отецъ, у второго мать, и тотъ, и другая, по словамъ Кривцова, люди бѣдные.

состояло изъ 10 или 12 теплыхъ дней, къ тому же комары и мошки съ непрйвычки сильно донимали. Съ 8 августа начались морозы, задули порывистые вѣтры, нанося холодный дождь со снѣгомъ. Оставаться въ убогой лачугѣ на зиму было нельзя; въ началѣ сентября наши трое поселенцевъ наняли за сравнительно дорогую цѣну лучшій въ Туруханскѣ домъ, состоявшій изъ двухъ маленькихъ комнатъ и кухни. Хотя и здѣсь не было у каждаго своей комнаты, но по крайней мѣрѣ каждый имѣлъ свой столъ: они и этого удобства уже два года не знали. Купили они на зиму нѣсколько коровъ — одну на молоко, остальныя на убой. Деньги были на исходѣ, а изъ дому даже писемъ не было. Почта приходила и уходила по разу въ мѣсяцъ, и Кривцовъ регулярно каждое 5-е число отправлялъ письмо. Онъ довольно подробно описывалъ Туруханскъ и мѣстныя условія жизни, ничего не утаивая, но въ спокойномъ тонѣ, иногда съ шуткою, чтобы не напугать мать. Впрочемъ, онъ дѣйствительно относился къ своему положенію стоически. Жалуясь на неполученіе писемъ изъ дому, онъ прибавляетъ: «Впрочемъ, судьба такъ странно и своевольно со мною играетъ, что, мнѣ кажется, довольно, чтобъ я сильно чего пожелалъ, чтобъ именно того не случилось. Такъ часто былъ я обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, что теперь, lassè de tout, même de l'espérance, я пересталъ желать и ожидать, а просто живу со дня на день. Жизнь такая, хотя и указана намъ Евангеліемъ, но признаюсь, что настоящее (не только мое, но даже пріятное) безъ будущаго—вещь весьма скучная. Впрочемъ, я не люблю мыслей такого рода и всячески стараюсь отстранить ихъ отъ себя». И по другому поводу онъ пишетъ: «Переставъ ожидать и желать, я купилъ себѣ тѣмъ право не страшиться будущаго».

Онъ оставался въ Туруханскѣ безъ писемъ три мѣсяца; наконецъ, 20 сентября сразу пришло два письма изъ Ти-

мофеевскаго — отъ начала и середины іюля. Съ этихъ поръ письма болѣе не пропадали. Письмо шло въ среднемъ три мѣсяца, но разливы рѣкъ или неисправность почты нерѣдко удлиняли его путь еще на цѣлый мѣсяцъ. Но слѣдуетъ помнить, что въ то время и отношеніе къ письмамъ было другое, чѣмъ теперь; тогда скорость передвиженія писемъ, какъ и путниковъ, измѣрялась не днями, а недѣлями.

Какъ ни просты и спокойны были письма Сергѣя, мать обливала ихъ слезами, и въ долгіе промежутки между письмами мысль ея непрестанно вилась надъ сыномъ въ далекой нелюдимой странѣ. Онъ описывалъ тотъ край и свою жизнь только въ общихъ чертахъ, безъ всякой наглядности, но передъ ея взоромъ эта тусклая картина расцвѣчивалась тысячью конкретныхъ подробностей, — она видѣла его жизнь силою воображенія. Чѣмъ сильнѣе любовь, въ особенности страдающая, тѣмъ ярче, конкретнѣе, дробнѣе воображеніе разрабатываетъ мысленную картину, и наоборотъ, если эта картина суммарна и блѣдна, это вѣрный знакъ, что любви не много; оттого любовь матери стооко-предусмотрительна, и оттого такъ четко и детально воображеніе художника. Сила воображенія — какъ бы внѣшній термометръ, по которому безошибочно можно измѣрить напряженіе любви.

Письма Вѣры Ивановны очень однообразны: въ нихъ безпрестанно повторяются тѣ же немногіе мотивы, почти все въ тѣхъ же словахъ. Въ ея душѣ мало чувствъ, въ умѣ мало мыслей, и чувства эти и размышленія до крайности незатѣйливы. Но подобно тому, какъ царь Соломонъ во всей славѣ своей не сравнится по красотѣ съ полевымъ цвѣткомъ, такъ и простота Вѣры Ивановны глубже и прекраснѣе всякой хитроумной мудрости. У нея мало чувствъ, но каждое изъ нихъ неисторжимо коренится

въ ея душѣ, и мысли ея всѣ рождены этими чувствами; ничего формальнаго, что можетъ и быть, и не быть, но все полновѣсно и внутренно-принудительно, какъ въ самой природѣ; и оттого ея простыя слова обладаютъ такою существенностію, какой развѣ въ минуты вдохновенія можетъ достигнуть великій художникъ. Ея письма не только прекрасны,—они глубоко поучительны, потому что въ нихъ открывается одно изъ тѣхъ органическихъ міровоззрѣній, въ которыхъ есть зерно подлиннаго знанія о существѣ вещей. Таковъ Платонъ Каратаевъ, геніально выдуманный Толстымъ; но Вѣра Ивановна лучше его, потому что она дѣйствительно существовала и еще теперь говоритъ къ намъ своими письмами.

Вотъ одно изъ ея писемъ къ сыну—и таковы они всѣ. «Я покойна, мой другъ, и тепла и сыта, но скажи же мнѣ, какъ ты живешь и какая у тебя пища? Когда ты пишешь, что даже капусты нѣту, то что же можетъ быть? а также климатъ, болѣзни — все это терзаетъ мою душу. Хотя ты, мой другъ, и пишешь, чтобы я не безпокоилась насчетъ твоего здоровья, но какое жъ здоровье можетъ устоять противъ такой жестокости во всемъ? Вотъ, мой другъ, я опять поколебалась, но увѣрена, что Богъ по милосердію своему меня проститъ какъ мать, понеже его святая матерь и та рыдала при его распятіи, а мы ничто какъ тварь. Прошу тебя, мой другъ, пиши ко мнѣ всю правду, имѣешь ли ты хотя теплую хижинку къ зимѣ, и чѣмъ вы питаетесь, а также каковы твои товарищи, откуда уроженцы, имѣютъ ли родныхъ, которые бы имъ помогали, а также скажи, кто такой вашъ засѣдатель, русскій или казакъ? Я здорова и желаю жить для тебя, моего друга, и непрестанно молить о тебѣ милосерднаго Творца нашего, да дастъ онъ тебѣ новыя силы переносить съ кротостью и терпѣніемъ твое несчастье».

Таково обычное содержаніе ея писемъ. На видъ обыкновенныя материнскія слова, выраженія элементарныхъ чувствъ скорби, любви и вѣры; но стоитъ прочитать рядъ такихъ писемъ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и становится яснымъ, что каждая изъ этихъ упорно повторяемыхъ фразъ полна опредѣленнаго и значительнаго содержанія; мы сейчасъ увидимъ—какого.

Вѣра Ивановна живетъ то у одной, то у другой дочери; дочери ее любятъ и холятъ. Она не вмѣшивается въ житейскія дѣла и мало интересуется ими, хотя и многое понимаетъ ясно. О житейскомъ она почти и не пишетъ: нечего, да и не къ чему. Сообщая однажды Сергѣю, по его просьбѣ, свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ, собранныя ею явно ad hoc, она заключаетъ: «вотъ, мой другъ, что знаю все тебѣ написала, а болѣе право ничего не знаю, и тѣмъ лучше». Она пишетъ о себѣ не разъ: «мірское мнѣ все чуждо». И о себѣ она почти не пишетъ, потому что нечего писать. «Я слава Богу здорова, провожу свое время по обыкновенію, то есть молюсь за васъ Богу и вяжу носки тебѣ и Пашѣ». Вязать чулки—это единственное, что она еще можетъ дѣлать, потому что съ 1826 года она почти ослѣпла отъ слезъ; зато уже вязанья чулокъ для Сергѣя она никому не уступитъ,—такъ она сама говоритъ; скорѣе задержитъ посылку до слѣдующей почты, если не успѣла сама навязать что требовалось. Впрочемъ, живя у дочери Лизы, небогатой многодѣтной вдовы, она еще занимается съ внучкой Сонюшкой по-французски. Такъ ея внѣшняя жизнь сведена къ наименьшему. Зато ея душевная жизнь полна и сложна: ее наполняютъ, чередуясь, два дѣла: думать о Сергѣѣ, и молиться о немъ и о другихъ дѣтяхъ, но преимущественно все-таки о немъ.

Она думаетъ о немъ непрестанно, сердце болитъ за него. Сегодня морозъ, 30°,—каково же тамъ! Да еще вѣчная

ночь; есть ли у нихъ дрова, и чѣмъ они освѣщаются? — вѣрно тамъ и свѣчей нѣту. Она до такой степени въ мысляхъ полна имъ, что для нея вполнѣ естественно оговориться и 1-го декабря написать ему: «поздравляю тебя съ наступившимъ новымъ годомъ», потому что когда она пишетъ ему письмо, она почти физически говоритъ съ нимъ, и у нея двоится сознаніе: не то она говоритъ съ нимъ сейчасъ, пока пишетъ, не то въ мартѣ, когда онъ будетъ читать ея письмо. Она скорбитъ несказанно, и нисколько не скрываетъ этого отъ сына, потому что выраженіе ея скорби о немъ — она знаетъ это — ему нужно, какъ ласка, какъ знакъ ея непрестаннаго присутствія при немъ; притомъ она ничего не таитъ отъ него, ея душа должна быть предъ нимъ открыта, иначе какой бы она была ему другъ! а она всѣ письма свои къ нему неизмѣнно кончаетъ словами, тоже весьма существенными: «...и буду во всю жизнь мою твой вѣрный другъ и мать Вѣра Кривцова». Но скорбь ея — особаго рода: есть какой-то неуловимый предѣлъ, до котораго Вѣра Ивановна позволяетъ себѣ доводить свою скорбь (а скорбь, какъ и всякое сильное чувство, стремится къ безпредѣльному расширенію); дойдя до этого предѣла, она усиліемъ воли снова овладѣваетъ собою, и потому она остается благообразной и въ самомъ страданіи.

Дѣло въ томъ, что Вѣра Ивановна, какъ всякій могъ замѣтить, была очень религіозна. Она жила въ твердомъ убѣжденіи, что Богъ управляетъ міромъ по мудрымъ и неизреченнымъ своимъ замысламъ, такъ что то, что намъ кажется случайностью, есть только актъ Божьей воли. Поэтому человѣкъ, застигнутый бѣдою, долженъ со смиреніемъ переносить свое несчастье; уныніе же и ропотъ — великій грѣхъ, потому что уныніе — это сомнѣніе въ благости или мудрости Божіей, а ропотъ — возмущеніе противъ

Божіей волн. По строгой вѣрѣ человѣкъ въ сущности не долженъ бы и скорбѣть, ибо все, что съ нимъ случается, опредѣлено ему Богомъ; однако нельзя не уступить немощи человѣческой, нельзя не поскорбѣть — но только до той черты, гдѣ начинаются отчаяніе и ропотъ, иначе впадешь въ смертный грѣхъ. Вѣра Ивановна пишетъ сыну: «Безъ ужаса не могу подумать о мѣстѣ твоего пребыванія. Но чувствую, мой другъ, сама, что это не что иное, какъ слабость наша», или, какъ выше, послѣ жалобъ на жестокость Туруханской жизни: «Вотъ, мой другъ, я опять поколебалась, но увѣрена, что Богъ по милосердію своему меня проститъ какъ мать, понеже его святая матерь и та рыдала при его распятіи, а мы ничто какъ тварь». И непзмѣнно, послѣ словъ жалобы, она прибавляетъ: да будетъ воля Твоя. «Какъ все соображу, теперешнюю твою жизнь, то истинно приводитъ въ отчаяніе. Но да буди воля Его святая»; и такъ сотни разъ. Это—тотъ самый ходъ религіозной мысли, который побуждалъ царя Алексѣя Михайловича писать кн. Одоевскому, перенесшему семейное горе: «И тебѣ, боярину нашему и слугѣ, и дѣтямъ твоимъ черезмѣру не скорбѣть, а нельзя, чтобъ не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать».

Но надо присмотрѣться еще внимательнѣе. Что такое Богъ въ мысляхъ Вѣры Ивановны? Матеріальное ли всемогущество, грозный Богъ-вседержитель, требующій послушанія даже до безропотности? И что такое для нея грѣхъ? непокорность господину, влекущая за собою наказаніе? — И да, и нѣтъ. Сознаніе Бога, какъ Творца, Вседержителя и Судьи, составляло, разумѣется, основу ея міровоззрѣнія, — иначе религіозная вѣра и невозможна; но этимъ еще не опредѣляется содержаніе ея вѣры: все дѣло въ томъ, какъ мыслитъ человѣкъ природу божественной силы и спо-

собы ея воздѣйствія на жизнь. И вотъ, поразительно, что во многихъ десяткахъ писемъ Вѣры Ивановны на протяженіи многихъ лѣтъ не встрѣчается ни одной фразы, въ которой можно было бы подмѣтить матеріальный страхъ Божій или матеріальную надежду на Бога: дескать «Богъ накажетъ несчастіемъ» или «Богъ дастъ удачу». Только о д и н ъ разъ за всѣ годы она написала (и надо обратить вниманіе на не-религіозный, человѣческій смыслъ подчеркнутаго мною слова): «Иногда м е ч т а ю, что Богъ умилосердится надъ нами и буду опять тобою, моимъ безцѣннымъ другомъ, утѣшаться»; но никогда она не пишетъ: молю Бога, чтобы онъ опять соединилъ насъ, или — надѣюсь, что Богъ вернетъ мнѣ тебя. Въ ея чувствѣ Богъ вообще представляется лишеннымъ всякихъ матеріальныхъ функцій: онъ духъ, и только духъ.

Вѣра Ивановна безъ сомнѣнія и не подозрѣвала, что она обладаетъ совершенно законченной и цѣльной системой религіозныхъ понятій, и еще менѣе она могла бы систематически изложить свое богомысліе. Она жила имъ, почти не чувствуя его, какъ рыба не чувствуетъ состава морской воды, въ которой она живетъ. Это глубокое и возвышенное міровоззрѣніе не въ ней родилось, но она родилась въ немъ, — только, можетъ быть, извѣстная тонкость духовной организаціи или житейскія испытанія довели къ ней, какъ навѣрное и во многихъ другихъ, до большой ясности ту самую религіозную идею, которая сложилась далеко задолго до нея въ русскомъ народѣ, которою болѣе или менѣе жили ея предки и жило все вокругъ нея. Подобно Платону Каратаеву, она важна для насъ не въ качествѣ своеобразной личности, а именно какъ яркое личное воплощеніе всенародной мысли, какъ одна чистая капля изъ глубины народнаго моря, по которой можно узнать его составъ

Всѣ ея отношенія къ Богу опредѣляются тѣмъ коренным ея сознаніемъ, что Богъ есть средоточіе и источникъ духовной силы въ мірозданіи, т.-е. не Духъ, правящій міромъ извнѣ, какъ самодержецъ, и не имманентный духъ пантеизма или нынѣшняго панпсихизма, а какъ бы вмѣстилище или сфера чистой духовной энергіи, откуда совершается все духовное питаніе твари. Оттого Богъ, какъ чистая духовность, — весь любовь и благость: отношеніе человѣка къ Богу не только лишено всякой матеріальной окраски, но еще и совершенно свободно. Отъ такого Бога, разумѣется, нельзя ждать ни наградъ, ни наказаній въ вещественномъ смыслѣ; смѣшно и молиться ему объ устроеніи житейскихъ дѣлъ. Но изъ него притекаетъ въ насъ духовная сила, поскольку мы сами того пожелаемъ; значитъ наша воля въ отношеніи къ Богу вполнѣ свободна, но Богъ никогда не отказываетъ намъ въ своемъ дарѣ, какъ только мы попросимъ. Молитва и есть призывъ къ Богу о подачѣ намъ духовной силы, и другого смысла молитва не имѣетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляется и понятіе грѣха; грѣхъ не есть матеріальный поступокъ, но единственно состояніе души, а именно то состояніе, когда душа, оскудѣвъ силою, какъ бы запирается на ключъ передъ Богомъ, сознательно отказывается воззвать къ нему о подачѣ новой мѣры силъ. Прекратить свое общеніе съ Богомъ—это смертный грѣхъ, и вовсе не въ мистическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова, т.-е. такой, который реально губитъ и убиваетъ человѣка, потому что, прекращая притокъ свѣжей духовной силы въ себя, человѣкъ лишается питанія, все равно какъ ребенокъ въ утробѣ матери, если случайно разрушится пуповина. Совершенно ясно, что здѣсь религіозное безъ остатка растворяется въ психологическомъ, ибо въ основѣ этихъ представленій очевидно лежитъ чувственная увѣренность, что въ человѣче-

ской душѣ существуютъ неисчерпаемые запасы духовной энергіи, безъ сравненія болѣе могущественной, нежели та, которою онъ вседневно живетъ, и что усиліемъ воли онъ можетъ часть этой подспудной силы переводить вверхъ, въ сферу своего дѣйственнаго сознанія. Въ Вѣрѣ Ивановнѣ эта чистая религія сочеталась съ твердой вѣрой церковною; онѣ и по существу не исключаютъ другъ друга, потому что на извѣстномъ уровнѣ развитія внѣшніе религіозные символы такъ же необходимы ради слабости человѣческой, какъ неизбѣжны скорбь и слезы въ страданіи. Вѣра Ивановна разумѣется никогда не анализировала себя и, стоя за обѣдней, не отдавала себѣ отчета въ томъ, какому Богу она кладетъ поклоны — традиціонному ли Богу, правящему міромъ съ неба, или непостижимой духовной силѣ, лежащей въ ней самой. Но въ дѣйствительности она молилась только послѣднему и въ него одного вѣрила крѣпко и свято. Я уже говорилъ, что она никогда не проситъ Бога о вещественномъ. Она проситъ только: подай мнѣ силу и терпѣніе переносить скорбь; и-когда она, кромѣ того, проситъ Бога о томъ же и для Сергѣя — что̀ съ психологической точки зрѣнія можетъ показаться нелѣпостью, такъ какъ добыть у себя изъ-подъ спуда часть своей скрытой силы можетъ усиліемъ воли или молитвою только самъ нуждающійся въ ней, — то и здѣсь нельзя разобрать: есть ли это въ Вѣрѣ Ивановнѣ остатокъ обычнаго взгляда на молитву, или же ею руководитъ глубокая, чисто-психологическая мысль, что въ этомъ трудномъ дѣлѣ самоукрѣпленія сочувствіе близкихъ есть большая поддержка для человѣка. Недаромъ она не про себя только молится о немъ, но неизмѣнно въ каждомъ письмѣ пишетъ ему: «молюсь о тебѣ», т.-е. молюсь о подачѣ тебѣ кротости и смиренія, — и въ такихъ ея фразахъ, какъ: «люблю тебя, мое утѣшеніе, какъ всегда лю-

била, и непрестанно молюсь объ тебѣ», вторая половина фразы преслѣдуетъ ту же цѣль, какъ и первая, — оказать ему нравственную поддержку: т.-е. «ты знай, что я люблю тебя, знай, что всей душою сочувствую твоей душевной борьбѣ».

А молится она всегда объ одномъ и томъ же: подай силу и крѣпость. Положеніе сына, опасности, грозящія его здоровью, ее пугаютъ; но превыше всего ее пугаетъ, какъ бы эти тяжелыя условія жизни не ввели его въ отчаяніе, — какъ бы онъ не заупрямился черпать изъ божественнаго вмѣстилища новыя духовныя силы взамѣнъ убывающихъ. Она неусыпно стоитъ надъ нимъ и твердитъ настойчиво, упорно, умоляюще: «Умоляю тебя, моего друга, не оставляй своей надежды на Всевышняго и не теряй бодрости духа, которую ты до сихъ поръ имѣлъ, и возложи совершенно всю скорбь и печаль свою на Господа»; «Другъ мой, умоляю тебя, не предавайся унынію, уныніе есть великій грѣхъ, но возложи всю печаль свою на Господа, онъ тебѣ будетъ помощникъ и покровитель»; «Уповай на Господа, онъ намъ всѣмъ помощникъ и покровитель»; «Еще тебя, мой другъ, прошу, будь твердъ въ вѣрѣ и возложи всю скорбь свою на Бога и будь увѣренъ въ его милосердіи»; «Прошу тебя, какъ сына, умоляю какъ друга, не предавайся отчаянію; будемъ, мой другъ, вмѣстѣ возсылать наши моленія къ Создателю нашему, да ниспошлетъ намъ крѣпость и терпѣніе сносить нашу горестную разлуку и обратитъ свой гнѣвъ на милость». И такъ въ каждомъ письмѣ неупустительно: все та же одна горячая молитва о притокѣ новой душевной силы, и больше ни о чемъ, ибо только этимъ однимъ живъ человѣкъ. И сама она проситъ у Бога не здоровья сыну, не облегченія его участи, но только этого, важнѣйшаго. «Я слава Богу здорова, хожу къ обѣднѣ, молюсь непрестанно о тебѣ, моемъ миломъ другѣ, да подастъ тебѣ Спаситель крѣпость въ вѣрѣ и

избавитъ отъ всякаго искушенія и унынія»; это повторяется въ ея письмахъ десятки разъ. Она даже придумала формулу такой молитвы, и дважды сообщаетъ ее сыну: «Скажу тебѣ, мой другъ, мою молитву, которую я всегда читаю: Господи, если тебѣ угодно испытывать меня и дѣтей моихъ, то дай намъ терпѣніе переносить наше несчастье безъ ропота, но съ кротостью и благодареніемъ. Читай, мой другъ, и ты ее». Она никогда не утѣшаетъ его, въ ея письмахъ нѣтъ даже намека на шаблонныя религіозныя разсужденія. Ей не до словъ,—она мать, ея сынъ въ смертельной опасности, и она, въ смертельномъ же страхѣ за него, кричитъ ему одно: держись, собери всю свою силу, иначе ты погибъ. Вотъ почему ея слова такъ потрясающе-существенны, когда она говоритъ ему о крѣпости и терпѣніи, такъ дѣловиты и просты. Мальчикъ упалъ въ колодезь и ухватился за каменный выступъ надъ водою, и мать, прибѣжавъ, въ ужасѣ глядя на него сверху, кричитъ ему: держись, собери всѣ силы! — точно такъ, дѣловыми словами, твердитъ Вѣра Ивановна Сергѣю о крѣпости и терпѣніи; для мальчика выпустить камень значитъ погибнуть, для Сергѣя погибнуть — это закрыть свое сознаніе, съ убывающей въ немъ отъ невзгодъ духовной силой, для притока новыхъ волнъ духовной силы. «Ты, мой другъ, пишешь, что Евангеліе съ тобой неразлучно, то можетъ ли тебѣ придти какое смущеніе или унынie, читавши всегда оное? Ты, мой другъ, пишешь стихъ: Придите ко мнѣ, всѣ труждающіеся, и азъ упокою вы, а я тебѣ скажу: Возьмите иго мое на себе и научитеся отъ мене, яко кротокъ и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ; иго мое благо и бремя мое легко есть. И вообрази себѣ, мой другъ, какъ странно случилось: я читаю всякій день по порядку Евангеліе; тотъ день, какъ получить твое письмо, то мнѣ пришлось самое это Еван-

геліе читать, и я теперь положила всякій день не въ счетъ дневныхъ это читать».

Какъ я сказалъ уже, этотъ Богъ-духъ въ сознаніи Вѣры Ивановны тождественъ съ Богомъ-Творцомъ, Вседержителемъ и Судьею, о которомъ учитъ церковь; но онъ сохранилъ только тѣ, самыя общія черты послѣдняго, которыя не противорѣчатъ существу Бога-духа. Онъ и матеріально правитъ міромъ, но къ благу; онъ караетъ, но только духовно и только за духовные грѣхи, вещественное же горе есть только способъ наказанія, но не самая кара. Житейская философія Вѣры Ивановны много разъ высказывается въ ея письмахъ. Человѣкъ долженъ рѣшаться и дѣйствовать по крайней силѣ своего разумѣнія, но, разъ рѣшившись, онъ долженъ безъ ропота принять послѣдствія своихъ поступковъ, потому что во всякомъ рѣшеніи нами руководитъ Богъ, самъ же человѣкъ никогда не можетъ знать, ко благу или ко вреду для себя онъ рѣшается такъ, а не иначе. Она предприняла важный и рискованный шагъ къ облегченію участи Сергѣя; легко себѣ представить, какъ всесторонне она обдумала всѣ возможныя послѣдствія своего предпріятія, — и рѣшеніе ея, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, дѣйствительно было очень умно; но, узнавъ, уже post factum, что Сергѣю хотѣлось иного, нежели она для него добилась, она тѣмъ не менѣе не раскаивается въ своемъ поступкѣ; выразивъ сожалѣніе о томъ, что онъ раньше не написалъ ей своего желанія, она прибавляетъ: «Но на все это воля Всевышняго; онъ нами руководствуетъ, и положимъ, мой другъ, всю нашу надежду на него и ввѣримъ нашу участь ему; онъ лучше все устроитъ по своей благости». Все мірское въ ея сознаніи Бого-осмысленно, непостижимо-разумно; нѣтъ случайности, нѣтъ зла, но все въ разумѣніи Бога цѣлесообразно и благостно. Ея собственная «несносная горесть» тоже несомнѣнно и раз-

умна, и блага, а въ какомъ смыслѣ, этого намъ не дано знать — «и тѣмъ лучше», сказала бы она, какъ въ томъ письмѣ о хлѣбныхъ цѣнахъ. Вѣроятнѣе всего, что это, какъ учитъ церковь, — наказаніе за грѣхи, и если ужъ выбирать изъ двухъ, то конечно за ея грѣхи. «Пишешь ты, мой другъ, что ты говѣлъ и, приступая къ Святымъ Тайнамъ, просилъ у меня прощенья изъ глубины души. Другъ мой, ты передо мною никогда не былъ виноватъ; я кромѣ утѣшенія и почтенія и любви твоей къ себѣ ничего не видала; но за грѣхи мои Богу угодно было лишить меня сего утѣшенія, и все миновалось какъ сонъ». Можетъ быть она дѣйствительно такъ думала, а можетъ быть это опять съ ея стороны — педагогика. Ея письма къ сыну вообще исключительно и обдуманно педагогичны, сообразно той огромной важности, какую она придавала его душевному состоянію.

Такъ она сохраняетъ красоту въ самомъ страданіи. Поплачетъ тихо, и овладѣваетъ собою: «да буди воля Его святая». Скорбь ея кротка и свѣтла. Прошло уже три почтовыхъ срока, отъ Сергѣя нѣтъ писемъ; столько мѣсяцевъ! Страхъ томитъ ее, но она все-таки не ропщетъ, только кроткій вздохъ противъ воли срывается съ ея устъ: «Ахъ, мой другъ, какъ жестоко жить въ такой дальности съ тѣми, кого любишь болѣе всего на свѣтѣ», и опять: «но да буди воля Его святая». Ея душа, младенчески простая, подвластна суевѣрію, но только свѣтлому, знаменующему благое. Для нея не простая случайность, что въ тотъ день, какъ пришло письмо отъ Сергѣя съ цитатой изъ Евангелія, ей случилось прочитать ту самую главу Евангелія, которую онъ цитируетъ. И сны имѣютъ для нея торжественный смыслъ. Я уже приводилъ одинъ ея сонъ, а вотъ еще: «Скажу тебѣ, мой другъ, очень, очень давно не видѣла тебя во снѣ, а 20-го декабря вижу тебя и Пашу

будто въ любезномъ нашемъ Тимофеевскомъ, и вы собираетесь куда-то ѣхать, и къ вамъ обоимъ принесли хлѣбъ и соль на дорогу Моховицкій и Каменскій прикащики; всѣ мнѣ говорятъ, что это очень хорошо. А еще видѣла, будто сажаю рой въ улей; и это мнѣ сказали, что Богъ дастъ, что я васъ, мои милые друзья, соберу въ одно мѣсто къ себѣ, въ чемъ и не отчаиваюсь на милосердіе Божіе».

Она пишетъ слово «Богъ» неизмѣнно такъ: б о х ъ.

X.

Начальство къ намъ добрѣе стало—
Получше отвело тюрьму.
Некрасовъ.

Каждое письмо къ Сергѣю изъ Тимофеевскаго состояло изъ двухъ частей: по-русски, старинным и старческимъ почеркомъ, съ слуховымъ, а не грамматическимъ правописаніемъ, писала мать; по-французски, тонкимъ женскимъ почеркомъ и прекраснымъ слогомъ, писала сестра Анна, дѣвушка подъ 30 лѣтъ, на три года старше Сергѣя. Она горячо любила брата; ея письма полны страстной боли за него, тревоги и нѣжности, точно вся ея душа мятежно рвется къ нему чрезъ тысячи верстъ. Мать подчасъ даже ревновала къ ней сына; однажды она въ концѣ своего письма къ нему приписываетъ: «Пиши пожалуйста письма, чтобы я могла свое отдирать отъ сестрина, ибо мы часто съ ней споримъ: она себѣ хочетъ прятать, а я себѣ». Но Анна, писавшая обыкновенно послѣ матери, тутъ же подъ строкою приписала по-французски: «Не дѣлай себѣ заботы изъ этого, это глупости».

Анна, повидимому, ждала только извѣстія о выходѣ Сергѣя на поселеніе, чтобы привести въ исполненіе мысль, созрѣвшую у нея еще въ самомъ началѣ. 20 іюля 1828 г. она пишетъ ему, что теперь, когда срокъ его каторги кончился, Государь вѣроятно не откажетъ ей въ дозволеніи

ѣхать къ нему; съ другой стороны, и ее больше ничто не удерживаетъ въ Россіи, такъ какъ съ выходомъ Софьи замужъ мать можетъ жить у Софьи. Но прежде, чѣмъ писать къ Государю, она должна имѣть его согласіе. Она напоминаетъ ему разговоръ, бывшій между ними еще въ Петербургѣ: она тогда сумѣла убѣдить его, что лишенія, которыя она должна будетъ перенести, послѣдовавъ за нимъ въ Сибирь, ей не страшны, и они условились тогда, что она останется дома только до тѣхъ поръ, пока мать будетъ нуждаться въ ней, т.-е. пока Соня не выйдетъ замужъ. Теперь это условіе исполнено; ей нужно только нѣкоторое время, чтобы скопить денегъ на дорогу,—можетъ быть, годъ,—пусть же онъ скажетъ ей, желаетъ ли онъ ея пріѣзда. «Скажи мнѣ,—пишетъ она (по-французски),—будетъ ли для тебя нѣкоторымъ утѣшеніемъ, если я пріѣду раздѣлить твою участь? Я же буду счастлива тамъ, гдѣ ты живешь. Сережа, я много думала объ этомъ, поэтому не говори мнѣ, что я не знаю, чему подвергаю себя: я готова на все. Но я боюсь стать тебѣ въ тягость, потому что совершенно не знаю, въ какихъ условіяхъ вы живете».

Сергѣй отвѣчалъ ей на это письмо (тоже по-французски) 5-го октября. Онъ писалъ, что рѣшеніе стоило ему трудной борьбы съ самимъ собою: онъ былъ бы счастливъ, если бы ея планъ могъ осуществиться; но онъ одержалъ верхъ надъ собою, и отказывается отъ этого счастья. Онъ вѣритъ, что она въ силахъ справиться со всѣми трудностями и лишеніями, допускаетъ даже, что, любя его, она будетъ внутренно счастлива, живя съ нимъ; но подумала ли она о немъ? «Смогу ли я быть спокоенъ, видя тебя отрѣзанной отъ всего, что тебѣ мило, и чувствуя себя единственной причиной этого? Подумай: каждый твой вздохъ, каждая слеза, пролитая тобою совсѣмъ по другой причинѣ, будутъ для

меня неизсякающимъ источникомъ мученья. Подумай о томъ, что, даже видя тебя спокойной, я буду подозрѣвать тебя въ неискренности, буду слышать въ каждомъ твоемъ словѣ затаенное страданіе, которое ты тщетно силишься скрыть отъ меня. А что будетъ со мною, если ты не выдержишь здѣшняго климата и всѣхъ лишеній, которыя тебя ожидаютъ,—если ты заболѣешь, и я, безсильный помочь тебѣ, долженъ буду ежеминутно упрекать себя за твои страданія?»

Анна не поѣхала къ брату. Она и мать уже давно обдумывали способы добиться перевода Сергѣя изъ Туруханска, и теперь, въ промежутокъ между письмомъ Анны къ Сергѣю и полученіемъ его отвѣта ей, онѣ какъ-разъ были всецѣло поглощены этимъ дѣломъ. Въ концѣ декабря Анна Ивановна написала сестрѣ Захара Чернышева, Аннѣ Григорьевнѣ, по мужу Кругликовой, спрашивая у нея указаній, какъ пишутся прошенія на имя императрицы. Кругликова прислала ей примѣрную форму такого прошенія, а о братѣ Захарѣ сообщала въ своемъ письмѣ, что вчера получено извѣстіе о томъ, что Государь, внявъ просьбѣ отца, графа Чернышева, перевелъ Захара рядовымъ на Кавказъ. Это извѣстіе, разумѣется, сильно ободрило Кривцовыхъ; рѣшено было тотчасъ послать прошеніе. Сергѣю объ этомъ ничего не писали, чтобы не тревожить его прежде времени, но Анна Ивановна еще въ ноябрѣ какъ будто мимоходомъ освѣдомилась у него: «если бы тебѣ предоставили самому выбрать мѣсто жительства въ предѣлахъ Иркутской и Енисейской губерній, гдѣ ты желалъ бы поселиться?» Дѣло въ томъ, что по тщательномъ обсужденіи, онѣ рѣшили просить о перемѣщеніи Сергѣя не на Кавказъ, куда—какъ онѣ знали—уже были переведены рядовыми нѣкоторые изъ осужденныхъ по дѣлу 14-го декабря,—а только въ какое-нибудь болѣе обитаемое мѣсто

въ предѣлахъ той же Сибири, потому что онѣ опасались, чтобы при его потрясенномъ здоровьи рѣзкій переходъ изъ холоднаго климата въ жаркій не оказался для него пагубнымъ. Но онѣ и не стали дожидаться Сергѣева отвѣта: въ началѣ января (1829 года) Вѣра Ивановна отправила прошеніе къ императрицѣ, составленное въ указанномъ сейчасъ смыслѣ.

Даже по осторожнымъ письмамъ Сергѣя Ивановича къ матери можно понять, какъ трудно далась ему и его двумъ товарищамъ туруханская зима. Онъ еще осенью получилъ изъ дому деньги, табакъ, чай и бѣлье, съ осени же сдѣлалъ запасы на зиму; изба у нихъ была, повидимому, теплая, для хозяйства была нанята кухарка, баба лѣтъ 50-ти, такъ что особенныхъ матеріальныхъ лишеній они не терпѣли. Но мучительно было это сонное прозябаніе въ трехмѣсячную зимнюю ночь, когда, тѣснясь втроемъ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, при тускломъ свѣтѣ тогдашнихъ свѣчей, по недѣлямъ не рѣшаясь выйти на лютую стужу, они томились безъ воздуха, безъ движенія, безъ всякихъ впечатлѣній. Ноябрь и декабрь Кривцовъ проболѣлъ скорбутомъ; родные узнали объ этомъ только много позднѣе, самъ же онъ по веснѣ писалъ имъ, что былъ «немного нездоровъ, чувствовалъ какую-то слабость, которой, какъ думаю, причиной была сидячая жизнь». «Вы себѣ представить не можете,—писалъ онъ матери,—какое непріятное вліяніе имѣла на меня такъ называемая здѣсь темная пора. Бывало цѣлый день ходишь какъ сонный, не имѣя силъ ни за что приняться. Ляжешь въ постель, думая заснуть, но совсѣмъ противное—сонъ пройдетъ, глаза прояснѣютъ, но только до тѣхъ поръ, пока встанешь». Съ января стало полегче, главное—день удлинился; Кривцовъ началъ выходить; но затѣмъ снова пошли морозы, и прогулки пришлось прекратить. 4-го апрѣля

онъ пишетъ, что вотъ уже мѣсяцъ опять стоятъ морозы въ 20 и 25 градусовъ, еще вчера замерзла женщина, ѣхавшая въ Туруханскъ говѣть, но дни очень прибавились, такъ что въ 9 часовъ вечера еще свѣтло. Силы медленно возвращались къ Кривцову, чему способствовали скудость и однообразіе пищи: ежедневно на обѣдъ и ужинъ супъ съ тощей говядиной, да два или три раза въ день чай. Когда затѣмъ потеплѣло, жизнь все-таки мало украсилась; рыбной ловли Кривцовъ терпѣть не могъ; онъ любилъ верховую ѣзду, но верховая ѣзда на мѣстныхъ малорослыхъ и слабыхъ лошадяхъ не доставляла никакого удовольствія.

Прося сестру о присылкѣ книгъ, Кривцовъ, во избѣжаніе присылки уже имѣющихся, сообщилъ ей списокъ книгъ, привезенныхъ ими изъ Читинскаго острога. Это были:

Muller—Histoire universelle.
Robertson—Histoire du règne de l'Emp. Charles-Quint.
Montaigne—Essais.
Pascal—Pensées и Lettres provinciales.
Bossuet—Discours sur l'histoire universelle.
Choix des chefs-d'oeuvres dramatiques.
Phédon.
Lay—Economie politique.
Lacroix—Cours de mathématique.
Francoeur—то-же.
Imitation de J. C.
Denham et Claperton—Voyage en Afrique.
Lamartine.
Dupaty—Lettres sur l' Italie.
Noel (франц.-латинскій словарь).
Massillon—Les sermons и Le petit carême.
Утѣшеніе Христіанина.
Проповѣди Іоанна Златоуста.
Сочиненія Батюшкова.
Нѣсколько частей Шиллера (очевидно, по-нѣмецки).
Нѣсколько книжекъ изъ нѣмецкой Etui—bibliotek.

А вотъ книги, которыя были ему посланы по его требованію:

Rollin—Traité des études, 4 тома.
L'abbé Batteux—Principes de la litterature, 6 томовъ.
Adam Smith, 4 тома.
Ancillon, 4 тома,

и изъ русскихъ: сочиненія Державина, Жуковскаго, Пушкина, «Исторія» Карамзина и «Грамматика» Греча. Онъ требовалъ еще сочиненія Гёте и «Исторію Швейцаріи» Іоганна Мюллера—оба по-нѣмецки. Это были все серьезныя, вѣскія книги, предназначенныя не для минутнаго развлеченія; легкихъ книгъ, какъ-то романовъ и т. под., туруханскіе изгнанники не привезли изъ Читы и не выписывали.

Чтеніе было, разумѣется, ихъ главнымъ занятіемъ. Въ октябрѣ 1828 года Кривцовъ сообщаетъ, что переводитъ Масильона на русскій языкъ, а въ мартѣ 1829-го онъ такъ описываетъ свое времяпровожденіе: встаемъ между 7 и 8 час., до 9 пьемъ чай и болтаемъ, потомъ садимся за работу; сейчасъ я дѣлаю извлеченія изъ Ансильона—такъ лучше запоминается; въ 2 обѣдаемъ, затѣмъ отдыхъ, затѣмъ, если погода сносная, гуляю часъ—полтора; послѣ этого до чая помогаю Аврамову переводить съ французскаго на нѣмецкій; послѣ чая опять дѣлаю извлеченія изъ Ансильона до 9 час., потомъ играю съ Аврамовымъ въ пикетъ до 11, въ 11 ужинаемъ и ложимся спать.—Такъ проходилъ день за днемъ.

Свѣтлыми минутами въ этомъ тускломъ однообразіи было полученіе писемъ изъ Россіи. Почта приходила разъ въ мѣсяцъ, около 20-го числа. Но осенью и весною, случалось, проходило и два, и три мѣсяца въ тщетномъ ожиданіи писемъ. Въ половинѣ февраля 1829 года Кривцовъ зналъ о своихъ родныхъ только то, что сообщили ему

мать и сестра въ письмѣ отъ 15 сентября; только 26 февраля пришла, наконецъ, осенняя русская почта, привезшая ему сразу семь писемъ, въ томъ числѣ два отъ матери. Исправно, разъ въ мѣсяцъ, писали ему, какъ сказано, мать и сестра Анна, но въ ихъ письмахъ часто приписывали и другія сестры и иные изъ родственниковъ. Семейныхъ событій за этотъ годъ случилось не много: младшая сестра Софья въ іюлѣ 1828 года вышла замужъ за Григорія Евгеньевича Лаврова, братъ Павелъ въ декабрѣ получилъ камеръ-юнкера; о непріятностяхъ, постигшихъ Николая Ивановича, Сергѣю страннымъ образомъ не писали, но по намекамъ въ письмахъ можно заключить, что онъ зналъ все, можетъ быть изъ двухъ писемъ, которыя написала ему Екатерина Ѳедоровна, жена Николая. Большое участіе принимали въ немъ, какъ видно, Тургеневы, отецъ и мать десятилѣтняго тогда Ивана Сергѣевича. Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ былъ довольно близкій родственникъ Кривцовыхъ, а одна изъ дочерей Вѣры Ивановны, Елизавета, выйдя замужъ за Сомова, вступила въ свойство съ Варварой Петровной Тургеневой, чья мать, Катерина Ивановна, была во второмъ бракѣ за Сомовымъ; между Тимофеевскимъ и Спасскимъ были частыя сношенія. Въ послѣдній день своего пребыванія въ Петропавловской крѣпости Сергѣй Кривцовъ чрезъ сестру Анну послалъ письмо Варварѣ Петровнѣ. 3 іюля 1828 года сестра Анна писала Сергѣю: «У насъ теперь Варв. Петр. Тургенева. Мужъ ея очень боленъ и ѣдетъ лѣчиться въ Москву. Владиміръ поручилъ ему купить для тебя по твоему реестру. Если тебѣ возможно, напиши къ ней письмо въ Москву, въ собственномъ домѣ на Самотекѣ. Напиши, другъ мой, они тебя очень любятъ и такъ заботятся, сами хотятъ писать къ тебѣ». Варвара Петровна послала Сергѣю Ивановичу новые каталоги, только что полученные ею изъ Петербурга. Сергѣй Нико-

лаевичъ дѣйствительно выслалъ Сергѣю изъ Москвы вещи и книги, которыхъ тотъ требовалъ; сохранилось и его письмо къ С. И. отъ 30 августа 1828 г. со спискомъ посылаемыхъ вещей: часы серебряные—270 р. (ассигн.), Карамзина «Исторія»—122 р., два термометра—8 р., двѣ бритвы—30 р. и пр. Онъ подписался: «Тебя любящій Сергѣй Тургеневъ». Тургеневы заказали для себя копію того Бестужевскаго портрета Сергѣя Ивановича, который былъ присланъ изъ Читы. Сергѣй Ивановичъ повидимому не любилъ Варвару Петровну. Анна Ивановна многократно, еще и весною 1829 года, напоминала ему, чтобы онъ написалъ Варварѣ Петровнѣ: «Если ты не сдѣлаешь этого—берегись: не ручаюсь, что при вашей встрѣчѣ твои глаза останутся цѣлы. Шутки въ сторону, напиши ей, и полюбезнѣе. Если бы ты слышалъ, какъ она воркуетъ (roucoule) о своей жалости и любви къ тебѣ, ты былъ бы тронутъ. Будь же паинькой, сдѣлай это, мой другъ, пожалуйста; притомъ я могу давать ей разныя комиссіи для тебя, а если она рѣшитъ, что ты разлюбилъ ее, она не станетъ ихъ исполнять» [1].

Изрѣдка сестра пишетъ ему о его бывшихъ товарищахъ: Александръ Суворовъ пожалованъ въ адъютанты къ царю, Лукинъ—на войнѣ, осаждаетъ Шумлу. О Павлѣ она пишетъ (въ августѣ 1828 года), что онъ хорошо чувствуетъ себя въ Римѣ, сталъ, по его собственнымъ словамъ, вдвое толще, и по обыкновенію очень неаккуратенъ въ перепискѣ; недавно пришли отъ него сразу три письма въ одномъ конвертѣ, одно отъ марта, другое отъ апрѣля, третье отъ мая, и въ майскомъ онъ пеняетъ, что ему не отвѣтили на его мартовское письмо. А мать жалуется Сергѣю на Анну: ей уже 30 лѣтъ, замужъ идти не хочетъ, такъ

[1] Подлинникъ по-французски.

хоть жила бы съ нею у Лизы, а она безъ надобности живетъ у тетки-Карповой, и сама пишетъ, что ей тамъ скучно, да еще вздумала теперь строиться въ Писаницѣ и потомъ жить тамъ одиноко. «Ты знаешь ея характеръ молчаливый, то я одна съ ней никакъ не могу жить. Я, отдавши замужъ Сонюшку, жила съ ней (т. е. съ Анной) мѣсяцъ; я, право, думала, что я съ ума сойду или получу жестокую ипохондрію. Повѣришь-ли, что въ мѣсяцъ вѣрно она 10 словъ не сказала; то ты можешь судить, при моей горести вести таковую жизнь—это бы была истома пуще смерти. Но вѣдь я не веселья желаю, но по крайней мѣрѣ видѣла бы живыхъ людей передъ собой, а не мертвыхъ. Я теперь живу у Лизы, меня сколько-нибудь развлекаютъ дѣти, да и она при всѣхъ своихъ ужасныхъ хлопотахъ очень, очень много находитъ время и со мной поговорить; но отъ Анны, кромѣ да или нѣтъ, ничего не дождешься. Она съ посторонними довольно говорлива, но въ своей семьѣ какъ рыба молчитъ. Такъ, мой другъ, пожалуйста, напиши къ ней, но не говори, что я къ тебѣ объ ономъ писала, а какъ будто самъ отъ себя скажи, что ты видалъ изъ моихъ писемъ, что я живу у Лизы, то для чего и она съ нами не живетъ... Авось, Богъ дастъ, она тебя послушаетъ».—Но Анна Ивановна поставила на своемъ: въ слѣдующемъ году построила домъ въ Писаницѣ (выдѣленномъ ей имѣніи) и поселилась въ немъ, и мать потомъ подолгу живала у нея. Анна Ивановна была умна, и умъ ея былъ даже не лишенъ чисто-женской граціи. Однажды она пишетъ Сергѣю, что нѣсколько разъ принималась изучать нѣмецкій языкъ, но такъ какъ это очень скучно, то на-дняхъ она рѣшила больше не неволить себя, утѣшаясь мыслью, что Богъ на томъ свѣтѣ навѣрное не потребуетъ съ нея отчета, почему она не выучилась нѣмецкому языку.

Прошеніе Вѣры Ивановны на имя императрицы было послано въ началѣ января 1829 года; 5 февраля Анна, очевидно желая подготовить Сергѣя, писала ему, что по какому-то предчувствію она съ увѣренностью ждетъ какой-нибудь счастливой перемѣны въ его судьбѣ, всего вѣроятнѣе—перевода на другое мѣсто. А Сергѣй Ивановичъ только въ началѣ марта могъ отвѣтить на ноябрьское письмо сестры, въ которомъ она спрашивала его, куда бы онъ хотѣлъ быть переведенъ. Онъ отвѣчалъ, что не понимаетъ цѣли ея вопроса, но если уже она желаетъ знать, то онъ назвалъ бы Минусинскъ, какъ такое мѣсто, гдѣ природа и климатъ по слухамъ очень хороши: «но зачѣмъ тѣшить себя пустыми надеждами?» Легко представить себѣ, какъ были обрадованы лѣтомъ мать и сестра, получивъ это письмо; дѣло въ томъ, что прошеніе Вѣры Ивановны увѣнчалось успѣхомъ, и Сергѣя Ивановича приказано было перевести именно въ Минусинскъ! 25 февраля 1829 года секретарь императрицы, Шамбо, извѣстилъ объ этомъ Вѣру Ивановну французскимъ письмомъ: «По Высочайшему повелѣнію, сейчасъ полученному мною отъ Ея Имп. Вел. Государыни Императрицы, спѣшу извѣстить Васъ, что перемѣщеніе Вашего сына будетъ произведено, и что онъ будетъ переведенъ въ г. Минусинскъ, если соотвѣтствующія власти не найдутъ препятствій къ этому перемѣщенію».—Сергѣй Ивановичъ узналъ о своемъ переводѣ изъ того самаго письма, гдѣ сестра, еще сама не зная о судьбѣ прошенія, подготовляла его сообщеніемъ о своемъ предчувствіи: на этомъ письмѣ (оно сейчасъ передо мною) чьей-то чужой рукой была приписана, и отдѣлена чертой, одна строка: Вы переводитесь въ Минусу черезъ два мѣсяца.—Красноярскъ.

Позднѣе, уже изъ Минусинска, Кривцовъ подробно разсказалъ въ письмѣ, какъ онъ узналъ о своемъ пере-

водѣ. 1-го или 2-го іюня, часовъ въ 5 утра, кто-то растолкалъ его во снѣ, и онъ услыхалъ шопотомъ произносимыя слова: «Нарочный! за вами нарочный!» Открывъ глаза, онъ увидалъ свою кухарку; она сквозь смѣхъ и слезы объявила ему, что пріѣхалъ нарочный за нимъ, чтобы везти его въ Россію. Взволнованный, въ полномъ недоумѣніи, онъ всталъ и разбудилъ своихъ товарищей; рѣшили послать за нарочнымъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Но усталый казакъ на всѣ ихъ вопросы отвѣчалъ однимъ тупымъ «не знаю»; онъ могъ только объяснить, что его прислали изъ Енисейска съ бумагами и велѣли на обратномъ пути доставить Кривцова въ Енисейскъ-же. Но скоро дѣло разъяснилось; черезъ часъ за Кривцовымъ прислалъ мѣстный начальникъ — отдѣльный таможенный засѣдатель — и, объявивъ ему, что онъ долженъ немедленно отправиться въ Енисейскъ, передалъ ему привезенное, очевидно, тѣмъ же казакомъ письмо изъ дому—то самое письмо Анны Ивановны, на которомъ какая-то добрая душа въ Красноярскѣ написала блаженную вѣсть о переводѣ его въ Минусинскъ.

1-го іюля 1829 года Сергѣй Ивановичъ писалъ матери изъ Красноярска: «Благодаря неусыпной заботливости вашей и милостивому снисхожденію Государя Императора, я оставилъ Туруханскъ и благополучно прибылъ сюда, откуда на сихъ дняхъ отправляюсь въ Минусинскъ. Всѣ, которые тамъ бывали, съ восхищеніемъ говорятъ о томъ краѣ, называя оный здѣшней Италіей. Итакъ, почтенная матушка, благодаря стараніямъ вашимъ, я увижу еще разъ обработанныя поля, увижу горы и по нимъ бродящія стада. И сколь восхитительна мнѣ покажется сія картина послѣ топкаго болота, въ которомъ я цѣлый годъ находился и гдѣ думалъ окончить дни свои!»

Грустно было Кривцову разставаться со своими туру-

ханскими товарищами; онъ возвращался къ жизни—они оставались въ проклятомъ мѣстѣ, да еще безъ всякихъ средствъ къ существованію. До сихъ поръ они жили на его средства; чѣмъ они будутъ жить теперь? Этотъ вопросъ немало заботилъ и Вѣру Ивановну и Анну Ивановну. Онѣ тотчасъ списались съ отцомъ Аврамова, побуждая его также войти съ ходатайствомъ о перемѣщеніи сына; Анна Ивановна писала и самимъ оставшимся въ Туруханскѣ, Елизавета Ивановна (Сомова) послала Аврамову 50 руб. и табаку. Аврамовъ и Лисовскій больше не увидали родины. Объ ихъ дальнѣйшей жизни сохранилось мало свѣдѣній. Въ 1831 году имъ было съ высочайшаго разрѣшенія дозволено заниматься торговыми оборотами въ Туруханскомъ краѣ и ѣздить для закупки хлѣба и другихъ припасовъ въ Енисейскъ. Они, повидимому, воспользовались этимъ разрѣшеніемъ; по крайней мѣрѣ сохранилось извѣстіе, что Аврамовъ позднѣе служилъ приказчикомъ у одного изъ мѣстныхъ купцовъ. Лисовскій въ 1833 г. женился на дочери туруханскаго протоіерея Алексѣя Петрова, Платонидѣ. Въ январѣ 1856 года Аврамовъ и Лисовскій были зарѣзаны въ своей квартирѣ въ Туруханскѣ съ цѣлью ограбленія [1].

---

[1] Д. Лазаревъ „Политическіе ссыльные въ Туруханскомъ краѣ“, „Историч. Вѣстн.“ 1896 г. январь, стр. 337-9. — „Портреты декабристовъ“, изд. М. Зензинова. — То-же самое разсказываетъ о смерти А. и Л. бар. А. Е. Розенъ (Зап. декабр. 1907, стр. 173 и 279). Г-жа Францева, безъ сомнѣнія ошибочно, сообщаетъ, что Аврамовъ умеръ отъ сибирской язвы („Истор. Вѣстн.“ 1888, май, стр. 384 и д.). Четвертый декабристъ, сосланный въ Туруханскъ, Н. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, какъ извѣстно, сошелъ тамъ съ ума; князь Ѳ. П. Шаховской, пріѣхавъ въ декабрѣ 1826 г., уже въ іюнѣ 1827 г. былъ переведенъ въ Красноярскъ (см. у Д. Лазарева, цит. м.).

XI.

Котильонъ есть танецъ преопасный и Амуръ вертится въ немъ.
Изъ частнаго письма 1810 годовъ.

Въ первый разъ теперь легче вздохнула бѣдная мать послѣ трехъ лѣтъ безутѣшнаго горя. Еще отъ Сергѣя не было извѣстій съ новаго мѣста его ссылки — онъ какъ разъ былъ въ пути, чего въ Тимофеевскомъ, конечно, не знали, а его послѣднее письмо было отъ 4-го марта, еще изъ Туруханска, — какъ другая неожиданная радость опередила первую. 22 іюля 1829 года Вѣра Ивановна писала Сергѣю: «Нынѣшній мѣсяцъ меня Богъ утѣшилъ сверхъ моего чаянія: въ одинъ день съѣхались ко мнѣ Николай и Павелъ, и всѣ мы были вмѣстѣ, только тебя, моего друга, не было, что много отнимало у меня удовольствія; но да будетъ воля Его святая. Николай пробылъ 5 дней и поѣхалъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ. Онъ очень постарѣлъ, а Паша все такой же дебелый и такой же милый и добрый, любитъ всѣхъ родныхъ, но тебя, мой другъ, кажется, всѣхъ больше, ибо разлука съ тобой очень его огорчаетъ». Павелъ пріѣхалъ на цѣлыхъ три мѣсяца. Онъ былъ необычайно толстъ, румянъ, жизнерадостенъ и благодушенъ. Никому ничѣмъ не жертвуя, эпикуреецъ, въ которомъ эгоизмъ умѣрялся только лѣнью, онъ умѣлъ всѣхъ очаровывать. Онъ привезъ изъ Рима

свой портретъ; «мы помѣстили его, — пишетъ сестра Анна, — вмѣстѣ съ твоимъ въ зеленой нишѣ. Ты не можешь себѣ представить, какъ они противоположны или, вѣрнѣе, какъ точно они воспроизводятъ его и твое положеніе: онъ — прямо изъ Рима — застегнутый до подбородка, съ плащемъ на плечахъ и шляпою на головѣ, тучный, жирный и красный; ты — съ обнаженной головой и воротомъ рубашки... ты понимаешь, Сережа, на какія мысли это наводитъ». Павлу нетрудно было тронуть мать нѣсколькими грустными словами о Сергѣѣ, но онъ даже теперь, изъ дому, полѣнился написать далекому брату. Пріѣхавъ въ Тимофеевское 1 іюля, онъ только 22-го собрался приписать пол-страницы въ общемъ письмѣ къ Сергѣю, да и эти строки, по-французски гладкія, не содержали въ себѣ ничего о томъ, что могло интересовать Сергѣя: въ какомъ состояніи онъ засталъ мать, сестеръ и братьевъ, что измѣнилось въ родныхъ мѣстахъ, и пр. Ихъ и перевести нельзя—такъ банальны эти увѣренія; онъ charmé возможностью написать своему cher Serge, онъ не станетъ расточать ему пустыхъ увѣреній въ своей любви, надѣясь, что тотъ не сомнѣвается въ ней, ибо братъ есть другъ, данный самой природой, и пр.; обо всемъ, что тебя можетъ интересовать, пишутъ тебѣ мать и сестры, поэтому скажу тебѣ только, что я какъ нельзя болѣе доволенъ своей службою, — и дальше идетъ описаніе необыкновенныхъ качествъ кн. Гагарина, истиннаго представителя «de la civilisation perfectionnée»,—а подъ конецъ нѣсколько словъ безсодержательнаго ободренія: «твое несчастіе насъ удручаетъ, но не подрываетъ нашей надежды на милосердіе Божье и доброту нашего августѣйшаго монарха» — de Notre Auguste Souverain. Сестра Анна сочла нужнымъ оправдать Павла предъ Сергѣемъ: «Павелъ пишетъ мало, потому что онъ усталъ до полусмерти. Пред-

ставь себѣ, что при его необыкновенной тучности, онъ ни на минуту не сходилъ съ паркета и, разумѣется, былъ весь въ поту».—Ужъ лучше бы она промолчала; только и нашелъ времени написать брату, что между двухъ танцевъ!

Этотъ мѣсяцъ почти весь прошелъ въ танцахъ и праздникахъ. 15 іюля, въ двойной семейный праздникъ (рожденье Сергѣя и именины Владиміра), вся семья собралась у Владиміра въ Рагозинѣ; оттуда Вѣра Ивановна съ Павломъ и Анною поѣхали въ Вязовое, къ брату Вѣры Ивановны, Дмитрію Ивановичу Карпову, праздновать именины его жены, Марьи Михайловны. Здѣсь къ 22-му съѣхалось множество гостей, былъ домашній спектакль, организованный Плещеевыми (въ немъ участвовалъ и Павелъ Ивановичъ), былъ пиръ горой и танцы въ теченіе цѣлой недѣли, потому что всѣ гости оставались до 29-го, когда праздновалось рожденье Дмитрія Ивановича. Все это время стояла невыносимая жара, до 26° въ тѣни. Вѣрѣ Ивановнѣ приходилось трудно поспѣвать за молодежью. «Теперь съѣзжаются гости,—пишетъ она днемъ 22-го,—народу будетъ бездна, жара смертельная, и я уже теперь задыхаюсь, какъ воображу, что должно будетъ часа три сидѣть за столомъ. Признаюсь, мой другъ, что всѣ эти праздники становятся въ тягость». Наконецъ 31-го уѣхали назадъ въ Тимофеевское. Пріѣздъ Павла помѣшалъ Вѣрѣ Ивановнѣ исполнить обѣтъ, данный ею безъ сомнѣнія въ связи съ переводомъ Сергѣя въ Минусинскъ,—съѣздить въ Кіевъ и Ахтырку на богомолье; пришлось отложить эту поѣздку на будущій годъ, «отъ чего, пишетъ она, мнѣ очень грустно, что до сихъ поръ не могу выполнить обѣщаніе». Она хотѣла по крайней мѣрѣ говѣть въ Успеньевъ постъ и подбила къ тому же и Павла, что̀ для нея было большой радостью, потому что онъ уже два года не говѣлъ;

«но не думай, чтобы я его заставила,—нѣтъ, онъ самъ это мнѣ сказалъ». Въ Тимофеевскомъ прожили двѣ недѣли, мать съ сыномъ говѣли и пріобщились, потомъ мать съ Анною поѣхали въ усадьбу послѣдней, Писаницу, Павелъ еще куда-то, а чрезъ нѣсколько дней къ нимъ же; и сюда наѣзжали гости — родные: Кирѣевскіе и другіе. Здѣсь старушка отдохнула отъ разъѣздовъ и праздниковъ. Здѣсь, въ Писаницѣ, она собиралась отнынѣ жить съ Анною. «Что же, мой дружочекъ, тебѣ еще сказать?—писала она въ концѣ августа Сергѣю, разсказавъ о тѣхъ поѣздкахъ по роднымъ. — Живу теперь въ любезномъ своемъ Болховскомъ уѣздѣ, собираемся строить домикъ, и когда Богъ поможетъ построить, тогда буду покойнѣе, а то, право, скучно переѣзжать съ мѣста на мѣсто. У Лизы бы мнѣ (было) прекрасно и спокойно какъ нельзя лучше, но бѣда моя — церкви нѣту и ѣздить чрезъ рѣку, то въ дурную погоду переѣзда совсѣмъ нѣтъ; а мнѣ, мой другъ, только и утѣшенія, когда слышу службу Божью. А тутъ церковь у воротъ; только попъ лѣнивъ служить обѣдни и выдумалъ служить какія-то обѣднцы безъ совершенія таинствъ. Но какъ буду, Богъ дастъ, здѣсь жить, тогда заставлю его служить какъ должно».

Наконецъ, 21 августа мать «съ благодарностью Всевышнему и съ душевной радостью» получила первое письмо, писанное Сергѣемъ послѣ перемѣны въ его судьбѣ,—то письмо изъ Красноярска отъ 1-го іюля. Большимъ облегченіемъ было уже то, что письмо шло всего семь недѣль, а не три мѣсяца съ лишнимъ, какъ прежде; но главное, теперь она будетъ спокойнѣе, зная, что онъ не холоденъ и не голоденъ, и въ болотѣ не тонетъ, дышитъ свѣжимъ воздухомъ и питается пищей человѣческой, и болѣе всего—драгоцѣнное для нея здоровье его поправится. Она проситъ его написать ей подробно о Мину-

синскѣ и его жителяхъ, и есть ли тамъ такіе люди, которыхъ можно назвать людьми, а объ оставшихся въ Туруханскѣ товарищахъ, Аврамовѣ и Лисовскомъ, и она тревожится; Аврамовъ бѣденъ, но авось найдутся добрые люди, которые будутъ въ складчину помогать ему, а родные Лисовскаго неужели тоже бѣдны? она проситъ прислать ей адресъ матери Лисовскаго, — она напишетъ ей. Есть же такіе безсердечные родители, что оставляютъ въ нуждѣ своихъ несчастныхъ дѣтей: «вотъ въ нашихъ мѣстахъ есть извергъ баронъ Черкасовъ, который имѣетъ большое состояніе, но сыну несчастному»,—тоже декабристу,— «ни гроша не посылаетъ, и братъ его изъ своего жалованья удѣляетъ».—Павелъ въ половинѣ сентября еще былъ съ нею, и она не нарадуется на него; «въ добротѣ души и привязанности ко мнѣ можетъ равняться съ тобой, моимъ милымъ другомъ, но не такъ еще умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, но какъ не-изъ-чего, то и остается покоенъ и всѣмъ доволенъ; но все это еще можно приписать къ молодости, а не къ вѣтренности». А всего болѣе ее восхищаютъ его принципы: я, говоритъ онъ, молодъ, здоровъ, богатство мое — служба, отъ которой буду сытъ и одѣтъ, и честный человѣкъ: это самое большое богатство.— Она совершенно вѣрно понимала Павла: ему дѣйствительно хотѣлось большаго, чѣмъ онъ достигъ (да онъ и былъ уменъ и способенъ), но у него было слишкомъ мало внѣшнихъ рессурсовъ, чтобы преуспѣвать безъ усилій: ни знатнаго происхожденія, ни богатства, ни сильныхъ родственныхъ связей; даже братъ Николай, на первыхъ порахъ такъ много сдѣлавшій для него, теперь самъ былъ лишенъ всякой силы. Пробиваться приходилось самому, но онъ былъ слишкомъ баринъ, чтобы заискивать, и слишкомъ сибаритъ, чтобы все забывать для службы. Итакъ, будущее, какъ онъ уже ясно видѣлъ, не сулило

ему никакихъ блестящихъ перспективъ; это было грустно, но такъ какъ онъ больше всего на свѣтѣ любилъ покой, то онъ не давалъ напрасному честолюбію слишкомъ тревожить себя и дѣйствительно былъ «всѣмъ доволенъ». На почвѣ этого затаеннаго недовольства у него сложилась даже особеннаго рода философія, не разъ высказывающаяся въ его письмахъ: жизнь-де надо брать стоически, не стóить добиваться чего-нибудь, ибо всѣ блага, такъ цѣнимыя людьми, — богатство, почести и пр., — суета суетствій. Какъ ни легка была эта резиньяція, она все-таки бросала тѣнь на его жизнь.

Можетъ быть именно ею, а не прямою любовью, былъ порожденъ комическій романъ, разыгравшійся у него въ этотъ пріѣздъ. Будь онъ карьеристъ, упорно пробивающійся впередъ или просто по случаю успѣвающій въ своей карьерѣ, онъ не далъ бы мимолетному увлеченію такъ легко сбить себя съ пути. Но онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ; свѣтъ и служба не обѣщали ему многаго, и потому онъ не очень дорожилъ ими; а тутъ подвернулся романъ, сулившій въ итогѣ тоже покойную и комфортабельную жизнь, хотя и въ деревенской обстановкѣ, — онъ и соблазнился, соблазнился, правда, безъ особеннаго пыла, такъ что не трудно оказалось и отвлечь его отъ этого рѣшенія.

20 октября, наканунѣ отъѣзда изъ Тимофеевскаго, Павелъ написалъ Сергѣю письмо, содержаніе котораго мы узнаемъ только изъ отвѣтныхъ писемъ Сергѣя. Онъ писалъ, что женится, что помолвка состоялась, а свадьба будетъ въ январѣ; онъ ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы поскорѣе выхлопотать себѣ отставку, и потомъ, забывъ всѣ прелести невѣрной славы, поселиться въ Тимофеевскомъ и посвятить свою жизнь счастью родныхъ и подданныхъ. Къ его письму было приложено письмо его невѣсты, Вар-

вары Николаевны, которая рекомендовала себя Сергѣю и подтверждала написанное Павломъ. Получивъ эти письма въ декабрѣ, Сергѣй поспѣшилъ поздравить мать, брата и невѣсту; послѣднюю онъ зналъ лично изъ прошлаго.

Но затѣмъ извѣстія о Павлѣ прекращаются; ни мать, ни сестра Анна въ письмахъ къ Сергѣю ни словомъ не поминаютъ о предстоящей свадьбѣ. Сергѣй недоумѣваетъ, но получаетъ въ отвѣтъ лаконическое сообщеніе, что Павелъ уѣхалъ на мѣсто своей службы, въ Римъ. Наконецъ, только въ мартѣ (1830 г.) мать собралась подробно описать ему весь ходъ этой исторіи, стоившей ей не малыхъ волненій. Подъ ея простодушнымъ перомъ портретъ Павла обрисовывается, какъ живой.

«Любезный мой другъ, Сережинька, — писала она. — Письмо твое отъ 23 декабря я получила, поблагодарила Всевышняго, что ты здоровъ. Насчетъ же свадьбы Павловой, она не состоялась по обстоятельствамъ состоянія, да и молодости его лѣтъ, да и мнѣ кажется, ни онъ, ни она большаго желанія не имѣли. Она точно прекрасная дѣвушка съ самыми лучшими достоинствами. И сперва наша тетка стала развѣдывать, что за ней, и сказала намъ, что она навѣрное узнала, что братъ даетъ ей 460 душъ и 30 тысячъ денегъ. Вотъ Паша мнѣ говоритъ: дѣвушка прекрасная, родство тоже и состояніе порядочное, и что онъ рѣшается жениться. А какъ ты меня знаешь, что я слишкомъ къ вамъ слаба во всякихъ случаяхъ,—и говорю: дай Богъ часъ. Но только сказала ему: не забудь, что тебѣ 24 года и на хорошей дорогѣ по службѣ, но женясь, онъ долженъ будетъ оставить службу. Это было его остановило, но потомъ опять вздумалъ, поѣхалъ къ Николаю совѣтоваться. Тотъ по своей флегмѣ не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Пріѣхавши отъ брата очень скученъ, но рѣшился, поѣхалъ къ нимъ и помолвилъ, и любезный братецъ при

помолвкѣ объявляетъ ему, что онъ даетъ сестрѣ 350 душъ и 70 тысячъ долгу. Вотъ тебѣ первый подарокъ. Онъ присылаетъ мнѣ сказать о помолвкѣ, но объ этомъ подаркѣ ни слова, а пишетъ къ Аннѣ очень грустное письмо и объявляетъ эту радость, и проситъ ее, чтобы она никакъ мнѣ не сказывала. Она мнѣ и не сказала, а сказала Владиміру. Тотъ къ нему посылаетъ нарочнаго и представляетъ всѣ резоны. Онъ имъ отвѣчаетъ, что уже поздно; но какъ видятъ, что дѣло безъ меня не обошлось, сказываютъ мнѣ. Я такъ и обезумѣла. Его долгу 35 тысячъ, ея 70, да на свадьбу и приданое вѣрно бы еще истратили 50, а тамъ бы начали заводить строеніе, а у Павла очень много замашекъ Николаевыхъ. Такъ-бы наконецъ вышло, что должно продать либо его, или ея имѣніе. И какъ я уже вижу бѣду неминуемую, я тотъ же часъ рѣшилась писать къ нимъ, а онъ уже отъ нихъ уѣхалъ въ Петербургъ просить позволенія жениться; и пишу къ нимъ всѣ обстоятельства насчетъ ихъ молодости и состоянія, что они могутъ быть оба несчастливы, и прошу ихъ, чтобы они ему отказали, а къ нему пишу, что такъ какъ онъ мнѣ всегда говорилъ, что онъ ничего такъ не хочетъ, какъ видѣть меня покойною, то я его и прошу, что ежели онъ хочетъ меня успокоить, то чтобы не женился. Получаю отъ него письмо самое отчаянное; говоритъ, что съ его стороны будетъ очень безчестно, и прочее. Мнѣ кажется, онъ думалъ, что я его заставляю отказаться, но какъ получилъ отъ нихъ отказъ, то, мнѣ кажется, онъ и самъ былъ доволенъ, и пишетъ ко мнѣ письмо, что онъ получилъ отъ нихъ отказъ, а не онъ отказалъ, и что онъ очень радъ, что выполняетъ мою волю».

Ея психологическія догадки были совершенно правильны. Это послѣднее письмо къ ней Павла сохранилось. Забавно видѣть, какъ онъ вилялъ и трусилъ, прятался за ширмы

и заметалъ слѣды, и еще забавнѣе слѣдить, какъ просто и безхитростно, сама того не подозрѣвая, старушка раскрывала его продѣлки и съ присущимъ ей чутьемъ реальнаго ставила вещи на ихъ законныя мѣста.

Оказывается, что дѣло было такъ. Послѣ его поспѣшнаго отъѣзда въ Петербургъ Вѣра Ивановна, какъ сказано, написала роднымъ невѣсты; она писала, что на скудныя средства, которыми будутъ располагать молодые, имъ нельзя будетъ прожить въ Тимофеевскомъ, поэтому она требуетъ, чтобы сынъ и послѣ женитьбы не оставлялъ службы. Родные невѣсты тотчасъ отвѣчали, что не согласны отпускать Варвару Николаевну такъ далеко — въ Римъ, — и о томъ же извѣстили Павла. Онъ получилъ это письмо Сергѣя Николаевича (брата невѣсты) въ Петербургѣ 9-го числа, и, какъ мать справедливо писала Сергѣю, самъ былъ донельзя радъ, что нашелъ удобный предлогъ развязаться. «Сію минуту, — пишетъ онъ матери 10-го ноября, — получилъ я ваше письмо отъ 1-го ноября, и прочитавши его нѣсколько разъ, я покоряюсь вашей волѣ и соглашаюсь на все, что вамъ угодно. Съ моей стороны я уже взялъ», — значитъ, до полученія письма матери, — «всѣ предосторожности, чтобы сдѣланное мною не послужило мнѣ во вредъ, и былъ столько счастливъ успѣть въ ономъ во всѣхъ отношеніяхъ. Къ кн. Гагарину также мною уже написано; итакъ, все кончено. Богъ знаетъ, къ лучшему или нѣтъ. Я боюсь, что мое предыдущее письмо васъ очень огорчитъ; что же прикажете дѣлать? я писалъ, какъ я чувствовалъ. Вчера я получилъ письмо отъ Сергѣя Николаевича и отказъ. Между тѣмъ прошу васъ отослать къ нему мое письмо, но только съ подтвержденіемъ, что вы не соглашаетесь — теперь. Впрочемъ, я не хочу, чтобы это осталось, ибо можетъ быть Варварѣ Николаевнѣ будетъ лучше меня партія. Я ее увольняю: ваше спокойствіе мнѣ дороже

всего. Ежели успѣю, то я еще сегодня напишу къ Сергѣю Николаевичу. Чрезъ мѣсяцъ, а можетъ и прежде я опять ѣду въ Италію; авось Богъ благословитъ мою службу и сдѣлаетъ то, чего я всегда желалъ и никогда не перестану желать, т.-е. быть полезнымъ отечеству и семейству, а вмѣстѣ съ симъ и пещись о вашемъ спокойствіи. Я могъ ошибиться, но ошибка поправлена; оставимте теперь все въ покоѣ. Насчетъ издержекъ я къ счастію извернулся, и вся потеря, можетъ быть, будетъ состоять изъ 500 или 600 руб., которые я постараюсь нагнать экономіею».

Совершенно ясно, что онъ еще до полученія письма отъ матери рѣшилъ во что бы то ни стало отвертѣться. Настояніе матери о продолженіи службы и, съ другой стороны, несогласіе родныхъ невѣсты отпустить послѣднюю въ Римъ дали ему для этого нужный предлогъ, и онъ искусно сыгралъ великодушіе на обѣ стороны. Сергѣю Николаевичу онъ написалъ 11-го: «Письмо мое отъ 7-го числа сего мѣсяца изъясняло вамъ мое положеніе. Ваше письмо отъ 27-го октября я имѣлъ честь получить третьяго дня. По оному я болѣе всѣхъ теряю; итакъ я думаю, что ни вы, ни сестрица ваша на меня пенять не можете. Да будетъ надо мной воля Господня. Теперь я вижу себя вынужденнымъ возвратить вамъ и сестрицѣ вашей полученное мною слово». Сообщая матери копію этого письма, онъ приписываетъ: «Ежели вы уже послали ваше согласіе, то, опираясь на ваше письмо отъ 1-го ноября, вы можете требовать отсрочки. Разстояніе, насъ всѣхъ разлучающее, дѣлаетъ сіи quiproquo». Теперь онъ уже самъ боялся, не уступила ли мать по полученіи его предыдущаго, «отчаяннаго» письма, гдѣ онъ писалъ, что съ его стороны было бы безчестно отказываться, — т.-е. не написала ли она роднымъ невѣсты своего согласія. О бѣдной дѣвушкѣ, невинно пострадавшей и, можетъ быть, искренно

любившей его, онъ даже не вспомнилъ и, по всѣмъ признакамъ, ей не написалъ. О ней подумалъ только человѣчный Сергѣй, который, отвѣчая на письмо матери, писалъ: «Жаль только молодой дѣвушки, которой вредитъ всякая подобная гласность; также и мое краснорѣчивое поздравленіе теперь уже не кстати, но однакоже прошу къ случаю приберечь оное». Мать, по отъѣздѣ Павла въ Римъ, вспоминала о немъ съ умиленіемъ; вѣтренъ немножко (она разумѣла его сватовство), любитъ жить не по средствамъ, но это отъ молодости и неопытности; какъ войдетъ въ лѣта, дастъ Богъ остепенится,—зато какъ добръ, какъ всѣхъ любитъ, какъ исправенъ по службѣ! «истинно можно сказать, примѣрный молодой человѣкъ во всемъ».

Самъ Павелъ, сообщивъ 20 октября Сергѣю о своей помолвкѣ, въ первый разъ снова удосужился написать ему и разсказать конецъ своего сватовства только полтора года спустя, въ мартѣ 1831 года, изъ Рима, да и это письмо недописаннымъ пролежало у него въ столѣ еще $3^1/_2$ мѣсяца и отправилось по назначенію только въ половинѣ іюня. Въ его объясненіяхъ все сводится къ вопросамъ личнаго благополучія и комфорта; ни о любви, ни о какихъ-либо мотивахъ высшаго порядка нѣтъ и помина, даже личность той дѣвушки входитъ въ его разсчеты только какъ слагаемое въ вѣроятный итогъ его собственныхъ удобствъ. «Въ послѣднемъ письмѣ, — пишетъ онъ (какъ всегда — по-французски), — я извѣщалъ тебя о предстоящей перемѣнѣ въ моемъ положеніи. Къ несчастью (по крайней мѣрѣ, такъ я думаю), дѣло не могло состояться, и признаюсь тебѣ, видя себя вынужденнымъ отказаться, я рѣшился на это лишь съ тяжелымъ чувствомъ, потому что дѣло уже значительно подвинулось впередъ. Впередъ наука. Впрочемъ, Богъ знаетъ, къ моему ли это благу. Моя служба, мои привычки, усвоенный мною образъ жизни,

завязавшіяся у меня отношенія—все это я долженъ былъ бы оставить, чтобы начать другую жизнь, которая несомнѣнно не представила бы мнѣ этихъ выгодъ. Скромное, даже очень скромное состояніе, доставшееся мнѣ, заставило бы меня еще сильнѣе чувствовать лишенія, тѣмъ болѣе, что имъ подвергся бы еще другой человѣкъ, такъ же мало привычный къ нимъ, какъ я. Таковы невыгоды; но съ другой стороны—ангельскій характеръ, неописуемая доброта, таланты и познанія, словомъ все, чтобы сдѣлать жизнь пріятною, и характеръ достаточно сильный, чтобы выдерживать удары судьбы; прибавь къ этому пріятную внѣшность и безупречное поведеніе, основанное на принципахъ и безукоризненныхъ примѣрахъ,—и ты получишь точное понятіе о положеніи дѣла. Суди самъ; ты знаешь людей. Единственное, чего я стараюсь избѣгать въ своей жизни, это сожалѣніе и раскаяніе; гдѣ они, тамъ нѣтъ ни минуты покоя. Человѣкъ живетъ надеждами и иллюзіями; я долженъ былъ бы отказаться отъ нихъ, и навсегда. Предо мною открылось бы новое поприще — семейнаго счастія; правда, оно — самое прочное, но нелѣпо искать его почти въ началѣ жизненнаго пути: оно—удѣлъ зрѣлаго возраста, награда мореплавателю, когда послѣ долгихъ скитаній онъ возвращается въ гавань. Безъ сомнѣнія, никто болѣе меня не цѣнитъ этого спокойнаго существованія; мои склонности, мои размышленія—все влечетъ меня къ нему, и въ моихъ мечтахъ о счастіи и благоденствіи Тимофеевское всегда рисуется какъ фонъ картины, соблазняющей меня искать тамъ убѣжища отъ всѣхъ тяготъ жизни».

Ему можно повѣрить въ этомъ, но пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ онъ рѣшится войти въ гавань. Онъ не будетъ скитаться по бурному житейскому морю: всѣ эти годы онъ лѣниво-эпикурейски качается въ тихомъ

заливѣ подъ благословеннымъ небомъ Италіи, любя свой роскошный покой и вмѣстѣ тайно надѣясь, что авось-либо возникнетъ попутный вѣтеръ и понесетъ вдаль его легкій челнокъ. Такъ пройдетъ эта жизнь, незапятнанно и безплодно, одна изъ тѣхъ русскихъ барскихъ жизней, которыя однако безсознательно лелѣяли и накопляли въ себѣ красоту.

Варвара Николаевна въ концѣ 1832 г. вышла замужъ за Новосильскаго помѣщика, маіора Данилова, состоятельнаго господина 55 лѣтъ, и, по словамъ Вѣры Ивановны, изъ скромной дѣвушки оказалась замужемъ вѣтреною и мотовкой: «вотъ какъ можно въ дѣвушкахъ обмануться» [1].

За все это время братъ Николай повидимому ни разу не написалъ Сергѣю. Изрѣдка писала его жена, Екатерина Ѳедоровна, а ему самому было не до того. Ему приходилось—съ тяжелымъ сердцемъ, съ небольшими средствами, съ нелюбимой женою—начинать новую жизнь. Онъ съ отрочества не живалъ подолгу въ деревнѣ, не зналъ хозяйства, и до сихъ поръ всегда жилъ на готовыя деньги, сначала родительскія, потомъ казенныя; теперь надо было зарыться въ глушь и учиться самому добывать средства къ существованію.

Но Николай Ивановичъ былъ человѣкъ сильной воли и положительнаго ума. Какъ 15 лѣтъ назадъ онъ перемогъ потерю ноги и вернулся въ жизнь съ неумаленнымъ запасомъ жизненныхъ силъ, такъ и теперь, оправившись отъ перваго потрясенія, онъ сразу, безъ колебаній, дѣльно

---

[1] По семейному списку за 1846 годъ, хранящемуся въ архивѣ Орлов. Двор. Депут. Собранія, Варвара Николаевна значится уже вдовою, 45 лѣтъ, съ дочерью Маріей 12 лѣтъ; отъ мужа Варварѣ Николаевнѣ досталось имѣніе при с. Власовѣ Новосильск. у.

и увѣренно свернулъ на новый путь—составилъ себѣ опредѣленный планъ и принялся неутомимо его осуществлять.

Въ Любичахъ даже дома не было. Это село, на границѣ Саратовской губерніи, лежало въ голой степи; здѣсь почва неблагопріятна для растительности, и господствуетъ изсушающій саратовскій зной; кругомъ, по выраженію Анны Ивановны, на протяженіи сорока верстъ нечѣмъ было кошку высѣчь. Надо было строиться и дѣлать насажденія. Одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, Б. Д. Хвощинскій (дѣдъ Б. Н. Чичерина), предложилъ Кривцову гостепріимство у себя въ Уметѣ, въ трехъ верстахъ отъ Любичей. Вскорѣ, построивъ первый флигель въ Любичахъ, Николай Ивановичъ могъ перевезти туда свою семью, т.-е. жену и восьмилѣтнюю дочь. Послѣ этого началась стройка усадьбы. Былъ выстроенъ великолѣпный барскій домъ въ англійскомъ вкусѣ, со всѣми удобствами англійскаго комфорта, съ оранжереями и теплицами, съ изящной домашней часовней въ католическомъ стилѣ, что̀ стоило Кривцову немалой борьбы съ духовными властями; возникли прочныя надворныя постройки, каменный коттеджъ для причта; на холмѣ вблизи дома воздвиглась, опять по обычаю англійскихъ замковъ, высокая круглая башня съ развѣвающимся на ней флагомъ, предназначенная для гостей, а дальше, въ полѣ,—часовня-усыпальница. Кривцовъ привезъ изъ Пензы садовника-иностранца и съ его помощью разбилъ вокругъ дома обширный, прекрасный паркъ. Весь планъ, заранѣе тщательно разсчитанный, былъ приведенъ въ исполненіе съ неукоснительной послѣдовательностью, все было сдѣлано прочно и хорошо, словно и русскіе люди, и матеріалъ, и случайности дружно влегли въ оглобли, почувствовавъ твердую руку. Кривцовъ во все вникалъ самъ, всему учился; сосѣди не могли надивиться его практичности, его умѣнью все сдѣлать цѣлесообразно и со вкусомъ при наименьшей затратѣ.

Такъ меньше, чѣмъ въ два года, среди голой степи возникла прекрасная англо-русская усадьба, «уютный и просторный уголокъ, гдѣ можно было найти всѣ удобства и все изящество образованнаго быта» [1]. Здѣсь Кривцовъ провелъ остальныя пятнадцать лѣтъ своей жизни, только изрѣдка и не надолго отлучаясь въ Москву или Петербургъ, лично руководя хозяйствомъ во всѣхъ подробностяхъ, неустанно строя и улучшая. Домъ велся на англійскій манеръ—въ строгомъ порядкѣ и чистотѣ. Распредѣленіе дня было разъ навсегда установлено неизмѣнно. Безъ приказа или позволенія хозяина не смѣли стулъ сдвинуть съ мѣста. Кривцовъ вставалъ въ 7 часовъ, въ 10 плотно завтракалъ, потомъ садился въ таратайку, заложенную очередной лошадью, и объѣзжалъ поля и постройки; обѣдали по-англійски въ 6, ложились въ 12. Въ опредѣленный часъ являлся староста; для того, чтобы онъ не топталъ пушистыхъ ковровъ, которыми были обиты полы, было прорублено окошечко въ стѣнѣ, отдѣлявшей сѣни отъ кабинета, — чрезъ это окошечко староста докладывалъ о текущихъ дѣлахъ и принималъ распоряженія. Столъ сервировался по-англійски; въ погребѣ хранился запасъ хорошихъ иностранныхъ винъ, а ключъ отъ погреба Кривцовъ носилъ при себѣ, и, освѣдомившись о вкусахъ гостя, самъ выносилъ оттуда къ обѣду бутылку бордо, или рейнвейна, или шампанскаго. Къ обѣду дѣловой день кончался; вечеръ посвящался чтенію и бесѣдамъ.

Кривцовы нашли въ этомъ глухомъ углу вполнѣ достойный ихъ кругъ людей свѣтскихъ, образованныхъ и пріятныхъ: въ Уметѣ жили Чичерины, подальше — въ 15 верстахъ—въ Марѣ — Баратынскіе, еще дальше, уже въ Са-

---

[1] Б. Н. Чичеринъ, цитир. ст., стр. 506. Другія свѣдѣнія о Любичской жизни Н. И. Кривцова — въ цитир. ст. Я. И. Сабурова и въ „Старой записной книжкѣ“ П. А. Вяземскаго, Соч. т. VIII, стр. 266—268.

ратовской губерніи, кн. Григорій Сергѣевичъ Голицынъ. Этотъ небольшой кругъ былъ связанъ тѣсной дружбой какъ бы въ одну семью; «между Любичами, Уметомъ и Марою,—говоритъ Б. Н. Чичеринъ,—былъ почти ежедневный обмѣнъ, если не посѣщеній, то записокъ и посылокъ». У всѣхъ были связи съ столицахъ, оттуда сообщались политическія и литературныя новости, присылались новыя книги. «Послѣдній романъ Бальзака, недавно вышедшія лекціи Гизо, сочиненія Байрона, пересылались изъ Умета въ Любичи и изъ Любичей въ Мару. И все это при свиданіи становилось предметомъ оживленныхъ бесѣдъ». Наѣзжали въ Любичи и дальніе сосѣди—Я. Сабуровъ, Устиновъ и др., гостили Вяземскій и Н. Ф. Павловъ. Въ уѣздѣ уважали Кривцова, ѣздили къ нему за совѣтами и образцами, и мѣстныя власти питали къ нему почтеніе, граничившее со страхомъ. Свою единственную дочь Софью онъ любилъ страстно и много занимался ея воспитаніемъ. Отношенія его съ женою въ Любичахъ, повидимому, были ровнѣе прежняго: на это есть намекъ въ одномъ письмѣ Анны Ивановны къ Сергѣю. Но ей все-таки жилось трудно; холодность мужа, его угрюмое молчаніе, его безпощадный педантизмъ, которому все должно было подчиняться въ домѣ, превращали ея жизнь въ пытку. Она была очень дружна съ Екат. Васил. Чичериной, матерью Бориса Николаевича, своей ближайшей сосѣдкой; ея письма къ Чичериной сохранились: въ нихъ много невыплаканныхъ слезъ. Она училась владѣть собою и старалась таить свое горе, но подчасъ оно вырывалось наружу. Она часто говоритъ о своемъ одиночествѣ, а однажды не сдержалась — написала по-русски во французскомъ письмѣ: «Некому душу открыть, такъ и душитъ меня, горькую, а что — сама не знаю; не могу я жить безъ ласки и пріюта». Кривцовъ, выходя изъ-за стола послѣ обѣда, объявляетъ ей, что ве-

лѣлъ закладывать, чтобы ѣхать въ Тамбовъ,—такъ что она едва успѣваетъ написать Чичериной, жившей тогда въ Тамбовѣ, нѣсколько словъ. У нея нѣтъ своей воли, безъ разрѣшенія Кривцова она не можетъ отлучиться изъ дому на нѣсколько часовъ. Она прибѣгаетъ къ маленькимъ хитростямъ, чтобы угодить ему. Она была въ Тамбовѣ, и по уговору должна была вернуться 3-го; она знала, что онъ будетъ ждать ее только въ ночь съ 3-го на 4-ое, и вотъ она устраиваетъ такъ, чтобы пріѣхать 3-го къ обѣду: онъ не любитъ, чтобы она была въ отсутствіи. Разсказавъ объ этомъ (и объ «улыбкѣ на его толстомъ лицѣ», которою она была вознаграждена за свою хитрость), она поясняетъ: «Вы знаете, что я рѣдко имѣю случай поступать по своей волѣ; поэтому, когда такой случай представляется мнѣ, я стараюсь показать, что подчиняюсь по своей волѣ, а не изъ страха. Когда жизнь скупа на счастье, надо пользоваться малѣйшими возможностями, чтобы уменьшить ея горечь. Счастливы тѣ, кто не нуждается въ этомъ искусствѣ!» Пассія Кривцова, Горсткина, обѣщала пріѣхать изъ Пензы погостить. По мѣрѣ того, какъ приближался срокъ ея пріѣзда, настроеніе Кривцова свѣтлѣло; Екатерина Ѳедоровна пользуется и этимъ: «Какъ онъ только нахмурится, я будто нечаянно и скажу: Елиз. Григ., кажется, хотѣла пріѣхать прежде 19-го; или: она обѣщала, кажется, здѣсь дней десять прожить». Другой разъ она съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія изъ Петербурга, мечтая съѣздить къ своему другу Чичериной въ Тамбовъ; но онъ, вернувшись, тотчасъ собрался ѣхать въ Пензу къ Горсткинымъ и «можетъ быть, потому, что долго не видѣлъ насъ», пишетъ Екат. Ѳед., предложилъ ей (женѣ) ѣхать съ нимъ; а она была больна, и дороги были отвратительны, да и какой видъ имѣлъ бы ея визитъ къ Горсткиной? Она обо всемъ промолчала и отговорилась только дурнымъ состоя-

ніемъ дорогъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ она лишила себя права проситься въ Тамбовъ. Суровое и, вѣроятно, презрительное обращеніе Кривцова сдѣлало ее робкою и съ другими; она чувствуетъ себя некрасивою, неумѣлою, никому не нужною; она убѣждена, что ея общество никому не можетъ быть интересно,—и когда кто-нибудь изъ гостей случайно обнаружитъ къ ней не-банальное вниманіе,—это ее трогаетъ и удивляетъ. Такъ, однажды ее замѣтилъ Е. А. Баратынскій, поэтъ. Это произошло въ 1833 году, когда она уже года четыре жила въ сосѣдствѣ Баратынскихъ; она часто бывала у нихъ, еще чаще принимала ихъ у себя, была дружна съ однимъ изъ братьевъ поэта и съ дамами, въ томъ числѣ съ его женою; характерно, что онъ такъ долго не замѣчалъ ея, и характерно, какъ она разсказываетъ этотъ случай. Къ обѣду съѣхалось у Кривцовыхъ много людей, въ томъ числѣ всѣ три брата Баратынскіе. Поэтъ почему-то былъ особенно ласковъ съ нею, за обѣдомъ сѣлъ возлѣ нея и много говорилъ съ нею, «такъ просто и естественно, что я не только не была запугана его превосходствомъ, но, напротивъ, чувствовала себя ободренной»; послѣ обѣда она пѣла съ однимъ изъ его братьевъ, и онъ былъ все такъ же ласковъ и не отходилъ отъ рояля, а уѣзжая на слѣдующій день, онъ сказалъ ей, что сдѣлалъ здѣсь очень пріятное знакомство, благодаря которому пріятно провелъ день.

XII.

У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.

Пушкинъ.

Сергѣй Ивановичъ прибылъ въ Минусинскъ около 15 іюля (1829 г.). Здѣсь уже до него былъ поселенъ по просьбѣ родныхъ декабристъ восьмого разряда, сосланный первоначально въ Якутскъ, Семенъ Григорьевичъ Краснокутскій, бывшій оберъ-прокуроръ сената, дѣйств. стат. совѣтникъ, уже не молодой, болѣзненный человѣкъ. У него и поселился Кривцовъ, принятый имъ, какъ родной. Краснокутскій былъ холостъ, съ нимъ жила его старая тетка. Кривцовъ писалъ о немъ, что онъ пользуется общимъ уваженіемъ за кротость, ровность характера и мужество, съ которымъ онъ переноситъ свои страданія. То же самое говоритъ о Краснокутскомъ въ своихъ запискахъ А. Е. Розенъ.

Ровный, прекрасный климатъ Минусинска, гдѣ вызрѣваютъ даже дыни, арбузы и табакъ, на всякаго дѣйствуетъ благотворно,—а Кривцовъ пріѣхалъ сюда изъ Туруханска, да еще въ разгаръ лѣта. Не удивительно, что онъ въ короткое время ожилъ тѣломъ и душою. Его письма дышатъ довольствомъ, почти счастьемъ. Первымъ дѣломъ онъ завелъ себѣ лошадь, полудикую, которую объѣздилъ и приручилъ. Весь день онъ копается въ саду и на огородѣ, поливаетъ цвѣты и овощи, кормитъ куръ, гусей и индѣекъ,

ѣздитъ верхомъ, а вечеромъ гуляетъ, исхаживая верстъ по десяти; туруханская безсонница давно оставила его, здоровье значительно поправилось. Минусинскъ только года за четыре передъ тѣмъ былъ переименованъ въ городъ изъ села Минусы. Онъ и теперь представлялъ собою большую деревню. Въ немъ было съ десятокъ улицъ, застроенныхъ невысокими, опрятными деревянными домиками, красивая каменная церковь, гостиный дворъ съ колоннами, присутственныя мѣста. Жизнь въ Минусинскѣ шла мирная и спокойная. Интеллигенцію составляли чиновники — окружной начальникъ, городничій, исправникъ, докторъ и др., большею частью, повидимому, хорошіе, добрые люди, радушно принявшіе въ свою среду ссыльныхъ декабристовъ; жили дружно и весело, устраивали вечеринки, обѣды, пикники. Декабристъ А. П. Бѣляевъ подробно описалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» тогдашній бытъ и общество Минусинска. Тотъ самый окружный начальникъ—высшая мѣстная власть—Александръ Кузьмичъ Кузминъ, добрѣйшая душа и вполнѣ культурный человѣкъ, у котораго, по словамъ Бѣляева, каждый вечеръ собирались на бостонъ и ужинъ мѣстные интеллигенты, сталъ задушевнымъ другомъ С. И. Кривцова.

Жили они съ Краснокутскимъ очень комфортабельно—домъ былъ просторный и красивый, 5 человѣкъ прислуги, обѣдъ изъ пяти блюдъ. За лѣто Кривцовъ окрѣпъ, зима прошла легко и пріятно, а съ весны онъ снова занялся хозяйствомъ по саду и огороду. 26 августа 1830 года онъ пишетъ: «Теперь солю огурцы, грибы, наливаю наливку, и пр., и пр., и вообще исправляю должность домовитой хозяйки». А въ эти самые дни въ Тимофеевскомъ совершилось необыкновенное, неожиданное событіе: Анна Ивановна, наконецъ, рѣшилась отдать руку и сердце своему троюродному брату Ивану Николаевичу Кирѣевскому, который уже лѣтъ десять вздыхалъ по ней. Сообщая объ

этомъ брату, она писала, что ей смѣшно подумать о своей свадьбѣ, но она всесторонне обдумала свое рѣшеніе, Jean— хорошій человѣкъ и любитъ ее, а главное—онъ клятвенно обѣщалъ не только не препятствовать ея поѣздкѣ въ Сибирь, въ случаѣ, если Сергѣй заболѣетъ, но даже сопровождать ее туда. Свадьба состоялась въ октябрѣ. Это было большой радостью для Вѣры Ивановны. Кирѣевскаго она знала съ его дѣтства, и любила. Молодые зажили въ Писаницѣ, и Вѣра Ивановна съ ними. Старушка была рада и за дочь, и за себя: «А то она (т.-е. Анна) съ угрюмымъ своимъ нравомъ меня бы свела съ ума и сама сошла, чего я навѣрное ожидала. Но теперь мой любезный Ванюшка совершенно насъ оживилъ. У насъ теперь въ домѣ видно и слышно, что есть живые люди въ немъ, а прежде было совершенное подземелье мадамъ Радклифъ, и не проходило дня, чтобы я не плакала. Меня увѣряли, что я въ ипохондріи, что же мудренаго: довольно мнѣ грусти и настоящей, а тутъ еще прибавляютъ молчаніемъ, какъ рыбы въ водѣ, такъ поневолѣ будешь въ ипохондріи. Отчего же я теперь только и плачу предъ Господомъ, молю его о васъ, мои милые друзья, а больше никогда, ибо, пришедши изъ своей кельи, вижу лица покойныя; тотъ скажетъ слово, другой скажетъ, вотъ и пошло все ладно». А по вечерамъ, пишетъ она, читаемъ вслухъ по очереди, въ томъ числѣ и я на старости. «У насъ до сихъ поръ не было пути (это писано въ началѣ декабря), но мы это время провели въ своей семьѣ, право, безъ скуки. Истинно, мой другъ, ничто не можетъ быть пріятнѣе, какъ согласіе въ семействѣ. Молю Бога, чтобы таковая наша жизнь навсегда продолжилась».

Сергѣй Ивановичъ прожилъ въ Минусинскѣ два года съ лишнимъ. Въ сентябрѣ 1831 года ему пришлось разстаться съ Краснокутскимъ: послѣднему разрѣшено было

ѣхать на воды въ Иркутскую губернію. Эта разлука была очень тяжела Кривцову; «надѣюсь,—пишетъ онъ,—что Всевышній по благости своей весною насъ опять соединитъ, и что путешествіе сіе принесетъ ему желаемую пользу». Краснокутскій не доѣхалъ до водъ: нездоровье задержало его въ Красноярскѣ, гдѣ онъ остался надолго. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Розенъ видѣлъ его уже парализованнымъ, тѣнью человѣка; только въ 1841 году смерть освободила его отъ тяжкихъ страданій.

Кривцовъ недолго прожилъ одинъ въ Минусинскѣ. 15-мъ ноября 1831 г. помѣчены сохранившіеся въ его бумагахъ шутливые стихи «На отъѣздъ въ Грузію Сергѣю Ивановичу Кривцову отъ А. Кузмина». Онъ былъ переведенъ рядовымъ на Кавказъ опять по ходатайству матери передъ императрицей. 22 сентября ген. Потаповъ извѣщалъ Вѣру Ивановну, что Государь Императоръ, снисходя на ея просьбу, по свойственному его величеству милосердію, всемилостивѣйше повелѣлъ опредѣлить Сергѣя Кривцова въ 44-й егерскій полкъ, состоящій въ Кавказскомъ корпусѣ, «въ надеждѣ, что онъ въ полной мѣрѣ восчувствуетъ сію Монаршую милость и потщится оправдать оную своею усердною службою и безукоризненнымъ поведеніемъ». Вѣра Ивановна просила еще, чтобы Сергѣю дозволено было по пути на новое мѣсто заѣхать къ ней, дабы принять ея благословеніе; но на это въ письмѣ Потапова не было отвѣта. Послѣ отъѣзда Кривцова изъ Минусинска, Кузминъ занялъ тотъ домъ, гдѣ жили Кривцовъ и Краснокутскій. Много лѣтъ спустя Кривцовъ вспоминалъ, какъ онъ стяжалъ благодарность минусинцевъ, построивъ на свой счетъ мостъ черезъ рѣку, стоимостью въ 20 рублей серебромъ; раньше моста не было, и телѣги не могли переѣзжать на другую сторону, а пѣшеходы съ рискомъ перебирались по

трясущимся доскамъ [1]. Другимъ вещественнымъ памятникомъ его пребыванія въ Минусинскѣ была нѣмецкая надпись на вывѣскѣ портного Трофима: Trofim Dieb, коварно предложенная имъ и самодовольно принятая владѣльцемъ, какъ точный переводъ русскихъ словъ: «Трофимъ портной» [2].

По зимнему пути Сергѣй Ивановичъ сравнительно быстро, меньше чѣмъ въ два мѣсяца, проѣхалъ безконечное пространство отъ Минусинска до Астрахани. Отсюда путь къ Тифлису былъ труденъ; читая его письма съ этой дороги, живо вспоминаются Лермонтовскіе «Тамань» и «Максимъ Максимычъ». Уже на самой Линіи миролюбивому Кривцову заткнули за поясъ огромный кинжалъ и надѣли шашку чрезъ плечо: тутъ и днемъ нельзя было ѣхать безъ оружія, а ночью никто не пускался въ путь. Отъ Екатериноград двинулись уже караваномъ подъ прикрытіемъ значительнаго конвоя и двухъ орудій. Въ Редутъ-Кале Кривцовъ застрялъ почти на два мѣсяца: море было бурно, судна не ходили; онъ сильно скучалъ въ грязномъ мѣстечкѣ, просилъ отправить его сухимъ путемъ, но въ этомъ ему отказали, такъ какъ дорога была неспокойна. Добравшись, наконецъ, до Гагръ, гдѣ стоялъ его батальонъ, онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и пролежалъ мѣсяцъ. Для поправки его перевели въ полковую штабъ-квартиру, въ Бамборы (въ Абхазіи); здѣсь, едва оправившись, онъ въ августѣ схватилъ желчную лихорадку, снова пролежалъ три недѣли, и еще долго послѣ этого лихорадка періодически возвращалась къ нему. Ближайшіе два года онъ провелъ въ бездѣйствіи, живя то въ Сухумѣ, то въ Бамборахъ, гдѣ обзавелся даже собственнымъ домикомъ въ двѣ комнаты

---

[1] „Изъ дневника В. А. Муханова, 1856 г.“, Рус. Арх., 1896 г., кн. 10, стр. 167.

[2] „Воспоминанія“ А. Бѣляева. СПБ., 1882, стр. 284.

съ кухней и террасой. Эта праздность угнетала его; не участвуя въ экспедиціяхъ, онъ лишался надежды на производство, а производство было для него единственнымъ путемъ къ освобожденію. Здоровье его было не важно, онъ очень постарѣлъ за эти годы. Большой радостью былъ для него пріѣздъ крѣпостного человѣка, присланнаго къ нему родными для услугъ: это была первая живая вѣсть отъ нихъ со времени разлуки. Лѣтомъ 1833 г. получилъ онъ изъ Моздока первое послѣ Сибири письмо отъ Захара Чернышева, который писалъ ему о своемъ производствѣ въ офицеры, о предстоящей своей поѣздкѣ въ отпускъ къ отцу—и о смерти своей сестры, Александры Григорьевны Муравьевой.

Кривцовъ съ самаго начала горевалъ о томъ, что опредѣленъ не въ артиллерію, такъ какъ этотъ родъ службы былъ ему всего болѣе знакомъ; и мать уже давно хлопотала о переводѣ его въ артиллерію. Дѣйствительно, по ея ходатайству Кривцовъ въ половинѣ 1834 года былъ переведенъ въ 20-ю артиллерійскую бригаду, стоявшую на Линіи; это перемѣщеніе ставило его въ центръ военныхъ дѣйствій и открывало ему дорогу къ офицерству. Онъ писалъ матери, получивъ извѣстіе о своемъ переводѣ: «Я не въ силахъ выразить вамъ, почтеннѣйшая матушка, тѣ чувства, которыя теперь тѣснятся въ груди моей. Безнадежность, покрывавшая мою будущность непроницаемымъ мракомъ, вдругъ исчезла, и въ первый разъ въ теченіе 9 лѣтъ какой-то внутренній голосъ шепчетъ мнѣ, что мы увидимся!» Въ Ставрополѣ, гдѣ стояла его новая бригада, его ждала новая радость: дочь его сестры Варвары Ивановны, Софья, только что вышла замужъ за М. Н. Бибикова, служившаго тоже въ Кавказскихъ войскахъ, и именно въ Ставрополѣ, адъютантомъ у ген. Вельяминова. Въ домѣ молодыхъ Бибиковыхъ Сергѣй Ивановичъ нашелъ родной

пріютъ на всѣ остальные годы своей кавказской службы. А въ Бамборы чрезъ нѣсколько дней по его отъѣздѣ ночью ворвалась толпа черкесъ и вырѣзала какъ разъ ту часть базара, гдѣ находился его домъ; ему бы не миновать было здѣсь смерти.

Отнынѣ началась для него дѣятельная военная жизнь— участіе въ безчисленныхъ мелкихъ экспедиціяхъ, стычкахъ съ шапсугами, фуражировкахъ и пр., преимущественно на пространствѣ отъ Ольгинскаго тетъ-де-понта до Геленджика и Абинска. Онъ многократно подвергался опасности, подъ нимъ убивали коня, онъ получилъ Георгія, ему вмѣстѣ съ прочими нижними чинами за одну изъ экспедицій было высочайше пожаловано два фунта говядины, двѣ чарки вина и два рубля ассигнаціями; наконецъ осенью 1835 года онъ былъ произведенъ въ фейерверкеры, т.-е. въ унтеръ-офицеры, а въ концѣ этого года Бибиковы, съѣздивъ въ Россію, осчастливили Вѣру Ивановну живымъ привѣтомъ отъ Сергѣя и разсказами о немъ. Въ промежутки между экспедиціями Сергѣй Ивановичъ подолгу гостилъ у Бибиковыхъ въ Ставрополѣ или жилъ въ Екатеринодарѣ.

Два года продолжалась его боевая жизнь. Уже четыре года жилъ онъ на Кавказѣ, и за все это время ни Николай Ивановичъ, ни Павелъ, нѣсколько разъ пріѣзжавшій въ Россію, ни даже сестра Анна, не навѣстили его. Вѣрѣ Ивановнѣ такое путешествіе и подавно было не подъ силу.

Ей шелъ седьмой десятокъ; проведя всю жизнь въ Болховскомъ уѣздѣ, она боялась дальнихъ поѣздокъ, и даже къ Николаю въ Любичи не рѣшалась съѣздить. Но въ привычномъ кругу, на знакомой территоріи, она была весьма подвижна. Изъ дѣтей въ эти годы жили здѣсь: Анна Ивановна съ мужемъ въ Писаницѣ, Софья Лаврова въ Елецкомъ уѣздѣ и Лиза Сомова въ Одоевскомъ; четвертая

дочь, Варвара Хитрово, жила въ Петербургѣ, гдѣ ея мужъ служилъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ — фуражмейстеромъ. Лавровъ былъ Елецкимъ предводителемъ; бездѣтная Софья, младшая въ семьѣ, веселая, открытая натура и умница, жила беззаботно, плясала и наряжалась. Полную противоположность ей составляла многодѣтная небогатая вдова Лиза, вѣчно озабоченная хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Къ ней мать чувствовала особенную жалость и уваженіе. Въ 1833—34 гг., впрочемъ, и Лизѣ жилось уже легче: дѣти подросли и были размѣщены по разнымъ столичнымъ учебнымъ заведеніямъ, частью на казенный счетъ, частью на средства сестеръ; при ней въ деревнѣ оставалась только одна 10-лѣтняя дочь.

Дочери горячо любили Вѣру Ивановну, всячески заботились о ея покоѣ, часто наѣзжали къ ней. Вѣра Ивановна старалась не обидѣть никого изъ дочерей и ежегодно гостила у всѣхъ, а когда Лизинъ домъ опустѣлъ, она считала нужнымъ подольше гостить у Лизы, чтобы раздѣлить ея скуку. Съ годами Вѣра Ивановна привыкла къ этимъ разъѣздамъ—они развлекали ее; поживъ долго въ одномъ мѣстѣ, она теряла свое обычное равновѣсіе и опять начинала много плакать о Сергѣѣ. «Матушка совсѣмъ не измѣнилась», пишетъ Софья, «только не такая уже охотница шлёндать изъ комнаты въ комнатȣ, какъ прежде; впрочемъ, она очень благоразумна, и я очень довольна: съ тѣхъ поръ какъ она у меня, она совсѣмъ не плачетъ. Боюсь осени, пойдутъ дожди, не вздумала бы и она туда-же (т. е. «рюмить»)... Ну что-то Богъ дастъ, авось забудетъ; я ее чѣмъ-нибудь загодя позайму, анъ она и не увидитъ, какъ пройдетъ слякоть, а по зимѣ ей будетъ некогда—я повезу ее къ Аннѣ». Ея постоянной квартирой была все-таки Писаница: здѣсь она жила больше всего. Мужъ Анны, Иванъ Николаевичъ, холилъ ее съ сынов-

ней нѣжностью, да и строгая Анна въ сущности обожала мать. Въ 1833 году въ Писаницѣ былъ построенъ, въ немногихъ шагахъ отъ большого дома, крошечный флигелекъ для Вѣры Ивановны, всего изъ трехъ комнатъ: спальная, гостиная и дѣвичья. Здѣсь большую часть года и жила старушка, молилась Богу, вязала чулки, писала письма Сергѣю. Она была довольна своей жизнью, благодарила Бога за свой покой и за доброту къ ней Анны и ея мужа. Здоровье ея было хорошее, хотя она и дряхлѣла; только изрѣдка нападала на нее модная тогда болѣзнь— грипп, или «грибъ», какъ она писала. Обычное свое состояніе она изображала такъ: «Когда и солнце свѣтитъ, а мнѣ все кажется пасмурно»; однако случалось, она приходила и въ хорошее настроеніе, играла въ карты по вечерамъ со своими, и т. п. Такъ, въ апрѣлѣ 1833 года она описываетъ Сергѣю, какъ она «совсѣмъ развратилась»: «У насъ есть сосѣдка, старушка такая-же, какъ я; она любитъ читать романы или, лучше сказать, ей читаютъ, ибо она не видитъ; и вышелъ новый романъ Семейство Холмскихъ, она его и и прислала Аннѣ читать, и я на Святой недѣлѣ, не хотѣлось вязать чулокъ, и взяла его посмотрѣть, и мнѣ онъ показался, такъ что весь прочла, чего я и не помню когда дѣлала, и вдобавокъ обметала городочками себѣ оборочку на косыночку. Такъ видишь ли, мой другъ, какъ твоя матушка дурачится на старости. Однакоже, мой другъ, не очень этимъ огорчись, я вѣдь опять принялась за прежнюю свою работу, т.-е. за чулокъ, а я рада буду, что ты, читавши мое занятіе, улыбнешься свободно». Въ это самое время другая такая же старушка, тетка Чаадаева, княжна Анна Михайловна Щербатова, тоже у себя въ деревнѣ вязала чулокъ или коврикъ, и Анетка читала ей то-же «Семейство Холмскихъ», взятое у сосѣдей: «не можешь себѣ представить, какъ интересно, а кто ав-

торъ, неизвѣстно».—На именины Вѣры Ивановны съѣзжались въ Писканицу Софья съ мужемъ и Лиза, и многочисленные сосѣди пріѣзжали поздравлять, кто днемъ, а кто и вечеромъ, потому что въ округѣ было много именинницъ въ этотъ день—надо было ко всѣмъ поспѣть. И она сама ѣздитъ въ гости, хотя больше по случаю. Братъ ея, Дмитрій Ивановичъ Карповъ, былъ несчастливъ въ супружествѣ, но, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ ума самодовольно-ограниченнаго, долго не замѣчалъ своего несчастія; въ Вязовомъ балы смѣнялись праздниками, гости-сосѣди заживались по недѣлямъ, было людно, шумно и весело; а дородная Марья Михайловна по́ходя наставляла рога супругу, и имѣніе таяло съ необыкновенной быстротой. Наконецъ въ 1834 году плотина прорвалась: что-то случилось, Дмитрій Ивановичъ узналъ, и заболѣлъ, какъ видно, серьезнымъ нервнымъ разстройствомъ. Тутъ Вѣра Ивановна довольно долго прожила у него. Онъ вдругъ все сообразилъ: что съ его женою не дружитъ ни одна порядочная женщина въ уѣздѣ, что дѣвочки уже на возрастѣ и надо ихъ учить, а имѣніе разорено и нельзя переѣхать въ Москву для ихъ воспитанія, и т. д. Но этотъ пароксизмъ прошелъ скоро; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ все вошло въ колею, Дмитрій Ивановичъ опять сталъ здоровъ и веселъ,—однако не надолго: года полтора спустя Вѣра Ивановна сообщала Сергѣю, что Дм. Ив. въ Москвѣ разводится съ женою, чего уже давно надо было ожидать по ея безпутству, ибо уже съ годъ поговаривали, что она живетъ съ другимъ; она и обѣихъ дочерей увезла съ собою, но онъ ихъ чрезъ начальство отнялъ. «Мнѣ», пишетъ она, «его и жаль, и не жаль: самъ причиной; взялъ дѣвченку отъ безпутной матери, далъ волю летать одной гдѣ хочетъ, а когда бывали въ Москвѣ, самого его заря выгонитъ, а другая вгонитъ; всякой день на игрѣ, а она одна да одна,—и зачала искать

другихъ мужьевъ; тѣмъ и кончилось. Онъ будетъ изъ Москвы на будущей недѣлѣ; авось одумается и перестанетъ такъ безпутно играть. Прошедшій годъ онъ на 300,000 продалъ имѣнья и все-то это пошло на карты и на ея распутство. Поднялъ бы покойнаго батюшку, онъ бы у него спросилъ: куда ты мое имѣніе и деньги дѣвалъ? и узнавши, славно бы отодралъ плетьми; истинно того стоитъ; глупому сыну не въ помощь богатство».—Въ февралѣ 1835 года Вѣра Ивановна съѣздила дня на два къ Елизаветѣ Петровнѣ Тургеневой. Это была une visite de condoléance: въ октябрѣ предшествующаго года умеръ сынъ Елизаветы Петровны, Сергѣй Николаевичъ, отецъ 17-ти лѣтняго тогда будущаго автора «Записокъ охотника». Павелъ Кривцовъ какъ-разъ былъ въ Петербургѣ и писалъ оттуда матери (3 ноября 1834 г.): «Несчастный Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ кончилъ жизнь прошедшій вторникъ послѣ трехдневныхъ ужасныхъ мученій. Дѣти остались на рукахъ у Николая Николаевича, который къ счастію пріѣхалъ съ мѣсяцъ тому назадъ. Варвара Петровна путешествуетъ по Италіи и не знаетъ о своемъ несчастіи». Вѣра Ивановна очень жалѣла о Сергѣѣ Николаевичѣ: «былъ хорошій отецъ и добрый сынъ»,—а Варвару Петровну рѣзко осуждала: ѣздила-де въ чужіе края лечиться, а отъ чего? я думаю, отъ толщины. Варвару Петровну, только-что вернувшуюся изъ-за границы, она застала у ея свекрови. «У Тургеневой Елизаветы Петровны я была» пишетъ Вѣра Ивановна Сергѣю. «Она ужасно убита горестью по сынѣ, а неутѣшная вдова все такая же чудиха и нимало не огорчена; навезла пропасть нарядовъ изъ чужихъ краевъ и наряжается. Она при мнѣ поѣхала въ Петербургъ къ дѣтямъ и при прощаньи просила написать отъ нея къ Павлу и къ тебѣ, но, назвавши тебя, вдругъ говоритъ: ахъ, нѣтъ, къ нему я сама буду

писать.—Мнѣ такъ на нее дуру стало досадно, что мнѣ хотѣлось ее ударить. Въ 50 лѣтъ баба и съ этакой гадкой рожей думаетъ, что она очень интересна, и меня-то увѣряетъ, что ты въ нее влюбленъ, въ этакую чучелу. Я истинно удивляюсь, какъ человѣкъ можетъ быть въ такомъ заблужденіи».

О братьяхъ Сергѣй Ивановичъ узналъ изъ писемъ матери и сестеръ; сами они почти не писали къ нему. Павелъ продолжалъ свою не-блестящую службу и пріятную жизнь въ Римѣ. Восемь лѣтъ съ лишнимъ пробылъ онъ вторымъ секретаремъ на ничтожномъ жалованьи, проѣдая доходы съ Тимофеевскаго; только въ концѣ 1834 года, съѣздивъ передъ тѣмъ въ Россію и, очевидно, нажавъ тамъ соотвѣтствующія пружины, онъ получилъ наконецъ званіе перваго секретаря съ содержаніемъ въ 12.000 руб. ассигн. Матери очень хотѣлось, чтобы онъ женился; да онъ и самъ полушутя писалъ ей, что не прочь бы жениться, и просилъ пріискать хорошую невѣсту.

Николай Ивановичъ, проживъ въ Любичахъ четыре года почти безвыѣздно, въ 1832 году неожиданно снова вступилъ въ службу. Соскучился ли онъ въ деревнѣ и захотѣлъ опять власти и широкой дѣятельности, или думалъ поправить свои дѣла казеннымъ жалованьемъ, неизвѣстно. Его матеріальное положеніе было во всякомъ случаѣ не блистательно, судя по тому, что онъ долженъ былъ допустить продажу съ торговъ за долгъ части имѣнія Сергѣя, фиктивно перешедшей въ его собственность[1]. Въ 1832 году министромъ внутреннихъ дѣлъ сдѣлался Д. Н. Блудовъ, его давнишній пріятель и сослуживецъ по Лондону; этимъ моментомъ онъ и воспользовался. Онъ подалъ прошеніе, Блудовъ представилъ царю докладную записку,—по

[1] Въ Любичахъ было 2642 десятины земли и 528 душъ, изъ коихъ 438 были заложены по 250 р. въ Моск. Опек. Совѣтѣ.

Николай былъ памятливъ: онъ дозволилъ Кривцову вступить снова въ службу, но съ тѣмъ, чтобы его оставили «на испытаніе» при министерствѣ [1]. Кривцовъ не этого ждалъ; 8-го августа состоялось его оскорбительное назначеніе, а 9-го онъ подалъ Блудову прошеніе: «Пріемля съ чувствомъ живѣйшей благодарности исходатайствованную мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ милость и готовясь оправдать усердною службою снова обращаемое на меня Монаршее вниманіе», онъ просилъ отпуска для устройства своихъ личныхъ дѣлъ. Отпускъ ему дали, на четыре мѣсяца. Конецъ зимы онъ провелъ въ Петербургѣ, а въ мартѣ опять взялъ отпускъ, и такъ продолжалось все время: онъ почти безпрерывно былъ въ отпуску, т. е. жилъ въ Любичахъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ мѣсяцевъ въ году, когда по своему желанію наѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ числился чиновникомъ особенныхъ порученій при министрѣ внутр. дѣлъ, безъ жалованья. Блудовъ назначилъ его членомъ Комиссіи для производства торговъ по медицинскому департаменту, и на протяженіи трехъ лѣтъ два или три раза давалъ ему краткосрочныя порученія въ Тамбовскую, Саратовскую и другія губерніи для разслѣдованія какихъ-то дѣлъ по торгамъ. Все это была одна видимость службы. По словамъ Сабурова, Николай Ивановичъ просилъ саратовскаго губернаторства — ему предлагали вятское, но вятскаго онъ не хотѣлъ. Зато онъ успѣлъ въ другомъ дѣлѣ: осенью 1833 года онъ, конечно чрезъ Блудова, выхлопоталъ себѣ возобновленіе аренды, отнятой пять лѣтъ назадъ; 29 сентября этого года было всемилостивѣйше повелѣно: вмѣсто продолженія срока на по-

[1] Всѣ свѣдѣнія о службѣ Кривцова въ 1832—36 гг., какъ и приводимый ниже текстъ прошенія, заимствованы изъ подлиннаго дѣла „О причисленіи къ Министерству Вн. Д. ст. сов. Кривцова“, хранящагося въ Архивѣ Мин. Вн. Д., Деп—тъ Общихъ Дѣлъ, 2-го Отд., по 3-му столу, за № 84, на 111 листахъ.

жалованную ему въ 1821 году аренду, производить ему, не въ примѣръ другимъ, изъ государственнаго казначейства въ теченіе двѣнадцати лѣтъ по 3000 руб. серебромъ ежегодно [1].

Но должности онъ такъ и не получилъ. Видя, что изъ службы ничего не выйдетъ, онъ, въ ноябрѣ 1835 года, наконецъ подалъ въ отставку. Это прошеніе объ отставкѣ, посланное имъ изъ Любичей на имя Блудова,—единственный въ своемъ родѣ документъ; едва ли еще когда-нибудь на гербовой бумагѣ съ двухглавымъ орломъ и штемпелемъ: «цѣна два рубли» писались строки въ такомъ тонѣ. Послѣ обычныхъ заголовковъ—такому-то отъ такого-то Прошеніе — слѣдуетъ саркастическій эпиграфъ, два стиха изъ Персія:

> Publica lex hominum naturaeque continet hoc fas,
> Ut teneat vetitos inscitia debilis actus.

Затѣмъ начинается прошеніе: «За три съ половиною года предъ симъ, когда по милостивому ходатайству Вашего Превосходительства, Государю Императору благоугодно было причислить меня къ Министерству внутреннихъ дѣлъ, я надѣялся долго еще посвящать время и труды мои на службу Августѣйшему Монарху нашему съ тою же безпредѣльною преданностью и съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ, которыя ознаменовали поприще прежняго 20-тилѣтняго моего служенія. Я сдѣлалъ, что могъ, Отечество не можетъ упрекнуть меня, я всегда былъ готовъ служить ему, сохраняя достоинство своего характера, и доказалъ это, ежели не блистательными подвигами, то ревностнымъ исполненіемъ въ строгомъ смыслѣ священныхъ обязанностей Русскаго Дворянина-вѣрноподданнаго. Ежели не сдѣлалъ болѣе и лучше, въ томъ виноватъ не я». — Теперь за болѣзнью онъ

[1] См. также „Остаф. арх.“ III, стр. 256.

просилъ отставки съ полной пенсіей и съ сохраненіемъ придворнаго вицъ-мундира.

Кое-что онъ сохранилъ отъ времени своего парижскаго дневника. Какъ тогда, такъ и теперь онъ чувствовалъ себя предъ лицомъ правительства не безличнымъ орудіемъ, а личностью, и требовалъ, чтобы съ нимъ считались, какъ съ самостоятельной силой; онъ не допускалъ и мысли, чтобы правительство, облекая человѣка властью, вмѣстѣ съ тѣмъ стирало, поглощало его личность и превращало Иванова въ коллежскаго совѣтника («нашъ коллежскій совѣтникъ такой-то», какъ писалось раньше въ указахъ); и теперь, уходя, онъ — какъ лицо лицу, какъ равный равному,— высказалъ правительству свою обиду: я хотѣлъ служить тебѣ, ты пренебрегъ мною, и я ухожу.

Въ эти годы, часто наѣзжая въ Петербургъ, онъ безъ сомнѣнія видался съ Пушкинымъ. Поэтъ и раньше не забывалъ его: въ 1831 году онъ прислалъ Кривцову экземпляръ «Бориса Годунова» съ дружескимъ, задушевнымъ письмомъ [1]. Пять лѣтъ спустя Николай Ивановичъ въ одномъ письмѣ съ такой же грустью повторитъ въ примѣненіи къ себѣ французскую поговорку, которую привелъ Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ нему: il n'y a de répit que dans les voies communes. Правда, Пушкинъ писалъ: de bonheur... [2].

Немногія письма, написанныя Николаемъ Ивановичемъ Сергѣю за эти долгіе годы разлуки, очень замѣчательны.

---

1 „Переписка“ А. С. Пушкина, п. ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 222, отъ 10 февраля 1831 г.

2 Павелъ Кривцовъ былъ тоже знакомъ съ Пушкинымъ. 17/29 апрѣля 1837 года онъ писалъ А. И. Тургеневу изъ Рима (по-франц.): „Смерть Пушкина была для меня очень чувствительна; мы были такъ давно знакомы, и онъ всегда былъ такъ добръ ко мнѣ, что эта потеря, помимо національнаго чувства, заставившаго меня оплакивать смерть нашего единственнаго поэта во цвѣтѣ лѣтъ, была для меня настоящей скорбью“ (рукоп. письмо въ Тургеп. архивѣ).

Странное дѣло: въ нихъ много сходнаго съ тѣмъ письмомъ Пушкина; тотъ же грустный опытъ и отреченіе, но вмѣстѣ и обаятельная широта чувства и самосознаніе зрѣлой силы—и все вмѣстѣ обвѣяно поэзіей осени, красотою еще полнаго жизни, но уже клонящагося къ увяданію ландшафта.

«9 лѣтъ, какъ мы разстались», писалъ онъ брату въ февралѣ 1835 года,—«и какъ разстались! Я молчалъ; но мысленно слѣдовалъ за тобою и въ Петропавловскую крѣпость, и въ Читу, и въ Туруханскъ, и въ Минусинскъ, и на высоты Кавказа. Прошедшее тѣснится въ умѣ, роится около сердца, сжимаетъ его, и перо цѣпенѣетъ въ рукѣ. О чемъ бесѣдовать съ тобою? увѣрять ли въ дружбѣ моей, изъявлять ли участіе къ твоимъ несчастіямъ? Но или ты не усомнился въ оныхъ, или оные покажутся притворными. Описывать ли мои собственныя приключенія, мысли, опыты, надежды и неудачи?... Судьба моя слишкомъ мелочна, чтобы говорить о себѣ даже съ другомъ послѣ 9-лѣтней разлуки. Даже при свиданіи, мнѣ кажется, что, обнявъ тебя и прижавъ къ груди, слова бы замерли въ оной; я бы пожелалъ лишь, можетъ быть, открывъ ее, перелить въ твою все, что въ ней гнѣздилось въ сіи 9 лѣтъ. Тебѣ ли говорить о нашихъ житейскихъ неудачахъ, столь ничтожныхъ въ сравненіи съ несчастіями, отяготившими твою судьбу? Тебѣ ли описывать нашъ тихо-текущій бытъ, столь противоположный твоей разорванной и безпріютной жизни? Печальное преимущество нравственной зрѣлости, пріобрѣтенное лѣтами: пояснивъ многое, многое поглощаетъ безвозвратно. Впрочемъ, жалѣть не о чемъ; всему свое время: и жизни, и смерти. Мечты прелестны; но и дѣйствительность имѣетъ свою цѣну со всею своею угрюмостью: разочаровавъ, успокаиваетъ.

«Какъ бы я желалъ еще видѣться съ тобою — какъ и гдѣ? не знаю. Иной разъ и въ Ставрополь готовъ-бы ѣхать;

но какъ знать, когда ты тамъ? ваши экспедиціи безпрерывны, а съѣздить понапрасну пугаетъ мой давно отвыкшій отъ предпріятій духъ. Я очень состарился, мнѣ кажется—день мой, вѣкъ мой. Это не столько слѣдствіе лѣтъ, какъ малаго круга дѣятельности, въ коемъ давно уже заключается жизнь моя. Не прими сіе за жалобы, это просто фактъ. По разстроенному твоему здоровью, ежели бы была возможность получить тебѣ дозволеніе возвратиться на родину, какъ бы мы были такому гостю рады. У насъ здѣсь въ саду есть готическая башня съ 5 жилыми комнатами, она бы вся къ твоимъ услугамъ, а какъ я въ виду не имѣю ничего другаго, какъ жить и умереть въ Любичахъ, то мечта сія (едва ли не послѣдняя), улыбаясь моему воображенію, часто погружаетъ меня въ думу-упованельницу: авось»!

Годъ спустя онъ сообщаетъ Сергѣю о своей отставкѣ. «Назадъ тому 29 лѣтъ я вступилъ въ службу, 20 лѣтъ тянулъ лямку и хорошо, и худо, а послѣднія 9 лѣтъ находился въ какомъ-то чистилищѣ. И жалко, и смѣшно, могло-бы быть и досадно; но я устраняю сіе чувство, какъ нелѣпое... Смолоду все кажется возможнымъ, близкимъ, а подъ старость горячность удаляется, и все представляется несбыточнымъ. Круги сближаются къ центру и наконецъ остается одна точка... Не въ видѣ недовольнаго оставляю я службу, которая впрочемъ сама меня оставила, и оставила, когда я еще могъ быть на что либо годнымъ; теперь я очень состарѣлся, дряхлѣю очевидно, и чувствую, что силы не соотвѣтствуютъ моимъ понятіямъ о службѣ. Въ семъ случаѣ я почелъ священною обязанностью удалиться отъ общественныхъ дѣлъ, которыми завѣдывать какъ разумѣю болѣе не въ состояніи. Не мнѣ жаловаться на судьбу, она меня полелѣяла, и въ такое время жизни, когда дары ея наиболѣе драгоцѣнны. Я всегда былъ го-

товъ служить отечеству, сохраняя достоинство своего характера, и ежели не сдѣлалъ лучше и болѣе, въ томъ виноватъ не я, и отечество не въ правѣ упрекать меня. Дѣло кончено, я отжилъ свое политическое бытіе, теперь остается доживать вѣкъ естественный; одно легче другаго. Пройдя путь далекій, съ большою опытностью, съ достаточнымъ пресыщеніемъ жизнью, въ кругу семейства, легко и отдохнуть и даже насладиться вечеромъ той жизни, которая являла столько призраковъ утромъ и въ полдень!

«Скажу-ль тебѣ, любезный другъ, что одно изъ живѣйшихъ желаній моего сердца есть не одно лишь свиданіе съ тобою, но соединеніе на остальное время жизни. Сколько бы утѣшеній принесли мы другъ другу въ уединенныхъ бесѣдахъ между собою. Судьбы наши, столь различныя, приведя насъ къ одной цѣли, раскрыли бы много тайнаго въ жизни человѣческой. Давай надѣяться, авось и сбудется!»

Онъ не былъ лично озлобленъ; та отвлеченная разсудочность, которая составляла характерную черту его поколѣнія, которая была такъ сильна и въ Пушкинѣ, которая уже въ юные годы дѣлала ихъ меланхолическими мудрецами, пространно и глубокомысленно философствующими о «жизни», — эта разсудочность съ годами и неудачами родила въ немъ только общее чувство разочарованія жизнью, элегическую грусть, чуждую личнаго ожесточенія. Онъ никого не обвинялъ въ своемъ крушеніи. Его счастливые дни кончились съ воцареніемъ Николая, но онъ не питалъ дурного чувства къ Николаю и нисколько не поколебался въ свой лойяльности. Черезъ полгода послѣ своей окончательной отставки онъ писалъ Н. В. Чичерину: «Я самъ былъ въ Чембарѣ на сихъ дняхъ, Арндтъ успокоилъ меня насчетъ Гос. Имп. Сіе мнѣ было нужно,

ибо всѣ нелѣпые слухи, расходящіеся по нашей глуши, свели бы меня съ ума. Жизнь и здоровье Его Имп. Вел. драгоцѣнны для Россіи, потому что въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ никто замѣнить его не въ состояніи».

Въ концѣ 1835 года Вѣра Ивановна опять принялась хлопотать о Сергѣѣ. Она знала, что нѣкоторые изъ его товарищей по несчастію уже были произведены въ офицеры, что Захаръ Чернышевъ уже побывалъ въ родныхъ мѣстахъ, а Фокъ переведенъ къ отцу въ Оренбургъ. Въ ноябрѣ навѣстилъ ее Николай Ивановичъ; такъ какъ ему предстояло вскорѣ ѣхать въ Петербургъ, то было условлено, что онъ наведетъ тамъ справки относительно возможности отставки для Сергѣя. По его письму Вѣра Ивановна въ началѣ января прислала ему туда прошеніе на имя государыни, которое онъ и вручилъ лично секретарю императрицы, а уѣзжая изъ Петербурга, поручилъ сестрѣ Варварѣ (Хитрово) хлопотать окольными путями—чрезъ ген. Вельяминова, начальника Кавказской линіи, котораго вскорѣ ждали въ Петербургъ. Дѣло было рискованное, и ходатайство матери легко могло, вмѣсто пользы, принести вредъ Сергѣю: она просила отставки для него подъ предлогомъ его болѣзни, но это могло послужить основаніемъ къ переводу его надолго въ гарнизонъ. Такъ объяснили Николаю Ивановичу лично расположенные къ нему вел. кн. Михаилъ Николаевичъ и военный министръ. Такимъ образомъ, вся надежда была на милосердіе, и оттого надлежало обратиться къ императрицѣ.

Повидимому Вѣра Ивановна просила объ отставкѣ, а если отставка невозможна, то хоть о временномъ отпускѣ. Сергѣй еще не былъ офицеромъ, а по заведенному порядку служившимъ на Кавказѣ декабристамъ до производства въ офицеры не давали отпуска во внутреннія губер-

ніи. Но въ прошеніяхъ Вѣры Ивановны какъ-будто было нѣчто магическое: ей и на этотъ разъ не отказали. 2 мая 1836 года Бенкендорфъ извѣщалъ ее, что по ея ходатайству Сергѣю Кривцову разрѣшенъ 4-мѣсячный отпускъ въ Болховской уѣздъ.

Извѣстіе объ отпускѣ застало Сергѣя въ экспедиціи. Какъ ни было велико его нетерпѣніе, онъ счелъ своимъ долгомъ остаться въ строю до конца экспедиціи. Она кончилась только въ декабрѣ, потомъ онъ еще недѣли двѣ прожилъ у Бибиковыхъ въ Ставрополѣ, отдыхая и выжидая саннаго пути, и въ сочельникъ, 24 декабря, двинулся въ путь съ обоими своими слугами—камердинеромъ Андреяшкой и позднѣе присланнымъ поваромъ Алешкой. По приглашенію Николая Ивановича онъ направился сперва въ Любичи, съ тѣмъ, чтобы пробыть здѣсь дней 7—10 (10-го января приходился день рожденія Николая Ивановича) и потомъ отправиться къ сестрѣ Софьѣ, гдѣ его ждала мать.

«Итакъ, я дома», писалъ Сергѣй Ивановичъ Павлу, «или лучше сказать я съ своими. Доволенъ такъ, какъ рыба въ водѣ, и только тебя одного не достаетъ къ совершенному нашему благополучію. Трудно, милый братъ, описать тебѣ удовольствіе, которымъ исполнена теперь душа моя; одинъ ужасъ безнадежной разлуки можетъ опредѣлить ему мѣру, но и то недостаточно, ибо самое воображеніе никогда не рисовало мнѣ тѣхъ наслажденій, того тихаго счастія, которыми теперь наслаждаюсь. Однимъ словомъ, я никогда не думалъ быть такъ нѣжно, такъ страстно привязанъ къ семейству, и это открытіе составляетъ мое блаженство. Тягостное одиночество не лежитъ болѣе свинцовой горой на моемъ сердцѣ, оно не морозитъ его, какъ прежде, холодомъ равнодушія, однимъ словомъ, юная прелестная надежда снова расцвѣла въ душѣ моей...»

Онъ пробылъ двѣ недѣли у Николая, куда съѣхались встрѣтить его Лиза и Софья съ мужемъ, потомъ съ ними поѣхалъ къ Софьѣ, здѣсь увидѣлся съ матерью и прожилъ 10 дней, потомъ вмѣстѣ съ матерью поѣхалъ въ Писканицу къ Аннѣ. Въ матери онъ нашелъ большую перемѣну: она стала гораздо спокойнѣе и свѣтлѣе духомъ, чѣмъ была 11 лѣтъ назадъ; совсѣмъ исчезла ея ипохондрія, она всѣмъ довольна, весела, и плачетъ только отъ радости. Николай, «оставя помыслы честолюбія», сосредоточилъ всѣ свои желанія и надежды въ своемъ семействѣ и болѣе не стыдится своей нѣжности, но вполнѣ предается ей, распространяя ее и на мать, на братьевъ и сестеръ. Екатерина Ѳедоровна сдѣлалась разсудительнѣе, не утративъ оригинальности и живости, которыя составляютъ прелесть ея характера, Лиза—Наполеонъ по уму и изворотливости, Софья держитъ мужа подъ башмакомъ, ѣдкость Анны много смягчена рѣдкой добротой и рыцарскимъ благородствомъ ея мужа. Такъ писалъ Сергѣй Павлу. А Николай Ивановичъ съ своей стороны описывалъ Павлу впечатлѣніе, которое произвелъ на него Сергѣй. Онъ писалъ по-французски. Сергѣй здоровъ физически и духовно—таково общее и главное впечатлѣніе. Проживъ 10 лѣтъ внѣ Европы, онъ тѣмъ не менѣе вполнѣ освѣдомленъ обо всемъ, что совершилось въ ней за это время; созданія новѣйшей литературы, успѣхи цивилизаціи, словомъ всѣ завоеванія вѣка ему знакомы и близки, и вернувшись въ общество, онъ внѣшне будетъ на одномъ уровнѣ со всѣми, а по существу будетъ и выше общаго уровня, благодаря размышленіямъ, которыя питали въ немъ разнообразныя перипетіи его жизни. Какъ кровное дитя своего вѣка, Николай Ивановичъ съ глубокимъ удовлетвореніемъ констатировалъ мощь цивилизаціи, проникающей и въ Сибирь, и за высоты Кавказа.

Сергѣй былъ дѣйствительно здоровъ,—родные не мог-

ли надивиться на его цвѣтущій видъ; два тифа, малярія, ревматизмъ не оставили на немъ слѣда, а боевая жизнь закалила и огрубила его. Дома, у сестеръ, онъ еще больше поправился, даже растолстѣлъ: онѣ кормили его на убой.

По возвращеніи на Кавказъ Сергѣй Ивановичъ сразу попалъ въ экспедицію: 21 апрѣля (1837 г.) онъ уже выступилъ съ полкомъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія къ Геленджику. Полгода спустя въ семьѣ Кривцовыхъ совершилось два радостныхъ событія: 15 ноября 1837 года Сергѣй былъ произведенъ въ офицеры [1], а за три дня передъ тѣмъ, 12-го ноября, во Флоренціи состоялось бракосочетаніе Павла съ 20-лѣтней княжной Елизаветой Николаевной Репниной,— партія блестящая, на какую онъ, по своему скромному происхожденію и званію, никакъ не могъ разсчитывать. Его невѣста была дочь малороссійскаго магната Н. Г. Репнина-Волконскаго (родного брата декабриста С. Г. Волконскаго), по матери—внучка графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, сонаслѣдница огромныхъ помѣстій. Репнины жили тогда въ Римѣ, откуда и знакомство.

Этому событію предшествовали нѣкоторые семейные прелиминаріи въ видѣ двукратнаго обмѣна писемъ между Павломъ и Николаемъ Ивановичемъ, писемъ равно характерныхъ для обоихъ. Павелъ солидно и въ торжественной формѣ, даже необычно-старательнымъ почеркомъ, извѣстилъ старшаго брата, до сихъ поръ замѣнявшаго ему отца, о своей помолвкѣ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе Ни-

[1] Какъ извѣстно, лѣтомъ 1837 года цесаревичъ Александръ Николаевичъ изъ Сибири, гдѣ онъ путешествовалъ тогда въ сопровожденіи Жуковскаго, просилъ Николая объ облегченіи участи нѣкоторыхъ декабристовъ, и его просьба была исполнена; въ числѣ лицъ, положеніе которыхъ было улучшено по его ходатайству, Жуковскій, въ письмѣ къ императрицѣ, называетъ и Кривцова (Рус. Стар. 1880, кн. 2, стр. 263). Но мы знаемъ, что Кривцовъ уже давно ждалъ производства въ офицеры, такъ что заступничество цесаревича развѣ только ускорило его производство на нѣсколько мѣсяцевъ.

колай Ивановичъ 23 сентября написалъ ему два письма: одно явное, которое можно было показать невѣстѣ и ея родителямъ, другое тайное, для одного Павла. Въ явномъ онъ официально поздравлялъ брата и поручалъ ему передать его заранѣе родственный привѣтъ его невѣстѣ; онъ вспоминалъ, какъ много онъ былъ обязанъ ея матери, княгинѣ: раненный подъ Кульмомъ, онъ вмѣстѣ съ другими ранеными былъ ею устроенъ въ Прагѣ, и ея попеченіямъ, ея христіанскому милосердію былъ обязанъ выздоровленіемъ; онъ просилъ напомнить ей это—она могла не знать его имени,—и передать ей выраженіе его глубочайшаго уваженія.

Секретное письмо привожу цѣликомъ въ переводѣ.

«Ты женишься или уже женатъ, это хорошо; партія блестяща и можетъ быть выгодной, дѣвушка, безъ сомнѣнія, прелестна, словомъ—союзъ великолѣпный. Твои дѣти будутъ имѣть предками гетмана князя Репнина и гетмана графа Разумовскаго: прекрасная страница для русской родословной. По правамъ жены ты—возможный наслѣдникъ графа Шереметева. Сейчасъ ты по тестю вступаешь въ родство съ свѣтлѣйшимъ княземъ министромъ двора [1], по тещѣ—съ министромъ народнаго просвѣщенія [2]: оба въ состояніи продвинуть тебя впередъ, и ты вправѣ претендовать на ихъ родственную поддержку. Не смущайся этимъ синодикомъ фиктивныхъ выгодъ, какъ ни отдаетъ онъ мемуарами m-me де Креки; я говорю съ тобою серьезно, онѣ могутъ стать реальными, потому что имъ въ подмогу—твоя собственная реальная цѣнность: твоя репутація установлена, ты пользуешься прочнымъ довѣріемъ, словомъ—твоя карьера сдѣлана больше чѣмъ наполовину, и сдѣлана самимъ тобою, безъ всякой примѣси чужого покровительства. Поэто-

[1] П. М. Волконскимъ.
[2] С. С. Уваровымъ.

му, когда естественно представляются новыя средства, которыя могутъ облегчить развитіе твоихъ способностей, нѣтъ ничего неблаговиднаго въ томъ, чтобы воспользоваться ими. Такого рода покровительство, на мой взглядъ, не можетъ быть оскорбительно для твоего самолюбія. Въ твои годы, съ твоимъ умомъ и съ опытностью, которую ты долженъ былъ пріобрѣсти, ты не можешь не понимать, что извѣстная доля практической сметки необходима, разъ человѣкъ хочетъ быть оцѣненъ по достоинству. Не будь же ребенкомъ въ 32 года и не пренебреги изъ упрямства воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ, съ какой бы стороны онъ ни дулъ; но сдѣлай это какъ искусный мореходъ и вмѣстѣ какъ благородный человѣкъ. Таковы мои размышленія—плодъ долгаго и, слѣдовательно, печальнаго опыта; прими ихъ не какъ догматическія правила, предписываемыя наставникомъ, а какъ совѣты друга, многое видѣвшаго, многое пережившаго и теперь взирающаго на жизнь очень холоднымъ взглядомъ. Взвѣсь ихъ на досугѣ, сопоставь ихъ съ твоими собственными мыслями, и дѣйствуй, какъ найдешь нужнымъ.

«Наряду съ выгодами, о которыхъ я говорилъ выше, есть въ этомъ дѣлѣ и темная сторона: я говорю о состояніи Репниныхъ. Оно крайне разстроено. У тебя нѣтъ никакого; какъ же ты будешь жить съ женою, рожденной и воспитанной въ семействѣ, которому не хватало годового дохода болѣе чѣмъ въ полмилліона? Хочу вѣрить, что прежде, чѣмъ рѣшиться, ты тщательно взвѣсилъ это обстоятельство и откровенно объяснился съ родителями, не въ видахъ гнуснаго стяженія, а въ интересахъ той особы, которая ввѣряетъ тебѣ свою судьбу и о благѣ которой ты долженъ заботиться всю жизнь. Твой умъ и твоя порядочность до извѣстной степени служатъ мнѣ ручательствомъ; но что̀ если ты далъ увлечь себя страсти!.. Княгиня-мать,

какъ умная женщина, несомнѣнно думала объ этомъ и не ввѣрила тебѣ своей дочери, не обезпечивъ себя заранѣе относительно ея будущности. Это соображеніе еще болѣе обнадеживаетъ меня; но я не успокоюсь, пока не получу отъ тебя совершенно положительныхъ разъясненій на этотъ счетъ». Николай Ивановичъ имѣлъ довольно точныя свѣдѣнія о положеніи Репнинскихъ дѣлъ—отъ одного изъ членовъ комиссіи, учрежденной по дѣламъ Репнина; эти свѣдѣнія онъ далѣе сообщаетъ брату.

Павелъ въ отвѣтномъ письмѣ успокаивалъ его: страсти въ немъ нѣтъ, онъ дѣйствовалъ разсудительно; онъ своевременно собралъ всѣ нужныя справки и убѣдился, что дѣла Репниныхъ не безнадежны: чрезъ нѣсколько лѣтъ они будутъ устроены, и что̀ уцѣлѣетъ, будетъ еще огромное состояніе. Если бы этого и не было, онъ все-таки не отказался бы отъ своего намѣренія въ виду исключительныхъ достоинствъ, которыя онъ нашелъ въ дѣвушкѣ. Родители—люди настолько благородные, что въ отношеніи приданаго онъ счелъ возможнымъ положиться на простое ихъ обѣщаніе: они обязались, впредь до упорядоченія дѣлъ, выдавать ему отъ 20 до 24 тыс. руб. ассигнаціями въ годъ, частями каждые три мѣсяца, а по освобожденіи имѣнія—выдѣлить Елизаветѣ Николаевнѣ 13—14.000 десятинъ съ 1500 душъ. Такимъ образомъ, партія и съ этой стороны оказалась достаточно выгодной.

Немного недѣль спустя Николай Ивановичъ снова берется за перо, чтобы преподать совѣтъ Павлу. Послѣдній въ письмѣ къ сестрѣ Софьѣ высказалъ желаніе, чтобы она и мать написали родителямъ его невѣсты. Это дошло до свѣдѣнія Николая, и вотъ онъ пишетъ Павлу, предостерегая его отъ ложныхъ шаговъ. «Мы живемъ въ уравнительномъ вѣкѣ, это вѣрно: доказательство — твой бракъ, бракъ плебея съ патриціанкой. Правда, разстояніе, лежавшее

между вами, до извѣстной мѣры заполнено твоимъ воспитаніемъ, открывшимъ тебѣ тотъ путь, по которому ты съ такимъ почетомъ идешь, и репутаціей, которую ты лично сумѣлъ заслужить, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы между вами существовало полное равенство во всемъ и для всѣхъ; извини, милый другъ, но это такъ; и думая такъ, ты впалъ бы въ жестокое заблужденіе. Ты долженъ очень внимательно остерегаться этого съ самаго начала, чтобы тебѣ не пришлось потомъ горько пенять на себя. По всѣмъ даннымъ твое теперешнее положеніе налагаетъ на тебя несносную, но непзбѣжную обязанность замкнуться въ кастѣ [1], да, строго замкнуться въ ней, подъ страхомъ утратить въ противномъ случаѣ значительную часть тѣхъ преимуществъ, которыя открываются предъ тобою. Отдай себѣ хорошенько отчетъ (въ твоемъ интимномъ сознаніи), что ты — всего только сынъ простого дворянчика Болховского уѣзда, что твоя мать и твои сестры на всю свою жизнь остались зарытыми въ этой глуши, и что лучшее, что можно сдѣлать для нихъ, это — оставить ихъ въ тѣни. Эти соображенія могутъ съ извѣстной точки зрѣнія казаться ничтожными, низменными, почти смѣшными; но есть другая точка зрѣнія, съ которой они представляются не столь слабыми и ложными, что̀, впрочемъ, легче почувствовать, нежели объяснить. Дѣлай какъ знаешь; я имѣю въ виду единственно твое благо, и въ этомъ смыслѣ я совѣтую тебѣ только строго разсчитывать каждое біеніе твоего сердца и сдерживать его сколько возможно».

Я. И. Сабуровъ, оставившій цѣнныя воспомпнанія о Н. И. Кривцовѣ, много разъ цитированныя выше, сообщаетъ между прочимъ, что Н. И., вообще не лишенный тщеславія, имѣлъ слабость къ геральдическимъ знакамъ:

---

[1] Николай Ивановичъ пишетъ: d'être exclusif.

онъ всюду прилѣплялъ гербъ Кривцовыхъ, кстати и некстати, даже на кіотахъ образовъ въ Любичской часовнѣ, и безпрестанно придумывалъ новые девизы къ этому гербу [1]. Въ первомъ изъ приведенныхъ выше писемъ къ Павлу по поводу его женитьбы Николай Ивановичъ подробно сообщаетъ ему форму геральдической ливреи рода Кривцовыхъ: парадная ливрея темно-синяя на желтой подкладкѣ, жилетъ желтый, брюки черныя бархатныя или бумажнаго бархата, галуны и пуговицы серебряные, пуговицы—съ фамильнымъ гербомъ; малая или денная ливрея—сѣрый камзолъ, и т. д., и т. д. Онъ спрашиваетъ брата, сколько дюжинъ ему нужно такихъ пуговицъ съ фамильнымъ гербомъ, большихъ и малыхъ? онъ пришлетъ ему нужное количество, у него есть запасъ хорошаго качества, изготовленныхъ въ Лондонѣ.—Очевидно онъ запасся ими въ изобиліи еще въ 1820 году.

Наканунѣ свадьбы Павелъ Кривцовъ дружески встрѣтился съ двумя Гофвильскими товарищами: съ Александромъ Суворовымъ, который съ женою и дѣтьми ѣхалъ въ Неаполь—къ своей сестрѣ, Пушкинской Маріи Аркадьевнѣ Голицыной, и съ Феликсомъ Фонтономъ. Свадьба состоялась, какъ сказано, 12/24 ноября 1837 года. Павелъ Ивановичъ и послѣ женитьбы продолжалъ свою службу въ Римѣ. Онъ могъ теперь спокойнѣе ждать повышеній.

---

[1] Рус. Стар. 1888 декабрь, стр. 727—8. Гербъ Кривцовыхъ, какъ онъ изображенъ на письмахъ Пав. Ив., представлялъ щитъ подъ дворянскою короной, поддерживаемый двумя львами; щитъ былъ раздѣленъ перпендикулярно на три части; въ правой подкова, въ средней рука съ мечомъ, выходящая изъ облаковъ, въ лѣвой крестъ на надгробномъ камнѣ. Вверху на узкой лентѣ девизъ: Virtutem extendere factis (вторая половина 806-го стиха шестой пѣсни „Энеиды“, какъ любезно сообщилъ мнѣ проф. М. М. Покровскій). Extendere буквально значитъ: расширять. Въ этихъ трехъ словахъ выражена глубокая мысль: присущая намъ потенціальная энергія доблести не только осуществляется въ нашихъ поступкахъ, но и сама питается ими, ими растетъ, т.-е. мой доблестный поступокъ дѣйствуетъ обратно и на меня самого, усиливая, „расширяя“ во мнѣ доблесть.

XIII.

Numero deus impari gaudet.
Verg.

Послѣ своего производства въ ноябрѣ 1837 года Сергѣй Ивановичъ еще цѣлыхъ полтора года тянулъ лямку на Кавказѣ. Лѣтняя экспедиція этого года была послѣднею, въ какой онъ участвовалъ. Отнынѣ онъ жилъ осѣдло, преимущественно въ Ставрополѣ. Деньги получалъ онъ отъ сестеръ, управлявшихъ уцѣлѣвшей частью его имѣнія, жилъ скромно, но не скучно, по зимамъ часто танцовалъ на ставропольскихъ балахъ; съ нимъ было нѣсколько человѣкъ крѣпостной прислуги. Съ самаго производства онъ хлопоталъ объ отставкѣ, и хлопоталъ за него Николай Ивановичъ, наѣзжая по временамъ въ Петербургъ; но это было трудное дѣло.

Въ Любичахъ жизнь шла по-прежнему, въ строго-размѣренномъ порядкѣ, но прежняя суровость какъ-то незамѣтно смягчилась, стало легче дышать. То, что писалъ Сергѣй о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ брата, подтверждается всѣми нашими свѣдѣніями. Сломили ли годы и неудачи крутой нравъ, или то было слѣдствіемъ сознательнаго рѣшенія, но съ половины 30-хъ годовъ Николай Ивановичъ видимо смягчается, становится человѣчнѣе, ласковѣе. Этотъ переломъ совпадаетъ съ двумя событіями: съ его отставкою, т.-е. окончательнымъ отка-

зомъ отъ честолюбивыхъ надеждъ, и съ обнаруженіемъ неизлечимой болѣзни жены. Екатерина Ѳедоровна уже давно прихварывала, ѣздила въ 1834 году къ московскимъ врачамъ; болѣзнь была хроническая, не опасная для жизни, но сопряженная съ острыми болями, угнетавшая настроеніе. Въ душѣ Николая Ивановича какъ-бы внезапно проснулась жалость къ женѣ, даже нѣкоторая нѣжность; онъ усердно возитъ жену то въ Петербургъ, то въ Москву лечиться, настаиваетъ на исполненіи предписаній врача, окружаетъ жену заботами, съ виду по-прежнему властно, но съ затаенной тревогой. Ей самой была непонятна эта перемѣна въ немъ: она такъ давно,—пишетъ она,—потеряла надежду завоевать его привязанность! Правда, онъ спохватился слишкомъ поздно: ея тѣлесное существованіе еще можно было продлить, но уже ничѣмъ нельзя было воскресить ея душу, вернуть ей радость жизни; долгіе годы прозябанья въ тѣни, безъ солнца и безъ воли, подъ желѣзной ферулой мужниной власти, всего же болѣе это убійственное самосознаніе нелюбимой, презираемой жены, убили въ ней жизненную силу. Теперь она уже не могла жаловаться на холодность мужа, и все-таки она часто плачетъ, сама не зная о чемъ, и ищетъ утѣшенія въ молитвѣ. Въ Москвѣ и Петербургѣ ей приходилось бывать въ свѣтѣ ради подраставшей дочери: дочь надо было вывозить, посѣщать съ нею балы и проч.; Екатерина Ѳедоровна очень страдала отъ этого, и чтобы облегчить себѣ крестъ, она, сидя на балахъ, утѣшала себя мыслью (это ея подлинныя слова), что она тѣмъ исполняетъ религіозную обязанность.

Кривцовъ получилъ отставку съ мундиромъ и полной пенсіей. Теперь средствъ было достаточно—онъ получалъ вѣдь и аренду; можно было свободнѣе жить въ столицѣ и позволять себѣ неурочныя траты; какъ-разъ къ этому времени (1836 — 1838) относится постройка домовой церкви

въ Любичахъ, для которой Николай Ивановичъ выписывалъ чрезъ Павла изъ Италіи иконы и мозаики. Только теперь, внутренно отрекшись отъ шумнаго свѣта, Кривцовъ впервые почувствовалъ себя осѣдлымъ въ Любичахъ и полюбилъ свое гнѣздо. Б. Н. Чичеринъ передаетъ, что Николай Ивановичъ любилъ цитировать стихи Пушкина, прилагая ихъ къ себѣ:

Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ Любичи Господь меня привелъ.

Но такое настроеніе было у него только въ эти предпослѣдніе годы, съ 1836-го по 1842-й. Мягкость его, какъ опять вѣрно замѣтилъ Сергѣй, распространилась и на материнскую его семью: онъ сталъ часто навѣщать мать, заѣзжалъ и къ сестрамъ, хлопоталъ въ Петербургѣ по ихъ дѣламъ, писалъ задушевныя письма Сергѣю. Мать онъ не видалъ нѣсколько лѣтъ; зимою 1835 года онъ посѣтилъ ее, а весною слѣдующаго года прислалъ къ ней Екатерину Ѳедоровну съ дочерью Софьей. Екатерина Ѳедоровна писала потомъ Чичериной, что у нея почти все время стояли слезы въ глазахъ, пока она гостила у Вѣры Ивановны,—до такой степени трогательна была радость старушки при видѣ Сонички и при воспоминаніи о недавней побывкѣ Кривцова. Вѣра Ивановна безпрестанно повторяла: ей стыдно вспомнить, что она могла думать, будто Николай Ивановичъ отъ нихъ отсталъ; онъ былъ такъ милъ нынче зимою! Екатерину Ѳедоровну умиляла и ужасала эта безотвѣтность, это безкорыстіе материнской любви; она говорила себѣ: «вотъ что ждетъ насъ всѣхъ, и меня въ частности: послѣ 10 лѣтъ разлуки Соничкѣ можетъ быть позволятъ пріѣхать ко мнѣ на два дня! Надеждою на эти два дня я буду жить тѣ 10 лѣтъ, буду мерзнуть въ Любичахъ съ глазу на глазъ съ Кривцовымъ, дремлющимъ въ крес-

лахъ или, еще хуже того, можетъ быть, страдающимъ отъ своихъ ранъ,—и на это-то стоило потратить цѣлую жизнь!»

Съ женитьбою Павла кругъ дѣятельности Николая Ивановича неожиданно расширился. Въ видахъ обезпеченія обѣщанной молодымъ ежегодной субсидіи Репнины предоставили Павлу Ивановичу одно изъ своихъ имѣній—Тамалу, въ Балашевскомъ уѣздѣ Саратовской губ.: 1200 душъ и 14.000 десятинъ земли. Тотчасъ послѣ женитьбы Павелъ обратился къ Николаю Ивановичу съ предложеніемъ взять въ свое управленіе Тамалу, и Н. И. охотно согласился: онъ любилъ строить, усовершенствовать, заводить новые порядки, а Любичи давали мало простора для его замашекъ. Онъ тотчасъ составилъ обширный агрономическій планъ и энергически принялся за его осуществленіе, но крестьяне въ первый-же годъ взбунтовались, дѣло дошло до старика-Репнина, вышла непріятная исторія. Тѣмъ не менѣе Николай Ивановичъ продолжалъ управлять Тамалой до своей смерти.

Въ апрѣлѣ 1839 года Сергѣй Ивановичъ наконецъ получилъ отставку—за болѣзнію, какъ сказано было въ офиціальной бумагѣ. Онъ долженъ былъ дать подписку въ томъ, что отправляется для проживанія въ Болховской уѣздъ, гдѣ будетъ состоять подъ надзоромъ полиціи; въѣздъ въ столицы былъ ему запрещенъ. Ссылка кончилась. 14-ое декабря отняло у него тринадцать лѣтъ жизни и навсегда прервало ту линію, по которой онъ направился было въ жизненный путь. Но онъ былъ еще не старъ: ему какъ разъ минуло 37 лѣтъ. Онъ имѣлъ рѣдкое счастье застать всѣхъ своихъ живыми; Вѣра Ивановна была еще сравнительно очень бодра. Возвращаясь съ Кавказа, онъ прежде всего заѣхалъ къ Николаю Ивановичу въ Любичи.

Съ Павломъ онъ могъ увидѣться въ слѣдующемъ году, когда тотъ по дѣламъ пріѣхалъ въ Россію. Павелъ пріѣз-

жалъ пожать плоды услугъ, которыя ему удалось въ послѣднее время оказать царской фамиліи. Услуги эти были невысокаго разбора: во-первыхъ, онъ состоялъ при наслѣдникѣ, Александрѣ Николаевичѣ, въ бытность послѣдняго въ Римѣ (въ началѣ 1839 года), во-вторыхъ, онъ какъ-то очень экономно купилъ въ Каррарѣ мраморы для отдѣлки Зимняго дворца, который въ это время возобновляли послѣ пожара. Онъ ѣхалъ съ опредѣленнымъ планомъ. По разсказу художника А. А. Иванова, дѣло было такъ [1]. Русско-нѣмецкій художникъ Киль, проживавшій въ Римѣ, высказалъ Кривцову мысль о необходимости учредить должность начальника надъ русскими художниками въ Римѣ и о своемъ намѣреніи проситься на это мѣсто. Мысль понравилась Кривцову, но съ тѣмъ, чтобы самому занять эту доходную синекуру. Въ Петербургѣ его приняли очень милостиво: въ январѣ 1840 г. онъ былъ назначенъ на эту должность съ тѣмъ жалованьемъ, какое онъ самъ указалъ въ своей докладной запискѣ [2], и съ прибавкою нѣсколькихъ тысячъ на секретаря и канцелярію; ему былъ обѣщанъ къ пасхѣ чинъ статскаго совѣтника, государь обласкалъ его, государыня, несмотря на нездоровье, приняла его и благодарила за услуги, оказанныя имъ наслѣднику. Уѣзжая въ половинѣ января, онъ взялъ себѣ въ спутники молоденькаго И. С. Тургенева, тоже ѣхавшаго въ Римъ; сообщая объ этомъ Николаю Ивановичу, онъ поручалъ ему при случаѣ передать его поклонъ Варварѣ Петровнѣ, но удержать ее отъ поѣздки въ Италію. А въ ноябрѣ этого же года онъ писалъ изъ Москвы Сергѣю: «Сегодня былъ у Варвары Петровны Тургеневой. Она похорошѣла и ходитъ въ платьѣ, точно какъ въ мое время было у Тимофеевскаго

[1] А. Новицкій. Опытъ полной біографіи А. А. Иванова. М. 1895, стр. 58—59.

[2] 30.000 р. асс., см. М. Боткинъ, А. А. Ивановъ, СПБ. 1880, стр. 139.

священника,— полосатая риза. Она вздыхала — не риза, а Варв. Петр., — бросалась мнѣ на шею, жала мнѣ пальцы, но впрочемъ гораздо простѣе обыкновеннаго, спрашивала и вздыхала про и по тебѣ, не врала чепухи, играла въ преферансъ съ высокопревосходительной Мухановой и была на своемъ мѣстѣ».

У Павла Ивановича въ это время была уже дочь, а вскорѣ затѣмъ родился еще сынъ. Начальство надъ русскими художниками доставило ему почетное и независимое положеніе, такъ что отнынѣ онъ зажилъ въ Римѣ еще привольнѣе прежняго. Онъ широко инсценировалъ свою синекуру, окружилъ себя штатомъ (секретарь, библіотекарь, докторъ, агентъ и пр.), и дѣлалъ видъ, что дѣлаетъ важное дѣло. А. А. Ивановъ, работавшій тогда въ Римѣ надъ своей знаменитой картиной, позднѣе горько жаловался на вредъ, причиненный русскимъ художникамъ «беззаконнымъ, нѣмымъ правленіемъ» Кривцова: оно деморализовало художниковъ, слабые изъ нихъ поддѣлывались къ директору ради денежныхъ подачекъ, тѣ-же, которые чувствовали себя истинными художниками, отвернулись отъ своего общества и терпѣли нужду [1]. Еще хуже, съ нескрываемымъ презрѣніемъ, отзывался о Кривцовѣ Гоголь. Онъ познакомился съ Кривцовымъ, повидимому, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Римъ; на экземплярѣ «Ревизора» (1-го изданія, 1836 г.), подаренномъ имъ Кривцову, онъ написалъ: «Павелу Ивановичу Кривцову въ знакъ истиннаго уваженія отъ Автора». Позднѣе связующимъ звеномъ между ними стала семья Репниныхъ, съ которою Гоголь, какъ извѣстно, былъ друженъ; но особенной близости между ними не образовалось: слишкомъ чужды были другъ другу Гоголь 1839—40 годовъ и умный, лѣнивый, изъ эгоизма благодушный баринъ-дипломатъ. Од-

[1] А. Новицкій, указ. соч., стр. 59.

нако, лишь только разнесся слухъ о назначеніи Кривцова начальникомъ надъ русскими художниками, Гоголь, бывшій тогда въ денежной нуждѣ, задумалъ проситься къ нему въ секретари. Хлопоталъ онъ чрезъ Жуковскаго, Плетнева, Репниныхъ, но безуспѣшно. Получивъ отказъ, онъ писалъ С. Т. Аксакову: «Я почти, признаюсь, это предвидѣлъ, потому что Кривцова, который надулъ всѣхъ, я разгадалъ почти съ перваго взгляда. Это человѣкъ, который слишкомъ любитъ только одного себя и прикинулся любящимъ и то, и се, потому только, чтобы посредствомъ этого болѣе удовлетворять своей страсти, т.-е. любви къ самому себѣ. Онъ мною дорожитъ столько же, какъ тряпкой. Ему нужно имѣть при себѣ непремѣнно какую-нибудь европейскую знаменитость въ художественномъ мірѣ, въ достоинство внутреннее котораго онъ хотя, можетъ быть, и самъ не вѣритъ, но вѣритъ въ разнесшуюся его знаменитость; ибо ему — что весьма естественно — хочется разыграть со всѣмъ блескомъ ту роль, которую онъ не очень смыслитъ» [1].—Въ этомъ было много правды. Позднѣе, въ 1841 году, Кривцовъ чрезъ Жуковскаго приглашалъ Гоголя на мѣсто библіотекаря при себѣ, но обиженный Гоголь съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе [2]. Впрочемъ, надо замѣтить, что большинство русскихъ художниковъ Кривцовъ сумѣлъ привлечь къ себѣ своимъ благодушіемъ. Онъ любилъ, чтобы его любили, и достигалъ этой цѣли отчасти личной обходительностью, а главное — денежными подачками, хлопотами о продленіи стипендій и проч. Ивановъ, безъ сомнѣнія, былъ правъ, называя эту политику системой развращенія художниковъ, и еще болѣе должна была раздражать такихъ людей, какъ

[1] „Письма Н. В. Гоголя“, подъ ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 90—91, срав. стр. 40—41, 50; В. И. Шенрокъ, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. III, стр. 309—311.

[2] „Письма Н. В. Гоголя“, тамъ-же, стр. 115.

Гоголь и Ивановъ, двойная бухгалтерія Кривцова: демократическая фамильярность съ художниками, и одновременно—откровенное угодничество предъ сильными міра сего.

Съ начала 40-хъ годовъ Николай Ивановичъ началъ прихварывать. Дѣло по управленію Тамалой все не ладилось; страшные неурожаи 1839, 1840, 1841-го годовъ сильно тревожили его; въ это же время возникъ у него процессъ съ сосѣдомъ, бывшимъ пріятелемъ. Онъ началъ «скучать и задумываться»; бывши всю жизнь матеріалистомъ и школы Вольтера, разсказываетъ Я. И. Сабуровъ, тутъ стали приходить ему на умъ религіозныя мысли и срывались какъ бы въ шутку съ его языка. Въ 1842 году, изъ-за болей въ оторванной ногѣ, онъ долженъ былъ снять свою пробковую ногу и съ тѣхъ поръ ходилъ на костыляхъ. Онъ таилъ про себя свои недомоганія, и даже Екатерина Ѳедоровна, хотя тревожилась, но не ждала близкаго конца. Онъ умеръ почти скоропостижно: простудился, похворалъ два дня,—и какъ обычно послѣ поздняго обѣда дремалъ въ креслахъ, такъ 31-го августа 1843 года въ креслахъ тихо уснулъ навѣки. Въ запечатанномъ пакетѣ, съ надписью: «Раскрыть женѣ послѣ моей смерти», нашелся заранѣе составленный имъ рисунокъ его надгробнаго камня съ фамильнымъ гербомъ и тремя латинскими девизами: Veritas salusque publica.—Vixi quem doderat cursum fortunae precі.—Nec timeo, nec spero. Б. Н. Чичеринъ, видѣвшій его въ своемъ дѣтствѣ, и Я. И. Сабуровъ согласно изображаютъ его наружность: величественная фигура, высокаго роста, атлетическаго сложенія, лобъ крутой и высокій, черные глаза за золотыми очками, волосы черные, а впослѣдствіи серебристо-сѣдые, всегда коротко остриженные. Сабуровъ прибавляетъ: «Говорилъ онъ сильно, горячо, краснорѣчиво. Смотрѣлъ на вещи прямо и высказывалъ правду, которую не всегда люди сами себѣ говорятъ. Ха-

рактера былъ непреклоннаго, нрава раздражительнаго; бездѣлица выводила его изъ себя. Писалъ онъ хорошо, но безъ всякихъ прикрасъ. Чувствительность, если и имѣлъ, то старался подавлять; она высказывалась у него только полезными дѣлами для тѣхъ, кого онъ любилъ. На всѣ окружающіе его предметы и даже лица онъ клалъ свою печать» [1]. Похоронили его въ Любичахъ, въ построенной имъ часовнѣ, среди чистаго поля.

Извѣстіе о смерти брата застало Павла Ивановича въ ту минуту, когда онъ готовился къ окончательному возвращенію въ Россію. Почему онъ рѣшилъ оставить службу и Римъ, я въ точности не знаю; возможно, что возрастающее разстройство дѣлъ въ Тамалѣ требовало его присутствія; возможно также, что его жена сильно скучала по своимъ роднымъ [2]. Елизавета Николаевна съ дѣтьми должна была ѣхать впередъ, прямо къ своимъ родителямъ въ Яготинъ (Полтавской губ.), а онъ оставался до конца года, чтобы ликвидировать хозяйство и дождаться новаго посланника, Бутенева, которому, какъ первый секретарь, долженъ былъ передать дѣла. Извѣстіе о смерти Николая Ивановича пришло еще до отъѣзда Елизаветы Николаевны; почти одновременно пришло извѣстіе о смерти мужа сестры Софьи, Лаврова. Теперь планъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что Елиз. Ник., повидавшись съ родителями, поѣдетъ въ Тимофеевское, чтобы сколько-нибудь успокоить убитую горемъ Вѣру Ивановну, самъ-же онъ, когда освободится, поѣдетъ сначала въ Петербургъ, такъ какъ Екатерина Ѳедоровна писала ему, что будетъ тамъ съ октября, и уже оттуда отправится тоже въ Тимофеевское.

---

[1] Сабуровъ „П. И. Кривцовъ“, Рус. Стар. 1888, декабрь, стр. 726—7; Чичеринъ въ Рус. Арх. 1890, кн. 4, стр. 519.

[2] Въ семьѣ сохранилась память о томъ, что П. И. ждалъ назначенія посланникомъ въ Аѳины или даже былъ уже назначенъ туда; но ни въ документахъ, ни въ письмахъ нѣтъ указаній на это.

Смерть Николая ошеломила и потрясла его до глубины души. 18 сентября, уже проводивъ жену и дѣтей въ Россію, онъ писалъ Сергѣю: «Потеря брата-отца меня совершенно убила... Всѣ мои мысли оканчиваются имъ и сливаются въ одно неодолимое чувство горести... Неимовѣрно вліяніе, которое Николай могъ производить. Онъ былъ мнѣ маякомъ жизни, его одобреніе было единственною наградою для меня, и всѣ мои усилія были направлены къ этой точкѣ, потому что я увѣренъ былъ, что онъ не пропуститъ и не спуститъ ничего, а ужъ ежели похвалитъ, то я могъ почти гордиться. Онъ былъ точно чрезвычайный человѣкъ и носилъ, такъ сказать, отпечатокъ высокаго назначенія. Обстоятельства и, можетъ быть, сила характера его и негибкость онаго не позволили ему стать на мѣстѣ, ему назначенномъ. Миръ праху его. Oh! ihm ist wohl, wer aber weiss, was uns die nächste Stunde schwarz verschleiert bringt?»—Это было точно несознанное предчувствіе.

Дѣла задержали Павла Ивановича въ Римѣ дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Только въ концѣ декабря онъ могъ двинуться въ Россію. На прощанье нѣсколько русскихъ художниковъ (Штернбергъ, Н. Бенуа и Скотти) поднесли ему альбомъ изъ 30 прекрасныхъ акварелей юмористическаго содержанія съ приложеніемъ соотвѣтствующаго текста въ плохихъ стихахъ (Резанова и Рамазанова). Этотъ альбомъ сохранился [1]. Тутъ изображены въ краскахъ и воспѣты похожденія разныхъ русскихъ художниковъ-пансіонеровъ, и данъ рядъ остроумныхъ каррикатуръ. Среди персонажей этой веселой эпопеи не разъ фигурируетъ въ качествѣ Амфитріона и самъ Павелъ Ивановичъ, такимъ-же, какимъ мы его знаемъ по замѣчательному портрету Брюллова: толстый, съ изрядным брюшкомъ, съ круглымъ,

[1] О немъ довольно вѣрно писалъ В. В. Стасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Ивановѣ, см. Боткинъ, А. А. Ивановъ, стр. 417—418.

очень моложавымъ лицомъ безъ усовъ и бороды, съ мягкими, добрыми чертами лица, пухлыми дѣтскими губами и умнымъ взглядомъ изъ-за очковъ. Послѣднія пять акварелей изображаютъ отъѣздъ Кривцова изъ Рима и его пріѣздъ въ Россію. Русскіе художники, прощаясь съ нимъ, всѣ протягиваютъ къ нему руки:

Просятъ всѣ прегорячо,
Всякой лѣзетъ съ просьбой новой...
А объ чемъ?—Да, дайте въ долгъ!..

и въ сокрушеніи пристаютъ къ нему:

... вы намъ скажите:
Когда голодъ заморитъ,
Такъ куда пойдемъ мы съ просьбой?
Вы уѣдете отъ насъ,—
Вѣдь придется завыть моськой,
Какъ не будетъ въ Римѣ васъ!

Потомъ они верхами провожаютъ его за десять миль, потомъ онъ ѣдетъ съ Скотти въ каретѣ, потомъ подъѣзжаетъ къ Петербургу, и наконецъ радостно соединяется со своей семьею.

Онъ успѣлъ повидаться съ матерью, съ Сергѣемъ, кое съ кѣмъ изъ сестеръ, и черезъ полгода по пріѣздѣ, 12 августа 1844 года, скоропостижно скончался отъ удара въ Любичахъ, куда пріѣхалъ повидаться съ Екатериной Ѳедоровной. Ему было только 39 лѣтъ. Судьба устроила вопреки всѣмъ человѣческимъ ожиданіямъ: теперь опорою семьи и единственной поддержкой матери остался Сергѣй Ивановичъ, который столько лѣтъ считался безвозвратно погибшимъ для жизни. Павелъ Ивановичъ оставилъ по себѣ блѣдную память. Одна дама (А. О. Смирнова?) мѣтко характеризовала его въ 1845 году: «Кривцовъ умеръ въ прошломъ году; онъ былъ ума пріятнаго и обхожденія facile. Онъ не имѣлъ, впрочемъ, de la partie dans ses vues, а такъ только имѣлъ умъ про случай» [1].

[1]) „Изъ записокъ дамы“, Рус. Арх. 1882, I, стр. 219.

Сергѣй Ивановичъ, по возвращеніи изъ ссылки въ 1839 году, принялъ отъ Павла Тимофеевское и поселился здѣсь съ матерью. Послѣ смерти Павла онъ сталъ опекуномъ его двухъ дѣтей и взялъ на себя управленіе Тамалой; первое время вдова Павла съ дѣтьми даже жила въ Тимофеевскомъ. Еще въ началѣ 1841 года онъ получилъ въ Тимофеевскомъ письмо отъ стараго пріятеля, бывшаго окружного начальника въ Минусинскѣ, Александра Кузьмича Кузмина. Послѣ его отъѣзда изъ Минусинска Кузминъ женился тамъ и въ 1837 году, бросивъ службу, уѣхалъ въ среднюю Россію, гдѣ у него было небольшое имѣніе. Оказалось, что они жили теперь въ разстояніи всего 135 верстъ, что̀ по-сибирски было «бабье дѣло — огня попросить у сосѣдки». Кузминъ сообщилъ Кривцову уже несвѣжія новости о минусинскихъ знакомыхъ, разсказалъ кое-что о себѣ и разсказалъ о смерти своей собаки, тоже знакомой Кривцову. Она издохла въ Россіи; Кузминъ похоронилъ ее въ своемъ саду подъ развѣсистой березой и поставилъ на ея могилѣ памятникъ съ двумя надписями; на лицевой сторонѣ было изображено:

Здѣсь лежитъ
ученый моисъ Максимка,
докторъ собачьихъ правъ
и знаменитый путешественникъ по сѣверной Азіи,
облаявшій берега Оби, Иртыша, Енисея и Абохана.

MLCCCXXXVIII

а на задней сторонѣ красовалась эпитафія:

Максимка былъ добрѣйшій песъ,
Но лаялъ на людей почти безъ исключенья,
Собачьей мудростью рѣшивъ вопросъ,
Что всѣ безхвостые не стоятъ снисхожденья.

Этого-то Кузмина Сергѣй Ивановичъ пригласилъ теперь въ управляющіе Тамалы. Кузминъ съ честью несъ эту

обязанность до своей смерти, а послѣ его смерти ту-же должность занялъ, по предложенію Сергѣя Ивановича, декабристъ Бѣляевъ, тоже, какъ и онъ самъ, прошедшій черезъ каторгу, поселеніе и военную службу на Кавказѣ [1].

Вѣра Ивановна пережила и Николая, и Павла. Она жила съ Сергѣемъ, навѣщала дочерей, а со смерти Лаврова (1843) не разставалась съ бездѣтной Софьей: то гостила у нея въ Русскомъ Бродѣ, Ливенскаго уѣзда, то Софья жила съ нею въ Тимофеевскомъ. Умерла Вѣра Ивановна въ Тимофеевскомъ 10 декабря 1849 года, семидесяти восьми лѣтъ. Такимъ образомъ, ей довелось еще цѣлыхъ десять лѣтъ прожить съ Сергѣемъ.

Послѣ смерти матери Сергѣй Ивановичъ остался одинъ въ Тимофеевскомъ; тотъ «Андреяшка», который нѣкогда жилъ при немъ на Кавказѣ, — теперь уже пожилой и семейный человѣкъ, Андреянъ Степанычъ—состоялъ у него дворецкимъ. Въ 1856 году, въ самый день коронованія Александра II, состоялось высочайшее повелѣніе о снятіи съ Сергѣя Ивановича полицейскаго надзора, о возвращеніи ему потомственнаго дворянства и права жить въ столицахъ. Годъ спустя Сергѣй Ивановичъ женился на дочери орловскаго губернатора Сафоновича, Аннѣ Валеріановнѣ. Ему было 55 лѣтъ, ей 20. Сергѣй Ивановичъ всюду былъ любимъ—и въ Сибири, и на Кавказѣ; онъ легко сходился съ людьми, былъ добръ и вѣренъ въ дружбѣ. При ясномъ, серьезно-настроенномъ умѣ была въ немъ какая-то дѣтская незлобливость, сказывавшаяся въ шутливости, которая никогда не покидала его, въ склонности подтрунивать или добродушно и очень прозрачно мистифицировать. Онъ любилъ пріѣзды гостей и всегда былъ любезенъ съ ними; любилъ онъ порядокъ и аккуратность, и свое деревенское

---

[1] „Воспоминанія“ А. П. Бѣляева, стр. 275—276.

хозяйство велъ исправно и просто, безъ всякихъ затѣй. Каждое утро онъ методически обходилъ надворныя службы, шагалъ прямикомъ, не спѣша и не разбирая лужъ, высокій, сухощавый, въ длинномъ пальто, заложивъ руки за спину, и когда, первые годы послѣ смерти Павла, Елизавета Николаевна жила съ дѣтьми въ Тимофеевскомъ, ея маленькая дочь, очень любившая oncle Serge, бывало передразнивала его методическую походку съ заложенными за спину руками. Сергѣй Ивановичъ былъ здоровъ, но страдалъ астмой, нажитой на Кавказѣ. Туруханская жизнь вселила въ него такое отвращеніе къ вѣтру, что и въ Тимофеевскомъ онъ часто на ночь, въ вѣтреную пору, перебирался изъ кабинета въ одну изъ внутреннихъ комнатъ; обычно же спальней служилъ ему, какъ и во всѣ годы ссылки, кабинетъ, хотя въ домѣ было около тридцати комнатъ. Онъ курилъ трубку, выписывалъ неизмѣнно «Journal des Débats» и «Московскія Вѣдомости» и любилъ читать многотомныя сочиненія, преимущественно историческаго содержанія, вродѣ «Исторіи англійской революціи» Гизо, конечно въ подлинникѣ. Былъ строго опредѣленныхъ воззрѣній, не либеральничалъ, прилежно занимался хозяйствомъ и берегъ копѣйку. Сергѣй Ивановичъ пользовался большимъ почетомъ въ своемъ уѣздѣ. Въ 1856 году В. А. Мухановъ писалъ о немъ въ своемъ дневникѣ: «онъ пріобрѣлъ уваженіе дворянства и такую внушилъ всѣмъ довѣренность благородствомъ своего характера, опытностью въ дѣлахъ и готовностью на пользу ближняго, что всѣ обращаются къ нему для разобранія спорныхъ дѣлъ и для примиренія лицъ, между коими возникаютъ раздоры и распри» [1]. Въ 1861 г. собраніе предводителей дворянства Орловской губерніи, «оцѣняя его просвѣщенный взглядъ на реформу, освободив-

[1] Рус. Арх. 1896, № 10, стр. 168.

шую крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, его неуклонную справедливость и безпристрастіе, а также отличную опытность въ хозяйствѣ», выбрало его въ члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. «Въ этой должности онъ не дозволялъ себѣ никакихъ мнѣній противъ строгой справедливости». Эти строки я заимствую изъ замѣтки о С. И., напечатанной послѣ его смерти, въ 1864 году, въ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» [1]; тамъ же сказано, что онъ много заботился объ устройствѣ хозяйства своихъ бывшихъ крестьянъ и всячески старался помогать имъ; они его любили и дорожили его вниманіемъ.

Послѣ 1856 года Сергѣй Ивановичъ сталъ ежегодно ѣздить въ Москву. Онъ очень любилъ дѣтей Павла и въ каждый свой пріѣздъ покупалъ имъ дорогіе подарки, вродѣ шелковаго платья или тридцатирублевой шляпы для Ольги (тогда уже взрослой барышни), атласа или многотомнаго изданія для Николая. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ ѣздилъ съ женою за границу, и тамъ, оставивъ гдѣ-то жену, одинъ посѣтилъ Гофвиль. Фелленберга разумѣется уже не было въ живыхъ (онъ умеръ въ 1844 году), и школы не существовало.

Сергѣй Ивановичъ умеръ въ Тимофеевскомъ 5 мая 1864 г., шестидесяти двухъ лѣтъ отъ роду. Дѣтей у него не было. За 25 лѣтъ умѣлаго и бережливаго хозяйничанья онъ успѣлъ накопить нѣкоторый капиталъ, который и оставилъ женѣ; родовое же Тимофеевское онъ завѣщалъ своему племяннику, сыну Павла, Николаю. Анна Валеріановна впослѣдствіи вторично вышла замужъ—за Н. С. Абазу.

Екатерина Ѳедоровна на много лѣтъ пережила мужа, но что это была за жизнь! Люди, знавшіе Екатерину Ѳедоровну, какъ Сабуровъ и Чичеринъ, разсказываютъ, что въ молодости она обладала живымъ, наблюдательнымъ, насмѣшливымъ умомъ, характеромъ пылкимъ и впечатлитель-

[1] „Орл. Губ. Вѣд.“ 1864 г. № 19, стр. 183.

нымъ, была изящна и привлекательна въ манерахъ. Куда все это дѣвалось! Кривцовъ подавилъ въ ней волю, стеръ личность, заглушилъ всѣ ростки. Но чудное дѣло: лишь только онъ умеръ, какъ все, что еще оставалось живого въ этой опустошенной душѣ, собралось въ одно страстное чувство безмѣрной любви къ н е м у, въ одну пылающую боль воспоминанія о немъ, о его смерти и отсутствіи. Ея письма къ ея другу Чичериной на протяженіи полутора десятка лѣтъ послѣ смерти мужа полны имъ. Особенно въ первые годы ея страданія были нестерпимы. Ея письма этихъ лѣтъ поражаютъ глубиною скорби и трогательной прелестью религіознаго смиренія. Въ ея чувствѣ Николай Ивановичъ живъ, она говоритъ съ нимъ, совѣтуется, дѣлитъ свои мысли; и вмѣстѣ съ тѣмъ, она мучительно-ясно чувствуетъ, что его уже нѣтъ, и навсегда,—и ей такъ ужасно жаль его. Это двойственное сознаніе убиваетъ ее, ея день—сплошная пытка [1], и когда день кончается, она такъ изнурена, что не вѣритъ въ возможность завтра снова встать и жить; и такъ отрадна ей мысль о томъ, чтобы больше не встать, что она принуждена гнать ее отъ себя, какъ искушеніе: вѣдь у нея дочь, Соничка, еще не пристроенная. Только въ молитвѣ она находитъ временный покой. И въ концѣ концовъ молитва вернула ей цѣльность чувства. Именно, вскорѣ послѣ смерти мужа она принялась читать его заграничный дневникъ, котораго до тѣхъ поръ не знала. Она была поражена: онъ, при ней всегда такой сухой и замкнутый, какъ полонъ чувства, какъ глубоко преданъ благу родины! А больше всего поразила ее глубина его вѣры: въ строкахъ его дневника ей померещилось (чего тамъ въ дѣйствительности нѣтъ) страстное обожаніе Христа. Съ этой минуты ей открылся путь: теперь, каждый

[1] Здѣсь и въ дальнѣйшемъ воспроизводятся собственныя слова Екатерины Ѳедоровны изъ ея многочисленныхъ писемъ къ Чичериной.

разъ, когда она молится, ей кажется, что онъ тутъ: это, пишетъ она, какъ-бы свиданіе съ нимъ у ногъ Спасителя. Можетъ быть, пишетъ она, это грѣхъ — ставить его рядомъ съ Богомъ; но у него была такая великая душа, что Богъ проститъ ей этотъ грѣхъ.

Ей кажется, что все кругомъ дѣлитъ съ нею ея скорбь о немъ. Она разсказываетъ, какъ однажды лѣтомъ (это было въ 1845 году) она гуляла передъ вечеромъ съ гостившей у нея знакомой; навстрѣчу имъ попались крестьянки, возвращавшіяся съ работы; на ея вопросъ, почему онѣ не поютъ, одна молодая баба отвѣтила: «А мы не смѣемъ пѣсни играть, Катерина Ѳедоровна: думаемъ—охъ, у тебя теперь тоска на сердцѣ, можетъ тебѣ и хуже сгрустнется, какъ мы заиграемъ. Жалко тебя». Въ другой разъ она пишетъ (по-французски): «Чѣмъ труднѣе и тягостнѣе мнѣ теперь, тѣмъ болѣе я довольна. Мнѣ нужно, чтобы все, каждую минуту, безпрестанно напоминало мнѣ, что моя утрата ничѣмъ не можетъ быть возмѣщена или умалена. Пускай и воздухъ на меня тоскою дуетъ [1]. Я помню о немъ и безъ напоминаній, но мнѣ отрадно, чтобы все его чувствовало и говорило мнѣ о немъ».

Она жила съ дочерью все больше въ Любичахъ, но по зимамъ приходилось переселяться въ Петербургъ, чтобы дочь могла бывать въ свѣтѣ. У нея были родственныя связи въ высшемъ обществѣ, дочь приглашали на балы у Демидова, у разныхъ посланниковъ и пр. Екатерина Ѳедоровна не сопровождала дочь на балы—это дѣлали за нее другіе. Ей кажется, что она задрожитъ, если ее назовутъ по фамиліи. Она и раньше всегда вывозила дочь безъ Николая Ивановича, но тогда она, сидя на балу, думала о томъ, что она напишетъ ему о развлеченіяхъ Сонички и объ ея маленькихъ успѣхахъ въ свѣтѣ; а теперь о чемъ бы она стала

[1] Эта строка написана по-русски.

думать? о томъ, какъ онъ лежитъ холодный и прямой въ Любичской часовнѣ? но тогда она не могла бы удержать слезъ.

Наконецъ въ 1846 году Соничка вышла замужъ за Помпея Николаевича Батюшкова, и молодые поселились у нея въ Любичахъ. Казалось бы, она должна быть довольна; но нѣтъ, въ ней поднимается новая, черная, мятежная боль. Соничка счастлива, Соничка беззаботна: это, конечно, вполнѣ естественно; но какъ могла она такъ скоро забыть? какъ можетъ она такъ весело произносить свою новую фамилію? Его слѣды исчезаютъ; молодые устроили свою спальню въ той комнатѣ, «гдѣ душа Любичей покинула землю», разумѣется убравъ эту комнату по-новому, по-своему: это кажется ей почти кощунствомъ. Бывшій кабинетъ Николая Ивановича превращенъ въ кабинетъ Батюшкова,—тутъ молодые проводятъ весь день и говорятъ о счастіи и находятъ его. А она одна весь день со своей старушкой-компаньонкой. Для нея существуютъ двое Любичей: однѣ — прежнія, безконечно-милыя, Любичи при немъ; тѣ Любичи умерли (она говоритъ: «бѣдныя Любичи», какъ о мужѣ: «бѣдный Кривцовъ»)—она только носитъ ихъ въ себѣ; и другія Любичи, гдѣ теперь хозяйничаетъ Софья съ мужемъ,—этихъ Любичей она не узнаетъ, въ нихъ ей все чуждо, она рада бы бѣжать отсюда, куда глаза глядятъ.

Потомъ Батюшковы переѣхали въ Петербургъ, и она осталась одна. Въ началѣ 50-хъ годовъ дочь упросила ее переѣхать къ нимъ въ Вильну, гдѣ тогда служилъ Помпей Николаевичъ [1]; но она недолго пожила у нихъ: ее тянуло въ Любичи, и она вернулась туда. Опять прошли годы, Екатерина Ѳедоровна жила одна, сознавая безцѣльность своей жизни, но почерпая силу жить въ глубокой покор-

[1] О послѣднихъ годахъ жизни Екат. Ѳед. см. упомянутую статью Б. Н. Чичерина въ Рус. Арх. 1890 г.

ности Провидѣнію. Въ 1860 году она переѣхала къ Батюшковымъ въ Петербургъ, и тамъ въ 1861 году умерла. У Батюшковыхъ не было дѣтей. Софья Николаевна умерла почти 80 лѣтъ въ 1901 году.

Вдова Павла Ивановича Кривцова умерла молодою въ 1855 году, оставивъ своихъ двухъ дѣтей—дочь и сына—на попеченіи Сергѣя Ивановича и своей сестры, княжны Варвары Николаевны Репниной, извѣстной по ея дружбѣ съ Гоголемъ и Шевченкой. Эта дочь, Ольга Павловна, еще живя въ Москвѣ съ матерью въ 1850—54-мъ годахъ, была дружна съ единственной дочерью вдоваго Александра Николаевича Раевскаго, чья сестра, тогда уже тоже вдова, была, какъ извѣстно, за Мих. Ѳед. Орловымъ. Въ домѣ Раевскаго Ольга Павловна познакомилась съ ихъ сыномъ, Николаемъ Михайловичемъ Орловымъ; за него она и вышла замужъ въ 1857 году; когда-то одну изъ сестеръ А. Н. Раевскаго, Софью Николаевну, сватали въ Римѣ за Павла Кривцова.

Сынъ Павла Ивановича, Николай, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ неженатымъ, и Тимофеевское, какъ и Тамала, досталось Ольгѣ Павловнѣ. При ней еще долго управляющимъ Тимофеевскаго былъ сынъ того самаго Андреяшки, Николай Андреянычъ. Потомъ, уже въ наши дни, когда русская земля тронулась со своихъ основъ, репнинская Тамала, подобно многимъ другимъ дворянскимъ имѣніямъ, была продана крестьянамъ черезъ Крестьянскій банкъ, и одновременно Кривцовское Тимофеевское, уже давно не жилое, было продано его бывшему арендатору съ частью земли, остальная же, бо́льшая часть земли вернулась въ свое первобытное и законное состояніе, т.-е. перешла черезъ тотъ же банкъ къ крестьянамъ. Такъ кончила свое существованіе колыбель рода Кривцовыхъ. Товарный вагонъ увезъ въ Москву старинные диваны съ изорванными сидѣньями, кожаныя кресла, темные портреты, ящики съ посудой, книги

въ кожаныхъ переплетахъ и позднѣйшіе конскіе лечебники безъ переплетовъ, и вороха безбожно перемѣшанныхъ, милыхъ выцвѣтшихъ писемъ. Тамъ, въ опустѣломъ старомъ домѣ, ходятъ и хозяйничаютъ чужіе люди, равнодушные къ тѣмъ стѣнамъ, да въ оградѣ церкви спятъ подъ плитами бывшіе владѣльцы Тимофеевскаго—Сергѣй Ивановичъ, Вѣра Ивановна, ея мужъ Иванъ Васильевичъ, и назадъ еще сколько-то поколѣній. Если бы тѣ диваны и графины, 24 одинаковыхъ графина затѣйливой формы, умѣли чувствовать, имъ было бы теперь холодно и непріютно въ московскомъ домѣ при свѣтѣ электрическихъ лампъ. Но они не чувствуютъ; они давнымъ-давно уснули летаргическимъ сномъ, крѣпко спящихъ ихъ нагружали въ вагонъ, везли, вынимали и ставили здѣсь по мѣстамъ, и теперь они безпробудно спятъ, уже навѣки.

Сохранилась прекрасная старинная грамота, съ которой начинается исторія господскаго Тимофеевскаго. Посадскій человѣкъ города Болхова, Осипъ Кривцовъ, въ числѣ другихъ выборныхъ подписалъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича; его сыну Ѳаддею, военному человѣку на мѣстѣ, было дано Тимофеевское въ помѣстье, и отъ него оно понесло свое второе названіе Ѳаддеево. Въ 1703 году, гласитъ грамота, по заключеніи мира, царь Петръ Алексіевичъ того Ѳаддея Осипова Кривцова за его многую службу, что̀ онъ служилъ блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичу, и великому государю царю и великому князю Ѳеодору Алексіевичу, и ему самому, Петру Алексіевичу, противъ салтана турскаго и крымскаго хана, жалуя и милостиво похваляя, пожаловалъ ему, Кривцову, то его помѣстье Ѳаддеево-Тимофеевское въ вотчину со крестьяны и со всѣми угодьи «на память въ предбудущымъ рода его, и чтобы впредь, на его службы смотря, дѣти его, и внучата, и правнучата, и кто по нему роду его

будетъ, такъ же за вѣру христіанскую, и за святыя Божія церкви, и за насъ великаго Государя, и за свое отечество стояли крѣпко и мужественно».—Три поколѣнія Кривцовыхъ смѣнились съ тѣхъ поръ въ Тимофеевскомъ на протяженіи вѣка; четвертымъ были наши три брата, Николай, Сергѣй и Павелъ, и когда они, ища новой жизни, ушли изъ дому, домъ пришелъ въ упадокъ. И вотъ совсѣмъ не стало его, а потомки тѣхъ прадѣдовъ и дѣдовъ разсѣялись и утонули въ великой разночинской массѣ.

Но Тимофеевское существуетъ и сейчасъ. Барское Тимофеевское исчезло, крестьянское осталось; въ немъ «дворовъ 67, ревизскихъ душъ 140, наличныхъ 210, земли, вмѣстѣ съ щербачевской, 722 десятины». Какъ оно живетъ, объ этомъ говорятъ письма, присылаемыя оттуда. Пишетъ учитель, что по случаю эпидеміи пришлось закрыть школу на столько-то времени, или что по случаю весенняго разлива рѣчекъ Татинскіе школьники столько-то времени не могли ходить въ школу; проситъ вдова многодѣтная благодѣтельницу-барышню относительно своей «бѣдной нужды», и о томъ же молятъ съ жалчайшимъ униженіемъ, съ невѣроятнымъ косноязычіемъ, и другая, и третья, и еще многія вдовы; пишетъ молодой парень, что умерли у него папаша и мамаша, а сестра, кончивъ министерскую школу, «жаждетъ къ дальнѣйшему образованію», на что у него однако нѣтъ средствъ; пишетъ чрезвычайно грамотно, съ увѣренной развязностью, мѣстный священникъ: «Будьте любезны увѣдомить меня, продолжать ли мнѣ поминовеніе Вашихъ родственниковъ, погребенныхъ въ селѣ Ѳаддеевѣ, и если продолжать, прошу Васъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ денегъ изъ конторы за минувшій годъ». А лѣтомъ—пожаръ «отъ причинъ, пока еще не выясненныхъ»: за полтора часа, съ 3 до $4^1/_2$ дня, сгорѣло 16 дворовъ; всѣ мужчины были въ полѣ, многія женщины ушли по траву для скота, и до-

машняго имущества некому было спасти; сгорѣлъ и запасный хлѣбъ до новаго урожая.

Но мужицкое Тимофеевское цѣло,—въ немъ есть несокрушимая крѣпость. Когда тимофеевскіе мужики говорятъ искренно, они говорятъ словами тяжелыми и существенными: каждое слово—какъ приложенная печать. Благодаря за помощь по случаю пожара, они пишутъ всѣмъ обществомъ: «Да пошли Господи здравія Вашей милости на многія лѣта, а родителямъ Вашимъ, живымъ быть живыми на многія лѣта, а усобшимъ подаждь Господи царствіе небесное, вѣчный покой». А когда рѣчь заходитъ о землѣ, ихъ голосъ становится почти торжественнымъ; такъ, уже въ 1900-хъ годахъ Тимофеевское общество писало тогдашней владѣлицѣ: «Мы всѣ единодушно и согласно съ большимъ энергьемъ желаемъ спросить Вашу милость: вслучае сдумаете продавать оставшею землю, то просимъ Васъ, Милостивая Государыня, не оставьте нашу прозьбу къ Вашей милости: чтобы Вы извѣстили намъ о такомъ задуманномъ случае. Такъ какъ мы родные дѣти своей матери, да и пролитое есть кровь наша на етой землѣ дѣдовъ нашихъ, то мы съ большимъ желаньемъ вслучае какого дѣла примимъ всѣ ето на себя, какъ ето ни было трудно».

Старый барскій домъ въ Тимофеевскомъ теперь — какъ опустѣвшее и вывѣтрившееся гнѣздо, гдѣ паукъ вьетъ свою паутину, куда порою заползаетъ муравей; а дубъ корявый крѣпко стоитъ корнями въ землѣ, и вѣку его конца не видно.

Изданія М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.
Москва, Тверской бульваръ, 6.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

Бальмонтъ, К. Край Озириса. 2 р.
Бѣлинскій, В. Г. Семь статей. Юбилейное изданіе. 1 р.
Гроссе, Э. Происхожденіе искусства. 1 р. 50 к.
Кальдеронъ. Въ перев. К. Бальмонта. Т. I. 90 к. Т. II. 2 р. 75 к. Т. III. 1 р.
Огаревъ. Стихотворенія, въ 2-хъ т. 3 р. 50 к.
Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура. 1 р.
Сакулинъ, П. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. 5 р. 50 к.
Словацкій, Ю. Три драмы. Пер. К. Бальмонта. 1 р. 60 к.
Шелли, Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 75 к.
Якушкинъ, В. О Пушкинѣ. 1 р.

ИСТОРІЯ.

Беловъ, Г. Городской строй и гор. жизнь средневѣк. Германіи. 1 р. 25 к.
Белохъ, Ю. Исторія Греціи, въ 2-хъ т. 3 р.
Богучарскій, В. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. 2 р.
Гершензонъ, М. Декабристъ Кривцовъ и его братья. 2 р.
Ешевскій, С. Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.
Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I. 1 р. 25 к. Ч. II. 1 р. 25 к.
Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. 1 р.
Ланглуа, Ш. Инквизиція. 45 к.
Огарева-Тучкова, Н. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.
Петрушевскій, Д. Возстаніе Уота Тайлера. 2 р. 75 к.

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Аврелій Маркъ. Наединѣ съ собой. Пер. С. Роговина. 2 р.
Асвагоша. Жизнь Будды. Пер. К. Бальмонта. 2 р. 25 к.
Лукрецій. О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскаго 2 р. 25 к.
Овидій. Баллады — посланія. Пер. Ѳ. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.
Софоклъ. Драмы. Т. I. Пер. Ѳ. Зѣлинскаго. 3 р. (Т. II и III—печат.).

СТРАНЫ, ВѢКА и НАРОДЫ.

Бёмеръ. Іезуиты. 1 р. 25 к.
Диль, Ш. По Греціи. 1 р. 25 к.
Диль, Ш. Византійскіе портреты. Т. I—1 р. 25 к.; т. II—1 р. 25 к.
Морэ, А. Во времена фараоновъ. 1 р. 25 к.
Морэ, А. Цари и боги Египта. 1 р. 25 к.
П. де Сенъ-Викторъ. Боги и люди. 1 р. 25 к.

Подробные каталоги высылаются по требованію безплатно.

КНИГА
4-20 р. 34581
5 № 390

Книги М. Гершензона:

П. Я. **Чаадаевъ.** Жизнь и мышленіе. С.-Петербургъ, 1908. Ц. 1 р. 25 к. (распродано).

Исторія Молодой Россіи. Москва, 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Историческія Записки. Москва, 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Жизнь В. С. Печерина. Москва, 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Образы прошлаго. Москва, 1912. Ц. 3 р.

Грибоѣдовская Москва. Москва, 1914. Ц. 1 руб.

---

2 р.

Складъ у издателей: Москва, Тверской бульваръ, 6.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва.

315904

5 W v
3 90